РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

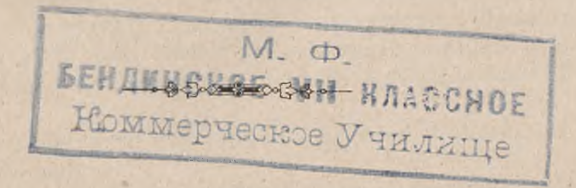
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 12.

ДЕКАБРЬ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 ноября 1891 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

О расходѣ на пособія учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ *).

(27-го сентября 1891 года).

По имѣющимся въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, изъ числа постигнутыхъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ, преподаватели и преподавательницы начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ на общественныя и частныя средства, уже теперь встрѣчаютъ значительныя затрудненія въ исправномъ полученіи слѣдующаго имъ жалованья, а въ будущемъ эти затрудненія, безъ принятія своевременно мѣръ, должны увеличиться еще болѣе.

Изыскивая способы къ своевременному оказанію въ такихъ мѣстахъ вспоможенія преподавателямъ и преподавательницамъ, я остановился, между прочимъ, на предположеніи обратить на сей предметъ изъ имѣющихся въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія суммъ шесть тысячъ рублей, въ томъ числѣ изъ кредитовъ, назначенныхъ по § 16 ст. 2 расходной смѣты сего министерства на ученыя командировки, предпріятія, разныя пособія и печатаніе, 2,000 р. и по смѣтѣ спеціальныхъ средствъ онаго: отдѣлу IV на распространеніе образованія между башкирами 1.500 р. и отдѣлу IX на пенсіи приходскимъ учителямъ 2.500 р.

На осуществленіе сего моего предположенія пріемлю долгъ всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе.

Подписалъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ *Бычковъ*.

24-го сентября 1891 г.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано:

«*Согласенъ*».

Въ Фреденсборгѣ. 27-го сентября 1891 года.

---

*) Ж. М. Н. Пр. ноябрь 1891 г.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о мѣрахъ вспомоществованія наиболѣе нуждающимся учащимъ и учащимся въ начальныхъ училищахъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая *).

(6-го октября 1891 года).

По имѣющимся въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, постигнутыхъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ, учители и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ на общественныя и частныя средства, испытываютъ большія затрудненія какъ вслѣдствіе вздорожанія цѣнъ на хлѣбъ, такъ и вслѣдствіе задержки въ уплатѣ имъ жалованья, зависящей отъ оскудѣнія въ настоящее время платежныхъ средствъ населенія. Къ сожалѣнію, должно ожидать, что эти затрудненія въ дальнѣйшемъ теченіи настоящаго учебнаго года до выясненія урожая будущаго 1892 года, по мѣрѣ истощенія существующихъ запасовъ хлѣба, могутъ еще болѣе возрасти, если училищнымъ начальствомъ не будутъ благовременно приняты мѣры къ обезпеченію хотя бы нѣкотораго пособія учителямъ и учительницамъ школъ. Независимо сего, Министерство Народнаго Просвѣщенія не могло не принять во вниманіе, что во многихъ случаяхъ можетъ оказаться необходимымъ извѣстное вспомоществованіе и учащимся въ начальныхъ училищахъ. Многіе изъ нихъ, приходя въ школы изъ мѣстностей, находящихся на значительныхъ разстояніяхъ отъ школъ, приносятъ съ собою дневную пищу, или даже помѣщаются на нѣсколько дней въ общежитіяхъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, на хлѣба у мѣстныхъ обывателей. Естественно, что, при недостаткѣ и дороговизнѣ хлѣба, всѣ эти способы содержанія учащихся изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей будутъ крайне затруднены. Съ другой стороны, оскудѣніе въ населеніи средствъ содержанія себя и своихъ семействъ приведетъ къ тому, что всѣ тѣ причины, которыя и въ обычное время препятствуютъ исправному посѣщенію школъ дѣтьми, а именно: недостатокъ обуви и теплаго платья и необходимость участвовать въ семейномъ заработкѣ, будутъ дѣйствовать въ продолженіи текущаго учебнаго года съ особою силою, угрожая нерѣдко школѣ полнымъ разстройствомъ.

Изыскивая способы къ посильной борьбѣ съ этими затрудненіями, Министерство Народнаго Просвѣщенія признало цѣлесообразнымъ принять къ тому слѣдующія мѣры:

1) Перевести въ распоряженіе мѣстныхъ училищныхъ начальствъ хотя-бы незначительныя денежныя суммы для покрытія наиболѣе настоятельныхъ нуждъ учащихъ въ начальныхъ школахъ. Въ этихъ видахъ мною испрошено, всеподданнѣйшимъ докладомъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, послѣдовавшее въ 27-й день минувшаго сентября, на отчисленіе изъ имѣющихся въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія суммъ *шести тысячъ* рублей, для распредѣленія оныхъ между наиболѣе нуждающимися въ продовольствіи губерніями, а именно: Нижегородскою, Тульскою, Рязанскою, Симбирскою, Казанскою

*) Ж. М. Н. Просв. ноябрь 1891 г.

Воронежскою, Саратовскою, Самарскою, Вятскою, Оренбургскою, Пензенскою, Тамбовскою и Уфимскою.

и 2) Сдѣлать нижеслѣдующія распоряженія:

а) Остающуюся въ настоящее время еще не распредѣленною на тѣ или другія надобности часть суммы 4.250 рублей, ассигнованной по ст. 2 § 11 дѣйствующей смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія на нужды народнаго образованія въ каждой губерніи, въ коей введены земскія учрежденія, а также 4.250 рублей, назначенныхъ на тотъ-же предметъ въ губерніи Оренбургской, обратить въ нижепоименованныхъ девятнадцати губерніяхъ: Нижегородской, Тульской, Рязанской, Симбирской, Казанской, Воронежской, Саратовской, Самарской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Орловской, Костромской, Пермской, Херсонской и Харьковской, исключительно на пособія нуждающимся, по причинѣ неурожая, учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ.

б) Равнымъ образомъ остатки отъ тѣхъ-же суммъ, ассигнованныхъ по ст. 2 § 11 смѣты на училища въ другихъ губерніяхъ, не потерпѣвшихъ отъ неурожая, обращать на нужды учащихъ въ начальныхъ сельскихъ школахъ вышеуказанныхъ 19-ти губерній, оставивъ удовлетвореніе другихъ потребностей, не столь вопіющихъ, до будущаго года. Для скорѣйшаго осуществленія сей послѣдней мѣры надлежитъ безотлагательно сообщить, какіе остатки предвидятся теперь отъ указанныхъ выше 4.250 рублей по каждой губерніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не подверглись неурожаю, чтобы министерство могло сдѣлать распоряженіе о переводѣ этихъ остатковъ въ вѣдѣніе соотвѣтствующаго училищнаго начальства

в) Въ случаѣ, если управленія учебныхъ округовъ, въ составъ коихъ входятъ губерніи, пострадавшія отъ неурожая, найдутъ возможнымъ и необходимымъ изыскать на этотъ предметъ какія-либо иныя изъ состоящихъ въ ихъ распоряженіи средствъ, о томъ должно быть также своевременно представляемо въ министерство.

г) Предложить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ названныхъ губерній склонять земства, городскія и сельскія общества, а также частныхъ благотворителей оказывать посильныя вспомоществованія для поддержанія наиболѣе нуждающихся изъ учащихъ и учащихся въ начальныхъ училищахъ; и

д) Во всѣхъ пансіонахъ и общежитіяхъ, хозяйственная часть которыхъ подвѣдома Министерству Народнаго Просвѣщенія, образующіеся хлѣбные остатки обращать въ сухари и препровождать въ комитеты, устроенные для оказанія помощи постигнутому неурожаемъ населенію, для передачи въ тѣ мѣстности, гдѣ находятся начальныя народныя училища.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія по ввѣренному вамъ учебному округу.

О направленіи ходатайствъ объ открытіи воскресныхъ школъ въ видѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній къ епархіальному начальству *).

По § 7-му Высочайше утвержденныхъ 13-го іюня 1884 г. правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, въ числѣ школъ, подчиненныхъ духовному вѣдомству, могутъ быть и воскресныя школы, учреждаемыя какъ при церковно-приходскихъ школахъ, такъ и внѣ оныхъ. Равнымъ образомъ п. 6-мъ § 6-го Высочайше утвержденныхъ 28-го мая 1888 г. правилъ объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ постановлено, что къ кругу дѣятельности этихъ отдѣленій отнесено содѣйствіе къ устройству воскресныхъ школъ для лицъ, не имѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно.

Нынѣ г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода увѣдомилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, что, по его мнѣнію, воскресныя школы, назначенныя для обученія неграмотныхъ взрослыхъ, притомъ по большей части ремесленниковъ и рабочихъ, или для самыхъ бѣдныхъ дѣтей, не имѣющихъ возможности посѣщать ежедневно уроки, болѣе чѣмъ какія-либо другія школы, должны имѣть церковно-православный характеръ, какой присущъ церковно-приходскимъ школамъ. Посему дѣйствительный тайный совѣтникъ Побѣдоносцевъ признаетъ желательнымъ, чтобы всѣ учреждаемыя впредь, въ видѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, воскресныя школы для православнаго населенія, были подчиняемы духовному вѣдомству.

Соглашаясь, съ своей стороны, съ таковымъ мнѣніемъ г. синодальнаго оберъ-прокурора, г. управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ предложеніи отъ 4-го текущаго сентября, за № 15191, просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы, въ случаѣ возбужденія въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ ходатайствъ объ открытіи воскресныхъ школъ отдѣльно отъ существующихъ въ ономъ начальныхъ училищъ, сіи ходатайства были направляемы къ мѣстному епархіальному начальству.

О семъ для руководства и исполненія объявляется по округу.

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія **).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, постановлено:

— Книгу: «*Г. В. Бѣловъ*. Іерусалимъ и Св. Земля. Путешествіе холмскихъ паломниковъ ко гробу Господню. Изд. 2-е. Варшава. 1889, стр. 168. Цѣна 40 коп. съ пересылкою»,—допустить къ пріобрѣтенію въ

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 11.
**) Ж. М. Н. Пр. ноябрь 1891 г.

ученическія библіотеки средних и низших учебных заведеній, мужских и женских.

— Книжку: «*Сергѣй Мечъ.* Гренландія. Географическій очерк страны и разсказ о путешествіи Ф. Нансена. Съ 9 рисунками въ текстѣ. Москва. 1891, стр. 104. Цѣна 50 коп.»—одобрить для ученических библіотек младшаго и средняго возраста мужских и женских гимназій и учительских институтов.

— Книгу: «Систематическій сборник ариѳметических примѣров и задач. Часть III. Дроби. Составил *Ѳ. В. Геде.* Спб. 1891, стр. 124. Цѣна 35 коп.»—одобрить как учебное пособіе при прохожденіи ариѳметики въ средних учебных заведеніях Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Православно-христіанское нравственное богословіе, составленное примѣнительно къ программѣ для духовных семинарій преподавателем Самарской духовной семинаріи *Алексѣем Покровским.* Самара. 1891»—одобрить для ученических библіотек средних учебных заведеній.

— Книгу: «Русско-латинскій словарь. Составил *В. Мусселіус.* Спб. 1891, стр. VII+424. Цѣна 2 р. 50 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школ. Том II. *В. Мартыновскаго,* инспектора Тифлисской прогимназіи. Изданіе 2-е, печатанное съ изданія 1889 года без перемѣн. Тифлис. 1890, стр. IV+475. Цѣна 1 р. 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для III, IV и V классов средних учебных заведеній и для старших классов городских училищ.

— Книгу: «Исторія русской словесности (Учебник для средних учебных заведеній). Составил *А. Галахов.* Изданіе седьмое. Спб. 1891, стр. 243+XXX+III»—рекомендовать как учебное руководство при чтеніи и разборѣ литературных образцов въ V, VI, VII и VIII классах гимназій, мужских и женских, а также реальных училищ и учительских институтов.

— Книгу: «Русская литература XIX вѣка. Опыт исторіи новѣйшей русской словесности въ біографіях, характеристиках и образцах. Пособіе для средних учебных заведеній и для самообразованія. Составил *Евгеній Гаршин,* преподаватель С.-Петербургскаго реальнаго училища Гуревича и Литейной женской гимназіи. Том I, выпуск 1-й. Спб. 1891, стр. 173. Цѣна 60 коп.»—одобрить для ученических библіотек средних учебных заведеній, мужских и женских, для старшаго возраста.

— Книгу: «Практическій краткій учебник латинскаго синтаксиса, съ упражненіями для перевода съ русскаго языка на латинскій, для III, IV, V и VI классов гимназій, согласно съ новыми учебными программами (1890 г.). Составил *Ив. Виноградов.* Ч. I и II. Спб. 1891, стр. 290. Цѣна 1 р. 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ средних и старших классах гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Этимологія греческаго языка. Составили *Николай Сперанскій,* преподаватель Московской 2-й гимназіи, и *Владимір Аппель-*

ротъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета и преподаватель 1-й и 5-й Московскихъ гимназій. Москва. 1891, стр. 161. Цѣна 1 р.»—рекомендовать какъ руководство по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: «И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края. Біографическо-историческій очеркъ. Составилъ *В. Н. Витевскій*. Казань. 1891, стр. IV+230+IV. Цѣна 1 р. 25 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ (старшаго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и народныхъ школъ Оренбургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ.

— Книгу: «Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, педагогъ-дѣятель въ Восточной и Западной Сибири. Тобольскъ. 1891, стр. 178. Цѣна 1 р. съ пересылкою»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Часть вторая. Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель I, II и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Москва, 1889, стр. IV+22. Цѣна 20 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи нѣмецкаго синтаксиса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Русская просодія. Изслѣдованіе объ акцентѣ вообще и значеніе, а равно законы, русскаго ударенія въ особенности. I. *Шарловскаго*. Одесса. 1890, стр. VIII+288. Цѣна 1 руб.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ высшихъ классовъ гимназій (VI, VII и VIII).

— Книгу: «Геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Руководство для женскихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій. Составили *А. Малининъ* и *Ѳ. Егоровъ*. Изданіе второе. Москва. 1891, стр. 288. Цѣна 1 р.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ женскихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій.

— Книгу: «*П. Н. Андреевъ*. Геодезія. Руководство для техниковъ путей сообщенія. Составлено согласно программѣ, утвержденной г. Министромъ Путей Сообщенія 4-го апрѣля 1888 года. Спб. 1889, стр. 160. Цѣна 1 р. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для старшаго возраста) библіотекъ гимназій, а также для ученическихъ библіотекъ реальныхъ училищъ, педагогическихъ институтовъ и техническихъ училищъ, а также и для основныхъ библіотекъ; руководствомъ-же она можетъ служить въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ предположено преподаваніе геодезіи въ объемѣ, достаточно соотвѣтствующемъ содержанію этой книги.

— Книгу: «Сборникъ ариѳметическихъ задачъ преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіи учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Составили *А. Арбузовъ*, *А. Мининъ*, *В. Мининъ* и *Д. Назаровъ*, преподаватели Московскихъ гимназій. Изданіе 5-е. Москва. 1890, стр. II+81. Цѣна 50 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при повтореніи ариѳметики въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Начальный учебникъ физики и химіи. Составили *А. Л. Корольковъ* и *П. Т. Матюшенко.* Съ 290 рисунками въ текстѣ. Кіевъ. 1891, стр. VI+298. Цѣна 1 р. 50 коп.»—рекомендовать какъ учебное руководство для гимназій женскихъ и допустить для мужскихъ и для реальныхъ училищъ и предложить авторамъ сдѣлать необходимыя дополненія, при которыхъ книга можетъ быть рекомендована; также рекомендовать ее для ученическихъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, для старшаго возраста.

— Книга: 1) «Греческая грамматика гимназическаго курса. *Э. Чернаго.* Часть I. Этимологія. Изданіе 7-е, вновь обработанное и исправленное. Москва. 1891, стр. 249. Цѣна 1 руб.» и 2) «Краткое руководство къ греческому синтаксису. Для русскихъ гимназій. Составилъ *Э. Черный*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Москва. 1891, стр. 108. Цѣна 65 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи, греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій составилъ *Э. Черный.* Часть I. Склоненія именъ и спряженія глаголовъ на—ω. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1891, стр. 152. Цѣна 75 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу «*Г. Демура.* Концентрическая геометрія (1-й и 2-й концентры). Составлена примѣнительно къ программѣ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года. Кіевъ. 1891. Въ 8-ку, 128 стр., съ 2-мя таблицами чертежей и 50 политипажами. Цѣна 85 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Изданныя книгопродавцемъ Мартыновымъ сочиненія *П. Р. Фурмана*: 1) «Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣвицъ. Спб. 1891. Въ 12-ю д. л., 236 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.» и 2) «Петръ Ждановъ, московскій купецъ. Историческій разсказъ изъ событій отечественной войны 1812 года. Спб. 1891. Въ 12-ю д. л., 126 стр. Цѣна 1 руб.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу «Бережь и трудъ. Очерки политической экономіи (по М. Блоку). *Н. А. Тизенгаузена.* Изд. 2-е. Спб. 1891. Въ 8-ку, 232 стр. Цѣна 50 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и ученическія библіотеки учительскихъ семинарій.

---

*) Ж. М. Н. Просв. ноябрь 1891 г.

— Книгу «Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Наставленіе для учителей, земскихъ дѣятелей и др. Съ приложеніемъ плана школьнаго сада. Составилъ *И. И. Мещерскій*. Спб. 1891. Въ 8-ку, 58 стр. Цѣна 30 коп.»—рекомендовать для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— Книгу «Руководство къ изученію кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, а также и верхнихъ вещей, съ чертежами въ отдѣльномъ приложеніи. Составлено Августиною Адольфовною *Базаровою*. Спб. 1891. Въ 8-ку, 256 стр. и отдѣльно XIX таблицъ чертежей. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 коп.»—одобрить къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Составленныя *К. Дмитріевымъ* брошюры (М. 1890): 1) «Полевое хозяйство съ посѣвомъ кормовыхъ травъ, картофеля и свеклы. Цѣна 5 коп.», 2) «Выборъ посѣвныхъ сѣмянъ, обсѣмененіе полей, уборка хлѣбовъ и вымолотъ ихъ. Цѣна 5 коп.», 3) «Обработка земли къ яровымъ посѣвамъ. Цѣна 5 коп.», 4) «Какъ и чѣмъ удобряютъ землю въ хозяйствѣ съ зерновыми посѣвами, безъ посѣва въ полѣ клевера. Цѣна 4 коп.», 5) «Удобреніе и обработка пароваго поля. Цѣна 6 коп.», 6) «Луговые покосы и какъ ихъ улучшить. Цѣна 5 коп.», 7) «Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки. Цѣна 8 коп.», 8) «Тульская дешевая зерносушилка. Цѣна 4 коп.», 9) «Молочный скотъ и уходъ за нимъ. Цѣна 7 коп.» и 10) Переработка молока въ масло и сыръ. Цѣна 8 коп.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— Издаваемый въ С.-Петербургѣ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ ежемѣсячный журналъ «*Русскій Пчеловодный Листокъ*, подъ редакціею С. П. фонъ-Глазенапа. Цѣна въ годъ 2 руб. съ пересылкою»—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— «*Педагогическій календарь* на 1891—1892 годъ. Составилъ *В. А. Воскресенскій*. Изд. А. М. Калмыковой. М. 1891. Въ 8-ку, 288 полустраницъ. Цѣна 50 коп.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу «*А. Павловъ*. Практическій курсъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка новаго періода, распредѣленный по годамъ обученія въ городскихъ училищахъ. Спб. 1891. Въ 8-ку, 129 стр. Цѣна 50 к.»—допустить къ употребленію въ качествѣ учебника въ городскихъ училищахъ.

— Книгу «Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для младшаго возраста. Составилъ *Д. Поповъ*. Спб. 1891. Въ 8-ку, 58 стр. текста и 9 страницъ приложеній. Цѣна 25 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ приготовительные классы гимназій и прогимназій, а также и въ народныя училища.

— «Систематическое руководство по ручному труду. Работы изъ дерева, рисунки, чертежи и объяснительный текстъ. Составили *К. Цирулъ* и *Н. Касаткинъ*. Предисловіе *К. Сентъ-Илера*. Чертежи исполнилъ—Н. Пуликовскій. Спб. 1891. Цѣна 3 руб.»—одобрить какъ учебное пособіе для учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, а также для учительскихъ библіо-

текъ начальныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Составленныя *П. И. Барышниковымъ* книги: 1) «Русская хрестоматія (азбука и первая послѣ азбуки книга), съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики и задачъ для письменныхъ упражненій. Часть *первая*. Курсъ перваго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1890. Въ 8-ку, 63+108 стр. Цѣна 35 коп.», 2) «Русская хрестоматія, съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть *вторая*. Курсъ втораго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1890. Въ 8-ку, 244 стр. Цѣна 50 коп.», 3) «Русская хрестоматія, съ приложеніемъ матеріала для церковно-славянскаго чтенія, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть *третья* и *четвертая*. Курсъ третьяго и четвертаго отдѣленій городскаго училища. М. 1891. Въ 8-ку, 334 стр. Цѣна 75 коп.» и 4) «Русская хрестоматія, съ приложеніемъ 12-ти біографій русскихъ образцовыхъ писателей, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть *пятая* и *шестая*. Курсъ пятаго и шестаго отдѣленій городскаго училища. М. 1891. Въ 8-ку, 468 стр. Цѣна 1 руб.»—допустить въ *учительскія* библіотеки городскихъ училищъ.

Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи.

Учительскія семинаріи.

(Продолженіе).

I.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАЗВИТІЯ УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЙ ВЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

Слово *семинарія* (лат. seminarium—собственно древесный питомникъ, разсадникъ) употреблялось уже въ древности для обозначенія всякаго рода образовательныхъ заведеній. Въ средніе вѣка семинаріями назывались монастырскія и церковныя училища, имѣвшія главною цѣлью образованіе духовенства. Однимъ изъ постановленій Тридентскаго собора (1545—63) епископамъ вмѣнялось въ прямую обязанность заботиться объ учрежденіи учебно-воспитательныхъ заведеній для приготовленія священно-и церковнослужителей, и эти заведенія названы *семинаріями.* Отсюда это названіе перешло и на заведенія для образованія учителей. Потребность въ учрежденіи такихъ заведеній явилась въ Германіи въ XVII ст., вслѣдствіе практической педагогической дѣятельности и дидактическихъ сочиненій Ратихія и особенно Амоса Коменскаго (Didactica Magna), доказавшихъ, что для того, чтобы быть хорошимъ учителемъ, нужно не только имѣть основательныя научныя знанія, но и владѣть искусствомъ преподаванія и знать общія основныя правила дидактики и лучшіе методы и способы преподаванія, особенно начальнаго обученія. Одинъ изъ современниковъ и ревностныхъ приверженцевъ Коменскаго—Иванъ Шуппъ (Joh. Schupp), прямо высказалъ требованіе, чтобы *учащее сословіе* (status sholasticus) было также точно постав-

лено на свои собственныя ноги, какъ и церковное (status ecclesiasticus), для чего необходимо надлежащее приготовленіе къ учительскому званію.

Изъ тогдашнихъ протестантскихъ германскихъ государей, герцогъ Эрнестъ Саксенъ-Кобургскій, первый отозвался на это требованіе и на свой счетъ рѣшилъ устроить первую учительскую семинарію для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ; но это не состоялось вслѣдствіе 30-лѣтней войны. Въ 1687 году великій курфюрстъ бранденбургскій учредилъ при гимназіи въ Везелѣ пансіонъ или общежитіе (contubernium) для бѣдныхъ учениковъ, которые, по окончаніи курса, прикомандировывались на полгода къ мѣстному начальному городскому училищу для практическихъ упражненій въ преподаваніи и затѣмъ поступали учителями въ начальныя школы. Во Франціи мысль о необходимости особаго педагогическаго приготовленія къ учительской дѣятельности явилась у педагоговъ-янсенистовъ Портрояля (Port-Royal). Одинъ изъ этихъ педагоговъ Кустель (Coustel) обстоятельно развиваетъ эту мысль въ своемъ сочиненіи «Les règles de l'éducation», а другой, La Salle, осуществилъ ее въ устроенной имъ въ Реймсѣ въ 1684 г. «Séminaire de maitres d'école», которую и слѣдуетъ считать вообще первою учительскою семинаріею.

Фенелонъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Éducation des filles» (1687), говоритъ о необходимости приготовительнаго педагогическаго образованія для гувернантокъ и учительницъ. Но янсенисты вскорѣ подверглись преслѣдованію, и ихъ педагогическія учрежденія были закрыты.

Въ Германіи первая учительская семинарія (seminarium praeceptorum) была учреждена извѣстнымъ педагогомъ - піэтистомъ Франке въ 1695 г. при его сиротскомъ домѣ въ Галле. Онъ-же устроилъ и первый учительскій институтъ (Paedagogium) для образованія учителей для своихъ среднихъ учебныхъ заведеній—гимназій и реальныхъ училищъ. Ученики и послѣдователи Франке открыли учительскія семинаріи въ Штеттинѣ, Магдебургѣ и Рудольфштадтѣ. Все это были частныя заведенія. Первая правительственная учительская семинарія для Бранденбургской мархіи была открыта Геккеромъ при первомъ реальномъ берлинскомъ училищѣ въ 1747 году. Затѣмъ правительственныя учительскія семинаріи были устроены въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и Вольфенбютелѣ. Семилѣтняя война хотя и задержала развитіе учительскихъ семинарій, но она-же дала поводъ къ введенію въ Пруссіи общеобязательнаго начальнаго обученія. Фридрихъ Великій увидѣлъ необходимость имѣть постоянную большую ар-

мію. Наборъ такой арміи, при существовавшей вербовочной системѣ, былъ крайне затруднителенъ и стоилъ очень дорого. Поэтому, тотчасъ по окончаніи семилѣтней войны, была назначена особая коммиссія для изысканія для этого надлежащихъ способовъ. Коммиссія признала необходимымъ ввести *общую воинскую повинность* съ установленіемъ возможно менѣе продолжительныхъ сроковъ дѣйствительной службы въ строю, потому что иначе эта повинность была-бы разорительна для страны въ экономическомъ отношеніи. Но установленіе такихъ сроковъ дѣйствительной строевой службы безъ ущерба арміи, особенно въ отношеніи къ военной дисциплинѣ, признано было возможнымъ только въ томъ случаѣ, если всѣ молодые люди, поступающіе въ войска, будутъ пріучаемы къ повиновенію и строгой дисциплинѣ съ дѣтства, именно въ начальной школѣ. Поэтому предварительно слѣдовало ввести обязательное начальное обученіе. Король немедленно поручилъ вышеупомянутому Геккеру начертать «общій учительскій регламентъ», изданный въ 1763 г. и установившій обязательное начальное обученіе для всѣхъ дѣтей отъ 6 до 14-лѣтняго возраста (годъ конфирмаціи), для чего должны были быть открыты повсемѣстно начальныя народныя школы. Учителями въ эти школы были назначены грамотные унтеръ-офицеры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Фридрихъ II повелѣлъ Геккеру увеличить число учениковъ въ берлинской учительской семинаріи и составить планъ постепеннаго устройства такихъ заведеній и въ другихъ мѣстахъ королевства, чтобы приготовлять достаточное число хорошихъ начальныхъ учителей.

Послѣ іенскаго и ауэрштэдтскаго пораженія и заключенія Тильзитскаго мира (1807), когда король Фридрихъ-Вильгельмъ III въ обращеніи къ своему народу (An mein Volk) объявилъ, что онъ признаетъ распространеніе въ народѣ общаго начальнаго образованія посредствомъ повсемѣстнаго устройства начальныхъ школъ, на истинно народныхъ основаніяхъ, указанныхъ Песталлоцціемъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ для объединенія всего прусскаго народа въ національномъ духѣ и воодушевленіи его общею любовью къ отечеству, и когда онъ, вмѣстѣ съ королевою, назначилъ изъ своихъ, тогда весьма скудныхъ, средствъ сто тысячъ талеровъ на устройство учительскихъ семинарій, въ Пруссіи наступилъ новый блистательный періодъ какъ для этихъ заведеній, такъ и для всего начальнаго народнаго образованія. Вмѣстѣ съ этимъ, однакожъ, начались и нападки и различныя тайныя козни и интриги со стороны духовенства противъ новыхъ песталлоцціевыхъ народныхъ училищъ и особенно противъ учительскихъ семинарій. Духовенство видѣло, что народная

школа, созданная реформацією для распространенія въ народѣ вѣроученія протестантской церкви, бывшая постоянно слугою (ancilla) ея и представлявшая пасторамъ самое вѣрное средство для вліянія на народъ, получила новое государственное, національное патріотическое значеніе, слѣдовательно, должна быть государственнымъ учрежденіемъ, которое будетъ имѣть своихъ особыхъ учителей, хорошо приготовленныхъ въ учительскихъ семинаріяхъ, и что по всѣмъ этимъ причинамъ духовенству приходится отказываться отъ исключительнаго завѣдыванія и управленія народною школою и руководствованія всѣмъ начальнымъ образованіемъ народа. Но до 1840 г. министромъ учебныхъ и духовныхъ дѣлъ былъ фонъ-Альтенштейнъ, «товарищъ и приверженецъ Штейна, убѣжденный въ великомъ народномъ значеніи начальной школы Песталлоцци, человѣкъ честный, энергическій и истинно-религіозный, врагъ всякаго ханжества, клерикализма и наушничанья». Въ 1836 году онъ назначилъ Дистервега, самаго ревностнаго послѣдователя Песталлоцци, директоромъ главной берлинской учительской семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему общее руководство всѣмъ начальнымъ народнымъ обученіемъ въ Пруссіи. Пасторы должны были притихнуть. Но со смертью Альтенштейна начались вновь интриги и козни духовенства, а когда въ 1848 и 1849 г. произошли соціальныя и политическія волненія въ Германіи, пасторы прямо обвиняли учителей народныхъ училищъ, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, нетолько въ участіи въ этихъ волненіяхъ, но и какъ однихъ изъ главныхъ виновниковъ этихъ волненій, и успѣли убѣдить въ этомъ короля. Дистервегъ былъ уволенъ; многіе и лучшіе изъ директоровъ и преподавателей учительскихъ семинарій и учителей народныхъ училищъ нетолько лишились своихъ мѣстъ, но и подверглись преслѣдованію и эмигрировали въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ и распространили песталлоцціеву систему начальнаго обученія. Наконецъ, 1-го, 2-го и 3-го октября 1854 г. были изданы министромъ фонъ-Раумеромъ знаменитые три училищные регулатива (die drei Regulative), которые были постояннымъ предметомъ сильнаго раздора между педагогами, въ парламентѣ и въ печати до полной отмѣны ихъ министромъ Фалькомъ въ 1872 году. Шнейдеръ и Бременъ, въ своемъ сочиненіи «Das Volksschulwesen des preussischen Staates» (2 тома, Берлинъ 1886 г.), говорятъ объ этихъ регулативахъ слѣдующее: «ультраклерикальная партія добилась своего: она совершенно овладѣла министромъ фонъ-Раумеромъ, человѣкомъ въ сущности честнымъ и благонамѣреннымъ, но крайне слабохарактернымъ и уступчивымъ, и заставила его издать три регулатива, которые

урѣзали и совершенно окарнали преподаваніе всѣхъ предметовъ въ учительскихъ семинаріяхъ, кромѣ Закона Божія, курсъ котораго сильно расширили, введя въ него подробное, до мелочей, изученіе ветхаго завѣта и затверживаніе цѣлой массы библейскихъ текстовъ и цѣлыхъ псалмовъ, исключили преподаваніе педагогики, изъяли изъ семинарскихъ библіотекъ сочиненія Шиллера, Гёте, Лессинга и другихъ классическихъ отечественныхъ писателей, даже патріотическія пѣсни Арндта, оставивъ лишь Мессіаду Клопштока; приготовительные къ семинаріямъ курсы ограничили пасторскими бесѣдами и назиданіями и повтореніемъ учебнаго курса одноклассной народной школы, который, по третьему регулативу, долженъ былъ состоять собственно только въ усиленномъ преподаваніи Закона Божія также съ затверживаніемъ на память множества библейскихъ текстовъ и церковныхъ гимновъ, и въ изученіи установленной книги для чтенія. Все ученіе, какъ въ учительскихъ семинаріяхъ, такъ и въ народныхъ училищахъ, должно было имѣть протестантско-церковный характеръ и находиться подъ постояннымъ наблюденіемъ пасторовъ. Какіе-же результаты достигались такимъ пасторскимъ надзоромъ? Прежде всего развитіе какъ въ семинаристахъ, такъ и въ ученикахъ народныхъ школъ, притворной набожности, ханжества и отвращенія къ религіи»... Впрочемъ, строгое примѣненіе регулативовъ продолжалось недолго. Уже въ 1859 году министръ Бетмонъ-Гольвегъ отмѣнилъ всѣ болѣе стѣснительныя постановленія регулативовъ, сократилъ религіозный учебный матеріалъ, разрѣшилъ чтеніе сочиненій Шиллера, Гёте, Лессинга и другихъ отечественныхъ классическихъ писателей въ семинаріяхъ, расширилъ преподаваніе исторіи, географіи, реальныхъ предметовъ и математики. По окончаніи-же побѣдоносной шестинедѣльной войны съ Австріею (1866), когда наслѣдный принцъ, принцъ Фридрихъ-Карлъ, Мольтке и военный министръ Роонъ представили королю всеподданнѣйшее заявленіе, въ которомъ они прямо высказали, что «побѣдоносная прусская армія вся образовалась и вышла изъ народной школы», и при этомъ выразили, отъ имени всей арміи, желаніе, чтобы деньги, назначенныя городскими магистратами на торжественныя встрѣчи возвращающихся войскъ, были обращены на составленіе пенсіоннаго фонда для вдовъ и сиротъ учителей народныхъ училищъ, регулативы фактически были совершенно отмѣнены, и въ 1867 г. король повелѣлъ Бетмону-Гольвегу составить новый общій училищный уставъ и внести его въ парламентъ. Я былъ въ Берлинѣ во второй половинѣ августа 1869 г. и видѣлся съ тогдашнимъ директоромъ городской берлинской учительской семинаріи Тилло, однимъ изъ образованнѣйшихъ и опытнѣйшихъ

педагоговъ Германіи, которому поручено было составленіе исторической записки о народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ для этого общаго училищнаго устава. Наше свиданіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, и Тилло сообщилъ мнѣ много крайне интересныхъ и поучительныхъ подробностей объ интригахъ клерикальной партіи и о введеніи трехъ регулативовъ. Но прусскій общій училищный уставъ не состоялся, потому что, вслѣдствіе возстановленія Германской Имперіи въ 1871 г., возникъ вопросъ о возможномъ соглашеніи учебныхъ курсовъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и профессіональныхъ школъ въ разныхъ германскихъ государствахъ и въ отнятыхъ у Франціи имперскихъ провинціяхъ Эльзасѣ и Лотарингіи съ прусскими. Поэтому въ 1882 г. министръ Фалькъ издалъ такъ-называемыя «Общія постановленія» (Allgemeine Bestimmungen), которыми были окончательно отмѣнены три регулатива, возстановлены прежніе учебные курсы въ учительскихъ семинаріяхъ и въ народныхъ училищахъ, устроены двухгодичные приготовительные къ семинаріямъ курсы, и всѣ эти учебныя заведенія подчинены вновь учрежденнымъ свѣтскимъ училищнымъ инспекторамъ. Нормальное число еженедѣльныхъ уроковъ въ правительственныхъ или «королевскихъ» учительскихъ семинаріяхъ установлено слѣдующее:

	III.	II.	I.
Законъ Божій	4	4	2
Педагогика	2	2	2
Нѣмецкій языкъ	5	5	2
Исторія	2	2	2
Математика (алгебра и геометрія)	5	5	1
Естествовѣдѣніе	4	4	2
Географія	2	2	1
Русованіе	2	2	1
Чистописаніе	2	1	—
Гимнастика	2	2	2
Музыка (фортепьяно, органъ, теорія гармоніи, скрипка, пѣніе)	5	5	3
Новые языки (необязательно)	3	3	1
Итого	35 (38)	34 (37)	19 (21)

Кромѣ того, во II классѣ полагается посѣщеніе семинаристами учительскихъ уроковъ въ состоящемъ при семинаріи училищѣ, а въ I классѣ упражненія въ преподованіи.

«Такимъ образомъ, говорятъ Шнейдеръ и Бременъ въ вышеназванномъ сочиненіи, тайная и явная борьба духовенства и вообще клерикальной партіи съ свѣтскою правительственною властью и съ городскими и сельскими обществами за сохраненіе въ своемъ исключительномъ вѣдѣніи всѣхъ народныхъ школъ продолжалось въ Пруссіи болѣе 60 лѣтъ (1809—1872) и окончилось пока не въ пользу духовенства. Эта недостойная, прискорбная борьба часто нарушала и сильно задерживала спокойное, успѣшное развитіе святаго дѣла—правильнаго начальнаго народнаго обученія, составляющаго основаніе всего дальнѣйшаго общаго и спеціальнаго образованія. Виновата-ли въ этомъ сама протестантская церковь и ея вѣроученіе? Нисколько. Протестантская церковь создала народную школу для распространенія въ народѣ чтенія священнаго писанія и познаній христіанской религіи, и по церковнымъ уложеніямъ (Kirchenordnungen) Саксонскому, Бранденбургскому и др. пасторы обязаны были имѣть при своихъ церквахъ начальныя школы и учить прихожанъ чтенію, письму и Закону Божію. Но ни въ одномъ изъ этихъ уложеній ни слова не говорится о подчиненіи народной школы исключительному вѣдѣнію церкви; напротивъ того, вмѣстѣ съ основаніемъ протестантской церкви, Лютеръ въ своихъ посланіяхъ къ нѣмецкимъ государямъ, дворянству и городскимъ магистратамъ убѣждаетъ и проситъ ихъ заводить повсемѣстно начальныя школы для обученія народа чтенію, письму, Закону Божію и другимъ полезнымъ знаніямъ и говоритъ, что пасторы должны оказывать имъ въ этомъ дѣлѣ всевозможное содѣйствіе».

Если въ протестантской Пруссіи свободное и самостоятельное развитіе народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, учрежденныхъ самимъ правительствомъ, встрѣтило такое продолжительное противодѣйствіе со стороны пасторовъ, то въ католическихъ государствахъ иначе и не могло быть.

«Римско-католическое духовенство, говоритъ Гауффе въ своемъ сочиненіи «Volksschulwesen und Lehrerbildung in Oesterreich» (Gotha 1887), по своему собственному побужденію и почину никогда не заводило народныхъ училищъ, потому что въ личныхъ интересахъ его всегда было держать простой народъ въ полномъ невѣжествѣ. Даже чтеніе св. писанія, кромѣ Вульгаты, какъ извѣстно, не дозволяется міранамъ по каноническимъ постановленіямъ. Поэтому въ католическихъ государствахъ почти до послѣдней четверти прошлаго столѣтія народныхъ училищъ нигдѣ не существовало. Но какъ только въ Австріи было издано, по повелѣнію императрицы Маріи-Терезіи, первое положеніе о народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ

(Schulordnung von 6 Dec. 1774) и посѣщеніе начальной школы было сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ дѣтей отъ 6—12-лѣтняго возраста, католическое духовенство немедленно предъявило исключительное право церкви на начальное народное образованіе. Но время было неблагопріятное для подобныхъ притязаній духовенства; въ 1773 году былъ закрытъ орденъ іезуитовъ, и ни Марія-Терезія, ни ея наслѣдникъ императоръ Іосифъ II не обращали на притязанія духовенства никакого вниманія и энергически заботились объ устройствѣ народныхъ училищъ и приготовленіи для нихъ учителей въ нормальныхъ школахъ (такъ были названы учительскія семинаріи), на основаніи означеннаго училищнаго положенія: духовенству-же было предоставлено только наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ и послѣ приведенія въ исполненіе рѣшеній Вѣнскаго конгресса и заключенія священнаго союза, Австрійская Имперія, направляемая Меттернихомъ, сдѣлалась опять строго правовѣрною католическою державою, и народныя училища были снова подчинены духовенству, которое, однакожъ, нисколько не заботилось о размноженіи ихъ, а обратило все свое вниманіе на воспитаніе и образованіе въ нормальныхъ училищахъ будущихъ народныхъ учителей въ духѣ безпрекословнаго повиновенія св. римско-католической церкви и главѣ ея—папѣ. Конечно, это не касалось австрійскихъ нѣмецкихъ протестантскихъ общинъ, да исключеніе составляла еще Богемія, гдѣ какъ городское, такъ и сельское низшее приходское духовенство было всегда проникнуто національнымъ народнымъ духомъ и ревностно заботилось о распространеніи въ народѣ хорошаго начальнаго образованія и дѣйствовало въ полномъ согласіи съ свѣтскими учителями. Оттого уже въ началѣ сороковыхъ годовъ почти весь чешскій народъ былъ грамотенъ, тогда какъ въ прочихъ католическихъ австрійскихъ провинціяхъ и земляхъ число грамотныхъ не составляло даже 40%. Это доказываетъ, сколь существенно необходима согласная, единодушная дѣятельность духовенства и городскихъ и сельскихъ обществъ для успѣшнаго распространенія начальнаго образованія въ народѣ».

Такъ продолжалось до 1848 года, когда, съ удаленіемъ Меттерниха, «начался поворотъ къ лучшему: правительственныя и общественныя начальныя школы и нормальныя училища были изъяты изъ вѣдѣнія духовенства и подчинены учрежденному министерству народнаго просвѣщенія; число ихъ стало увеличиваться и учебные курсы ихъ были освобождены отъ излишняго религіознаго матеріала и направленія, и все ученіе приняло въ нормальныхъ училищахъ соотвѣтствующій спеціальному назначенію ихъ научный и педагогическій характеръ, а въ

народныхъ школахъ—общеобразовательный. Вмѣстѣ съ тѣмъ было увеличено жалованье учителей, и въ нихъ пробудилось живое сознаніе собственнаго достоинства и полезнаго значенія учительской дѣятельности. Этого свѣтлаго сознанія уже не могъ погасить заключенный съ папою въ 1855 г. конкордатъ, возстановившій на время прежнее полное подчиненіе не только начальнаго народнаго, но и всего средняго и высшаго образованія духовенству. Съ изданіемъ-же «общихъ правъ гражданъ» (allgemeine Rechte der Staatsbürger) и «положенія объ отношеніяхъ школы къ церкви» въ 1867 и 1868 годахъ, духовенству было предоставлено заботиться лишь о преподаваніи въ училищахъ Закона Божія; всякое-же вмѣшательство духовенства въ преподаваніе прочихъ учебныхъ предметовъ и вообще въ училищныя дѣла было совершенно устранено. Этотъ порядокъ былъ окончательно утвержденъ изданіемъ закона о народныхъ училищахъ (Volksschulgesetz) и училищнаго положенія (Schul und Unterrichts-Ordnung) въ 1869 и 1870 годахъ. Курсъ въ нормальныхъ училищахъ или учительскихъ семинаріяхъ назначенъ четырехгодичный, съ раздѣленіемъ на 4 послѣдовательные класса, и въ 1886 г. установлена слѣдующая нормальная таблица еженедѣльныхъ уроковъ:

	I.	II.	III.	IV.	Итого.
Законъ Божій	2	2	2	2	8
Педагогика и практическія упражненія въ преподаваніи. . . .	—	2	5	9	16
Языкъ преподаванія (Unterrichtssprache)	4	4	4	4	16
Географія	2	2	2	1	7
Исторія и государственное устройство имперіи.	2	2	2	1	7
Математика и черченіе	4	3	2	2	11
Естественная исторія	2	2	1	1	6
Физика	2	2	2	1	7
Сельское хозяйство	—	—	2	2	4
Чистописаніе.	1	—	—	—	1
Рисованіе	2	2	2	1	7
Теорія гармоніи и пѣніе	1	1	2	2	6
Игра на скрипкѣ.	2	2	1	1	6
Гимнастика.	2	2	1	1	6
Фортепьяно и органъ (необязательно).	2	2	2	2	8
Всего	26(28)	26(28)	28(30)	28(30)	108(116)

Во Франціи, какъ мы уже говорили, народныя училища получили въ первый разъ опредѣленное устройство въ 1833 г., въ министерство Гизо, на основаніи изданнаго имъ закона о начальномъ обученіи (Loi sur l'enseignement primaire 1833). По этому закону начальныя училища были раздѣлены на *низшія* (écoles primaires inferieures) и *высшія* (écoles primaires superieures) и для приготовленія начальныхъ учителей были назначены двухклассныя *нормальныя училища* (écoles normales inferieures, въ отличіе отъ высшей école normale, учрежденной въ Парижѣ въ 1794 г. для образованія учителей среднихъ и высшихъ училищъ), и все начальное народное образованіе было исключительно подчинено вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія (ministre de l'instruction publique). Тотчасъ-же началось противодѣйствіе духовенства и клерикальной партіи, сначала подъ предводительствомъ престарѣлаго уже патера Ламеннэ (Lamennais), который еще въ 1808 г. возставалъ противъ учрежденія «университета», а потомъ Лакордера и Монталамбера, и имъ хотя не удалось уничтожить училищнаго закона 1833 г., но они выхлопотали право такъ-называемаго «свободнаго обученія» (enseignement libre), по которому, кромѣ правительственныхъ и общественныхъ начальныхъ училищъ, могли быть открываемы начальныя школы всѣми другими обществами и полноправными гражданами, съ особыми учебными программами; слѣдовательно, и духовенство могло учреждать свои народныя школы. Это право вошло въ законъ о начальномъ и среднемъ обученіи, изданный въ 1850 г. (Loi sur l'enseignement primaire et secondaire). Казалось, чего-же лучше? Клерикальная партія доставила свободу общественному и народному обученію, слѣдовательно, принесла громадную пользу обществу, народу и всему государству и потому заслуживала общей признательности. Но «умыслъ другой тутъ былъ», и на дѣлѣ оказалось совершенно иное: прежде всего, іезуиты и различныя другія религіозныя общества, братства и конгрегаціи распространили свои учебно-воспитательныя заведенія, въ которыхъ воспитывали и обучали дѣтей въ своихъ собственныхъ цѣляхъ. Но почти всѣ эти заведенія находились въ городахъ и не касались народа, особенно сельскаго населенія. Духовенство-же вовсе не намѣрено было устраивать народныя школы на свой или церковный счетъ, и употребляло всевозможныя средства, выставляло учителей, образованныхъ въ нормальныхъ училищахъ, еретиками, безбожниками, отступниками отъ св. римско-котолической церкви, убѣждало сельскія общества не заводить установленныхъ училищнымъ закономъ начальныхъ училищъ съ такими учителями, отдавать деньги на открываемыя церковью школы, въ которыя не бу-

дутъ допускаемы учителя, приготовленные въ еретическихъ нормальныхъ училищахъ, а будутъ учить дѣтей или сами священники или, подъ ихъ неусыпнымъ надзоромъ, богословы-кандидаты на священническія мѣста, притомъ за гораздо меньшее вознагражденіе, чѣмъ жалованье, назначенное учителямъ по училищному уставу, такъ что церковныя школы будутъ стоить дешевле и дѣти будутъ воспитываемы и обучаемы въ правилахъ св. римско-католической церкви. Сельскія общины, не сознававшія особенной необходимости въ обученіи дѣтей и желавшія платить меньше налоговъ, большею частью предоставляли духовенству устраивать дешевыя школы. Такимъ образомъ училищный законъ былъ обойденъ, и начальное народное образованіе фактически перешло въ руки духовенства, которое нисколько не думало объ улучшеніи начальнаго обученія, и открываемыя имъ школы или существовали лишь номинально, или въ нихъ учили крайне небрежно церковные причетники, не окончившіе даже курса низшихъ духовныхъ училищъ, сами едва грамотные, а священники почти никогда и не заглядывали въ эти школы. Учителя, приготовленные въ нормальныхъ школахъ, оставались безъ мѣстъ и отправлялись за границу, особенно въ Россію, гдѣ на первыхъ порахъ устраивались въ провинціи гувернерами въ зажиточныхъ помѣщичьихъ семействахъ, а потомъ поступали на службу учителями французскаго языка въ мужскія гимназіи, женскіе институты, частные пансіоны и т. п. *).

---

*) Въ 3-й С.-Петербургской гимназіи, гдѣ я былъ приходящимъ ученикомъ въ сороковыхъ годахъ, было два такихъ учителя французскаго языка въ старшихъ классахъ—6-мъ и 7-мъ: Помье, весьма талантливый, живой и красивый молодой человѣкъ съ хорошими манерами; онъ вышелъ въ 1848 г., говорили, что былъ высланъ за границу, потому что получилъ одинъ голосъ въ президенты французской республики. На его мѣсто поступилъ Моля, вялый, чахоточный, бывшій въ то-же время конторщикомъ въ мебельномъ магазинѣ на Большой Морской. Весною 1862 г. я объѣхалъ приволжскіе низовые губернскіе и уѣздные города, начиная съ Нижняго-Новгорода, съ цѣлью ознакомиться съ нашими провинціальными гимназіями и уѣздными и приходскими училищами. Учителя французскаго языка въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ, въ Симбирской, Самарской и Саратовской гимназіяхъ и въ Саратовскомъ женскомъ институтѣ были французы, получившіе образованіе въ нормальныхъ школахъ. Два изъ нихъ довольно свободно говорили по-русски и преподавали весьма толково. Въ 1863 г. я сопутствовалъ А. С. Воронову, осматривавшему учебныя заведенія Московскаго учебнаго округа. Въ гимназіяхъ Костромской, Владимірской, Рязанской и Тульской учителя французскаго языка были также изъ получившихъ образованіе въ нормальныхъ школахъ. Всѣ они, по прибытіи въ Россію, поступили сначала гувернерами въ семейства мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Учитель Тульской гимназіи зналъ по-русски и преподавалъ замѣчательно хорошо. Въ 1864 г. я былъ,

Вышеприведенныя свѣдѣнія о противодѣйствіи во Франціи духовенства исполненію государственныхъ законовъ о начальномъ обученіи мы заимствовали, главнымъ образомъ, изъ отчета, представленнаго Наполеону III, въ 1866 г., коммиссіею по профессіональному образованію, назначенною въ 1864 г., подъ предсѣдательствомъ министра общественныхъ работъ Де-Бегика. Тогда министромъ нар. просв. былъ Дюрюи (1863—1869), одинъ изъ лучшихъ министровъ, прошедшій самъ всѣ ступени учебной карьеры. Онъ хорошо зналъ печальное положеніе начальнаго народнаго обученія, главнымъ образомъ вслѣдствіе противодѣйствія духовенства, и, воспользовавшись фактами, приведенными въ означенномъ отчетѣ, сдѣлалъ немедленно представленіе императору о мѣрахъ для пресѣченія зла. Но осилить духовенство было трудно, потому что ему особенно покровительствовала императрица Евгенія.

Въ первое десятилѣтіе по учрежденіи третьей французской республики начальное народное обученіе находилось въ томъ-же положеніи, и въ 1875 г. архіепископу Дюпанлу удалось даже провести законъ о распространеніи права свободнаго обученія на высшее образованіе, такъ что духовенство могло устраивать свои высшія учебныя заведенія съ правомъ производить испытанія и выдавать дипломы на ученыя степени и званія. Но по вступленіи въ 1879 г. Ферри (Jules Ferry) въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, началось другое направленіе. Уже въ томъ-же году былъ изданъ новый законъ о распространеніи нормальныхъ школъ и о преимущественномъ правѣ учителей, получившихъ образованіе въ этихъ школахъ, на занятіе учительскихъ мѣстъ въ народныхъ училищахъ, а въ 1880 г. законы о среднемъ женскомъ образованіи, о возстановленіи исключительнаго права государственныхъ факультетовъ возводить въ академическія степени и о воспрещеніи іезуитамъ и другимъ непризнаннымъ правительствомъ религіознымъ корпораціямъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Въ краткое министерство Поля Бера (съ октября 1881 до 1 января 1882) состоялись два закона, о пріобрѣтеніи званія начальнаго учителя, безъ котораго никто не можетъ преподавать въ народныхъ школахъ, и о безплатномъ начальномъ обученіи. Наконецъ, во вторичное министерство Ферри, 25 марта 1882 г., былъ изданъ законъ объ обязательномъ начальномъ обученіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

съ тою-же цѣлью, въ Пензѣ, Вяткѣ, Перми, Уфѣ и Оренбургѣ. Въ Вятской и Оренбургской гимназіяхъ учителями французскаго языка были два брата—эльзасцы, съ дипломами Фольсбургской нормальной школы.

объ исключенiи преподаванiя Зак. Божiя изъ учебнаго курса народныхъ училищъ и нормальныхъ школъ и предоставленiи религiознаго образованiя дѣтей усмотрѣнiю родителей. Такимъ образомъ во Францiи духовенство было совершенно устранено изъ народной школы и, какъ показываютъ вышеизложенные факты, по крайней мѣрѣ въ значительной степени, по своей собственной винѣ. Но такое совершенное исключенiе духовенства отъ участiя въ начальномъ образованiи есть, по нашему убѣжденiю, величайшая государственная ошибка, которая можетъ имѣть весьма печальныя послѣдствiя.

Составъ учебнаго курса во французскихъ нормальныхъ школахъ.

	I.	II.	III.
I. *Часы съ приготовленiемъ.*			
Ученiе о нравственности и обязанностяхъ гражданъ	2	2	1/2 *)
Педагогика и училищное устройство	1	1	1 1/2 **)
Французскiй языкъ и литература	7	5	4
Исторiя и землевѣдѣнiе	5	4	4
Ариѳметика и геометрiя	3	5	6
Физика и химiя	1	3	3
Естественная исторiя	1	1	2
Земледѣлiе и садоводство	—	2	1
II. *Часы безъ приготовленiя:*			
Чистописанiе	3	1	—
Рисованiе и черченiе	4	4	4
Пѣнiе и музыка	2	2	2
III. *Занятiя въ часы отдохновенiя:*			
Гимнастика	3	3	3
Работы въ саду и въ полѣ и ручной трудъ	4	4	4
IV. *Необязательно:*			
Новые иностранные языки	2	2	2
Итого	36(38)	37(39)	35(37).

*) Одинъ часъ въ теченiе полугодiя.

**) 2 часа въ первое полугодiе и 1 часъ—во второе.

Въ *Англіи*, гдѣ воспитаніе и образованіе дѣтей, начиная съ низшихъ и до самыхъ высшихъ ступеней, всегда принадлежало исключительно обществу и составляло его неограниченное право, въ 1870 году былъ изданъ впервые законъ о начальномъ народномъ обученіи (Elementary act) и учреждено особое правительственное учебное вѣдомство (Education departement) для надзора за начальнымъ народнымъ образованіемъ и устройства начальныхъ училищъ на счетъ государства въ тѣхъ сельскихъ общинахъ, въ которыхъ не существуетъ начальныхъ школъ, учрежденныхъ однимъ изъ двухъ главныхъ благотворительныхъ училищныхъ обществъ (стараго національнаго общества распространенія христіанскихъ знаній и воспитанія на началахъ государственной епископальной церкви и новаго— Британскаго общества для обученія дѣтей всѣхъ исповѣданій) и которыя не имѣютъ средствъ сами устроить такія школы. Для надзора за народными училищами учреждены 112 инспекторовъ, изъ которыхъ два старшихъ инспектора спеціально назначены для наблюденія за учительскими семинаріями. Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ изданію училищнаго закона 1876 г. было отсутствіе вѣротерпимости въ средѣ англиканскаго духовенства и означеннаго стараго общества, члены котораго принадлежатъ къ епископальной церкви *).

II.

Приготовленіе учителей для низшихъ училищъ и учительскія семинаріи въ Россіи.

Первымъ учебнымъ заведеніемъ для приготовленія учителей низшихъ училищъ въ Россіи можно считать школу, устроенную Ѳеофаномъ Прокоповичемъ при своемъ домѣ въ С.-Петербургѣ, при которой онъ содержалъ особое отдѣленіе изъ «30 отроковъ, коихъ нарочно опредѣленными учителями къ тому обучалъ» и которые упражнялись въ преподаваніи въ низшихъ классахъ. Въ 15-ти-лѣтнее существованіе этой школы, подъ непосредственнымъ руководствомъ ея основателя, въ ней окончило курсъ 160 молодыхъ людей, изъ которыхъ болѣе 70 избрали себѣ учительское поприще, въ томъ числѣ 36 поступили учителями въ начальныя цыфирныя школы. Первое - же начало правительственному приготовленію учителей для народныхъ училищъ было положено въ царствованіе Екатерины II, тотчасъ по

*) «Русская Школа», мартъ 1891.

назначеніи коммиссіи для учрежденія народныхъ училищъ въ 1782 году. Вслѣдствіе отношенія этой коммиссіи къ архіепископу Новгородскому Гавріилу, 15-го октября того-же года явилось 20 воспитанниковъ Александро-Невской духовной семинаріи и были немедленно поручены Янковичу де-Миріево для приготовленія ихъ къ преподаванію въ предположенныхъ новыхъ начальныхъ училищахъ въ Петербургѣ. 15-го декабря этимъ молодымъ людямъ было произведено учительское испытаніе, и они поступили учителями въ открытыя въ столицѣ, въ январѣ 1783 года, малыя народныя училища, вмѣсто бывшихъ приходскихъ, и въ первые два низшіе класса четырехкласнаго главнаго народнаго училища, открытаго въ декабрѣ того-же года. При этомъ училищѣ, кромѣ приходящихъ учениковъ, состояло 100 пансіонеровъ для приготовленія къ учительскимъ должностямъ въ народныхъ училищахъ. Изъ этого пансіонерскаго отдѣленія было образовано особое закрытое заведеніе, подъ названіемъ *учительской семинаріи*, также съ четырехгодичнымъ курсомъ, которое было открыто 22-го сентября 1786 года и просуществовало до 1801 года. Это была первая правительственная учительская семинарія въ Россіи. Вмѣсто нея, въ 1804 году, былъ учрежденъ *Педагогическій институтъ*, переименованный въ 1816 году въ *Главный Педагогическій институтъ*, съ цѣлью образованія гимназическихъ учителей, а при немъ, по представленію тогдашняго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уварова, былъ учрежденъ особый 2-ой разрядъ для приготовленія учителей въ низшія уѣздныя и приходскія училища.

Какъ сильно заботила Уварова мысль объ образованіи этихъ учителей, видно изъ того, что на нѣкоторое время онъ принялъ 2-й разрядъ Главнаго Педагогическаго института подъ непосредственный свой надзоръ, чего требовали, по собственнымъ его словамъ, «новость и важность сего опыта, неопредѣленность методы, необходимость дѣйствовать сильно и вѣрно».

Предметы ученія въ этой своего рода учительской семинаріи были слѣдующіе: Законъ Божій, русскій языкъ съ грамматикою, ариѳметика, начальная алгебра и геометрія, исторія и географія, въ особенности Россіи, чистописаніе и рисованіе. Учебный курсъ продолжался 4 года, и окончившіе курсъ ученики обязаны были прослужить учителями въ уѣздныхъ или приходскихъ училищахъ 6 лѣтъ.

По преобразованіи Главнаго Педагогическаго института, въ 1819 году, въ С.-Петербургскій университетъ съ особымъ при немъ отдѣленіемъ казенныхъ студентовъ, обязанныхъ впослѣдствіи про-

служить 6 лѣтъ учителями въ гимназіяхъ, былъ открытъ, вмѣсто 2-го разряда, *учительскій институтъ*, въ вѣдомствѣ университета состоящій, для приготовленія учителей въ уѣздныя и приходскія училища. Директоромъ этого института былъ назначенъ опытный педагогъ Миддендорфъ, и первыми учителями были Буссе, Свенске, Ободовскій и Тимаевъ, возвратившіеся изъ Германіи, куда они были посланы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для изученія «системы бель-ланкастеровскаго обученія и элементарнаго преподаванія Песталоцци». Но уже въ 1822 году, по оставленіи Уваровымъ мѣста попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, учительскій институтъ былъ упраздненъ, а воспитанники были переведены въ учрежденную въ 1823 году 3-ю Петербургскую гимназію, называвшуюся «учительской», съ тѣмъ-же директоромъ и учителями. Въ 1828 году, вмѣстѣ съ введеніемъ новаго устава гимназій, былъ опять учрежденъ особый Главный Педагогическій институтъ, непосредственно подчиненный Министру Народнаго Просвѣщенія, особенно для приготовленія учителей въ гимназіи западныхъ и отдаленныхъ восточныхъ губерній, съ устройствомъ при немъ *малолѣтняго отдѣленія* для упражненія учителей въ преподаваніи. Въ 1838 году былъ вновь открытъ 2-й разрядъ при Главномъ Педагогическомъ институтѣ для приготовленія «хорошихъ учениковъ» въ учителя уѣздныхъ училищъ, а «слабыхъ» и «малоуспѣшныхъ»—въ учителя приходскихъ училищъ.

Такимъ образомъ, дѣло приготовленія начальныхъ учителей мы снова начали въ 1838 году; но, къ сожалѣнію, все ограничилось учрежденіемъ для этой цѣли лишь одного небольшаго заведенія въ Петербургѣ, такъ что изъ предѣловъ нашей сѣверной столицы мы въ этомъ дѣлѣ не выходили, за исключеніемъ развѣ кратковременно существовавшихъ (1833—1836) двухъ главныхъ училищъ удѣльнаго вѣдомства въ Москвѣ и Красномъ-Селѣ, для приготовленія учителей въ сельскія удѣльныя школы. Но и съ этимъ четвертымъ началомъ мы скоро покончили. По всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 26-го іюля 1847 года, 2-й разрядъ Главнаго Педагогическаго института и малолѣтнее отдѣленіе были закрыты, потому что они признаны были болѣе «*ненужными, какъ учрежденія, уже исполнившія свое временное назначеніе, ибо уѣздныя училища достаточно снабжаются учителями изъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса Главнаго Педагогическаго института, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій*».

Впрочемъ, въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія оста-

валась еще одна нѣмецкая учительская семинарія, учрежденная еще въ 30-хъ годахъ въ Дерптѣ, для приготовленія учителей въ уѣздныя и приходскія училища Дерптскаго учебнаго округа. Она была устроена по образцу прежнихъ прусскихъ учительскихъ семинарій съ двухлѣтнимъ учебнымъ курсомъ и принесла большую пользу распространенію начальнаго образованія въ населеніи трехъ прибалтійскихъ губерній. Молодые люди выходили изъ этого заведенія съ весьма небольшими научными познаніями, но хорошо практически приготовленными къ начальному обученію.

Только послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости начала сознаваться дѣйствительная потребность въ учрежденіи сельскихъ народныхъ училищъ и въ приготовленіи для нихъ учителей. Бывшій тогда попечителемъ Московскаго учебнаго округа генералъ Исаковъ первый обратилъ на это важное дѣло серьезное вниманіе и хлопоталъ предъ министерствомъ о разрѣшеніи ему устроить приготовленіе начальныхъ учителей при одномъ изъ московскихъ уѣздныхъ училищъ. Назначенный начальникомъ военно-учебныхъ заведеній въ 1863 году, Исаковъ немедленно открылъ въ Москвѣ учительскую семинарію для приготовленія учителей въ училища военнаго вѣдомства, преобразованныя въ 1864 году, по составленному мною положенію, въ военныя начальныя школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ, а впослѣдствіи въ военныя прогимназіи. Это была наша первая учительская семинарія, учрежденная въ царствованіе императора Александра II.

Между тѣмъ особыя въ то время обстоятельства въ западныхъ губерніяхъ потребовали безотлагательнаго учрежденія тамъ русскихъ народныхъ училищъ, не ожидая изданія общаго положенія о начальныхъ училищахъ въ имперіи. Вслѣдствіе сего, по распоряженію попечителей Виленскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, на особо отпущенныя изъ государственнаго казначейства средства было учреждено нѣсколько народныхъ училищъ; въ 1863 году были изданы *временныя правила* для народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа, и въ 1864 году учреждена учительская семинарія въ мѣстечкѣ Молодечнѣ, Виленской губерніи, съ двухгодичнымъ учебнымъ курсомъ, «съ цѣлью доставить педагогическое образованіе молодымъ людямъ всѣхъ сословій православнаго вѣроисповѣданія, желающимъ посвятить себя учительской дѣятельности въ народныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа». Первоначальный проектъ положенія объ этой семинаріи, Высочайше утвержденный, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, 25-го іюня 1864 года, былъ составленъ А. С. Вороновымъ и мною и послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ семинарій.

Вслѣдъ за изданіемъ Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 14-го іюля 1864 г., были устраиваемы при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ двухлѣтніе педагогическіе курсы для приготовленія учителей въ народныя училища въ тѣхъ учебныхъ округахъ, на которые распространялось это Положеніе. Но эти педагогическіе курсы, имѣвшіе весьма скудныя средства, при своемъ двухлѣтнемъ курсѣ ученія, не могли приготовлять основательно образованныхъ начальныхъ учителей, и необходимость въ особыхъ самостоятельныхъ заведеніяхъ для этой цѣли чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Поэтому А. В. Головнинъ, уже въ концѣ своего управленія Министерствомъ Нар. Просв., внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ учрежденія 15-ти учительскихъ семинарій; но этотъ проектъ былъ взятъ обратно преемникомъ его по министерству, графомъ Д. А. Толстымъ, бывшимъ въ то-же время и оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода.

Предварительно изданія Положенія о начальныхъ училищахъ 14-го іюля 1864 года, были составлены: 1) въ 1860 году *проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ томъ числѣ и народныхъ училищъ, Ученымъ комитетомъ Главнаго правленія училищъ, по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, д. т. с. Ковалевскаго, и 2) въ 1861 г. *проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ* — особымъ комитетомъ, проектъ, который былъ внесенъ 15-го ноября того-же года въ Государственный Совѣтъ, но былъ возвращенъ по Высочайшему повелѣнію въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе назначенія управляющимъ онаго А. В. Головнина.

По всеподданнѣйшему докладу симъ послѣднимъ Государю Императору, въ Совѣтѣ Министровъ, обоихъ означенныхъ проектовъ, было Высочайше повелѣно, 18-го января 1862 года, разослать эти проекты для разсмотрѣнія по всему нашему учебному вѣдомству и разнымъ лицамъ, по выбору Министерства Народнаго Просвѣщенія, и сообщить, въ переводѣ ихъ на англійскій, французскій и нѣмецкій языки, извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ. Въ разрѣшеніе-же заявленнаго, между прочимъ, въ Совѣтѣ Министровъ мнѣнія о томъ, что *всѣ народныя училища должны-бы быть подчинены духовному вѣдомству*, состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

«1) Учрежденныя нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію оныхъ по мѣрѣ возможности,

и «2) оставить на обязанности Министерства Народнаго Просвѣ-

щенія учреждать по всей имперіи, по сношенію съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны оставаться въ вѣдѣніи сего министерства, при чемъ Министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда оно признаетъ сіе нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе» *).

Въ «Объяснительной запискѣ», приложенной къ окончательно составленному проекту Положенія о начальныхъ училищахъ, внесенному А. В. Головнинымъ въ Государственный Совѣтъ въ началѣ 1863 года, по вопросу о томъ, «*въ какомъ отношеніи должны находиться между собою различныя правительственныя вѣдомства по завѣдыванію дѣлами народныхъ школъ и въ какомъ отношеніи должны состоять частныя общества и лица по этимъ-же дѣламъ къ вѣдомствамъ правительственнымъ*», находимъ слѣдующія соображенія:

«Правительство наше въ дѣлѣ просвѣщенія всегда имѣло въ рукахъ своихъ инициативу. Устраивая для государственныхъ цѣлей разныя спеціальныя училища, оно взяло на себя и учрежденіе учебныхъ заведеній всѣхъ степеней, начиная съ университетовъ и академій до элементарныхъ народныхъ училищъ. Поэтому всѣ почти вѣдомства принимали участіе въ этомъ дѣлѣ, учреждая у себя разныя заведенія и завѣдывая ими. Въ то же время частная педагогическая дѣятельность, при рѣшительномъ покровительствѣ правительственнымъ училищамъ, развивалась весьма медленно и, вынужденная иногда скрываться отъ надзора, нерѣдко принимала направленіе неправильное, препятствовавшее ея естественному развитію. Такая обширная правительственная дѣятельность стоила большихъ усилій и, поглощая значительныя денежныя средства, оказывалась возможною, какъ выше сказано, только въ приложеніи къ высшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ и къ училищамъ спеціальнымъ: но въ примѣненіи къ народному элементарному образованію она является уже совершенно несостоятельною. По громадности дѣла, потребовались здѣсь средства слишкомъ большія для того, чтобы правительство одно само собою могло достигнуть цѣли. Независимо отъ средствъ, на практикѣ, при завѣдываніи училищъ разными вѣдомствами и при преимуществахъ, предоставленныхъ училищамъ правительственнымъ въ ущербъ частнымъ, съ одной стороны, явилось вредное для успѣховъ дѣла противодѣйствіе между разными вѣдомствами въ вопросахъ по дѣламъ училищнымъ, а съ другой, въ частныхъ лицахъ и даже обществахъ

*) См. «Сборникъ постановл. по Мин. Нар. Пр.». Томъ третій, стр. 1236.

возникло и укоренилось недовѣріе къ общественному ученію и сочувствіе къ частному, домашнему, хотя-бы и худшему.

«Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что, для дальнѣйшаго развитія народныхъ училищъ и надлежащаго приготовленія для нихъ учителей, необходимо принять мѣры, способныя прекратить существующій нынѣ антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ какъ между отдѣльными правительственными вѣдомствами, такъ и между училищами правительственными и частными, и направить усилія всѣхъ различныхъ органовъ, дѣйствующихъ нынѣ *) на пользу народнаго просвѣщенія, къ одной общей цѣли: лучшею для сего мѣрою казалось-бы учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ особаго попечительнаго совѣта, завѣдывающаго дѣлами народнаго элементарнаго образованія всего уѣзда. Совѣтъ этотъ могъ-бы состоять изъ членовъ отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, отъ духовнаго вѣдомства и изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя школы.

«Роль члена совѣта отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, кромѣ участія въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ наравнѣ съ другими членами, должна состоять, преимущественно, въ педагогическихъ совѣтахъ, въ указаніи на полезныя учебныя пособія и въ наблюденіи собственно за учебною частью. Вообще-же назначеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ отношеніи къ народнымъ училищамъ должно заключаться, кромѣ наблюденія за ходомъ въ нихъ учебной части, въ составленіи хорошихъ учебниковъ и въ учрежденіи нѣкотораго числа народныхъ училищъ, гдѣ ученье должно совершаться согласно со всѣми требованіями педагогики, и въ развитіи посредствомъ такихъ училищъ соревнованія между частными школами. Число такихъ училищъ, по незначительности денежныхъ средствъ министерства, не можетъ быть значительно. Духовенство, кромѣ учрежденія школъ, сообразно съ своими средствами, должно доставлять законоучителей для школъ, учреждаемыхъ какъ разными вѣдомствами, такъ и обществами и частными лицами, и наблюдать, посредствомъ члена, засѣдающаго въ попечительскомъ совѣтѣ, и другихъ благочинныхъ, за обученіемъ Закону Божію въ элементарныхъ училищахъ, посѣщаемыхъ дѣтьми православнаго исповѣданія» **).

Государственный Совѣтъ обратилъ на эти соображенія Министра

*) Земскія учрежденія въ то время еще не существовали, но Положеніе о нихъ уже составлялось.

**) Собраніе постан. по Мин. Нар. Пр. т. III, стр. 1259—1262.

Народнаго Просвѣщенія свое особенное вниманіе и, какъ мы уже знаемъ, по Высочайше утвержденному 14-го іюля 1864 года положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, для завѣдыванія оными учреждены, на основаніяхъ, высказанныхъ въ этихъ соображеніяхъ, губернскіе и уѣздные училищные совѣты съ назначеніемъ епархіальныхъ архіереевъ *первенствующими* членами губернскихъ совѣтовъ и со введеніемъ въ число членовъ тѣхъ и другихъ совѣтовъ представителей отъ городскихъ обществъ и земскихъ учрежденій (Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, ст. 19—33) *).

Между тѣмъ, «Высочайше учрежденное присутствіе» по дѣламъ православнаго духовенства, при изысканіи способовъ къ улучшенію положенія духовнаго сословія въ Россіи, признало, между прочимъ, нужнымъ обратить особенное вниманіе на отношенія его къ дѣлу народнаго образованія. Съ этою цѣлью, по журналу своему, удостоенному Высочайшаго утвержденія 4-го марта 1863 г., оно положило потребовать по духовному вѣдомству, чрезъ епархіальныхъ преосвященныхъ, ближайшія мѣстныя свѣдѣнія и соображенія по сему предмету.

Отзывы были получены почти изъ всѣхъ епархій или съ личными мнѣніями самихъ преосвященныхъ, или отъ учрежденныхъ ими по сему дѣлу епархіальныхъ комитетовъ, или отъ духовныхъ консисторій и губернскихъ присутствій по обезпеченію духовенства съ замѣчаніями и заключеніями преосвященныхъ **). Относительно участія духовенства въ завѣдываніи начальными народными училищами въ отзывахъ высказано: 1) 10 мнѣній о *полномъ подчиненіи* этихъ училищъ духовенству, какъ по обученію, такъ и по управленію; 2) 15 мнѣній—за предоставленіе духовенству участія въ управленіи народными школами, преимущественно по завѣдыванію учебною и нравственною частью; 3) пять мнѣній за участіе духовенства въ учрежденіи начальныхъ народныхъ школъ и избраніе учителей въ оныя; 4) четыре мнѣнія—за участіе въ сельскихъ сходахъ и совѣщаніяхъ по предмету народнаго образованія; 5) *одно* мнѣніе за предоставленіе духовенству заводить школы съ курсомъ уѣздныхъ училищъ подъ *исключительнымъ вѣдѣніемъ* духовнаго начальства и 6) общее единогласное мнѣніе объ освобожденіи духовенства отъ вмѣшательства свѣтскихъ вѣдомствъ по церковно-приходскимъ школамъ.

Объ обязанностяхъ духовенства обучать дѣтей прихожанъ гра-

*) «Руск. Шк.», сентябрь 1891 г.

**) Весьма обстоятельное извлеченіе изъ отзывовъ было напечатано въ отдѣльной брошюрѣ: «Начальныя народныя училища и участіе въ нихъ православнаго духовенства». Спб., въ Синодальной типографіи. 1865 г.

мотѣ и основныхъ причинахъ, препятствующихъ духовенству исполнять эту обязанность какъ-бы слѣдовало и какъ-бы оно желало, 33 епархіи высказали почти одно и то-же мнѣніе, приведенное въ нашей статьѣ, напечатанной въ книжкѣ IX-й «Русской Школы» за 1891 г.

По вопросу объ обученіи въ церковно-приходскихъ и другихъ народныхъ школахъ, учреждаемыхъ духовенствомъ, въ отзывахъ высказаны слѣдующія мнѣнія: такъ какъ учитель-священникъ, отвлекаемый то хозяйственными занятіями по дому, то требоисправленіями по приходу, часто вынужденъ бываетъ оставлять учениковъ безъ занятій и надзора, то отсюда является необходимость въ учителяхъ-помощникахъ, которые были-бы подчинены священнику, какъ своему начальнику и руководителю. Съ этою цѣлью предлагается: 1) или распредѣлить занятія по школамъ между всѣми или нѣсколькими членами причта, съ тѣмъ, чтобы въ этихъ занятіяхъ принимали участіе и благонадежные причетники (заявленіе 15 епархій), а въ женскихъ школахъ вдовы, жены и дочери духовныхъ лицъ (2 епархіи), или 2) сдѣлать помощниками духовенства въ обученіи дѣтей въ школѣ преимущественно окончившихъ курсъ семинаристовъ до полученія ими мѣста священника или дьякона (13 епархій), или 3) нанимать постороннихъ учителей (9 епархій). При этомъ, по большинству мнѣній, Законъ Божій долженъ быть преподаваемъ священникомъ или діакономъ, окончившими семинарскій курсъ. Лучшими помощниками духовенства по обученію въ школахъ признаются окончившіе курсъ семинаристы, которые, уча дѣтей въ школѣ, и сами продолжали-бы учиться, доводить до надлежащей зрѣлости пріобрѣтенныя ими познанія и развиваться нравственными своими характерами, и такимъ образомъ приготовляться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ достойному служенію церкви въ священническомъ санѣ, вмѣсто того, что теперь обыкновенно случается, по укоренившемуся весьма неблагому обычаю, производить въ сей санъ совершенно незрѣлыхъ юношей, только-что вышедшихъ изъ-за ученической скамьи» По мнѣнію многихъ преосвященныхъ, это было-бы самое лучшее назначеніе для окончившихъ семинарскій курсъ, предварительно поступленія ихъ на священно-служительскія мѣста. Для того-же, чтобы семинаристы могли ознакомиться съ теоріею и практикою начальнаго обученія, въ курсъ семинарскій слѣдовало-бы ввести изученіе педагогіи и учредить при семинаріяхъ воскресныя школы для упражненія семинаристовъ въ преподаваніи. Только два епархіальныхъ комитета, Астраханскій и Саратовскій, высказались въ этомъ отношеніи отрицательно; именно, что «воспитанники, окончившіе курсъ семинаріи, опредѣляясь на долж-

ность сельскихъ наставниковъ, не представляютъ достаточнаго ручательства за исправность и успѣхъ по оной, потому что опредѣляются въ ожиданіи священническихъ вакансій и заняты больше поисками такихъ вакансій, чѣмъ школою. Кромѣ того, неизбѣжная при этомъ частая перемѣнность учителей не дозволитъ твердо установиться хорошимъ порядкамъ въ школѣ».

Въ 1863 году, когда собирались вышеприведенныя свѣдѣнія, въ Россіи, какъ мы уже знаемъ, не было ни одной учительской семинаріи, кромѣ существовавшей въ Дерптѣ, и рижскій преосвященный, и собраніе благочинныхъ рижской епархіи, въ отзывахъ своихъ, указываютъ на необходимость педагогическаго приготовленія начальныхъ учителей. Они находятъ, что для пріобрѣтенія хорошихъ учителей въ православныя школы нужно: «а) образовать, обучить ихъ, и б) привязать ихъ къ учительской должности и усердному прохожденію ея предоставленіемъ имъ особыхъ правъ и выгодъ, какими пользуются учителя протестантскихъ, эстскихъ и латышскихъ народныхъ школъ». Для первой цѣли «весьма полезно четырехъ хорошихъ и способныхъ воспитанниковъ рижской духовной семинаріи, знающихъ нѣмецкій языкъ и окончившихъ съ успѣхомъ полный курсъ, послать въ Дерптъ въ учительскую семинарію для обученія практическому преподаванію, съ предоставленіемъ имъ извѣстныхъ правъ и преимуществъ въ службѣ. Изъ нихъ двое должны знать эстскій языкъ, а двое латышскій. Для того, чтобы они могли содержаться въ Дерптѣ, можно предоставить имъ причетническія мѣста при какихъ-либо церквахъ, гдѣ имѣются свободныя причетническія мѣста, а если сего не достанетъ на содержаніе ихъ, отпускать изъ кошельковой суммы. По окончаніи ими курса въ учительской семинаріи, завести подъ ихъ руководствомъ училища для приготовленія школьныхъ учителей—одно въ Дерптѣ, для эстовъ, а другое въ Ригѣ или Вольмарѣ, для латышей, и вышедшимъ изъ этихъ училищъ предоставить причетническія мѣста и учительскія должности въ православныхъ школахъ. Если будетъ довольно желающихъ поступить въ эти два училища, можно открывать ихъ и въ другихъ мѣстахъ».

Графъ Д. А. Толстой сначала былъ того убѣжденія, что всѣ начальныя народныя училища должны быть подчинены духовному вѣдомству и что учителя для этихъ училищъ должны приготовляться въ духовныхъ семинаріяхъ. Съ этою цѣлью, какъ я уже писалъ *), по его настоянію, въ семинарскій курсъ было введено преподаваніе пе-

*) «Русская Школа», сентябрь 1891.

дагогики и при семинаріяхъ устраивались воскресныя школы для теоретическаго и практическаго ознакомленія семинаристовъ съ начальнымъ обученіемъ, такъ какъ они, по окончаніи курса, должны были прослужить нѣсколько лѣтъ учителями въ народныхъ училищахъ, до назначенія своего на священническія мѣста. Поэтому совершенно понятно, что, назначенный въ 1866 году Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ оставленіемъ вмѣстѣ и оберъ-прокуроромъ Св. Синода, онъ взялъ обратно и внесенное его предмѣстникомъ представленіе въ Государственный Совѣтъ объ учрежденіи 15 учительскихъ семинарій, которыя онъ считалъ въ то время не только безполезными, но положительно вредными заведеніями *).

Такимъ образомъ, и у насъ, въ Россіи, начались-было прискорбныя пререканія между Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ за завѣдываніе народными училищами, вопреки Высочайше утвержденному 14-го іюля 1864 года Положенію, которое разрѣшило этотъ вопросъ совершенно правильно и цѣлесообразно, подчинивъ всѣ начальныя народныя училища въ губерніяхъ вѣдѣнію губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, состоящихъ изъ представителей отъ всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ начальныя школы, отъ городскихъ обществъ и земствъ, и поставивъ во главѣ этихъ совѣтовъ епархіальныхъ преосвященныхъ, причемъ, согласно вышеприведенному Высочайшему повелѣнію отъ 18-го января 1862 года, «учрежденныя и вновь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставлены въ завѣдываніи духовенства», а «на обязанности Министерства Народнаго Просвѣщенія оставлено учреждать по всей Имперіи народныя училища, которыя и должны оставаться въ его вѣдѣніи. Прежде всего пререканія обнаружились относительно учительскихъ семинарій, и учрежденіе ихъ было пріостановлено. Это, конечно, должно было имѣть неблагопріятное, задерживающее вліяніе на успѣшное распространеніе грамотности въ народѣ, въ чемъ, послѣ освобожденія крестьянъ, была настоятельная потребность, тѣмъ болѣе, что число грамотныхъ въ народѣ не составляетъ даже 8%. Кромѣ того, только-что образовавшіеся губернскіе и уѣздные училищные совѣты еще не успѣли освоиться съ своими правами и обязанностями относительно учрежденія и содержанія народныхъ училищъ, устройства ихъ и завѣдыванія ими, относительно приготовленія и назначенія учителей, и потому по всѣмъ этимъ и многимъ другимъ вопросамъ они нуждались въ указаніяхъ, разъясне-

*) Тамъ-же.

ніяхъ и вообще въ надлежащемъ руководствѣ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія и духовнаго вѣдомства по принадлежности. А между тѣмъ въ центральныхъ управленіяхъ этихъ правительственныхъ вѣдомствъ начинались взаимныя пререканія, и оба вѣдомства были совершенно противоположныхъ мнѣній по одному изъ самыхъ существенныхъ и важныхъ вопросовъ, именно о приготовленіи учителей для народныхъ училищъ. Какое вліяніе могла имѣть вся эта неурядица на дѣятельность училищныхъ совѣтовъ, особенно на членовъ ихъ отъ городскихъ обществъ и земства? Могли-ли эти члены получить довѣріе къ знанію дѣла и вообще къ нравственному авторитету какъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и духовнаго вѣдомства?

Но воззрѣнія графа Д. А. Толстаго на подчиненіе всѣхъ народныхъ училищъ духовному вѣдомству и на учительскія семинаріи вскорѣ совершенно измѣнились. Еще въ концѣ ноября 1867 г. онъ не былъ согласенъ съ моимъ докладомъ о проектѣ положенія объ учительской семинаріи одного изъ земствъ и положилъ на немъ отрицательную резолюцію; а уже 17-го января 1868 г., когда я явился къ нему, по его приглашенію, онъ крайне удивилъ меня и обрадовалъ словами: «Сознаюсь, вы были правы; нельзя обойтись безъ особыхъ учительскихъ семинарій» *).

Послѣ этого я при каждомъ удобномъ случаѣ обращалъ вниманіе графа на то, что правильное устройство училищной системы невозможно безъ *прочнаго основанія, которое вездѣ составляютъ начальныя народныя училища*, и что поэтому *прежде всего надо озаботиться о правильной и прочной постановкѣ начальнаго народнаго обученія*, для чего необходима согласная и энергическая дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія и духовнаго вѣдомства, свободная отъ всякихъ притязаній на исключительное завѣдываніе народными училищами и преслѣдующая лишь одну цѣль—успѣшное распространеніе въ народѣ начальной грамотности и необходимыхъ познаній въ Законѣ Божіемъ. Въ такомъ случаѣ и со стороны городскихъ обществъ и земства не будетъ никакихъ личныхъ притязаній, и они безпрекословно подчинятся руководству Министерства Народнаго Просвѣщенія и духовнаго вѣдомства. Графъ обыкновенно отвѣчалъ мнѣ на это, что пока онъ будетъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, онъ не допуститъ никакого соперничества и никакихъ пререканій между этими вѣдомствами въ от-

*) Тамъ-же.

ношеніи народныхъ училищъ; но что онъ сильно сомнѣвается въ возможности достигнуть того, чтобы духовенство дѣйствительно приняло усердное, энергическое участіе въ начальномъ народномъ образованіи. «Вы знаете, говорилъ графъ, изъ отчетовъ попечителей учебныхъ округовъ и изъ газетъ, а я знаю еще изъ разговоровъ съ попечителями, директорами народныхъ училищъ, предводителями дворянства и предсѣдателями земскихъ управъ во время моихъ объѣздовъ учебныхъ округовъ, что самое больное мѣсто въ обученіи въ народныхъ училищахъ составляетъ преподаваніе Закона Божія. Въ большей части народныхъ школъ Законъ Божій преподается крайне плохо, урывками, а въ нѣкоторыхъ и вовсе не преподается. Это показываетъ, что большинство приходскихъ священниковъ не исполняетъ, какъ слѣдовало-бы, даже этой своей прямой обязанности. Не думаю, чтобы меня можно было упрекнуть въ недостаткѣ энергіи и настойчивости, но тутъ я до сихъ поръ еще ничего не могъ достигнуть и рѣшительно не знаю, какими мѣрами можно было-бы устранить этотъ страшный недостатокъ въ начальномъ народномъ обученіи. Разрѣшить свѣтскимъ учителямъ и учительницамъ преподавать Законъ Божій въ народныхъ школахъ подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ? Но вѣдь это наблюденіе останется на дѣлѣ пустымъ словомъ, а учителя и учительницы могутъ безъ всякаго злаго умысла нагородить Богъ знаетъ что, особенно въ наше смутное время. Это прежде всего можетъ прямо повести къ новымъ и справедливымъ нареканіямъ со стороны раскольниковъ-старообрядцевъ на народныя школы, и даже къ образованію разныхъ новыхъ сектъ, которыхъ и теперь у насъ не мало». Я просилъ графа дозволить мнѣ изложить ему мое мнѣніе о значеніи участія духовенства въ начальномъ народномъ образованіи и мои соображенія о тѣхъ причинахъ, которыя препятствовали и препятствуютъ ему принимать надлежащее участіе въ этомъ дѣлѣ. Записку объ этомъ я представилъ графу въ декабрѣ 1868 г. Но для объясненія ея содержанія я долженъ сослаться на свою статью, помѣщенную въ №№ 7—8 «Русской Школы» за текущій годъ (стр. 36 и слѣдующія), гдѣ я уже говорилъ о началѣ моей педагогической дѣятельности и о моей работѣ, сдѣланной, по порученію князя А. М. Горчакова, для учрежденнаго въ 1857 г. комитета по раскольничьимъ дѣламъ. Говоря о мѣрахъ, которыя, по моему мнѣнію, слѣдовало-бы принять по отношенію къ нашимъ раскольникамъ-старообрядцамъ, я считалъ особенно необходимыми—прекращеніе преслѣдованія старообрядцевъ и другихъ безвредныхъ религіозныхъ сектъ, возможно большее ограниченіе карательныхъ мѣръ вообще и

употребленіе мѣръ положительныхъ, главнымъ образомъ назначеніе въ мѣстностяхъ, въ которыхъ распространено раскольничество и другія секты, приходскими священниками лицъ, знающихъ расколъ и эти секты, хорошихъ проповѣдниковъ, съ опредѣленнымъ обезпеченнымъ ежегоднымъ содержаніемъ (1.000 р.) и съ учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ грамотности и Закона Божія. При этомъ я объяснялъ въ запискѣ, что, въ виду предстоящаго уничтоженія крѣпостнаго права, необходимо принять вообще мѣры къ улучшенію быта нашего сельскаго приходскаго духовенства и къ устройству школъ грамотности при всѣхъ приходскихъ церквахъ, потому что съ освобожденіемъ крестьянъ несомнѣнно явится настоятельная потребность въ распространеніи между ними начальной грамоты и Закона Божія и вообще въ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи ихъ; неудовлетвореніе-же этой душевной потребности народа св. православною церковью чрезъ ея священнослужителей прямо откроетъ полный и широкій повсемѣстный просторъ для распространенія въ народѣ новыхъ религіозныхъ толковъ и лжеученій разными полуграмотными проходимцами. Объ этомъ мнѣ, какъ я уже упомянулъ въ указанной статьѣ своей, приходилось потомъ не разъ говорить съ Н. А. Милютинымъ, кн. В. А. Черкасскимъ и особенно съ Ю. Ѳ. Самаринымъ.

Дѣтство я провелъ въ деревнѣ, въ имѣньѣ отца моего, Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда. Въ 1843—1844 годахъ отецъ взялъ меня съ собою въ своихъ служебныхъ поѣздкахъ по разслѣдованію на мѣстѣ разныхъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами въ губерніяхъ: Новгородской, Тверской, Московской, Владимірской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской. Потомъ, въ послѣдніе два года ученія моего въ 3-й С.-Петербургской гимназіи и въ теченіе четырехлѣтняго университетскаго курса, я проводилъ каждое лѣто въ деревнѣ, на урокахъ въ помѣщичьихъ семействахъ, въ губерніяхъ: Пензенской, Тамбовской, Курской, Харьковской, Калужской, Орловской и Рязанской. Слѣдовательно, я могъ знать бытъ нашего крестьянина, его духовно-нравственное состояніе, взаимныя отношенія между крестьянами, помѣщиками и приходскимъ сельскимъ духовенствомъ и неприглядное нравственное и матеріальное положеніе сего послѣдняго. Для меня было совершенно ясно, что никакъ не слѣдовало предоставлять крестьянъ, прямо по освобожденіи ихъ, самимъ себѣ, на ихъ полный произволъ, потому что такая, никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемая свобода, тотчасъ послѣ рабской зависимости, неминуемо должна была имѣть для нихъ весьма вредныя послѣдствія какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, которыя дѣйствительно

стали скоро обнаруживаться прежде всего въ усиленіи безобразнаго пьянства и вслѣдствіе этого въ развитіи между крестьянами праздности, въ ослабленіи семейнаго начала, въ частыхъ семейныхъ раздѣлахъ и, такъ сказать, въ новомъ закрѣпощеніи многихъ крестьянъ мѣстнымъ кабатчикамъ, кулакамъ и разнымъ міроѣдамъ. По моему убѣжденію, которое я горячо высказывалъ въ разговорахъ съ вышеназванными лицами — главными дѣятелями въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, упраздняемую почти неограниченную власть помѣщиковъ надъ крестьянами должно было возможно скорѣе замѣнить просвѣщающее и сдерживающее религіозно-нравственное руководство сельскихъ приходскихъ священниковъ, какъ духовныхъ пастырей освобожденнаго народа, постоянно живущихъ среди него и хорошо знающихъ всѣ его духовно-нравственныя и матеріальныя нужды и потребности, его хорошія и дурныя качества, весь его бытъ. Но чтобы наше сельское духовенство могло пріобрѣсти такое благотворное вліяніе на народъ, прежде всего оно должно быть достаточно обезпечено въ своихъ собственныхъ матеріальныхъ нуждахъ, не менѣе, чѣмъ обезпечены у насъ не только протестантскіе пасторы и католическіе ксендзы, но и еврейскіе раввины и татарскіе муллы, ибо иначе наши сельскіе приходскіе священники будутъ вынуждены все свое свободное отъ исполненія установленныхъ церковныхъ службъ и требъ время употреблять на разныя тяжелыя работы ради насущнаго хлѣба и, слѣдовательно, не будутъ въ состояніи исполнять свои учительныя пастырскія обязанности. Къ числу этихъ обязанностей принадлежитъ и участіе приходскаго духовенства въ начальномъ образованіи народа, которое должно состоять въ слѣдующемъ: 1) при каждой приходской церкви должна быть школа грамотности для обученія дѣтей прихожанъ начаткамъ православнаго христіанскаго ученія, чтенію, письму, начальному счисленію и церковному пѣнію. Церковно-приходская школа состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи священника и все обученіе въ ней происходитъ въ установленное время подъ его наблюденіемъ и отвѣтственностью; 2) священникъ обязанъ заботиться объ устройствѣ начальнаго обученія въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ своей приходской церкви, и возможно чаще посѣщать эти деревни для личнаго наблюденія за ходомъ обученія.

Со мной соглашались въ принципѣ, но говорили, что мое предложеніе не можетъ быть осуществлено одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, потому что 1) наши сельскіе священники не приготовлены для такой руководящей религіозно-нравственной дѣятельности; 2) такъ какъ освобожденіе крестьянъ не

можетъ состоять въ предоставленіи имъ одной личной свободы, но они должны получить опредѣленные надѣлы, которые не могутъ быть отчуждены отъ помѣщиковъ безвозмездно, то отъ казны потребуются громадныя средства, не менѣе одного милліарда рублей, на выкупъ земельныхъ надѣловъ и, слѣдовательно, поднимать теперь-же вопросъ объ обезпеченіи сельскаго приходскаго духовенства, которое потребуетъ ежегодно еще десятки милліоновъ рублей, было-бы крайне несвоевременно и непрактично; 3) предполагаются губернскія и уѣздныя выборныя земскія учрежденія, которымъ будетъ предоставлено заботиться объ удовлетвореніи своихъ мѣстныхъ нуждъ, въ томъ числѣ и объ устройствѣ начальнаго народнаго образованія; нѣтъ сомнѣнія, что земства на первыхъ-же порахъ озаботятся о необходимомъ обезпеченіи приходскаго духовенства, и, наконецъ, 4) усложнять дѣло крестьянской реформы еще какимъ-нибудь новымъ вопросомъ никакъ не слѣдуетъ, а необходимо заботиться только о возможно скорѣйшемъ разрѣшеніи ея.

Я не могъ не признать основательности этихъ возраженій со стороны вышепоименованныхъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, горячо и искренне преданныхъ великому дѣлу освобожденія крестьянъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не поколебался и въ моемъ убѣжденіи и рѣшился попытать другой путь. Я написалъ небольшую статью «Мысли объ устройствѣ правильной системы воспитанія и обученія» и просилъ Е. П. Ковалевскаго, директора азіатскаго департамента, съ которымъ часто встрѣчался у князя Горчакова, представить ее брату его, министру народнаго просвѣщенія. Онъ обѣщалъ; но, не получивъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ никакого отвѣта, я лично представилъ мою статью А. В. Головнину, который тотчасъ-же прочелъ ее и предложилъ напечатать въ «Морскомъ Сборникѣ», въ которомъ уже была помѣщена педагогическая статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», но съ исключеніемъ изъ нея тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорилось о необходимости неотложнаго обезпеченія сельскаго приходскаго духовенства, въ виду предстоявшей ему, съ освобожденіемъ крестьянъ, новой руководящей религіозно-нравственной просвѣтительной дѣятельности. Я на это не согласился.

Теперь читателямъ будетъ понятно, почему я при каждомъ удобномъ случаѣ говорилъ графу Д. А. Толстому о необходимости обезпеченія сельскаго приходскаго духовенства, чтобы оно могло не только принять дѣйствительное ревностное участіе въ начальномъ народномъ образованіи, но и вообще исполнять свою благотворную для народа, просвѣтительную религіозно-нравственную дѣятельнсоть, и, должно

быть, сильно надоѣлъ ему, такъ что онъ наконецъ сказалъ мнѣ: «Перестаньте; подите сами къ Рейтерну, убѣдите его; мнѣ онъ говоритъ, что не можетъ дать ни копейки; казна пуста, ежегодные дефициты». Но за-то мои доклады по Ученому комитету о проектахъ уставовъ учительскихъ семинарій, представленныхъ московскимъ, новгородскимъ, вятскимъ и еще нѣкоторыми земствами, удостоивались полнаго одобренія графа, и въ 1870 году онъ поручилъ члену совѣта А. С. Воронову представить соображенія о преобразованіи состоявшихъ при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ педагогическихъ курсовъ, для приготовленія начальныхъ учителей въ учительскія семинаріи, на основаніи положенія о Молодечнянской учительской семинаріи. Затѣмъ, въ концѣ того-же года, графъ Толстой внесъ въ Государственный Совѣтъ свое первое представленіе объ учрежденіи пяти учительскихъ семинарій, по одной въ каждомъ изъ названныхъ учебныхъ округовъ, взамѣнъ означенныхъ педагогическихъ курсовъ, которое и было Высочайше утверждено 24 мая 1871 года. Въ этомъ представленіи, объяснивъ, что педагогическіе курсы для приготовленія учителей въ начальныя народныя училища были учреждены при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ по всеподданнѣйшему докладу, 23 марта 1865 г., бывшаго министра А. В. Головнина, въ видѣ опыта, впредь до учрежденія педагогическихъ семинарій, графъ говоритъ, между прочимъ: «При осмотрѣ мною педагогическихъ курсовъ въ Смоленскѣ, Владимірѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Курскѣ, Одессѣ, Кишиневѣ и Новочеркасскѣ, я нашелъ ихъ вообще неудовлетворительными, преподаваніе въ нихъ мало чѣмъ отличается отъ преподаванія въ уѣздныхъ училищахъ. Обстоятельство это побудило меня остановиться на мысли: не полезно-ли было-бы, вмѣсто означенныхъ курсовъ, приступить нынѣ-же къ устройству въ каждомъ изъ пяти учебныхъ округовъ, въ которыхъ таковые курсы существуютъ, по одной учительской семинаріи.

«По сдѣланному по сему предмету сношенію съ попечителями подлежащихъ учебныхъ округовъ, сіи послѣдніе отозвались всѣ въ томъ-же смыслѣ, что для успѣшнаго приготовленія учителей для начальныхъ народныхъ училищъ учрежденіе учительскихъ семинарій, вмѣсто существующихъ педагогическихъ курсовъ, было-бы, безъ сомнѣнія, цѣлесообразнѣе» *).

Осенью того-же года было внесено въ Государственный Совѣтъ

*) Сборн. постан. по Мин. Народн. Просвѣщ. Томъ пятый, ст. 63, стр. 165.

второе представленіе объ учрежденіи еще пяти учительскихъ семинарій въ тѣхъ-же пяти учебныхъ округахъ, въ которомъ, по поводу несогласія управлявшаго Министерствомъ Финансовъ генерала Грейга на ассигнованіе изъ Государственнаго Казначейства потребной на содержаніе этихъ заведеній суммы (84.000 р.), между прочимъ, на томъ основаніи, что «вопросъ объ открытіи новыхъ пяти учительскихъ семинарій представляется рановременнымъ, потому что въ этихъ округахъ недавно разрѣшено уже учредить пять учительскихъ семинарій, которыя не успѣли еще оправдать возложенной на нихъ задачи и доказать вообще полезность подобнаго рода учебныхъ заведеній, графъ Толстой объясняетъ:

«Трудно указать какіе-либо достаточные поводы къ тому, чтобы сомнѣваться въ благотворности учрежденія учительскихъ семинарій. Напротивъ, пользу и необходимость этого рода учебныхъ заведеній для успѣшнаго развитія народнаго образованія со всею очевидностію доказываетъ многолѣтній опытъ образованнѣйшихъ странъ Западной Европы, именно: Германіи, Англіи, Бельгіи, Швейцаріи и др. Въ этихъ государствахъ, гдѣ издавна существуютъ правильно-организованныя системы народныхъ училищъ, изъ всѣхъ способовъ приготовленія учителей, испытанныхъ въ теченіе долгаго времени, самымъ правильнымъ и единственно удовлетворяющимъ цѣли признано учрежденіе для этого учебныхъ заведеній, извѣстныхъ подъ именемъ учительскихъ семинарій и нормальныхъ учительскихъ школъ, правительства, общественное мнѣніе, педагогическая теорія и практика единогласно признаютъ тамъ необходимость и незамѣнимость подобныхъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей въ народныя училища».

«То-же самое подтверждаетъ внимательное знакомство съ современнымъ состояніемъ отечественныхъ народныхъ школъ. Извѣстно, что изъ существующихъ у насъ учительскихъ семинарій старѣйшая находится въ Дерптѣ, учрежденная въ 1828 г. собственно для приготовленія учителей въ начальныя городскія училища Остзейскаго края. Благотворное дѣйствіе этой семинаріи обнаруживается въ томъ, что элементарныя училища въ городахъ того края имѣютъ рѣшительное преимущество предъ подобными училищами внутреннихъ губерній Имперіи по основательности преподаванія и по нравственному вліянію на мѣстное народонаселеніе. Затѣмъ, по времени учрежденія въ учебныхъ округахъ, слѣдуетъ учительская семинарія въ м. Молодечнѣ (Виленской губ.), открытая въ 1864 г. Несмотря на недавнее существованіе, и эта семинарія успѣла уже дать самые утѣшительные

результаты, доказывая, что учительскія семинаріи составляютъ самые надежные разсадники хорошихъ учителей для народныхъ школъ. Воспитанники Молодечнянской семинаріи, занимающіе должности учителей въ народныхъ училищахъ, по отзывамъ начальства Виленскаго учебнаго округа, равно какъ и директоровъ и инспекторовъ тамошнихъ народныхъ училищъ, ведутъ свое дѣло съ примѣрнымъ знаніемъ и усердіемъ, при отличномъ поведеніи, и потому пользуются совершеннымъ довѣріемъ мѣстныхъ обществъ, родителей и учащихся дѣтей.

«Не менѣе одобрительные отзывы отъ окружнаго учебнаго начальства и директоровъ народныхъ училищъ получены и постоянно получаются министерствомъ объ усердной и полезной преподавательской дѣятельности въ народныхъ училищахъ бывшихъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ, устроенныхъ земствами Московской, Рязанской, Новгородской и нѣкоторыхъ другихъ губерній.

«Въ виду такихъ положительныхъ свѣдѣній изъ опыта разныхъ странъ въ пользу учительскихъ семинарій относительно народнаго образованія, по моему убѣжденію, рѣшительно невозможно какое-либо недовѣріе къ таковымъ учебнымъ заведеніямъ, такъ какъ подобное недовѣріе въ настоящемъ случаѣ равнялось-бы неоснованному на фактахъ сомнѣнію въ пользѣ и цѣлесообразности могущественнаго средства, которымъ такъ удачно пользуются на нашихъ глазахъ другія государства для блага своихъ подданныхъ» *).

Высочайшее утвержденіе этого представленія, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, послѣдовало 1-го декабря 1871 г., причемъ Министру Народнаго Просвѣщенія предоставлено было примѣнять къ этимъ новымъ учительскимъ семинаріямъ, согласно его представленію, Высочайше утвержденные Положеніе и штатъ Молодечнянской учительской семинаріи, съ присовокупленіемъ по 2.000 р. въ годъ на каждую семинарію для найма помѣщенія **).

Эти два представленія графа Толстаго, внесенныя въ Государственный Совѣтъ и Высочайше утвержденныя въ одинъ и тотъ-же годъ, ясно показываютъ, что изъ противниковъ учительскихъ семинарій графъ Д. А. Толстой сдѣлался ихъ ревностнѣйшимъ защитникомъ, и распространителемъ. Съ какою настойчивою энергіею онъ продолжалъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи, доказываетъ открытіе въ 1872 г.

*) Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. V, стр. 605—607.

**) Тамъ-же, стр. 597.

еще 11 новыхъ учительскихъ семинарій и преобразованіе педагогическихъ курсовъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ въ учительскія семинаріи. 6-го ноября 1875 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о предоставленіи Министру Народнаго Просвѣщенія открывать приготовительные классы при учительскихъ семинаріяхъ, которыхъ въ 8 учебныхъ округахъ Европейской Россіи, кромѣ Дерптскаго и Варшавскаго, было уже 29, причемъ большая часть изъ нихъ имѣла свои собственныя удобныя помѣщенія, такъ что на устройство приготовительныхъ классовъ не потребовалось ассигнованія новыхъ суммъ изъ Государственнаго Казначейства, а на это назначены были по 2.000 р., отпускавшіяся на наемъ помѣщеній для семинарій. При оставленіи графомъ Толстымъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1880 г., учительскихъ семинарій во всѣхъ учебныхъ округахъ Имперіи было 45 съ 2.500 учащимися. Въ настоящее время число семинарій возрасло до 55, а число учащихся въ нихъ превышаетъ 3.000, изъ которыхъ ежегодно оканчиваютъ успѣшно курсъ съ правомъ быть учителями въ начальныхъ народныхъ училищахъ около 900 человѣкъ. Это крайне мало даже при существующихъ у насъ въ настоящее время около 45.000 этихъ училищъ, считая въ томъ числѣ и церковно-приходскія школы. А вѣдь намъ нужно около 200.000 начальныхъ народныхъ училищъ и школъ, чтобы грамотность могла распространяться въ русскомъ народѣ въ такой-же степени, какъ въ Англіи и Франціи (около 75%), не говоря уже о протестантской Германіи и трехъ скандинавскихъ государствахъ, въ которыхъ почти все народонаселеніе грамотно и знаетъ свою религію, насколько необходимо для каждаго христіанина. Среднее число грамотныхъ въ народонаселеніи Европейской Россіи составляетъ около 20%, т.-е. на 5% менѣе, чѣмъ считается въ Испаніи, причемъ собственно въ православномъ русскомъ народѣ не болѣе 15% грамотныхъ. Слѣдовательно, если гдѣ, то именно въ Россіи для болѣе успѣшнаго распространенія начальнаго образованія въ народѣ необходима согласная, единодушная энергическая дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія, духовнаго вѣдомства и городскихъ обществъ и земствъ.

Н. Вессель.

ПАМЯТИ В. П. КОХОВСКАГО.

Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по мѣрѣ проникновенія въ наше общество сознанія объ устарѣлости унаслѣдованныхъ имъ формъ общественныхъ, оно съ лихорадочною поспѣшностью торопилось сбросить съ себя ветхія одежды и облечься въ новыя, болѣе соотвѣтствующія его историческому росту. Реформы коснулись всѣхъ сторонъ нашей общественной и государственной жизни; онѣ коснулись и обученія, и воспитанія. Мнѣніе, что всѣ предпринятыя реформы тогда только принесутъ добрые плоды, когда онѣ будутъ сознательно восприняты народомъ, а народъ можетъ отнестись къ нимъ сознательно только при условіи извѣстной степени развитія, было въ эту эпоху общераспространеннымъ. Съ одной стороны, самыя реформы должны были дѣйствовать воспитательно на народъ, съ другой стороны—общество и правительство спѣшили на помощь, открывая школы, пробуждая и поддерживая охоту къ чтенію, къ самообразованію. Приходилось не только создать начальную школу, требовалось также преобразовать и среднеучебныя заведенія. Въ литературѣ былъ поднятъ вопросъ о значеніи метода въ преподаваніи, обращено было вниманіе на важную роль принципа наглядности.

Военное вѣдомство, отзывчиво относившееся къ насущнымъ потребностямъ, преобразовало свои учебныя заведенія, придавъ имъ характеръ общеобразовательныхъ, позаботилось о спеціальной подготовкѣ преподавателей для низшихъ классовъ, поняло значеніе наглядности, важности учебныхъ пособій. При Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній полагается основаніе первому у насъ педагогическому музею, въ томъ-же учрежденіи возникаетъ мысль о чтеніи для нижнихъ чиновъ и для народа.

Съ развитіемъ и процвѣтаніемъ какъ педагогическаго музея, такъ и народныхъ чтеній тѣсно связано имя безвременно-умершаго Всеволода Порфирьевича Коховскаго.

В. П. Коховскій родился 2-го марта 1835 г., воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ полку, гдѣ и кончилъ курсъ наукъ въ 1853 г. Восемнадцатилѣтній юноша, только-что произведенный въ офицеры, онъ черезъ мѣсяцъ отправляется въ дѣйствующую армію, готовившуюся къ переправѣ на правый берегъ Дуная, участвуетъ въ дѣлахъ противъ турокъ и при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, и при движеніи отряда генералъ-адъютанта Лидерса къ Силистріи, и при осадѣ этой крѣпости въ отраженіи турецкихъ вылазокъ, причемъ имѣлъ не разъ случай выказать личную храбрость, полное хладнокровіе и самообладаніе. Вернувшись въ Россію 4-го сентября 1854 г., онъ въ октябрѣ того-же года былъ переведенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ.

Знаменательная эпоха, переживаемая тогда нашимъ отечествомъ, принесшая горькое разочарованіе въ нашей непобѣдимости, во очію обнаружившая всю несостоятельность господствовавшихъ тогда порядковъ, нашу отсталость отъ Западной Европы, послужила исходнымъ пунктомъ нашего возрожденія. Русское общество проснулось отъ тяжелаго сна и быстрыми шагами пошло по пути усовершенствованія, какъ-бы спѣша нагнать потерянное. Всюду чувствовалось необыкновенное оживленіе, подъемъ духа, стремленіе къ свѣту, знанію, къ общественной дѣятельности. Это общее движеніе не могло не коснуться и не увлечь воспріимчиваго, даровитаго молодаго офицера, который, во время кампаніи, лично убѣдился въ томъ, чего намъ недоставало. Строевая служба не могла удовлетворять его пытливаго ума, по своему первоначальному серьезному воспитанію онъ не могъ сдѣлаться блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, да и время было не такое, и среди офицерства тогда проявлялось замѣтное стремленіе къ образованію, серьезному чтенію, желаніе поступить въ университетъ, посвятить свободное время научнымъ занятіямъ. Увлеченный этимъ вѣяніемъ, господствовавшимъ въ средѣ избранной молодежи тогдашняго времени, В. П. принимается за книги, усердно готовится, и въ августѣ 1860 г. поступаетъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ исходѣ 1862 г. онъ кончаетъ курсъ въ академіи.

Въ это время все общество, особенно военныхъ, сильно занималъ вопросъ о преобразованіи тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ. Разработка этого вопроса была поднята съ цѣлью обновленія военно-учебныхъ заведеній, съ цѣлью придать имъ характеръ по преимуществу общеобразовательныхъ заведеній, обратить особенно вниманіе на воспитательную часть, органически связавъ ее съ учебною. Эти задачи были встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ, особенно молодымъ поколѣніемъ, лучшія силы котораго готовы были посвятить себя воспитанію

юношества. Черезъ два съ половиною мѣсяца по окончаніи курса въ академіи, В. П. прикомандировывается къ Павловскому кадетскому корпусу, а по упраздненіи корпуса, 9 октября 1863 г. перечисляется въ Павловское военное училище съ утвержденіемъ его въ должности командира 1-ой роты. Но обязанности ротнаго командира въ военномъ училищѣ мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ-же обязанностей въ полку, отношенія его къ юнкерамъ носятъ исключительно оффиціальный, служебный характеръ, и едва-ли представляли то, чего искалъ В. П. А потому неудивительно, что черезъ полгода онъ получаетъ назначеніе состоять при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній для приготовленія къ занятію должности инспектора классовъ. Здѣсь выдающіяся его способности обращаютъ на себя вниманіе начальства, и черезъ десять мѣсяцевъ ему предлагаютъ мѣсто начальника втораго, т.-е. учебнаго отдѣленія. Это новое назначеніе вполнѣ удовлетворяло широкимъ стремленіямъ В. П. Кадетскіе корпуса преобразуются въ военныя гимназіи. Второе отдѣленіе вѣдаетъ учебную часть всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, оно слѣдитъ за нею, направляетъ, объединяетъ ее. Дѣятельный, предпріимчивый начальникъ отдѣленія, имѣющій докладъ у Главнаго начальника, въ то время, когда еще устанавливался новый типъ военно-учебныхъ заведеній, могъ оказать большое вліяніе на ходъ и на направленіе всего учебнаго и воспитательнаго дѣла.

Просматривая отчеты различныхъ военно-учебныхъ заведеній, журналы педагогическихъ и воспитательныхъ комитетовъ, характеристики воспитанниковъ, В. П. дѣлалъ изъ нихъ выборки, группировалъ ихъ, освѣщалъ и подъ псевдонимомъ Нуо (начальникъ учебнаго отдѣленія) помѣщалъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ», издаваемомъ при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній.

По его иниціативѣ, въ 1868 г. главный начальникъ издалъ приказъ составить подъ предсѣдательствомъ В. П. комиссію, которой было поручено выработать общую инструкцію по воспитательной части для военныхъ гимназій и прогимназій. Изъ руководящихъ началъ, положенныхъ въ основу работъ членовъ комиссіи, можно видѣть, какъ смотрѣлъ В. П. на задачи воспитанія.

«Приступая къ составленію инструкціи, комиссія предварительно ознакомилась съ матеріалами по этому предмету, доставленными военными гимназіями. При всемъ своемъ обиліи, матеріалы эти не обнимаютъ воспитательнаго дѣла во всемъ его объемѣ и страдаютъ отсутствіемъ системы, которая, указывая опредѣленныя общія начала воспитанія, устранила-бы часто встрѣчающіяся на практикѣ колебанія во взглядѣ заведенія на отдѣльные факты, представляющіеся его наблю-

денію. Вслѣдствіе сего, въ упомянутыхъ матеріалахъ педагогическіе вопросы нерѣдко разсматриваются односторонне, затрогиваются *частности*, а упускается изъ виду *общее* и, наконецъ, недостаточно выясняются основныя идеи, руководящія выборомъ частныхъ средствъ и мѣропріятій» *).

Коммиссія не ставитъ этого въ вину заведеніямъ, она даже готова считать такое явленіе естественнымъ, такъ какъ воспитательные комитеты, воспитатели и преподаватели имѣютъ дѣло съ тѣми ежедневными мелочами, частными отдѣльными случаями, изъ которыхъ и складывается внутренняя жизнь заведенія; всѣ заботы и стремленія лицъ, прикосновенныхъ къ воспитательному дѣлу, направлены исключительно къ рѣшенію частныхъ, а не общихъ вопросовъ жизни и направленія заведенія.

Но для правильной и прочной постановки дѣла необходимы руководящія начала, которыя, выработанныя центральнымъ управленіемъ, должны «способствовать одинаковому пониманію *цѣлей воспитанія* и выбору цѣлесообразныхъ средствъ какъ въ общемъ, такъ и въ частныхъ случаяхъ».

Каковъ-же долженъ быть характеръ этой общей для всѣхъ военныхъ гимназій инструкціи по воспитательной части? Что практичнѣе: «дать-ли гимназіямъ инструкцію, которая помогла-бы имъ упорядочить *внѣшнее проявленіе* жизни учебно-воспитательнаго заведенія, или-же инструкцію, опредѣляющую основы веденія воспитательнаго дѣла въ полномъ его объемѣ?»

Коммиссія, состоявшая изъ выдающихся воспитательныхъ силъ того времени, работавшая подъ предсѣдательствомъ В. П., не могла удовлетвориться инструкціею перваго рода, которая только закрѣпила-бы извѣстныя формы веденія дѣла, по существу своему подвижныя, вдалась-бы въ крайнія частности, и тѣмъ, волею-неволею, стѣснила-бы полезную самодѣятельность заведеній. Она не боялась разнообразія внѣшнихъ порядковъ, не считала его вреднымъ, разъ только эти разнообразные пріемы ведутъ къ одной и той-же общей цѣли. А потому она и остановилась на выработкѣ инструкціи втораго типа. Эта работа, тѣ взгляды, которыми руководствуется коммиссія, даютъ намъ возможность судить и о томъ, какъ смотрѣлъ предсѣдатель на дѣло воспитанія и на тѣ задачи, которыя выпали на его долю, какъ начальника учебнаго отдѣленія Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

---

*) «Педагогическій Сборникъ», кн. XI, 1869 г.

Вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, приступая въ 1863 г. къ преобразованію кадетскихъ корпусовъ, положило въ основу преподаванія методъ наглядности. Но, чтобы съ успѣхомъ провести этотъ методъ въ школьной жизни, нужно было имѣть цѣлесообразный подборъ учебныхъ пособій, нужно было познакомить самихъ преподавателей какъ съ пособіями, такъ и съ употребленіемъ этихъ пособій при преподаваніи. Съ этою цѣлью приказомъ Главнаго начальника отъ 9-го февраля 1864 г. были учреждены при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній педагогическая библіотека и педагогическій музей. Въ библіотекѣ каждое лицо, посвятившее себя дѣлу обученія или воспитанія, могло найти полное собраніе какъ педагогическихъ сочиненій, такъ и журналовъ, при помощи которыхъ являлась возможность ознакомиться со всѣми отраслями педагогической науки какъ въ теоріи, такъ и въ ея разнообразнѣйшихъ примѣненіяхъ къ практикѣ обученія и воспитанія. Педагогическій-же музей, какъ собраніе русскихъ и иностранныхъ пособій, давалъ возможность воспитателямъ и преподавателямъ знакомиться съ этими пособіями, а учебнымъ заведеніямъ—выбирать то, что наиболѣе отвѣчало ихъ воспитательнымъ и учебнымъ потребностямъ.

Завѣдываніе музеемъ при его возникновеніи было поручено В. К. Классовскому, который по причинѣ болѣзни въ іюнѣ 1865 г. отказался отъ занимаемой имъ должности, и исправляющимъ должность библіотекаря и завѣдующимъ музеемъ былъ назначенъ Н. И. Константиновъ.

Принявъ все имущество, онъ нашелъ до тысячи сочиненій и слабые начатки музея: въ витринахъ находились пособія для занятій по системѣ Ф. Фрёбеля, нѣсколько картинъ заграничнаго производства по естественной исторіи, технологіи и два ящика картинъ на стеклѣ англійскаго производства съ волшебнымъ фонаремъ. Когда всѣ эти предметы были приведены въ порядокъ, была созвана, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Н. В. Исакова, коммиссія изъ учредителя музея Министерства Государственныхъ Имуществъ, Черняева, Н. X. Веселя, К. К. Сентъ-Илера и Н. Ив. Константинова для изысканія способовъ пополненія музея. На этомъ-же засѣданіи было рѣшено учредить въ слѣдующемъ году выставку учебныхъ пособій, находящихся въ военно-учебныхъ и другихъ заведеніяхъ. На приглашеніе коммиссіи любезно откликнулись всѣ военно-учебныя заведенія въ Петербургѣ, одна изъ московскихъ военныхъ гимназій, нѣкоторыя учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія и одинъ институтъ. По окончаніи выставки та-же коммиссія выбрала болѣе под-

ходящія пособія и, съ пріобрѣтеніемъ ихъ, музей обогатился значительнымъ числомъ коллекцій. Въ 1867 г. музей еще обогатился драгоцѣнными пособіями, пріобрѣтенными на Парижской выставкѣ. Затѣмъ къ нимъ присоединилась коллекція, выставленная Юліаномъ Ивановичемъ Симашко. Впослѣдствіи музей пріобрѣталъ свои пособія преимущественно за границей. Они относились, главнымъ образомъ, къ начальному, элементарному обученію.

В. П., занявъ мѣсто начальника учебнаго отдѣленія, обратилъ особое вниманіе на музей, понимая, какую важную услугу онъ можетъ оказать дѣлу обученія, если подборъ пособій будетъ цѣлесообразенъ, удовлетворитъ общеобразовательному курсу и самыя пособія, по своей цѣнѣ, будутъ доступны даже и небогатой школѣ. У него зарождается мысль создать производство у насъ учебныхъ пособій и путемъ конкурренціи удешевить ихъ. Осуществленію этой мысли помогла Всероссійская мануфактурная выставка 1870 г., въ зданіи Солянаго городка.

Пополнивъ пособія музея приборами, нѣкоторыми наиболѣе цѣнными коллекціями, имѣющимися въ петербургскихъ, московскихъ и ближайшихъ къ Петербургу военно-учебныхъ заведеніяхъ, В. П. привлекъ къ выставкѣ существовавшихъ въ то время производителей учебныхъ пособій и торговыя фирмы Рихтера, Вестберга, Беггрова, книжные магазины Мелье, Шмицдорфа, Глазунова, картографическое заведеніе Ильина и др., такъ что педагогическій музей на выставкѣ могъ представить полную систематически подобранную картину всѣхъ пособій, примѣнимыхъ при воспитаніи и обученіи отъ азбуки до полнаго курса среднеучебнаго заведенія.

Онъ заключалъ въ себѣ:

А. Учебныя пособія: 1) къ курсу военныхъ гимназій и прогимназій—по Закону Божію, математикѣ, физикѣ и космографіи, естественной исторіи, географіи, политической исторіи, рисованію и чистописанію, 2) къ курсу начальной школы и 3) къ первоначальному обученію въ семьяхъ и дѣтскихъ садахъ.

Б. Воспитательныя пособія: 1) необязательныя занятія воспитанниковъ въ свободное время мастерствами, ремеслами и искусствами; 2) элементы воспитательной обстановки въ помѣщеніи учениковъ (картины, цвѣты, акваріи, терраріи); 3) библіотека учебная и для чтенія; 4) гимнастика, игры (на воздухѣ и въ комнатѣ), инструменты и матеріалы для занятій мастерствами, ремеслами и искусствами.

В. Классная мебель: образцы употребительнѣйшихъ классныхъ столовъ и скамей, досокъ и пр.

Цѣли, которыя преслѣдовала педагогическая выставка, были формулированы такъ:

1) Ознакомить учебныя заведенія и посѣтителей выставки съ возможно полнымъ выборомъ учебныхъ пособій по каждому предмету курса.

2) Вызвать производство въ Россіи тѣхъ изъ учебныхъ пособій, необходимыхъ для курса, которыя до сего времени получались изъ заграницы и образцы которыхъ помѣщены на выставкѣ въ ряду предметовъ русскаго приготовленія.

3) Удешевить, насколько окажется нынѣ возможнымъ, производство учебныхъ пособій.

Удешевленіе наглядныхъ пособій организаторъ выставки предполагалъ осуществить выборомъ, въ возможныхъ, конечно, случаяхъ, болѣе дешеваго матеріала, изъ котораго приготовляются пособія, и обращеніемъ къ непосредственнымъ производителямъ.

Выставку пособій для начальной школы и для обученія въ семьяхъ и дѣтскихъ садахъ онъ оправдываетъ тѣмъ, что «Военное Министерство имѣло въ виду выполнить свои обязанности по отношенію къ начальнымъ школамъ, находящимся въ его вѣдѣніи, и по отношенію къ семьямъ, изъ которыхъ оно получаетъ на воспитаніе дѣтей въ свои среднія и низшія учебныя заведенія и которымъ оно нерѣдко оказываетъ денежную помощь на воспитаніе малолѣтнихъ».

Это оправданіе было необходимо, такъ какъ въ то время раздавались голоса, что Военное Министерство берется не за свое дѣло, вторгается въ область, ему не принадлежащую.

Собравъ такую богатую коллекцію пособій, В. П. Коховскій рѣшилъ довершить свой трудъ изданіемъ «Каталога учебныхъ и воспитательныхъ пособій педагогическаго отдѣла Военнаго Министерства. Выставка 1870 года».

Какъ лицо, черезъ руки котораго проходила отчетность о всемъ ходѣ учебнаго дѣла въ военныхъ гимназіяхъ, онъ былъ близко знакомъ съ личнымъ составомъ воспитателей и преподавателей и съ свойственною ему проницательностью съумѣлъ привлечь лучшія силы къ составленію этого объяснительнаго каталога. По каждому предмету были приглашены по два, по три преподавателя, которые ознакомились съ выставленными предметами, составили на особыхъ карточкахъ описанія и краткіе отзывы объ этихъ предметахъ, приготовили, гдѣ нужно, небольшія вступительныя статьи, и черезъ недѣлю вышелъ изъ печати почтенный трудъ въ триста сорокъ страницъ объяснительнаго каталога.

Составленіе и изданіе подобнаго, впервые являющагося, каталога есть уже немаловажная услуга учебно-воспитательному дѣлу. Въ немъ были въ системѣ указаны всѣ необходимыя пособія при домашнемъ обученіи и воспитаніи въ начальной школѣ и въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Читатель въ немъ найдетъ хорошій выборъ приборовъ для физическаго кабинета, все необходимое по тогдашнему времени указано, все лишнее, не относящееся непосредственно къ преподаванію, исключено, полную роскошную коллекцію пособій по естествознанію, которое было довольно серьезно поставлено въ военныхъ гимназіяхъ и по числу уроковъ, и по объему программъ, прекрасный выборъ пособій по географіи и исторіи и т. п.

Внесеніе въ число выставленныхъ предметовъ также и учебныхъ пособій для начальной школы и для обученія въ семьяхъ и дѣтскихъ садахъ вызываетъ особенную благодарность къ организатору выставки. Въ то время у насъ не было правильно устроенной начальной школы, да, по правдѣ сказать, ея нѣтъ и теперь, какъ первой ступени общеобразовательнаго курса. Начальнымъ школамъ, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, всегда стремились придать скорѣе спеціальный характеръ школъ грамотности; онѣ стоятъ особнякомъ и не введены въ систему общеобразовательныхъ заведеній. А между тѣмъ, кому-же неизвѣстно, что отъ первыхъ школьныхъ шаговъ нерѣдко зависитъ вся будущность учащагося, что при начальномъ обученіи пріобрѣтаются тѣ навыки, привычки, которые обусловливаютъ успѣхъ или неуспѣхъ дальнѣйшихъ занятій, и если гдѣ и играютъ важную роль правильные пріемы и методы, то это, конечно, при начальномъ обученіи; хотя ни за что не принимаются съ такою легкою совѣстью, какъ за обученіе грамотѣ, счету и письму, и даже есть мыслящіе люди, которые полагаютъ и утверждаютъ, что на первой ступени можно учить по простотѣ, какъ Богъ на душу положитъ, и что всѣ эти пріемы и методы только праздныя выдумки неисправимыхъ теоретиковъ.

Въ отдѣлѣ каталога «Домашнее обученіе» можно найти довольно обстоятельныя свѣдѣнія о Фридрихѣ Фребелѣ и о его системѣ первоначальнаго воспитанія и обученія въ дѣтскихъ садахъ, указанъ цѣлый рядъ дѣтскихъ занятій, способствующихъ развитію дѣтей и производительно наполняющихъ ихъ досугъ; въ приложеніи данъ списокъ дѣтскихъ книгъ и дѣтскихъ журналовъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Благодаря обстоятельности и полнотѣ каталога и рисункамъ, дающимъ понятіе о тѣхъ пособіяхъ, которыя трудно представить, ката-

логъ не только имѣлъ значеніе для посѣтителей выставки, но онъ могъ служить прекрасною справочною книжкою при устройствѣ новаго средняго и начальнаго учебнаго заведенія.

Полный успѣхъ выставки доставлялъ устроителю ея не малое удовлетвореніе за тѣ невидные, но, тѣмъ не менѣе, многочисленные и подчасъ тяжелые труды и хлопоты, имъ пережитые въ это полное заботъ и тревогъ время. Но, по своей дѣятельной, подвижной, воспріимчивой природѣ, В. П. не могъ остановиться на первомъ успѣхѣ. Успѣхъ только окрылилъ его, прибавилъ энергіи, и пылкое воображеніе уже рисовало ему новые широкіе планы. Сношенія съ различными производителями учебныхъ пособій, завязанныя по поводу выставки, необходимость подыскать производителей нѣкоторыхъ предметовъ дали возможность осуществить давнишнюю мысль В. П.— удешевить, насколько возможно, производство учебныхъ пособій. Онъ былъ настолько увлеченъ своею идеею, такъ искренне вѣрилъ въ ту пользу, которую осуществленіе этой идеи принесетъ, такъ живо рисовалъ увлекательную картину будущаго успѣха, что всѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, въ большинствѣ случаевъ подчинялись его вліянію и охотно являлись осуществителями его предложеній, считая уже это дѣло вполнѣ своимъ. Этимъ путемъ ему удалось вызвать производство тѣхъ предметовъ, которые до того времени получались изъ-за границы, пріискать мастеровыхъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи и понизить цѣны вдвое, втрое и даже на нѣкоторые предметы вдесятеро противъ существовавшихъ. Правда, эти приборы сдѣланы были изъ болѣе дешевыхъ матеріаловъ, красное дерево было замѣнено березовымъ и даже сосновымъ, часто не отличались чистотою отдѣлки, какъ заграничные, но за-то пріобрѣтаемые за треть, за десятую часть прежде существовавшей цѣны, они становятся доступными даже для школъ небогатыхъ. Заказанные по иностраннымъ образцамъ или приготовленные по указаніямъ спеціалистовъ, они разсматривались и провѣрялись въ особыхъ коммиссіяхъ, душою которыхъ былъ В. П., нерѣдко дѣлавшій меткія и цѣнныя замѣчанія. Вполнѣ удовлетворяющіе своему назначенію получали письменное одобреніе отъ музея, что и обезпечивало до нѣкоторой степени производителю ихъ сбытъ.

По закрытіи выставки 1870 года, когда предметы, выставленные военно-учебными, нѣкоторыми гражданскими и частными учебными заведеніями, а также нѣкоторыми торговыми фирмами, экспонировавшими свои предметы подъ ярлыкомъ педагогическаго отдѣла Военнаго Министерства, были разобраны, тогда вполнѣ сказалась недо-

статочность и безсистемность того, что принадлежало педагогическому музею. Отсюда явилась забота пополнить коллекціи музея, хотя-бы въ томъ объемѣ, въ какомъ они находились въ каталогѣ выставки.

9-го ноября 1870 г. за № 44 состоялся приказъ Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, которымъ для дальнѣйшаго устройства и развитія педагогическаго музея, учреждалась коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника Коховскаго, изъ членовъ постоянныхъ: Н. Х. Весселя и завѣдывающаго педагогическою библіотекою и музеемъ Н. П. Константинова и временныхъ—изъ лицъ учебно-воспитательнаго состава петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній по приглашенію коммиссіи. Дѣлопроизводителемъ коммиссіи былъ назначенъ Н. П. Животовскій.

При пополненіи музея всѣ старанія были обращены на то, чтобы вновь пріобрѣтаемые приборы были русскаго производства, возможно болѣе удешевленные, причемъ ихъ помѣщали рядомъ съ иностранными, что давало случай посѣтителю сравнить тѣ и другіе и наглядно видѣть, что сдѣлано музеемъ. Пополненіе это шло весьма успѣшно, и уже въ началѣ 1871 г. В. П. могъ считать эту задачу настолько исполненною, что безъ ущерба дѣлу она могла отступить на второй планъ.

У Вс. П. зародилась болѣе широкая мысль обратить музей въ живое учрежденіе: собираніе коллекцій не должно быть конечною цѣлью, оно должно быть только средствомъ для болѣе широкой дѣятельности.

Вскорѣ послѣ выставки онъ образуетъ около себя тѣсный кружокъ изъ преподавателей первой и второй военныхъ гимназій и при ихъ помощи организуетъ публичныя чтенія по методикѣ общеобразовательныхъ предметовъ въ примѣненіи къ употребленію наглядныхъ пособій и публичныя бесѣды для дѣтей при помощи этихъ-же пособій. Мѣстомъ чтеній, числомъ девятнадцать, было зало Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. При осуществленіи этой своей мысли, В. П. натолкнулся на серьезныя затрудненія: помѣщеніе оказалось крайне недостаточнымъ, пособія приходилось къ каждому чтенію переносить изъ музея, что сопровождалось неизбѣжною порчею. Кромѣ того, самое помѣщеніе музея, при увеличеніи числа пособій, оказалось тѣснымъ и не давало возможности расположить всѣ пособія въ строгой послѣдовательности.

Изъ этого стѣснительнаго положенія музей былъ выведенъ счастливыми обстоятельствами. По инициативѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютанта Н. В. Исакова, педагогическій музей вошелъ въ составъ «Музея прикладныхъ знаній», какъ

его отдѣленіе, но, составляя его часть въ административномъ отношеніи, сохранилъ полную самостоятельность и свободу своихъ дѣйствій. Переселившись съ Васильевскаго острова въ Соляной Городокъ и занявъ 186 квадратныхъ саженъ вмѣсто 18-ти, занимаемыхъ имъ до того времени, музей имѣлъ возможность въ строгой системѣ размѣстить свои пособія. Двѣ обширныя аудиторіи, которыми могъ пользоваться музей, давали теперь В. П. возможность осуществить и его мысль о публичныхъ чтеніяхъ. По его докладу, состоялся отъ 16 декабря 1871 г. за № 48 приказъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній: составить чтенія для солдатъ какъ по предметамъ общаго, такъ и военнаго образованія. Чтенія эти для большей наглядности должны сопровождаться картинами, относящимися къ предмету чтенія и показываемыми съ помощью аппарата Дюбоска (волшебнаго фонаря). Организація и составленіе чтеній возложено на постоянную коммиссію педагогическаго музея съ правомъ приглашать въ свои засѣданія лицъ, не только служащихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но и постороннихъ, содѣйствіе которыхъ могло-бы принести пользу дѣлу.

Но чтенія для солдатъ были только предлогомъ открыть въ музеѣ болѣе обширную аудиторію для народа. Этого достигнуть В. П. рѣшился при посредствѣ тогдашняго С.-Петербургскаго градоначальника, генералъ-адъютанта Ѳ. Ѳ. Трепова. У генерала Трепова еще въ 1867 г. явилась мысль поучать народъ при помощи чтеній, сопровождаемыхъ картинами волшебнаго фонаря. Съ этою цѣлью онъ въ началѣ того же-года прислалъ чиновника особыхъ порученій каммергера Гвоздово-Голенка къ завѣдывавшему музеемъ Н. Ив. Константинову съ просьбою одолжить волшебный фонарь и картинъ на стеклѣ. А потому, когда В. П. сообщилъ Ѳ. Ѳ. Трепову, что было-бы полезно вмѣстѣ съ чтеніями для солдатъ открыть и народныя чтенія, генералъ-адъютантъ Треповъ выразилъ свое полное сочувствіе задуманному дѣлу, потому что находилъ его полезнымъ для рабочихъ классовъ столичнаго населенія. Онъ тогда-же принялъ на себя ходатайство, черезъ посредство шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта графа П. А. Шувалова, о разрѣшеніи открыть въ музеѣ, въ видѣ опыта, народыя чтенія. Высочайше утвержденная коммиссія выработала правила составленія этихъ чтеній, которыя и были утверждены Государемъ Императоромъ 19 декабря 1871 года.

Въ то-же время при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, съ разрѣшенія генералъ-адъютанта Н. В. Исакова, В. П. образовалъ коммиссію изъ нѣсколькихъ чиновниковъ особыхъ порученій

ній, состоявшихъ при Главномъ начальникѣ, двухъ членовъ, назначенныхъ градоначальникомъ, и одного отъ штаба войскъ, въ которую со всегдашнимъ своимъ искусствомъ привлекъ преимущественно преподавателей военно-учебныхъ заведеній (особенно 1-й С.-Петербургской военной гимназіи) для составленія народныхъ чтеній. Составители вносили свои труды въ коммиссію, гдѣ подробно разбиралось каждое чтеніе, дѣлались указанія, что и какъ надо измѣнить, вторично заслушивала передѣланное, и тогда только, когда коммиссія признавала его вполнѣ удовлетворяющимъ своимъ цѣлямъ, оно получало одобреніе. Душею всего дѣла былъ В. П. Онъ мирилъ противорѣчащія мнѣнія членовъ, умѣлъ поддержать автора, щадилъ его самолюбіе, нерѣдко предлагалъ не только тему для чтенія, но и указывалъ направленіе, въ которомъ ее должно разработать. Проникнутый самъ вѣрою въ важность возникающаго дѣла, онъ умѣлъ сообщить то-же настроеніе и своимъ сотрудникамъ, изъ которыхъ большинство отдались этому дѣлу помимо всякихъ матеріальныхъ разсчетовъ.

28 декабря 1871 г. музей открылъ народныя чтенія чтеніемъ «О Святой Землѣ», составленнымъ законоучителемъ 1-й военной гимназіи, протоіереемъ В. Г. Пѣвцовымъ, приготовившимъ цѣлый рядъ чтеній, содержаніе которыхъ было путешествіе по святымъ мѣстамъ Палестины. Первое чтеніе было произнесено по тексту, одобренному Министромъ Народнаго Просвѣщенія, какъ этого требовали временныя правила, А. И. Поповицкимъ, такъ какъ встрѣтилось препятствіе со стороны духовнаго начальства дозволить духовному лицу читать въ народной аудиторіи. Препятствіе это вскорѣ было устранено, и слѣдующія чтенія ужъ произносилъ самъ протоіерей В. Г. Пѣвцовъ.

Число слушателей съ каждымъ чтеніемъ быстро возрастало и вскорѣ достигло такого количества, что его не могла вмѣстить аудиторія, а потому пришлось одно и то-же чтеніе повторять два и даже три раза подрядъ, каждый разъ для новыхъ слушателей.

Интересъ къ чтеніямъ быстро возрасталъ. Аудиторія, переполненная слушателями, которые съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за чтеніемъ, полная тишина, серьезное отношеніе, взоръ, упорно устремленный на лектора, необыкновенная воспріимчивость электризовали лектора, а его увлеченіе, въ свою очередь, отражалось на слушателяхъ, и вскорѣ установилась духовная связь между тѣми и другими, дававшая нравственное удовлетвореніе тому, кто работалъ для народной аудиторіи. Не только народъ, но и образованный классъ, и высшая администрація относились къ этому дѣлу съ большимъ участіемъ. Этотъ успѣхъ, общее сочувствіе и одобреніе, получаемые В. П. со

всѣхъ сторонъ, служили лучшимъ доказательствомъ, что онъ вѣрно постигъ насущную потребность и съумѣлъ удачно удовлетворить ее. Они поддерживали въ немъ бодрость, онъ всецѣло отдался дѣлу, увлекался самъ и увлекалъ другихъ. Вокругъ него сплотилось нѣсколько лицъ, готовыхъ дѣлить его труды, придти во всякое время съ добрымъ совѣтомъ, выслушать и принять всякое предложеніе, всякое указаніе. Работа закипѣла, вносились новыя чтенія; одни принимались, другія забраковывались. Въ засѣданіяхъ коммиссіи могъ участвовать всякій, а внесшій работу, въ случаѣ ея одобренія, тѣмъ самымъ уже становился членомъ коммиссіи.

Гласность занятій была полная. Но среди явившихся съ желаніемъ-ли поработать на пользу народную, съ цѣлью-ли попробовать свои силы въ составленіи чтеній, въ разсчетѣ-ли на матеріальное вознагражденіе или въ надеждѣ заявить себя и выдвинуться, были такіе, чтенія которыхъ забраковывались и иногда послѣ неоднократныхъ переработокъ. Оскорбленное авторское самолюбіе, обманутыя надежды ставили такихъ лицъ нерѣдко въ непріязненное отношеніе къ этому дѣлу, и непріязнь свою они переносили обыкновенно на предсѣдателя, который одинъ являлся оффиціальнымъ, отвѣтственнымъ представителемъ «постоянной коммиссіи педагогическаго музея по составленію народныхъ чтеній».

Много такта, умѣнья, знанія человѣческаго сердца требовалось отъ В. П., чтобы по возможности оберечь авторское самолюбіе, но это не всегда удавалось, а потому требовалось и самообладаніе, и хладнокровіе, чтобы выслушивать несправедливые укоры, ѣдкія замѣчанія, а иногда даже вовсе неумѣстныя объясненія. Но въ этомъ новомъ непріятномъ положеніи В. П. всегда умѣлъ найтись и выйти съ достоинствомъ. Кому-же неизвѣстно, что въ нашемъ обществѣ всегда можно найти достаточное количество лицъ, способныхъ сомнѣваться въ жизненности и исполнимости всякаго возникающаго дѣла, готовыхъ всегда изречь свой приговоръ, что предпріятіе не будетъ имѣть успѣха; нашлись такіе цѣнители и возникшихъ народныхъ чтеній и вмѣстѣ съ оскорбленными они отнеслись съ полнымъ къ нему недовѣріемъ, стараясь при каждомъ удобномъ случаѣ уронить въ общественномъ мнѣніи этотъ «Треповскій университетъ», какъ они прозвали аудиторію педагогическаго музея.

Хотя при испрашиваніи Высочайшаго соизволенія на чтенія въ музеѣ участіе этого послѣдняго и было мотивировано тѣмъ, что музей обладаетъ богатымъ собраніемъ пособій, которыми и можно будетъ воспользоваться при чтеніяхъ, тѣмъ не менѣе находили, что Главное

управленіе военно-учебныхъ заведеній открытіемъ народныхъ чтеній въ аудиторіи музея вторглось въ область, ему не принадлежащую, да и въ самомъ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній открыто говорили, что начальникъ учебнаго отдѣленія занимается не своимъ дѣломъ.

Между тѣмъ чтенія для народа въ педагогическомъ музеѣ были разрѣшены Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 19-го декабря 1871 г. только въ видѣ опыта, какъ временная мѣра. Правда, опытъ оказался вполнѣ удачнымъ; онъ показалъ, что въ народѣ есть большая потребность въ умственной пищѣ, что правительство можетъ быть вполнѣ обезпечено въ томъ, что вмѣсто хлѣба не предложится камень, но въ этомъ успѣхѣ была и опасность для существованія народныхъ чтеній въ педагогическомъ музеѣ, въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній. И дѣйствительно, благодаря только энергической поддержкѣ генералъ-адъютанта Н. В. Исакова, Всеволоду Порфирьевичу удалось навсегда сохранить народныя чтенія въ аудиторіи педагогическаго музея и дать имъ дальнѣйшее правильное развитіе.

Черезъ три съ половиною мѣсяца по возникновеніи чтеній «по представленію генералъ-адъютанта Трепова и согласно заключенію временной Высочайше учрежденной коммиссіи, 17-го апрѣля 1872 года Высочайше было повелѣно учредить при управленіи С.-Петербургскаго градоначальника и Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія «постоянную коммиссію народныхъ чтеній», въ цѣляхъ придать имъ значеніе общей мѣры». Педагогическому-же музею военно-учебныхъ заведеній предоставлено продолжать существующія чтенія въ Соляномъ Городкѣ.

Этимъ повелѣніемъ коммиссія педагогическаго музея по народнымъ чтеніямъ утратила свое первоначальное значеніе, но за-то она получила уже неотъемлемое право продолжать эти чтенія.

Забота В. П. теперь была направлена на выборъ чтеній, на ихъ обстановку и на распространеніе ихъ въ народѣ.

Только чтенія, принятыя двумя третями голосовъ присутствующихъ членовъ, считались одобренными и допускались къ произношенію въ аудиторіи и только имѣвшія успѣхъ въ аудиторіи печатались подъ общимъ заголовкомъ «Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ» съ общею для всѣхъ нихъ виньеткою на оберткѣ.

Составитель чтенія долженъ былъ имѣть въ виду не слушателей аудиторіи Солянаго Городка, а лицъ, которыя никогда ничему не учились, а потому способъ изложенія, языкъ должны быть доступны такому слушателю. Цѣль народныхъ чтеній воспитательная: будить въ народѣ охоту къ пріобрѣтенію знаній, а не учебная.

Эти положенія легли въ основаніе всѣхъ работъ при ихъ исполненіи и оцѣнкѣ.

Неутомимая энергія В. П., его умѣнье очаровать тѣхъ, участіе которыхъ онъ считалъ полезнымъ и нужнымъ, обойти всякій щекотливый вопросъ, предугадать, куда клонятся пренія и остановить ихъ во-время, способность вдохновлять сотрудниковъ, постоянно, не смотря ни на какія уклоненія, направлять ихъ къ одной опредѣленной цѣли, ясно имъ сознаваемой и строго преслѣдуемой, образовали около него дѣятельную коммиссію, составъ которой если и мѣнялся, то ядро постоянно поддерживало добрыя старыя традиціи. Съ такимъ руководителемъ было работать легко, работа спорилась, и въ 18 лѣтъ занятій коммиссіи по народнымъ чтеніямъ было разсмотрѣно 977 чтеній, изъ нихъ принято 219, изъ которыхъ напечатано было 147 въ количествѣ 1.200.000 экземпляровъ, какъ сказано въ отчетѣ по случаю двадцатипятилѣтія педагогическаго музея.

Но, не довольствуясь строгимъ выборомъ чтеній, ихъ содержательностью, В. П. стремился удержать свою аудиторію и обстановкою чтеній: онъ хотѣлъ усилить воспитательное значеніе народной аудиторіи, пробуждая и питая эстетическія потребности слушателей. Съ этою цѣлью уже осенью 1872 г. онъ пригласилъ Ломакина съ его хоромъ принять участіе въ одномъ изъ чтеній. Впечатлѣніе, произведенное превосходнымъ пѣніемъ хора на аудиторію, было громадное, а потому предсѣдатель коммиссіи тогда-же рѣшилъ, что чтенія должны сопровождаться пѣніемъ и музыкою. Но такъ какъ музей не обладалъ средствами, чтобы уплачивать участвующимъ въ пѣніи и музыкѣ, то В. П. предложилъ Ломакину образовать хоръ изъ слушателей, пригласивъ желающихъ обучаться хоровому пѣнію. Ломакинъ выразилъ свою полную готовность, и подъ руководствомъ такого опытнаго преподавателя дѣло сразу было поставлено правильно. Когда-же Ломакинъ уѣхалъ въ Москву, дѣло перешло въ прекрасныя руки учителя пѣнія 1-й военной гимназіи Н. И. Соколова, обладавшаго способностью образовывать хоръ. Н. И. въ теченіе многихъ лѣтъ, до отъѣзда въ Нижній-Новгородъ, безплатно обучалъ слушателей народныхъ чтеній, желавшихъ учиться хоровому пѣнію.

Нѣсколько позже возникли съ тою-же цѣлью, по инициативѣ В. П., и музыкальные классы для обученія музыкѣ на оркестровыхъ инструментахъ.

Не мало заботъ приложилъ В. П. на приготовленіе и улучшеніе картинъ на стеклѣ для волшебнаго фонаря.

Коллекція картинъ на стеклѣ, относящаяся къ священной исторіи,

исторіи древняго міра, естествознанію, географіи и этнографіи, пріобрѣтенная за границею, командированнымъ по приказанію главнаго начальника полковникомъ Чепелевскимъ и переданная въ музей съ двумя проэкціонными аппаратами, не могла удовлетворять потребностямъ педагогическаго музея, когда въ немъ открылись народныя чтенія. Пришлось спеціально готовить картины къ каждому вновь выработанному и принятому коммиссіею чтенію. Первыя попытки были не вполнѣ удачны; но года черезъ три-четыре упорныя стремленія улучшить производство картинъ на стеклѣ достигло своей цѣли, производство картинъ стало замѣтно совершенствоваться, и картины русскаго приготовленія по достоинству своему подходили къ заграничнымъ.

Но В. П. никогда не ограничивался успѣхами музея. Какъ ни дороги они были ему, онъ не считалъ ихъ конечною цѣлью, онъ видѣлъ въ нихъ только средство быть полезнымъ обществу и народу. Такъ, прилагая всѣ усилія къ усовершенствованію производства картинъ для потребностей музея, онъ въ то-же время заботился объ удешевленіи этого производства, хлопоталъ о томъ, чтобы вызвать производство проэкціонныхъ приборовъ въ Россіи и притомъ по цѣнамъ, доступнымъ и небогатымъ потребителямъ. И это настойчивое преслѣдованіе намѣченной имъ цѣли достигло желанныхъ результатовъ. Проэкціонные приборы при существующей на нихъ теперь цѣнѣ могутъ быть пріобрѣтаемы и небогатою школою. Но и на этомъ онъ не остановился. Чтобы употребленіе фонаря сдѣлать болѣе доступнымъ, онъ поручилъ составить и напечатать наставленіе по устройству аудиторій, по выбору и употребленію проэкціоннаго прибора, а также методическихъ указаній для народныхъ чтеній.

Столько-же заботъ и хлопотъ онъ употребилъ, чтобы пріискать издателей одобренныхъ и имѣвшихъ успѣхъ въ аудиторіи чтеній. Хлопоты эти не всегда приводили къ желанному результату, но мысль объ изданіи и о возможно большемъ распространеніи чтеній упорно преслѣдовала В. П.

Весною-же 1872 г., чтобы воспользоваться прекрасными англійскими картинами на стеклѣ, по мысли В. П., въ аудиторіи Соляного Городка, были прочитаны первыя публичныя лекціи по исторіи культуры древняго Египта. Послѣдняя публичная лекція была въ концѣ апрѣля; ею закончился первый неполный годъ дѣятельности педагогическаго музея въ новомъ его помѣщеніи. Въ три съ половиною мѣсяца въ аудиторіи музея было прочтено 84 чтенія для народа и три публичныхъ лекціи, которыя посѣтило въ совокупности 24.000 слушателей.

Музей спѣшилъ покончить свою дѣятельность, такъ какъ ему пред-

стояло новое серьезное дѣло—принять участіе въ московской политехнической выставкѣ 1872 г. Приготовленія начались съ первыхъ чиселъ этого года. В. П., руководствуясь опытомъ выставки 1870 г., выработалъ подробную программу и задумалъ приготовить обстоятельный каталогъ. Въ маѣ мѣсяцѣ появился «Каталогъ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній съ пояснительными и руководящими статьями», С.-Петербургъ 1872 г., заключавшій въ себѣ 312 страницъ, напечатанныхъ въ два столбца убористымъ шрифтомъ. Каталогу были предпосланы двѣ руководящія статьи: «Общенаглядное обученіе и наглядныя пособія» и «Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній», которыя не утратили своего значенія и въ настоящее время.

Въ мартѣ того-же года при музеѣ, рядомъ съ его помѣщеніемъ, три преподавателя военно - учебныхъ заведеній открыли торговлю книгами и учебными пособіями подъ фирмою «Н. Фену и К°, коммиссіонеры военно-учебныхъ заведеній». Открытіемъ такого склада В. П. разсчитывалъ содѣйствовать возможно большему распространенію и популяризаціи наглядныхъ пособій въ училищахъ и семействахъ. Въ числѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ товариществомъ, были и тѣ, которыми въ началѣ задался музей, а именно: «возбужденіе между русскими производителями стремленія къ производству наглядныхъ пособій по образцамъ, имѣющимся въ музеѣ, удешевленіе пособій и усовершенствованіе ихъ касательно удобства примѣненія ихъ на практикѣ въ русскихъ училищахъ». При содѣйствіи вновь возникшаго товарищества музей могъ съ особою полнотою обставить выставку учебныхъ пособій, даже не перевозя большинства своихъ приборовъ и коллекцій въ Москву.

Московская выставка давала В. П благопріятный случай познакомить и распространить свои завѣтныя идеи не только среди жителей древней столицы, но и во всей Россіи, черезъ лицъ, посѣтившихъ выставку. И онъ блестяще воспользовался этимъ случаемъ: музей занялъ сто квадратныхъ саженъ, организовалъ курсы для учителей начальныхъ школъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи; открылъ въ Москвѣ первую народную аудиторію рядомъ своихъ чтеній, устроилъ въ отдѣлѣ «домоводства» выставку для семейнаго обученія и воспитанія; показалъ, какъ можно пользоваться кустарнымъ производствомъ для производства учебныхъ пособій.

Блистательно заявивъ себя на выставкѣ, сдавъ часть своихъ заботъ фирмѣ Н. Фену и К°, музей, въ лицѣ В. П., могъ уже не прилагать особыхъ стараній о возбужденіи въ Россіи производствъ учебныхъ пособій, объ ихъ удешевленіи и объ организаціи правильной

торговли ими. Теперь заботы В. П. были направлены на то, чтобы путемъ практики опредѣлить относительное достоинство пособій и наилучшихъ способовъ ихъ употребленія и содѣйствовать выработкѣ болѣе цѣлесообразныхъ пособій. Этого онъ думалъ достигнуть чтеніями по методикѣ общеобразовательныхъ предметовъ съ указаніемъ значенія наглядныхъ пособій; сообщеніями спеціалистовъ объ употребленіи ими наглядныхъ пособій, чтеніями по вопросамъ о воспитаніи дѣтей съ указаніемъ на разумную воспитательную обстановку, публичными чтеніями по различнымъ общеинтереснымъ предметамъ научнаго содержанія, сопровождаемыми наглядными пособіями, бесѣдами съ дѣтьми при помощи тѣхъ-же пособій.

Всѣ эти задачи постепенно съ настойчивостью были осуществлены музеемъ. Нѣкоторыя публичныя чтенія и бесѣды съ дѣтьми, напр., по физикѣ, были такъ роскошно обставлены, какъ до того они никогда не обставлялись и какъ только одинъ музей можетъ ихъ обставлять. Подобныя чтенія были праздникомъ для В. П., его торжествомъ; онъ тогда былъ счастливъ.

Предстоящее участіе музея въ международной выставкѣ 1875 г. въ Парижѣ дало В. П. поводъ образовать коммиссію по географіи, задачею которой было сдѣлать сравнительную оцѣнку пособій по всѣмъ отдѣламъ этого предмета, привести ихъ въ строгую систему и обставить преподаваніе этого предмета богатымъ подборомъ наиболѣе отвѣчающихъ своимъ цѣлямъ пособій. Въ сентябрѣ 1874 года была образована эта коммиссія, и В. П. употребилъ всѣ усилія, чтобы привести труды къ желаемымъ результатамъ. Если въ 1872 г. музей предсталъ на судъ Россіи, то теперь въ Парижѣ ему предстояло явиться передъ судомъ Европы.

Работа въ коммиссіи закипѣла, вырабатывался планъ преподаванія географіи въ начальной школѣ и среднемъ учебномъ заведеніи, оцѣнивались и подбирались пособія по географіи и космографіи, писались цѣлые трактаты, затрогивавшіе тотъ или другой вопросъ, относящійся къ теоріи или практикѣ преподаванія этого предмета. Работали безъ устали, собирались по три, а подъ конецъ по четыре раза въ недѣлю. Поэтому можно отчасти судить о вліяніи Всеволода Порфирьевича: собрать около себя кучку людей, вполнѣ независимыхъ, втянуть ихъ въ работу, на которую они отдавали еженедѣльно отъ 10-ти до 15-ти часовъ своего отдыха и притомъ безвозмездно,—для этого надо быть сильнымъ человѣкомъ. И эти труды увѣнчались успѣхомъ.

Оффиціальный отчетъ говоритъ: «На международной географи-

ческой выставкѣ въ 1875 г. въ Парижѣ географическій отдѣлъ педагогическаго музея заслужилъ и общее къ себѣ вниманіе, и высшую награду. Германскій учебный географическій отдѣлъ, случайно помѣщенный рядомъ съ русскимъ, закрылся еще до оффиціальнаго открытія выставки. Фактъ этотъ памятенъ еще многимъ лицамъ. Парижскій географическій конгрессъ того-же года, въ которомъ педагогическій музей участвовалъ своими работами, отнесся съ полнѣйшимъ одобреніемъ къ работамъ и постановилъ выразить желаніе, «*чтобы во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ были устроены педагогическіе музеи по образцу русскаго педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній*».

Но не одни только добросовѣстные труды коммиссіи способствовали успѣху музея; этимъ успѣхомъ онъ въ значительной степени обязанъ своему представителю на выставкѣ, Всеволоду Порфирьевичу. Своею любезностью, полною готовностью дать требуемыя объясненія каждому желающему, умѣніемъ изложить жюри цѣли музея и средства, которыми онъ ихъ достигаетъ, даже такою простою находчивостью— выставить въ русскомъ педагогическомъ отдѣлѣ объявленіе: «on est libre de toucher pour examiner les objets exposés», взамѣнъ обычныхъ, повсюду виднѣвшихся объявленій: «on est prié de ne rien toucher», онъ расположилъ въ пользу музея и посѣтителей, и конгрессъ, и жюри.

Подборъ пособій для Парижской выставки далъ возможность В. П. устроить выставку пособій по географіи и космографіи въ музеѣ.

Вернувшись изъ Парижа, В. П. тотчасъ принимается за приготовленіе къ международной гигіенической выставкѣ въ Брюсселѣ; для этого онъ образуетъ школьно-гигіеническую коммиссію; въ ней составляется, при особенно дѣятельномъ участіи профессоровъ А. П. Доброславина и Ѳ. Ѳ. Эрисмана, планъ гигіеническаго кабинета, надъ осуществленіемъ котораго много потрудился А. П. Діанинъ, подготовляется проектъ образцоваго класса, разработывается большая часть школьно-гигіеническихъ вопросовъ, а собраніемъ громадной массы матеріаловъ, относящихся къ школьной жизни, кладется основаніе школьно-санитарной статистикѣ. Въ то-же время онъ готовится къ выставкѣ въ Лондонѣ и къ всемірной выставкѣ въ Филадельфіи. Самъ В. П. былъ представителемъ музея въ Брюсселѣ, гдѣ онъ прожилъ около пяти мѣсяцевъ и завязалъ тѣсныя сношенія съ лицами, посвятившими себя образованію народныхъ массъ. Для выставокъ въ Лондонѣ и Филадельфіи требовалось найти такихъ лицъ, которыя, вполнѣ владѣя англійскимъ языкомъ, были-бы достойными представителями музея и съумѣли-бы безъ рекламы выставить и оттѣнить

характерныя, выдающіяся стороны дѣятельности его. Дѣла было много; требовались отъ организатора большія силы; но онѣ росли по мѣрѣ труда, по мѣрѣ потребности; приходилось только удивляться неутомимости В. П., постоянной его свѣжести, ясности его взгляда, его здравымъ сужденіямъ.

Успѣхъ музея на всѣхъ трехъ выставкахъ былъ полный, вездѣ онъ удостоивается высшихъ наградъ.

Такимъ образомъ опытъ подтверждалъ тотъ путь, который намѣтилъ себѣ В. П. послѣ московской выставки. Въ этомъ направленіи онъ и сталъ работать. Вернувшись изъ Бельгіи, онъ тотчасъ-же готовится къ тремъ выставкамъ въ музеѣ: школьно-гигіенической, въ томъ видѣ, какъ она была на Брюссельской выставкѣ, естественно-исторической и по рисованію. Изъ всѣхъ пособій музея естественно-историческія коллекціи были наиболѣе богатыя; достаточно полными были коллекціи и по рисованію. По выработанному плану всѣ наглядныя пособія должны быть приведены въ строгую систему сообразно съ тѣмъ курсомъ, которому они соотвѣтствуютъ, причемъ требовалось опредѣлить ихъ относительную полезность, отбросить ненужныя, измѣнить нѣкоторыя, сообразно цѣли ихъ употребленія, создать новыя, необходимыя. Съ этою цѣлью образуются три коммиссіи: школьно-гигіеническая, естественно-историческая и по рисованію; въ нихъ рѣшаются вопросы по школьной гигіенѣ, по постановкѣ преподаванія естественной исторіи и рисованія. Программа рисованія, выработанная музеемъ, какъ выдающаяся, заслужила одобреніе спеціалистовъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 г. Въ школьно-гигіенической коммиссіи, подъ вліяніемъ Брюссельской выставки, выработана программа курса гигіены въ школахъ, въ которыхъ проходится естественная исторія, и для школъ, въ которыхъ не сообщаются свѣдѣнія изъ естественной исторіи. Въ той-же коммиссіи выработанъ былъ, по порученію Главнаго управленія, составъ гигіеническихъ кабинетовъ для семнадцати юнкерскихъ училищъ. Кабинеты эти были собраны и сданы по принадлежности. Годомъ раньше, тоже по порученію Главнаго управленія, былъ выработанъ составъ физическихъ кабинетовъ для тѣхъ-же юнкерскихъ училищъ, и семнадцать кабинетовъ были осуществлены на 36% дешевле обычныхъ цѣнъ.

Съ такимъ-же полнымъ успѣхомъ музей участвовалъ въ 1878 г. въ Парижской всемірной выставкѣ, въ 1880 г. на Бельгійской національной, и въ 1881 г. въ географической выставкѣ въ Венеціи.

Въ Парижѣ было обращено особое вниманіе на дешевизну нашихъ пособій, такъ что исполнилось желаніе В. П.—наши пособія нашли

сбытъ не только у себя дома, но на нихъ явился спросъ и заграницею. Онъ уже съ гордостью мечталъ, что Россія явится поставщикомъ Европы. Но тутъ случилось нѣчто, чего не ожидалъ В. П. и что, собственно говоря, онъ долженъ былъ-бы принять въ разсчетъ.

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ, говоритъ В. П. въ своемъ «Краткомъ обзорѣ дѣятельности педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1887—1888 учебный годъ», слѣдуетъ, однако, упомянуть, что русскіе производители на первыхъ порахъ затормазили этотъ успѣхъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно необдуманно потребовали отъ заказчиковъ за русскій рубль четыре франка, когда его курсъ равнялся 2 фр. 20 сант., другіе прислали заказанныя вещи въ такомъ видѣ, что музей долженъ былъ не допустить ихъ къ передачѣ заказчику. Противъ такого недомыслія и такой небрежности музей безсиленъ».

Для педагогическаго конгресса, открытаго въ Брюсселѣ во время Бельгійской національной выставки и по порученію бюро этого конгрессса, были разработаны вопросы о школьной мебели, объ искусственномъ освѣщеніи классовъ и о школьныхъ музеяхъ.

Неутомимая мысль устроителя музея не знала отдыха, всякій новый успѣхъ придаетъ ей новую силу и крѣпость: достигнувъ удешевленія пособій, ихъ хотя относительнаго распространенія, заручившись признаніемъ его заслугъ въ Европѣ и Америкѣ, В. П. уже мечтаетъ о томъ, чтобы въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ былъ школьный музей, въ которомъ было-бы собрано все существенно необходимое для наглядности преподаванія, который-бы служилъ центромъ объединенія учителей, гдѣ всякій начинающій преподаватель, всякій заботящійся о дальнѣйшемъ саморазвитіи, всякій, у котораго возникаютъ сомнѣнія, встрѣтилъ-бы и добрый полезный совѣтъ, и книжку, гдѣ онъ могъ-бы прочитать о томъ, что его интересуетъ, и плодотворный, живой обмѣнъ мыслей, способствующій уясненію его взглядовъ, его пріемовъ и методовъ. Такая поддержка, такой обмѣнъ способны предохранить отъ добросовѣстныхъ увлеченій, ложныхъ шаговъ, которые прежде всего отражаются на учащихся. Дальнѣйшее развитіе этой мысли — кабинетъ наглядныхъ пособій при каждой школѣ, въ немъ ничего лишняго, но все необходимое, соотвѣтствующее типу школы. И если у насъ подобныя учрежденія долго будутъ не только желательными, но, вѣроятно, вовсе неосуществимыми, то въ Европѣ и тѣмъ болѣе въ Америкѣ все то, чему у насъ суждено оставаться на бумагѣ, хотя-бы въ силу «недомыслія и небрежности производителей», навѣрно, скоро даже проникнетъ въ жизнь и, по почину В. П., получитъ блестящее приложеніе на практикѣ.

Венеціанская выставка была послѣднею, на которой участвовалъ педагогическій музей. Участіемъ въ выставкахъ въ Парижѣ въ 1875 и 1878 гг., въ Брюсселѣ въ 1876 и 1880 гг., въ Лондонѣ въ 1876 г., въ Филадельфіи въ 1876 г., въ Венеціи въ 1881 г. В. П., можно сказать, создалъ своему дѣтищу «всемірную славу»; онъ трудился не только для вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, не только для войскъ, жителей Петербурга, Россіи; его трудами теперь воспользовались просвѣщенные народы Европы и Америки.

Въ 1881 г. тихо, по семейному, музей праздновалъ десятилѣтіе народныхъ чтеній. Этимъ событіемъ какъ-бы оканчивается первый періодъ исторіи педагогическаго музея. Онъ какъ-бы заканчиваетъ свое устроеніе, свой ростъ, дѣятельность его принимаетъ нѣсколько иной характеръ, измѣняется составъ постоянной коммиссіи; она, если можно такъ выразиться, утрачиваетъ свой демократическій характеръ, вмѣсто скромныхъ школьныхъ дѣятелей въ нее постепенно начинаютъ проникать лица высокопоставленныя, члены государственнаго и военнаго совѣта, академики, профессора, изъ которыхъ даже образуется въ послѣднее время особая профессорская коммиссія, пріобрѣтающая характеръ нѣкоторой замкнутости, привилегированности. Народныя чтенія отступаютъ на второй планъ, число принимаемыхъ и одобряемыхъ чтеній постепенно уменьшается и доходитъ въ 1886--1887 учебномъ году до одного; прилагается особая забота о чтеніяхъ для солдатъ, устраиваются солдатскія аудиторіи при полкахъ, при музеѣ устанавливается изслѣдованіе записей, сдѣланныхъ нижними чинами, послѣ того, какъ они прослушали чтеніе, съ цѣлью путемъ практическимъ опредѣлить, какого рода чтенія по содержанію и изложенію наилучшимъ образомъ усваиваются нижними чинами; спеціальная коммиссія, состоящая изъ педагоговъ и представителей войска, въ шести засѣданіяхъ, съ 13-го ноября 1883 г. по 11-е января 1884 г., вырабатываетъ программу учебника грамоты для молодыхъ солдатъ и программу конкурса на составленіе такого учебника. Въ 1885 г. новая коммиссія разсматриваетъ 52 учебника, представленныхъ на конкурсъ, останавливается на одномъ изъ нихъ, указываетъ автору, какъ онъ долженъ быть передѣланъ, измѣненный печатаетъ и распространяетъ его въ войскахъ. Въ «Краткомъ обзорѣ за 1883 — 1884 учебный въ выноскѣ, а за 1884—1885 учебный годъ въ видѣ эпиграфа на второй страницѣ печатается: «Настоящая, какъ и всѣ послѣдующія рубрики сего обзора, заимствуются изъ Высочайше утвержденнаго положенія о музеѣ прикладныхъ знаній». Подобная оговорка встрѣчается и въ отчетѣ слѣдующаго года. Въ послѣднемъ «Краткомъ обзорѣ за 1889—

1890 учебный годъ», составленномъ В. П., о народныхъ чтеніяхъ говорится въ концѣ обзора, за-то въ этомъ обзорѣ встрѣчается новая рубрика, обнимающая семь послѣднихъ страницъ обзора, «Свѣдѣнія о дѣятельности внѣ-петербургскихъ народныхъ аудиторій». Въ ней сообщаются краткія свѣдѣнія о дѣятельности семи коммиссій по народнымъ чтеніямъ: Кишиневской, Одесской, Екатеринославской, Астраханской, Харьковской, Ярославской и Московской. Одна-ли это случайность, или составитель обзора этимъ хотѣлъ какъ-бы отмѣтить, что музей исполнилъ все, что лежало на его обязанностяхъ по отношенію народныхъ чтеній, что они уже достаточно привились не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ провинціи, что его заботы теперь должны быть направлены на что-нибудь другое?

Съ 1881 года музей не участвуетъ и на большихъ выставкахъ не только заграницею, но даже у себя, кромѣ Соляного Городка. Такъ, онъ, подъ предлогомъ недостаточности мѣста и отсутствія аудиторіи, отказывается отъ участія на выставкѣ въ Москвѣ какъ въ 1882 г., такъ и въ 1887 г.

Въ 1887 году онъ принялъ участіе, но внѣ конкурса, въ выставкѣ предметовъ освѣщенія и нефтяного производства, устроенной въ Соляномъ Городкѣ Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ. Музей выставилъ «систему искусственнаго освѣщенія классныхъ помѣщеній разсѣяннымъ свѣтомъ, данныя относительно размѣровъ классныхъ помѣщеній, образцовую классную мебель, наглядно представленныя количества углекислоты въ воздухѣ помѣщеній, занятыхъ тѣмъ или другимъ числомъ людей, приборы для опредѣленія степени порозности стѣнъ каменныхъ, изъ бетона, изъ гатчинскаго камня и изъ дерева, діаграммы болѣзненности и смертности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, съ указаніемъ въ первыхъ данныхъ, выражающихъ процентное отношеніе глазныхъ болѣзней въ школахъ къ прочимъ и пр.».

Этотъ перечень того, что̀ нашелъ В. П. нужнымъ выставить и что̀ не имѣетъ прямаго отношенія, кромѣ системы искусственнаго освѣщенія классныхъ помѣщеній, къ выставкѣ освѣщенія и нефтяного производства, заставляетъ придти къ заключенію, что В. П. пользовался случаемъ познакомить общество съ результатами работъ коммиссій педагогическаго музея.

Въ 1890 г. В. П. устраиваетъ въ помѣщеніи Соляного Городка «первую всероссійскую выставку дѣтскихъ игрушекъ, игръ и занятій». Вопросъ о выставкѣ игрушекъ естественно вытекалъ изъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ музей. Въ немъ съ самаго начала его существованія былъ отдѣлъ занятій дѣтей до-школьнаго возраста по

*

системѣ Фребеля; въ немъ былъ богатый выборъ образовательныхъ игръ. Преслѣдуя систематизацію, удешевленіе и распространеніе наглядныхъ пособій, облегчающихъ учащимся на всѣхъ ступеняхъ общеобразовательнаго курса, составлять правильное понятіе о томъ, что они изучаютъ, музей долженъ былъ позаботиться и о дѣтяхъ до-школьнаго возраста. Для нихъ игрушка тоже наглядное пособіе; она въ ихъ образованіи выполняетъ ту-же роль; но вліяніе игрушки неизмѣримо выше вліянія нагляднаго пособія, дѣйствіе ея на ребенка болѣе непосредственное, чѣмъ учебнаго пособія, и уже вслѣдствіе одного этого требуетъ большаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто дорожитъ правильнымъ, разумнымъ воспитаніемъ. Сдѣлать тщательное сравненіе игрушекъ, опредѣлить ихъ относительное достоинство, произвести строго внимательный подборъ въ извѣстной послѣдовательности и системѣ, вызвать производство желаемыхъ предметовъ и удешевить ихъ такъ, чтобы они были повсюду доступны, содѣйствовать изгнанію въ производствѣ всего, что безъ толку украшаетъ и увеличиваетъ только цѣну, дать, если можно, новые образцы—да это великая услуга семьѣ, благое дѣло на пользу подростающаго поколѣнія и находится, какъ я уже упомянулъ выше, въ прямой связи съ задачами музея.

«Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, говоритъ В. П. въ 21-мъ обзорѣ, одновременно съ мѣрами, принятыми педагогическимъ музеемъ для возбужденія отечественнаго производства учебныхъ пособій, улучшенія и удешевленія ихъ, была сдѣлана этимъ учрежденіемъ попытка привести въ извѣстность образцы игрушечнаго производства въ Россіи и содѣйствовать прогрессу и въ этомъ дѣлѣ. Многія обстоятельства помѣшали осуществленію этой послѣдней задачи. Между ними однимъ изъ главнѣйшихъ была невозможность обратиться къ производителямъ дѣтскихъ игрушекъ, сношенія-же только съ продавцами ихъ не могли дать желательнаго результата».

Теперь, съ открытіемъ всероссійской выставки игрушекъ, являлась возможность пополнить этотъ пробѣлъ. Но тяжкая смертельная болѣзнь помѣшала В. П. принять дѣятельное участіе въ этой выставкѣ.

По мѣрѣ того, какъ народныя чтенія стали терять свое господствующее значеніе въ дѣятельности музея, начали выдвигаться публичныя чтенія. Число ихъ постоянно растетъ и достигаетъ до того, что нѣтъ возможности удовлетворить всѣхъ желающихъ публично выступить въ аудиторіи педагогическаго музея и нерѣдко приходится откладывать нѣкоторыя лекціи до слѣдующаго года. Рядомъ съ ними ведутся научныя бесѣды. Послѣ чтенія лектора начинались пренія по поводу

прочитаннаго вообще или по поводу поставленныхъ авторомъ тезисовъ. Пренія эти нерѣдко бывали очень оживленными и поучительными.

Осенью 1884 г. возникаетъ мысль организовать періодическія собранія преподавателей по предметамъ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Первымъ образуется собраніе преподавателей математики. Оно ставитъ своею задачею изученіе и обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ общеобразовательнымъ курсомъ математики, безъ всякаго отношенія къ постановкѣ его въ тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ, правительственныхъ или частныхъ. Въ собраніе вносятся сообщенія: библіографическія, научныя и дидактическія.

По примѣру кружка преподавателей математики въ 1887 г. образуются отдѣлы: обученія и воспитанія, русскаго языка и словесности, иностранныхъ языковъ, физики, химіи и космографіи, школьно-гигіеническій, музыки и пѣнія.

Въ нихъ вырабатывается программа нормальнаго курса того или другаго предмета среднеучебнаго заведенія безъ отношенія къ какому либо типу существующихъ учебныхъ заведеній, вносятся рефераты по теоріи или практикѣ преподаванія извѣстнаго учебнаго предмета, разборъ сочиненій и т. п.

Въ послѣдній годъ рѣшено приступить къ изданію объяснительнаго каталога наглядныхъ пособій музея, такъ какъ изданный въ 1872 г. ужъ устарѣлъ.

При всей самостоятельности своей дѣятельности, педагогическій музей составлялъ лишь часть, одинъ изъ отдѣловъ музея прикладныхъ знаній, основаннаго Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ. Эта хотя и косвенная зависимость всегда стѣсняла В. П. Кромѣ того, онъ былъ только предсѣдатель постоянной коммиссіи при педагогическомъ музеѣ, de jure онъ не завѣдывалъ музеемъ. Эта несообразность была устранена 6-го іюня 1888 г. Высочайше утвержденнымъ «Положеніемъ о педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній». Въ силу этого положенія, В. П. сталъ директоромъ музея, и всѣ служащіе въ музеѣ были ему подчинены уже по закону. При педагогическомъ музеѣ, на основаніи того-же Положенія, существуютъ подъ предсѣдательствомъ директора комитеты: хозяйственный и учебно-воспитательный.

По новому положенію, учебно-воспитательный комитетъ въ 1889—1890 учебномъ году состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: собственно учебно-воспитательнаго, общепедагогическаго, русскаго языка и словесности, иностранныхъ языковъ, математики, географіи и естественной исторіи,

физики, химіи и космографіи, учебно-музыкальнаго, школьно-гигіеническаго, отдѣла изданія учебника грамоты.

Кромѣ этихъ отдѣловъ, въ музеѣ съ 1883 г. собирался «родительскій кружокъ». Члены его дѣлились своими наблюденіями преимущественно надъ дѣтьми перваго возраста, вносили сюда свои сомнѣнія и недоумѣнія и при содѣйствіи лицъ научноподготовленныхъ получали разрѣшенія занимавшихъ ихъ вопросовъ.

Съ 1881 г. въ музеѣ-же открыло свои занятія Общество распространенія религіозно-нравственныхъ знаній. Его бесѣды пользуются особымъ сочувствіемъ со стороны посѣтителей, съ полнымъ вниманіемъ, съ жадностью они ловятъ каждое слово поучающаго. Вскорѣ Общество открыло при музеѣ безплатную библіотеку духовно-нравственныхъ изданій. Въ 1887 г. слушатели этихъ бесѣдъ были приглашены учиться церковному пѣнію подъ руководствомъ регента Казанскаго собора. Число желающихъ обучаться пѣнію съ 150 человѣкъ быстро достигло до 800 человѣкъ. Весною 1888 г. начато тѣмъ же Обществомъ обученіе желающихъ изъ народа чтенію церковныхъ книгъ.

Вотъ картина, далеко неполная, дѣятельности педагогическаго музея за послѣднія двадцать лѣтъ его существованія.

Посвящая статью свою памяти В. П. Коховскаго,я невольно долженъ былъ говорить о дѣятельности музея, потому что музей и Всеволодъ Порфирьевичъ были одно нераздѣльное цѣлое. Онъ былъ душою музея. Съ беззавѣтною преданностью онъ всецѣло посвятилъ себя на служеніе прекрасному дѣлу—распространенію свѣта знанія, способствованію правильному образованію и воспитанію, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, ни на состояніе, служить всѣмъ и каждому, служить, сколько хватитъ силъ, всѣми своими помыслами. И какъ честный воинъ, онъ и животъ свой положилъ за свое излюбленное дѣло. За эти двадцать лѣтъ дѣятельности до тысячи человѣкъ прошли черезъ разныя коммиссіи, работавшіе подъ предсѣдательствомъ В. П. Одни приходили, другіе уходили, дѣятели мѣнялись, мѣнялись вѣянія, предъявлялись къ музею новыя требованія; а онъ неизмѣнно оставался одинъ, проникнутый страстнымъ желаніемъ распространить плодотворное вліяніе дѣятельности музея, какъ можно, глубже и шире. Душа его была отзывчива; онъ тотчасъ понималъ, что могло принести общественную пользу, способствовать поднятію нравственнаго или умственнаго уровня массы, и тотчасъ-же съ любезною предупредительностью принималъ учрежденіе, общество, кружокъ подъ гостепріимный кровъ музея. Онъ чутко прислушивался къ насущнымъ интересамъ нашего общества и по вопросу, занимавшему публику, явля-

лись въ музеѣ или докладъ, или публичная лекція, или бесѣда. Стоитъ вспомнить, для примѣра, нѣкоторые вопросы, занимавшіе общество. Въ педагогической литературѣ у насъ и на Западѣ, а потомъ и въ ежедневныхъ періодическихъ изданіяхъ былъ поднятъ вопросъ о переутомленіи дѣтей школьными занятіями, и въ музеѣ является докладъ доктора медицины И. А. Сикорскаго. Заговорили о томъ, что для противодѣйствія переутомленію слѣдуетъ ввести въ школы занятія ручнымъ трудомъ, и являются два доклада—доктора Маляревскаго и К. К. Сентъ-Илера. Въ газетахъ, а за ними и въ обществѣ стали указывать на загрязненность невской воды, и въ музеѣ сдѣланъ обстоятельный докладъ о фильтрахъ; является въ Петербургъ Гансенъ, и докторъ Лихонинъ дѣлаетъ публичный докладъ о гипнотизмѣ; является вопросъ о маргаринѣ, и профессоръ докторъ химіи А. В. Пель читаетъ публичную лекцію: «О фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ», а докторъ Вильчуръ «О молокѣ» и т. п.

Но, при всей своей предупредительной любезности, при всей своей отзывчивости на требованія данной минуты, В. П. твердо, ревниво, рѣшительно охранялъ музей и отъ возможныхъ для него непріятностей, и отъ всего того, что могло уронить достоинство дорогаго ему учрежденія. И при этомъ онъ умѣлъ устранить непріятныя посягательства мягко, деликатно, по возможности не раздражая. Какъ предсѣдатель, онъ былъ образцовымъ: это умѣнье уловить, куда клонится мысль докладчика или возражающаго, во-время остановить и направить на настоящій путь, это мастерское умѣнье сдѣлать въ немногихъ, но меткихъ словахъ общій выводъ изъ изложеній и обсужденій, на которыя потрачены часы, и притомъ именно тогда, когда все за и противъ исчерпано, всѣ эти качества ставили его весьма высоко, какъ предсѣдателя. Его многостороннее образованіе, способность быстро уловить новую мысль, находчивость и совершенно свободное владѣніе рѣчью давали ему возможность съ полнымъ успѣхомъ для дѣла предсѣдательствовать въ самыхъ разнообразныхъ засѣданіяхъ и коммиссіяхъ. Трудолюбіе его также обращаетъ на себя вниманіе: стоитъ только взглянуть на груду отчетовъ, оставленныхъ имъ послѣ себя о дѣятельности музея. Писалъ онъ легко, прямо, безъ переписки и почти безъ помарокъ. А между тѣмъ его дѣятельность не ограничивалась только музеемъ: онъ присутствовалъ на пробныхъ урокахъ, на экзаменахъ въ военныхъ училищахъ и на экзаменахъ лицъ, ищущихъ права преподавать въ кадетскихъ корпусахъ, участвовалъ въ засѣданіяхъ педагогическаго комитета при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и въ различныхъ

коммиссіяхъ, время отъ времени образовывавшихся для рѣшенія различныхъ вопросовъ, въ теченіе двадцати лѣтъ два раза былъ командированъ въ Москву, восемь разъ за границу, съ 1879 по 1890 годъ былъ восемь разъ командированъ для осмотра кадетскихъ корпусовъ, и во время этихъ командировокъ имъ осмотрѣны по всѣмъ частямъ устройства 16 военно-учебныхъ заведеній. Двѣ изъ этихъ командировокъ были въ Сибирь... Надо удивляться неутомимости этого достойнаго глубокаго уваженія труженика.

Въ лицѣ Всеволода Порфирьевича и педагогическій музей, и все русское общество понесли тяжелую утрату.

П. Роговъ.

Объ эстетическомъ отношеніи Лермонтова къ природѣ *).

Мм. гг. Рѣчь моя посвящена памяти Лермонтова. На школѣ лежитъ долгъ хранить и поддерживать память о родныхъ поэтахъ. Неблагодарность есть недостатокъ самосознанія. Для русской школы имя Лермонтова не только одно изъ немногихъ классическихъ именъ, но и неотразимо симпатичное имя. Есть въ лермонтовской поэзіи особенное, *педагогическое* обаяніе: ей одной свойственна та чистота, почти кристальность изображенія, какую мы встрѣчаемъ въ пьесахъ «Ангелъ», «Три пальмы», «Молитва», «Вѣтка Палестины». Боденштедтъ сказалъ, что если-бы отъ Лермонтова осталась одна только пѣсня про купца Калашникова, этого было-бы довольно для его славы; я убѣжденъ, что если-бы отъ нашего поэта остались только эти четыре стихотворенія, безъ которыхъ теперь не обходится ни одна хрестоматіи, то русская школа все-таки поминала-бы его имя съ почетомъ и благодарностью. Говорить о Лермонтовѣ всего естественнѣе въ эти дни, когда память о немъ ожила среди насъ, благодаря пятидесятилѣтію со дня его смерти, и сотни тысячъ книгъ съ его именемъ, портретомъ, стихами хлынули по всей Россіи такой благодатной волной.

Пріемы современной исторіи литературы неблагопріятны для эстетическаго изученія поэзіи. Какъ ни важна біографія поэта, но въ ней, къ несчастью, минуты, «когда божественный глаголъ до слуха чутка коснется», тонутъ въ тѣхъ годахъ, когда «межъ дѣтей ничтожныхъ міра быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ». Крупнѣйшій представитель историческаго метода Тэнъ, этотъ натуралистъ отъ литературы, порвалъ съ эстетикой и почти уничтожилъ самый терминъ «поэзіи»: онъ вдвинулъ поэтовъ въ ряды литераторовъ. Еще дальше отъ поэзіи, какъ искусства, отвлекаетъ работающихъ сравнительный методъ: тутъ всѣ силы направлены на изслѣдованіе сюжетовъ и мотивовъ, на ли-

---

*) Читано на годичномъ актѣ въ коллегіи Павла Галагана, въ Кіевѣ, 1-го октября 1891 года.

тературныя вліянія и заимствованія — литература изучается экстенсивно. Третье новѣйшее направленіе, такъ-называемое научно-критическое, ставитъ себѣ задачей познать писателя и его произведенія на основаніи вліянія его на общество—здѣсь поэзія уже совсѣмъ сошла съ подмостковъ и вмѣстѣ съ литературой низведена на степень *народнаго чтенія*. Детальное изученіе произведеній—филологическое, эстетическое, психологическое—силою вещей отходитъ такимъ образомъ на второй планъ. У насъ его почти нѣтъ. Точностью текстовъ поэта дорожатъ мало и забываютъ, что у поэта не наше слово—*знакъ*, а художественное слово—*образъ*. Стоитъ только напомнить, что наша поэзія, поэзія міровая, насчитываетъ всего три критическихъ изданія, и что ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не имѣетъ (сколько-нибудь полнаго) словаря, какъ древніе классики, или Дантъ, Шекспиръ, Мольеръ, Гёте — на западѣ. Равнодушіе къ эстетикѣ почти похоронило детальное изученіе произведеній, въ читателяхъ оно ослабило литературный вкусъ, для поэтовъ понизило цензъ. И вотъ, когда случай заставитъ на нѣкоторое время пристально сосредоточить вниманіе на поэтѣ, невольно пожалѣешь о томъ времени, когда Лессингъ былъ театральнымъ критикомъ, Шиллеръ—законодателемъ эстетики, или когда Sainte-Beuve, запираясь отъ всѣхъ, жилъ и дышалъ въ атмосферѣ изучаемаго имъ писателя. Я не говорю уже о той роскоши, когда самъ поэтъ, какъ Кардуччи, комментируетъ Данта и издаетъ Петрарку, или когда Леопарди издаетъ оды съ собственными филологическими примѣчаніями.

Для меня поэзія—прежде всего искусство. Въ этомъ ея обаяніе, неувядаемость ея славы и ея трагизмъ.

Поэты—люди особой породы.

«Творецъ изъ лучшаго эфира
Соткалъ живыя струны ихъ».

Провиденціальное назначеніе поэта—въ переживаніи сложной внутренней жизни, въ безпокойномъ и страстномъ исканіи красоты, которая должна, какъ чувствуетъ это поэтъ, заключать въ себѣ истину. Эти исканія, въ ихъ дисгармоніи съ прозой жизни, заставляютъ поэта страдать.

Что безъ страданій жизнь поэта?

Но его слеза—«жемчужина страданья». Изъ нея родятся элегіи.

Стихія поэта—природа и духовная независимость. Какъ человѣкъ, поэтъ, конечно, подчиненъ общимъ этическимъ законамъ, но смѣшно налагать на него обязанности общественной службы: онъ вовсе не долженъ быть учителемъ или публицистомъ, проповѣдникомъ или три-

буномъ. Въ общей культурной экономіи его значеніе опредѣляется тѣмъ, что онъ своими образами фиксируетъ смутно и бѣгло переживаемыя нами идеи и ощущенія: мы даемъ ему уголь, а онъ отдаетъ намъ алмазъ. Какъ искусство, поэзія имѣетъ три характерныхъ черты: 1) она универсальна — на пиръ поэзіи придетъ и царь, и убогій, и старый и малый, и слѣпой и глухой—для глухого поэзія будетъ живописью, для слѣпаго—музыкой; во-вторыхъ, поэзія даетъ чисто интеллектуальныя впечатлѣнія; она не даетъ непосредственнаго наслажденія, какъ музыка и скульптура; чтобы наслаждаться ею, надо думать; въ-третьихъ, поэзія есть самое субъективное изъ искусствъ. Живописецъ даетъ картину, музыкантъ—сонату, созданія, объективно познаваемыя и объективно прекрасныя. Поэтъ отдаетъ намъ съ произведеніемъ свою душу: я вижу *его мысли*, какъ ни объективируй онъ ихъ въ художественной формѣ. Творческая работа (превращеніе угля въ алмазъ) психологически процессъ еще необъясненный. Странно, что признанія поэтовъ, напримѣръ, только что скончавшагося Гончарова, не уяснили, а скорѣе затемнили дѣло. Одно безусловно, что это трудъ и иногда мучительный.

«Цѣной томительныхъ заботъ
Онъ покупаетъ неба звуки—
Онъ даромъ слова не беретъ»,

сказалъ Лермонтовъ про поэта. Я не говорю уже о внутренней добумажной работѣ: черновыя рукописи обыкновенно полны поправокъ, а бросаніе въ огонь неудачныхъ набросковъ вошло въ пословицу. Можно съ увѣренностью сказать, что высокое поэтическое созданіе никогда не выходило готовымъ ни изъ головы Зевса, ни изъ пѣны моря—это скорѣе фениксъ, вѣчно возрождающійся изъ пепла. Огонь пожралъ вторую часть «Мертвыхъ Душъ», но кто знаетъ, сколько поэтическихъ созданій возродилъ онъ въ формѣ, болѣе близкой къ идеалу поэта.

Красота въ поэзіи есть тотъ признакъ, по которому поэты ищутъ истины. «Истина успокаиваетъ мою совѣсть», скажетъ человѣкъ, ищущій истины, чтобы водворить ее въ своей жизни. «Истина очевидна», скажетъ ученый. «Истина прекрасна и прекраснѣйшее созданіе есть лишь тѣнь прекрасной истины», подумаетъ поэтъ.

Чувство красоты въ поэтѣ обыкновенно тѣсно соединено съ чувствомъ природы. Наука доказала, что эстетическое отношеніе къ природѣ вовсе не есть нѣчто исконное: оно развивается съ другими душевными свойствами человѣка. Индусы временъ Ригъ-Веды или греки въ эпоху Гомера, конечно, видѣли въ спектрѣ и голубой, и фіолетовый цвѣтъ; однако, въ индѣйскихъ гимнахъ небо, украшаясь

десятками эпитетовъ, ни разу не названо голубымъ, и у Гомера фіалка оказывается черной, а море—пурпурнымъ. Ощущеніе, очевидно, не было фиксировано. Вотъ здѣсь-то на помощь обыкновенно и является искусство, особенно поэзія. У англичанъ, подъ туманнымъ сѣвернымъ небомъ, теперь самый богатый словарь красокъ, а есть африканскія племена, которыя подъ экваторіальнымъ солнцемъ различаютъ цвѣта только въ своихъ стадахъ, даже не цвѣта, а масти. Причина не въ природѣ, очевидно, а въ культурности. Кто теперь, увидѣвъ Альпы, не подпадетъ ихъ обаянію: краски серебряныя, кисти потоковъ, розовый, слоистый туманъ, а между тѣмъ Титъ Ливій спокойно назвалъ ихъ «отвратительными» (foeditas Alpium), и едва-ли не Руссо первый открылъ міру, что въ самомъ сердцѣ Европы покоятся цѣлыя залежи чистѣйшаго эстетическаго наслажденія.

Изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ Лермонтовъ, можетъ быть, всего непосредственнѣе и безраздѣльнѣе любилъ природу; онъ тонко понималъ ее. Одинъ живописецъ Кавказа мнѣ говорилъ, что нерѣдко поэзія Лермонтова служила ему ключомъ къ кавказской природѣ. Говоря о природѣ, нашъ поэтъ былъ замѣчательно точенъ. Въ этомъ отношеніи даже пылинки теперь сдуты съ его памяти: въ родѣ упрека за «столпообразныя руины», которыя повели одного критика къ заключенію о риторичности Лермонтова (онѣ оказались тополями-ранними) или за львицу съ косматой гривой на хребтѣ, которой не могъ простить поэту покойный профессоръ Рулье—въ послѣднемъ очеркѣ Демона, вмѣсто львицы, оказалась тигрица и уже безъ гривы.

Много причинъ способствовало развитію въ Лермонтовѣ чувства природы. Природа Кавказа подѣйствовала на него въ годы самаго ранняго дѣтства, когда духовный міръ его еще складывался; надъ ней выучился онъ мечтать и думать, такъ что позже, въ слѣдующія свои поѣздки на Кавказъ, онъ останавливался не на новомъ, а какъ-бы углублялъ свои ранція впечатлѣнія. Далѣе, несомнѣнно подѣйствовалъ и самый темпераментъ нервно-мечтательный, способный и къ быстрымъ воспріятіямъ, и къ глубокимъ впечатлѣніямъ. Въ раннихъ тетрадяхъ поэта сохранились воспоминанія о снахъ, какіе онъ видѣлъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, о пѣсняхъ матери, о дѣтскихъ иллюзіяхъ подъ вечернимъ облачнымъ небомъ. Не одна изъ его чудныхъ пьесъ объясняется живучестью дѣтскихъ впечатлѣній. Такъ, впечатлѣнія 8-ми-лѣтняго ребенка ожили у него въ изящнѣйшемъ поэтическомъ образѣ черезъ 17 лѣтъ:

Люблю мечты моей созданье—
Съ глазами полными лазурнаго огня,

Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье.

Важно для безраздѣльнаго чувства природы было и то, что у нашего поэта была не пристрастная къ людямъ душа: и жизнь такъ сложилась, и въ натурѣ у Лермонтова не было экспансивности. Пушкинъ былъ поэтомъ дружбы, Лермонтовъ посвятилъ ей всего одно стихотвореніе: при себѣ онъ терпѣлъ только друзей-нянекъ въ родѣ Монго-Столыпина или Ст. Аѳ. Раевскаго, и въ «Героѣ нашего времени» осмѣялъ дружбу, впрочемъ, не безъ горечи. А рядомъ съ этимъ вспоминается Мцыри

«Съ той дружбой краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой»—

и почти дикая любовь Печорина къ природѣ.

Болѣзненность также косвенно повліяла на развитіе въ Лермонтовѣ эстетическаго чувства природы. Хилый и самолюбивый мальчикъ хотѣлъ себя закалить—это его пристрастило къ физическимъ упражненіямъ, къ движенію, къ верховой ѣздѣ и еще болѣе такимъ образомъ сблизило съ природой. Поэты часто обнаруживали потребность движенія, перемѣщенія среди природы. Байронъ переплывалъ Дарданеллы, Шелли былъ мореходъ, Клопштокъ и Гёте были страстными конькобѣжцами, вспомнимъ гоголевскую «Тройку»... Можетъ быть, поэты будущаго будутъ велосипедистами и аэронавтами. Лермонтовъ былъ хорошимъ танцоромъ и лихимъ наѣздникомъ. Природа часто видится ему «съ коня». Въ природѣ онъ особенно любитъ движеніе: вспомнимъ чудныхъ его лошадей у Изм. Бея, у Казбича или Печорина. (По моему ни Малекъ-Адель тургеневскій, ни толстовскіе скакуны ихъ не превзошли), вспомнимъ его горныя рѣки, облака, змѣи, пляску, локонъ, отдѣлившійся отъ братьевъ въ вихрѣ вальса. По описаніямъ Лермонтова видно, что онъ не былъ ни ботаникомъ, какъ Гёте (у него нѣтъ этой детальности описаній), ни охотникомъ, какъ Тургеневъ и Сергѣй Аксаковъ (у него нѣтъ въ описаніяхъ ни выжиданія, ни выслѣживанія,—скорѣе что-то открытое, беззавѣтное). Необыкновенная гибкость и легкость движеній въ Лермонтовѣ, которыя бросились въ глаза Боденштедту при первомъ знакомствѣ, вѣроятно, содѣйствовали изящной обрисовкѣ движеній.

Наконецъ, любви и вниманію къ природѣ у Лермонтова содѣйствовало его разностороннее эстетическое образованіе: онъ игралъ на скрипкѣ и на фортепіано, рисовалъ и писалъ красками, лѣпилъ—съ разныхъ сторонъ такимъ образомъ подходилъ онъ къ природѣ учиться.

Лермонтовъ любилъ день больше ночи, любилъ синее небо, золотое солнце, солнечный воздухъ. Если изъ 43 описаній въ его поэмахъ дневныхъ меньше, чѣмъ ночныхъ и вечернихъ—18 и 25, то это лишь дань романтическому содержанію. Голубой цвѣтъ неба заставляетъ того самаго Печорина, который понималъ чувство вампира, забывать все на свѣтѣ. Что за описанія у него голубаго и свѣжаго утра—вспомните утро передъ дуэлью. Но тутъ было и не одно непосредственное наслажденіе: синій цвѣтъ неба уносилъ мысль поэта въ міръ высшій.

Къ чему тутъ страсти, желанія, сомнѣнія... Небо рождало въ поэтѣ и райскія видѣнія (Мцыри видитъ ангела въ глубокомъ синемъ небѣ), и мучительные вопросы: въ «Валерикѣ» поэтъ говоритъ: ...Небо ясно...

Подъ небомъ много мѣста всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?

Чудные сады въ «Мцыри» и «Демонѣ», будто всѣ пропитанные райскимъ сіяніемъ, рисуются поэту подъ солнцемъ и синимъ небомъ. Во всѣхъ волшебныхъ снахъ (а Лермонтовъ любитъ этотъ мотивъ) надъ поэтомъ непремѣнно день:

Надо мной чтобъ вѣчно зеленѣя (зелень дуба видна только днемъ)
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Таковъ и волшебный сонъ при плескѣ фонтана и поэтичнѣйшемъ въ «Мцыри» на рѣчномъ днѣ, гдѣ:

Солнце сквозь хрусталь воды
Сіяло сладостнѣй луны.

Въ «Русалкѣ» картина лунной ночи надъ рѣкой смѣняется мерцаніемъ дня на днѣ, гдѣ на подушкѣ изъ разноцвѣтныхъ песковъ спитъ рыцарь.

Ночь скорѣй раздражаетъ поэта. Вспомнимъ чудную, мирную картину ночи, и потомъ—

Что-же мнѣ такъ больно и такъ трудно.
Жду-ль чего? жалѣю-ли о чемъ?

Человѣкъ точно хочетъ уйти отъ кошмара.

Луна у Лермонтова принадлежитъ, главнымъ образомъ, періоду наивнаго романтизма, рано имъ пережитому. Даже сравненія въ этой области художественно слабы: злодѣй, Армида съ рыцарями, бѣлый монахъ въ черномъ одѣяніи, или шуточныя сравненія съ блиномъ и голландскимъ сыромъ.

Какъ пѣвецъ горъ, Лермонтовъ любилъ краски. Особенно любилъ онъ бѣлую и голубую. У него встрѣчаются разные оттѣнки бѣлаго—жемчужный и перловый, серебряный, снѣговой, лилейный; я не встрѣ-

тилъ, впрочемъ, ни молочнаго и мѣловаго, можетъ быть, оттого, что поэтъ любитъ отмѣчать краски воздушныя, солнечныя. Для голубаго у него является эмаль, бирюза, лазурь; часто встрѣчаются синій, темно-синій цвѣтъ. Поэтъ любитъ *розовый закатъ*, *бѣлое облако*, *синее небо*, *лиловыя степи*, *голубые глаза* и *золотистые волосы*. «Цвѣтовъ» въ его поэзіи почти нѣтъ. Розы и лиліи у него—это поэтическія прикрасы, а не художественныя ощущенія: «бѣла, какъ лилія, прекрасна, какъ роза»—все это только мелкая монета поэзіи. Конь поэта топчетъ цвѣты, пока самъ поэтъ смотритъ на облака и звѣзды. Цвѣты являются у него развѣ въ видѣ серебрянаго дождя.

Но главная прелесть лермонтовскихъ красокъ въ ихъ сочетаніяхъ. Я подмѣтилъ слѣдующія, по большей части изъ воздушныхъ, прозрачныхъ или блестящихъ цвѣтовъ:

Бѣлый съ голубымъ («Парусъ», «Тучки»).

Синій съ жемчужнымъ («Морская царевна»).

Синій съ серебрянымъ («Памяти А. И. Одоевскаго»:
«Нѣмая степь синѣетъ и вѣнцомъ
«Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ).

Серебряный съ жемчужнымъ (волна).

Синій съ золотымъ (Въ пространствѣ синяго эѳира
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ).

Голубой съ золотомъ (даль и золотой песокъ—«Три пальмы»).

Голубой съ чернымъ (твердь и черный лоскутъ тучи).

Румяный съ золотымъ (Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой);
(Звѣзда полночная и лучъ румянаго заката).

Розовый съ голубымъ (1-е января).

Поэту доставляло особенное эстетическое наслажденіе соединеніе блеска съ движеніемъ—въ тучахъ, въ молніи, въ глазахъ; поэзія его «полна змѣй»; чтобъ полюбоваться граціозной и блестящей змѣйкой, какъ часто прерываетъ онъ разсказъ. У него змѣйка то клинокъ, до низу покрытый золотой надписью, то «сталь кольчуги иль копья, въ кустахъ найденная луною». Онъ видитъ змѣй въ молніи, въ дымѣ, на горныхъ вершинахъ, въ рѣкахъ и въ черныхъ косахъ, въ тонкой таліи, въ тоскѣ, въ измѣнѣ, въ воспоминаніи, въ раскаяніи.

Но обратимся къ общей характеристикѣ лермонтовскаго чувства природы.

Природа не была для Лермонтова случайнымъ отраженіемъ настроеній, какъ въ гетевскомъ Вертерѣ или въ романтическихъ балладахъ. Да Вертеръ и не могъ создаться на Кавказѣ, гдѣ человѣкъ слишкомъ чувствуетъ величіе природы, чтобы изображать ее то смѣю-

щейся, то плаксивой, смотря по тому, въ какомъ расположенiи духа царь природы всталъ съ постели. Въ лучшую пору творчества Лермонтовъ чуждался субъективнаго пейзажа. Онъ былъ замѣчательно сдержанъ въ этомъ отношенiи. Вотъ Печоринъ передъ дуэлью: «Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ: голова чуть-чуть у меня не закружилась; тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи». Послѣ дуэли: «у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли. Видъ человѣка былъ-бы мнѣ тягостенъ—я хотѣлъ быть одинъ». Тутъ собственно даже нѣтъ субъективнаго пейзажа, а скорѣе человѣкъ просто не видитъ и не хочетъ видѣть окружающаго. Лермонтовъ не подгоняетъ къ себѣ природу,—нѣтъ, онъ подчиняется ей, какъ часть цѣлому («Горныя вершины»); онъ завидуетъ ея тучамъ и звѣздамъ, онъ видитъ въ природѣ Бога, вдругъ уловивъ гармонiю въ сложной и пестрой картинѣ, или, наоборотъ, хочетъ уйти отъ природы, если она его тяготитъ, лунной-ли ночью («Выхожу одинъ я на дорогу») или изъ-подъ золотыхъ лучей и лазури («Парусъ»). Ему смѣшна мысль, что звѣзды принимаютъ участiе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли («Герой нашего времени», глава «Фаталистъ»).

Лермонтовская природа самостоятельна; прежде всего она красива; все въ ней красиво: снѣговая бахрома горъ, звучныя поля при блѣдной лунѣ, лиловыя степи, снѣговая постель—могила Тамары и трупъ казачки—

Съ темноблѣдными плечами,
Съ свѣтлорусою косой.

Природа у него живетъ своей особою жизнью. Утесы простираютъ объятья, обвалы хмурятся, Кавказъ склонился на щитъ и слушаетъ море; тучка весело играетъ по лазури, утесъ плачетъ, а сосна грезитъ о пальмѣ. Больше всего привлекаетъ поэта къ природѣ свобода и забвенiе, которыя ему грезятся въ ней: волны, которымъ ихъ воля и холодъ дороже знойныхъ полудня лучей, вѣчно холодныя, вѣчно свободныя облака; звѣзды, которыя слушаютъ пророка и пѣснь ангела, тѣ свѣтила, которыя не узнали прежняго собрата; люди, которые не узнали другъ друга въ новомъ мiрѣ.

Природа не была для Лермонтова предметомъ страстнаго и сентиментальнаго обожанiя: онъ былъ слишкомъ *трезвъ душою* для Руссо. Быть поэтомъ пантеистомъ, какъ возмужавшiй Гёте, мѣшала ему гордая и своеобразная природа Кавказа, да и самъ онъ чувствовалъ себя передъ этой чистой природой слишкомъ страстнымъ, слишкомъ грѣш-

нымъ существомъ. Природа не была для Лермонтова и утомительнымъ калейдоскопомъ ощущеній, какъ для Гейне: наоборотъ, онъ любилъ постоянство ощущеній, образы у него прочно залегаютъ въ душѣ, и въ поэзіи упрямо повторяются. Фантазія его была слишкомъ бѣдна для космическаго полета Шелли, этого создателя новой миѳологіи. Для Байрона онъ былъ слишкомъ мечтателенъ и нѣженъ, можетъ быть, слишкомъ справедливъ. Но, можетъ быть, онъ напоминаетъ Ламартина?

Лермонтовъ былъ безусловно религіозенъ. Религія была потребностью его души. Онъ любилъ Бога, и эта любовь давала въ его поэзіи смыслъ красотѣ, гармоніи и таинственности въ природѣ. Тихій вечеръ кажется ему часомъ молитвы, а утро—часомъ хваленія; голоса въ природѣ шепчутъ о тайнахъ неба и земли, а пустыня внемлетъ Богу. Его фантазіи постоянно рисуются храмы, алтари, престолы, кадильницы, ризы, фиміамы: онъ видитъ ихъ въ снѣгахъ, въ горахъ, въ тучахъ. Но было-бы неправильно по этому внѣшнему сходству видѣть въ немъ Ламартина. Лермонтовъ не былъ *теистомъ*, потому что онъ былъ русскимъ православнымъ человѣкомъ. Его молитва—это плачъ сокрушеннаго сердца или завѣтная робкая просьба. Его сердцу, чтобы молиться, не надо ни снѣжныхъ горъ, ни голубыхъ шатровъ надъ ними: онъ ищетъ не красоты, а символа:

«Прозрачный сумракъ, лучъ лампады
Кивотъ и крестъ (символъ святой)».

Каковъ-же былъ общій характеръ отношенія Лермонтова къ природѣ? Мнѣ кажется, что онъ былъ *психологомъ природы*.

Наблюденіе надъ жизнью любимой природы заставляло его внимательнѣе и глубже вглядываться въ душевный міръ человѣка. Возьмемъ два примѣра—его облака и его горныя рѣки.

И мечта, и дума поэта часто останавливались на облакахъ: постоянно встрѣчаешь въ его строкахъ: облако, облачко, тучу, тучки, особенно *тучки* съ нѣжностью.

Какихъ эпитетовъ онъ имъ ни придавалъ?—молодая, золотая, свѣтлая, сѣрая, черная, лиловая *туча; облака*—бѣлыя, синія, дымныя, сѣдыя, румяныя, багряныя, огненныя, косматыя, вольныя, легкія, разорванныя, угрюмыя, послушныя, неуловимыя, зловѣщія и ревнивыя. Поэтъ отмѣчаетъ ихъ края—кудри, лоскуты, обрывки, толпы, цѣпи, караваны, стаи, стада облаковъ (для звѣздъ, напротивъ, всегда хоры и хороводы). Они у него бродятъ, вьются, бѣгутъ, летятъ, мчатся, отважно и спокойно плывутъ, тихо и грозно ползутъ; это—то мохнатая шуба, то клочки разодраннаго занавѣса, то перья на шлемѣ, то

за̀мки, то горы, то коршунъ, то змѣя, то дикая охота, то поклонники Аллы, спѣшащіе на богомолье.

Интересно прослѣдить, какъ измѣняется психологическое содержаніе образа. Ребенокъ видѣлъ въ облакахъ то за̀мки, то рыцарей Армиды (эти картины повторяются потомъ въ юношеской повѣсти «Горбачъ Вадимъ» и въ «Испанцахъ»). Позже образъ освобождается отъ своей «миѳологичности». Это уже не рыцари, а перья на рыцарскомъ шлемѣ. Потомъ—просто перья.

Надъ главою привидѣній
Колеблемыя перья.

Въ стихотвореніи «Бой» (эскизъ къ двумъ великанамъ, 1832 г.) изображается, какъ столкнулись на небѣ два бойца: одинъ въ серебряномъ одѣяньи, другой—въ одеждѣ чернеца и на черномъ конѣ; черный побѣжденъ, и его конь падаетъ на землю. Въ «Измаилѣ Беѣ», написанномъ немного позже, столкновеніе чернаго облака съ бѣлымъ есть уже чисто воздушная, физическая картина, безъ всякихъ признаковъ грубой сказочности.

Въ ранней поэмѣ, въ «Демонѣ» облака бродятъ волокнистыми и вольными стадами и возбуждаютъ въ поэтѣ зависть.

Въ 1840 г. пишетъ онъ свои «Тучки небесныя». Здѣсь уже не зависть, а раздумье и горечь:

Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Въ любимый образъ вложена уже не мечта, а глубокая дума.

Перейдемъ къ горнымъ рѣкамъ.

Вотъ горный потокъ въ 1832 г. въ «Измаилѣ Беѣ»:

Свирѣпъ и одинокъ
Никѣмъ невѣдомый потокъ,
Какъ тигръ Америки суровой.

Таковъ и романтическій Терекъ: «воетъ, дикъ и злобенъ», или «прыгаетъ разъяренной тигрицей» (въ «Тамарѣ» 1841 г. онъ уже только «*роется во мглѣ*»).

Въ 1840 г. въ «Мцыри», этой послѣдней лермонтовской дани романтизму, образъ горной рѣки уже одухотворенъ:

Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою холмовъ.

Въ это время дума поэта охотнѣе обращалась къ спокойнымъ рѣкамъ, которыя

...обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,

По корнямъ дружескихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко.

Въ «Героѣ нашего времени» уже рѣки то серебряныя нити, то обнявшіяся сестры.

Рано горныя рѣки стали привлекать не только фантазію, но и думу поэта. Въ «Сашкѣ» 1835—1836 г., гдѣ величественный образъ Волги еще бѣденъ, рефлексія уже работаетъ надъ образомъ горнаго потока. Поэту кажется, что отъ бурь юности ему остался одинъ лишь отзывъ—звучный, горькій смѣхъ:

Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни и блещутъ, — но не живы.

Въ «Героѣ нашего времени» поэтъ уже пережилъ юность — горныя рѣки рождаютъ въ немъ думу, даже философское размышленіе. «Страсти», говоритъ онъ,—«ничто иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежатъ юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться; многія рѣки начинаютъ шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя и скрытой, силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаютъ бѣшеныхъ порывовъ; душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается собственной жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самоправданія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе».

Въ послѣдній годъ жизни поэтъ написалъ свою «Отчизну» (ее обыкновенно невѣрно называютъ «Родиной»). Нигдѣ чувство любви къ природѣ не выражалось у Лермонтова съ такой простотой и правдой, не украшенное и не преувеличенное, освободившееся отъ романтизма юности, но свѣжее и бодрое.

Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ.

Къ этой природѣ, спокойной и могучей (на «милый сѣверъ») стремился поэтъ отъ пережитыхъ имъ бурь и потоковъ Кавказа. Можетъ быть, онъ открылъ-бы намъ въ ней, въ нашей природѣ, новыя художественныя тайны. Но Творцу угодно было отозвать его въ лучшій міръ. Говорятъ, что во время дуэли, подъ дуломъ пистолета, у него было веселое лицо. Жалѣть-ли о немъ? Можетъ быть

Онъ слышитъ райскіе напѣвы —
Что жизни мелочные сны!..

И. Анненскій.

ДУША РЕБЕНКА ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.

(Окончаніе).

V. Чувствованія ребенка.

Первоначально ребенку свойственны только два чувства—удовольствіе и неудовольствіе въ зависимости отъ сытости, голода или утомленія. Онъ не испытываетъ первоначально ни стыда, ни любви, ни гнѣва, ни вообще какихъ-либо болѣе сложныхъ эмоцій. Общее чувство удовольствія выражается у новорожденнаго широко раскрытыми глазами и умѣреннымъ выдѣленіемъ слезныхъ железъ, отъ чего глаза получаютъ большій блескъ. Неудовольствіе-же выражается сжиманіемъ вѣкъ, а затѣмъ и крикомъ. Но крикъ сначала не сопровождается слезами: дѣти до 3-хъ мѣсяцевъ, какъ извѣстно, не плачутъ. Съ четвертаго-же мѣсяца однимъ изъ самыхъ точныхъ показателей неудовольствія является у ребенка весьма своеобразное оттягиваніе внизъ угловъ рта.

Съ точки зрѣнія педагогической въ высшей степени важно поддерживать въ ребенкѣ чувство удовольствія или радости и устранять крики и слезы. «Если непріятныя ощущенія испытываются ребенкомъ часто, то это безусловно вредно отзывается на общемъ ходѣ его психическаго развитія, воспитывая въ немъ чрезмѣрную впечатлительность, чувствительность, нетерпѣливость. Чѣмъ чаще присоединяется къ этому крикъ и слезы, тѣмъ серьезнѣе будутъ вредныя послѣдствія. «Слезы, говоритъ Локкъ—болѣе всего, что только я знаю, служатъ къ усиленію въ дѣтяхъ той слабости характера, которую необходимо предупреждать во что бы то ни стало; нужно останавливать слезы немедленно» *).

Напротивъ, ничто не способствуетъ лучшему психическому развитію ребенка, какъ веселая обстановка, его окружающая. «Это, конечно,

*) *Сикорскій*, указ. соч., стр. 31.

легче и естественнѣе создается на свободѣ, на свѣжемъ воздухѣ, среди солнечнаго свѣта, въ обществѣ ровесниковъ, чѣмъ въ закрытыхъ и нагрѣтыхъ комнатахъ, сколько-бы игрушекъ мы при этомъ ни давали ребенку. Страхъ многихъ матерей выводить своихъ дѣтей на свѣжій воздухъ въ самомъ юномъ возрастѣ есть лишь остатокъ предразсудковъ, свойственныхъ кормилицамъ. Послѣдствія этого предразсудка слишкомъ часто обнаруживаются въ слабости ребенка, когда онъ станетъ подростать» *).

Что касается до дѣтскихъ слезъ, легко различить, какъ дѣлаетъ профессоръ Сикорскій, двѣ формы ихъ. Одни дѣти плачутъ, пока присутствуетъ самая причина, ихъ огорчающая; но разъ эта причина устранена, прекращается и плачъ. У другихъ-же, напротивъ, слезы соединяются легко съ тою формою укороченнаго дыханія, которую мы называемъ рыданіемъ, и эти рыданія въ формѣ всхлипыванія продолжаются и послѣ устраненія причины горя, иногда цѣлые полчаса, когда ребенокъ уже, повидимому, успокоился и даже заснулъ. Весьма часто бываетъ, что дѣти, склонные въ такой формѣ плача, бываютъ склонны и къ соотвѣтственной формѣ смѣха—безтолковаго, неудержимаго, часто судорожнаго, да и вообще ихъ движенія въ противуположность ловкимъ и цѣлесообразнымъ движеніямъ дѣтей перваго типа, имѣютъ видъ безцѣльнаго эмоціональнаго возбужденія **).

Въ случаѣ появленія слезъ втораго вида, мы должны строго изслѣдовать ихъ причины и по возможности ихъ устранить. Среди этихъ причинъ особенно важны слѣдующія ***). Во-первыхъ, недостаточно внимательный уходъ за ребенкомъ. Нерѣдко, наприм., бываетъ, что, не останавливая во время слезъ ребенка, не отвлекая его вниманія на что-нибудь постороннее, мы создаемъ ему такую практику плача, которая становится уже привычкой. Далѣе, слишкомъ быстрые и частые переходы матери и вообще окружающихъ лицъ отъ ласки къ гнѣву и обратно, тоже весьма вредно вліяютъ на эмоціональную возбудимость ребенка, ибо сильныя эмоціи также заразительны, какъ инфекціонныя болѣзни, только здѣсь причина заразы психическая—чрезвычайная подражательность ребенка. Спокойствіе, соединенное съ общимъ веселымъ настроеніемъ, есть несомнѣнная обязанность воспитателя. Второй причиной эмоціональной неустойчивости должно считать частую заболѣваемость ребенка, особенно-же разстройства пищс-

*) *Preyer*, l. c., стр. 114.

**) *Сикорскій*, стр. 34—35, 39.

***) Тамъ же.

варенія. Самое легкое въ томъ отношеніи недомоганіе сразу измѣняетъ общій тонъ его жизни. Наконецъ, третьей причиной, къ несчастью слишкомъ частой въ нашей искусственной жизни, является наслѣдственное предрасположеніе. Для поясненія значенія этого обстоятельства приведемъ слѣдующій примѣръ. «Дѣвочка, дочь человѣка, страдавшаго общимъ прогрессивнымъ параличемъ помѣшанныхъ, была зачата въ ту пору, когда уже обнаружились первые признаки болѣзни отца. Ребенокъ находился въ условіяхъ наилучшаго ухода со стороны матери—женщины образованной, чрезвычайно стремившейся предохранить ребенка отъ вліянія наслѣдственнаго расположенія къ болѣзни. Уходъ и воспитаніе, которые эта мать давала своему ребенку, можно назвать безукоризненными. И однако-же, очень рано у дѣвочки появилась наклонность къ всхлипываніямъ, имѣвшимъ совершенно судорожный характеръ. Ребенокъ былъ вполнѣ благовоспитанъ и употреблялъ всѣ усилія удержаться отъ слезъ, и тѣмъ не менѣе душевныя волненія съ характеромъ плача наступали неудержимо и сопровождались всхлипываніемъ, продолжавшимся обыкновенно долго всякій разъ, какъ только ребенку случалось заплакать» *).

Впрочемъ, значеніе наслѣдственности въ происхожденіи психическихъ болѣзней теперь всѣмъ хорошо извѣстно. Мало того, можно думать, что значеніе этого фактора въ публикѣ оцѣнивается слишкомъ высоко, слишкомъ абсолютно, что тоже не безопасно, ибо имѣетъ слѣдствіемъ чрезмѣрныя опасенія. Точное *статистическое* сопоставленіе относящихся сюда случаевъ приводитъ къ выводу, что «наслѣдственность психическихъ болѣзней встрѣчается не такъ часто и безусловно, какъ это можно было-бы думать подъ впечатлѣніемъ имѣющихся случаевъ» **).

Перейдемъ теперь къ анализу отдѣльныхъ чувствованій ребенка и времени ихъ появленія. Было уже сказано, что новорожденный неспособенъ ни къ какимъ сложнымъ эмоціямъ; онъ можетъ чувствовать только простое удовольствіе или огорченіе. Первые ясные знаки эмоцій появляются, обыкновенно, во второй или въ третьей четверти перваго года. Весьма замѣчательно, что наиболѣе рано, можетъ быть раньше всякихъ другихъ эмоцій, является способность испытывать *страхъ*. Страхъ есть первоначальное чувство человѣка.

Этотъ первоначальный страхъ можетъ быть вызванъ самыми

---

*) *Сикорскій*, указ. соч., стр. 38.

**) *Hagen*, Statistische Untersuchungen über Geisteskrankheiten etc. Erlangen. 1876. Cap. VII «Katamnese». Цитировано по *Эммингаузу*, Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ, стр. 32 (переводъ).

разнообразными и крайне невинными предметами: маленькими животными, какой-нибудь машиной, любой черной фигурой. Такой страхъ отнюдь не есть результатъ какого-нибудь предварительнаго опыта, т.-е. вовсе не обусловленъ знанiемъ о вредномъ значенiи устрашающаго предмета. Это страхъ совершенно инстинктивный, прирожденный. Особенно ясно видна прирожденность страха у животныхъ, наприм. птицъ. Спальдингъ сообщаетъ, что двухдневный цыпленокъ, услышавъ одинъ крикъ коршуна, проявляетъ несомнѣннѣйшiе признаки ужаса, хотя, очевидно, не имѣетъ никакого знанiя объ опасности и даже никогда еще не видалъ ни одной хищной птицы. Такой инстинктивный страхъ, будучи связанъ съ цѣлымъ рядомъ инстинктивныхъ движенiй бѣгства, удаленiя отъ опаснаго предмета, имѣетъ, очевидно, величайшее значенiе для самосохраненiя индивидуума. Если-бы цыпленокъ долженъ былъ предварительно на опытѣ узнать опасность коршуна, то онъ, конечно, раньше-бы погибъ, чѣмъ воспользовался результатомъ опыта.

Человѣческое дитя получаетъ по наслѣдству такое-же инстинктивное чувство страха. Но въ настоящихъ условiяхъ жизни это чувство почти безполезно для самосохраненiя; за-то оно несомнѣнно вредно для общаго психическаго развитiя. Дѣтскiй страхъ есть хотя и непродолжительный, но сильнѣйшiй аффектъ, потрясающiй весь организмъ, дѣйствующiй вредно на сердце и на мозгъ и парализующiй мышечную систему. Субъективно этотъ страхъ напоминаетъ паническiй ужасъ взрослаго. Въ виду этого заботою разумнаго воспитанiя должно быть устраненiе по возможности такого аффекта, который тѣмъ болѣе опасенъ, что быстро обращается въ привычку. Приказанiя, которыя мы отдаемъ нашимъ дѣтямъ, должно дѣлать хотя авторитетнымъ тономъ, не допускающимъ непослушанiя, но безъ гнѣва, крика и вообще сильнаго эмоцiональнаго характера, подъ опасенiемъ въ противуположномъ случаѣ сдѣлать изъ нашихъ дѣтей не мужественныхъ людей, но только трусливыхъ рабовъ.

Чувство, близкое къ слабымъ степенямъ страха, есть *удивленiе*. Оно возникаетъ, когда мы встрѣчаемъ предметъ, не соотвѣтствующiй нашему ожиданiю. Понятно поэтому, что удивленiе не можетъ быть свойственно существу, не имѣющему еще предыдущаго опыта (для таковаго все одинаково ново), а съ другой — оно должно ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ предшествующiй опытъ становится столь богатымъ, что обнимаетъ и видимыя исключенiя или болѣе рѣдкiе случаи. Соотвѣтственно тому мы дѣйствительно находимъ у ребенка перiодъ, когда онъ особенно склоненъ къ *изумленiю*, а передъ этимъ

періодомъ и послѣ него эта способность слабѣе. Младенецъ не удивляется почти ничему, ибо онъ не отличаетъ еще исключительныхъ случаевъ; ребенокъ-же старше двухъ лѣтъ удивляется рѣже и не въ такой степени, ибо всѣ не особенно рѣдкіе случая ему уже хорошо извѣстны; въ промежуткѣ-же между этими періодами лежитъ то время, когда ребенокъ, такъ сказать, переходитъ отъ одного удивленія къ другому: всякій новый человѣкъ, всякій новый звукъ, всякое быстрое измѣненіе въ окружающихъ лицахъ—все это повергаетъ его въ глубочайшее изумленіе. Выразительными знаками этой эмоціи являются, съ одной стороны, широко открытые глаза (приспособленіе для лучшаго видѣнія) и связанныя съ этимъ частое миганіе и оттягиваніе вверхъ кожи лба, а съ другой—широкое открытіе рта (вѣроятно, обусловленное простымъ паралитическимъ отвисаніемъ нижней челюсти, вслѣдствіе сосредоточенія вниманія на зрительныхъ или слуховыхъ исключительно впечатлѣніяхъ), соединенное иногда непроизвольнымъ произнесеніемъ звука *ah*. Весьма любопытно то обстоятельство, что предметомъ удивленія служатъ для ребенка гораздо болѣе измѣненія въ зрительныхъ или слуховыхъ воспріятіяхъ, чѣмъ во вкусовыхъ или обонятельныхъ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что новые и странные вкусы и запахи возбуждаютъ обыкновенно прямое неудовольствіе, а не простое и, такъ сказать, теоретическое удивленіе. Этотъ *теоретическій* характеръ удивленія имѣетъ весьма важное значеніе для интеллектуальнаго развитія ребенка: благодаря ему, вниманіе ребенка сосредоточивается на всемъ новомъ, хотя и не имѣющемъ непосредственной привлекательности и быстро расширяетъ кругъ его знаній. На это общее теоретическое значеніе удивленія указывалъ еще Аристотель, считавшій его началомъ философіи *).

Третьей первоначальной эмоціей у ребенка является *гнѣвъ*, особенно рано, часто и сильно развивающійся у мальчиковъ. Когда сыну Дарвина было еще только четыре мѣсяца, его лицо краснѣло отъ гнѣва, семи мѣсяцевъ онъ сердито кричалъ, если ему случалось уронить игрушку изъ рукъ, а одиннадцати онъ уже отталкивалъ и билъ, если ему подавали не ту вещь, которую онъ требовалъ **).

Четвертой основной эмоціей ребенка должно считать альтруистическія чувствованія, т.-е. *любовь* въ широкомъ смыслѣ слова. Въ противоположность страху альтруистическія чувства не прирождены, но возникаютъ, повидимому, подъ вліяніемъ окружающей среды. Въ этихъ чувствахъ мы должны различать нѣсколько послѣдовательно

---

*) *Метафизика*, А. 2, 982 в 12.

**) *Дарвинъ*, l. c., стр. 26. Ср. у *Прейера*, стр. 245.

происходящихъ формъ, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ то сложное психическое явленіе, которое мы называемъ однимъ словомъ—любви. Первоначальная, простѣйшая форма есть простая радость или удовольствіе по поводу приближенія существа, присутствіе котораго уже многократно было ребенку полезно. Такъ какъ присутствіе матери-кормилицы сопровождалось для младенца цѣлымъ рядомъ удовольствій, особенно питанія, то уже одинъ образъ матери по привычной ассоціаціи возбуждаетъ у младенца радость. Эта простѣйшая форма любви является обыкновенно во второй четверти года, когда ребенокъ вообще начинаетъ признавать людей. Затѣмъ къ концу перваго полугодія начинаетъ обнаруживаться вторая, уже болѣе сложная форма—это симпатія, особенно въ формѣ сострадания. Дарвинъ разсказываетъ, что его маленькій сынъ, имѣвшій полгода и шесть дней, всегда, когда его кормилица дѣлала видъ, что плачетъ, становился печаленъ, причемъ оттягивались внизъ углы рта.

Наконецъ третьей наиболѣе высокой формой любви мы должны признать дѣятельную любовь, желаніе доставить любимому существу удовольствіе. Эта форма, которой полное развитіе лежитъ далеко за предѣломъ перваго дѣтства, выражается въ ласкахъ. Но мы не должны смѣшивать нѣкоторыхъ формъ ласкъ съ естественнымъ чувствомъ любви. Такъ, напримѣръ, наиболѣе обыкновенная форма ласки — поцѣлуй, есть несомнѣнно результатъ обученія, подражанія, а не простое и естественное выразительное движеніе, ибо мы знаемъ о цѣлыхъ народахъ, не употребляющихъ поцѣлуя.

Если чувство любви возникаетъ у ребенка по преимуществу подъ вліяніемъ окружающей его среды, то совершенно очевидно то величайшее значеніе, которое имѣетъ для созданія этого чувства и его развитія материнская ласка и заботливость. Чувство любви въ ребенкѣ зарождается первоначально подъ вліяніемъ акта кормленія. «Изъ этого физіологическаго источника сближенія матери съ ея ребенкомъ выростаютъ будущія чувства человѣческой солидарности и альтруизма». Затѣмъ такое-же значеніе имѣетъ первоначальное материнское воспитаніе. «Первоначальное материнское воспитаніе, говоритъ Морель,—благодаря нескончаемой внимательности и заботамъ, благодаря инстинктивному творчеству ласкъ, благодаря, наконецъ, продолжительной нравственной инкубаціи, если можно такъ выразиться,—это воспитаніе родитъ насъ для духовнаго существованія, подобно тому, камъ мы рождены для физической жизни, и дѣлаетъ насъ вдвойнѣ дѣтьми нашихъ матерей» *).

---

*) *Сикорскій*, стр. 46—47.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Календарь психической жизни ребенка *).

Первый мѣсяцъ.

Пробужденіе отъ свѣта. Зрачки при дневномъ свѣтѣ съужены и быстро расширяются въ темнотѣ. Отличаетъ свѣтлыя поверхности, но не формы и не разстоянія. Отворачиваетъ голову отъ слишкомъ яркаго свѣта. Неудовольствіе при слишкомъ яркомъ свѣтѣ. Кричитъ при затемненіи умѣреннаго свѣта. Умѣренный свѣтъ, блескъ и яркія краски радуютъ. Взглядъ направляется къ свѣту. Упирается глазами въ пустоту. Аккомодація глаза на близкія разстоянія. Слѣдитъ взглядомъ за медленно движущимся предметомъ, но сначала движеніемъ всей головы, а не только глазами. Глаза широко открываются при сосаніи, въ ваннѣ, вообще отъ удовольствія. Крѣпко зажимаетъ вѣки при крикѣ и неудовольствіи вообще. Медленно опускаетъ вѣки, если коснуться глаза. Открываетъ и закрываетъ оба глаза не симметрично. Безцѣльныя движенія глазами. Бинокулярное зрѣніе еще несовершенно. Некоординированныя движенія глазами. Глухота новорожденнаго и постепенное ея ослабленіе. При громкихъ звукахъ вздрагиваетъ во снѣ, пробуждается, закрываетъ глаза, движетъ рукою и головой, но еще не ищетъ источника звука. Послѣ сильнаго шума безпокоенъ. Узнаетъ человѣческій голосъ; пѣніе успокаиваетъ его. Кожная чувствительность незначительна. Сильное раздраженіе кожи вызываютъ крикъ. При щекотаніи кожи на подошвѣ рефлективно поджимаетъ ноги; при потрогиваніи кожи на ладони рефлективно сжимаетъ руку въ кулакъ. Тепловая чувствительность понижена. Со-

*) Этотъ календарь представляетъ извлеченіе изъ календаря, даннаго *Прейеромъ* въ послѣднемъ изданіи его книги (Seele d. Kindes, стр. 481—521). Онъ составленъ по преимуществу изъ наблюденій надъ развитіемъ его сына. Поэтому этимъ даннымъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ общаго значенія. Въ высшей степени желательно, чтобы привычка вести подобные календари (хотя-бы самые краткіе), равно какъ маленькіе словари дѣтскихъ словъ (помѣсячно) получила большее распространеніе. Въ двоякомъ отношеніи полезны были-бы подобныя записи: во-первыхъ, для самихъ родителей, ибо только такимъ образомъ можно пріучиться точно наблюдать своего ребенка и правильно объяснять его психическую жизнь; а во-вторыхъ, для дальнѣйшаго развитія научной психологіи дитяти. Въ виду этого авторъ рѣшается просить своихъ читателей о сообщеніи ему замѣтокъ указаннаго характера (по адресу: Одесса, университетъ, Ник. Ник. Ланге).

леное, кислое и горькое вызываютъ мимическіе рефлексы неудовольствія. Удовольствіе отъ сладкаго. Чувствительность къ запахамъ. Рефлексы вообще медленны. Рефлексы: глотанія, чиханія, зѣвоты, кашля, икоты, отрыгиванія. Ритмъ дыханія еще неправиленъ. Первый крикъ. Кричитъ отъ испуга (сильный шумъ), отъ голода, отъ утомленія, отъ дурнаго запаха. При удовольствіи глаза блестятъ. Первое подобіе улыбки (глазами). Гримасы. Морщитъ кожу лба (при щекотаніи носа, при сильномъ шумѣ). Первыя движенія головой. Раскрываетъ ротъ *передъ* приложеніемъ къ груди; ищетъ соска. Сосетъ пальцы и проч. Устаетъ отъ сосанія, — отъ внѣшнихъ раздраженій вообще. Дѣятельно сгибаетъ и разгибаетъ члены. Потягивается при пробужденіи. Первыя чувства: удовольствіе и неудовольствіе. Отклоняетъ голову отъ непріятнаго. Удовольствіе отъ ванны, отъ снятія одеждъ, отъ чистоты. Голодъ черезъ два часа послѣ пріема пищи. Когда сытъ, выталкиваетъ сосокъ языкомъ. Изъ звуковъ произноситъ почти исключительно гласные.

Второй мѣсяцъ.

Свѣтъ, блескъ и краски радуютъ. Фиксируетъ глазами пламя свѣчи, материнскую грудь, цвѣтные предметы. Лицо матери возбуждаетъ радость. Первыя миганія. Несимметрическія движенія глазами уже рѣдки. Различаетъ разные звуки, особенно человѣческій голосъ, и ихъ локализуетъ. Испугъ (вздрагиваніе) при сильномъ звукѣ, и удивленіе—при новомъ (напримѣръ, отъ музыки). Кожа лица очень чувствительна. Смѣется при музыкѣ, — когда видитъ лицо матери. У нѣкоторыхъ дѣтей являются слезы. Первые ясные и членораздѣльные звуки (въ родѣ *амма*, *тау* и проч.). Сонъ коротокъ, хотя общая продолжительность его велика. Изъ гласныхъ ясны: *а* (при удовольствіи), *ö*, *о*; изъ согласныхъ: *м*, *г*, *р*, *т*, *х*.

Третій мѣсяцъ.

Радуется на движеніе маятника. Ищетъ глазами. Слѣдитъ глазами за медленно движущимся предметомъ. Попытки произвольной аккомодаціи (произвольно переводитъ взглядъ то вдаль, то вблизь). Внимательно прислушивается. Чувства удовольствія еще малочисленны. Одиночество возбуждаетъ неудовольствіе. Время бодрствованія еще коротко. Сосетъ свои пальцы. Первыя желательныя движенія. Вытягиваетъ губы при напряженномъ вниманіи. Еще не вполнѣ дер-

житъ голову. Еще не вполнѣ хорошо признаетъ мать. Изъ согласныхъ произноситъ особенно часто *м*, затѣмъ *б, л, н* и *р*, а также нѣкоторые слоги, напримѣръ, *ма*; при гласныхъ ясно *и*; при неудовольствіи кричитъ *уе*, при удовольствіи *ah*.

Четвертый мѣсяцъ.

Несимметрическихъ движеній глазами больше нѣтъ. Слѣдитъ активно взглядомъ за движущимися предметами. Новые предметы упорно разсматриваетъ. Удивляется при новой обстановкѣ. Постороннихъ немедленно признаетъ за таковыхъ. Улыбается своему изображенію въ зеркалѣ. Осматриваетъ свои руки. Быстро поворачиваетъ голову въ направленіи звука. Попытка схватить желаемую вещь. Схваченную вещь подноситъ къ глазамъ. Тянется къ вещамъ слишкомъ отдаленнымъ. Сосетъ свои пальцы. Промежутки въ пріемѣ пищи—3, 4 часа. Время бодрствованія увеличивается. Лежа на животѣ, переворачивается на спину. Голова уже рѣдко клонится на сторону. Первыя попытки сидѣть безъ опоры. Если держать ребенка стоймя, онъ переступаетъ ногами. Первыя попытки подражательности (напримѣръ, вытягиваетъ губы по подражанію). Гласная *е* ясно произносится; при неудовольствіи кричитъ *ué* и *уа*, равнымъ образомъ *ха;* звуки *нана* въ видѣ отрицанія; весьма ясные членораздѣльные слоги безъ опредѣленнаго значенія; согласныхъ меньше, чѣмъ гласныхъ.

Пятый мѣсяцъ.

Радуется, хватая всякаго рода вещи. Тянется за предметами съ явнымъ желаніемъ ихъ получить. Передъ схватываніемъ вещи фиксируетъ ее глазами. Движенія схватыванія совершенствуются и исполняются съ напряженнымъ вниманіемъ (вытягиваются губы). Послѣ неудавшагося хватанія разсматриваетъ свои пальцы. Здороваясь, протягиваетъ впередъ руки. Десяти или одиннадцати-часовой сонъ безъ пріема пищи. При засыпаніи принимаетъ все еще утробное положеніе. Крикъ во снѣ, безъ пробужденія. При неудовольствіи оттягиваются внизъ углы рта. Свертываніе и развертываніе перчатки доставляетъ удовольствіе. Игры (напр. мять бумагу) показываютъ развитіе понятія о причинности и доставляютъ большое удовольствіе. Неподвижность при удивленіи. Держитъ голову прямо. Первая удачная попытка сидѣть. Начинаетъ стоять, опираясь. Волевыя движенія появляются чаще. Ясны звуки *ю* (франц. *u*), *ö* и *к*. Визгливые звуки,

какъ знакъ удовольствія. Отвѣчаетъ голосомъ на заигрыванія. Произноситъ очень мало нѣкоторые слоги. Въ крикѣ можно различить всѣ гласныя.

Шестой мѣсяцъ.

Сравниваетъ изображеніе въ зеркалѣ съ оригиналомъ. Незнакомыя лица возбуждаютъ удивленіе и страхъ. Смѣется на кивки близкихъ людей. Смѣется по подражанію. Усиленно радуется музыкѣ. Чувство удовольствія отъ хватанія вещей усиливается. Усердно разсматриваетъ свои руки. Въ общемъ огорченія еще преобладаютъ надъ радостью. Вѣрнѣйшій знакъ огорченія—оттягиваніе внизъ угловъ рта. Сонъ безъ пріема пищи еще продолжительнѣе. Поднимается, чтобы сѣсть. Окончивъ сосаніе, отталкивается руками. Сердится при обманутомъ ожиданіи (напр., когда уже одѣтаго его не несутъ, однако, гулять). Волевыя движенія становятся все чаще. Играетъ бумагой. Много новыхъ звуковъ; звуки *мö* и *ам* у всѣхъ дѣтей. Продолжительно лепечетъ самъ съ собой.

Седьмой мѣсяцъ.

Ясно слѣдитъ за летящей птицей. За выроненнымъ изъ рукъ предметомъ еще не слѣдитъ взглядомъ. Многообразные случаи удивленія. При неудовольствіи закрываетъ глаза, морщитъ лобъ и отворачиваетъ голову. Хватаетъ быстрѣе, чѣмъ прежде. Пробуетъ подниматься. Сидитъ свободно. Подражаетъ движеніямъ головы, губъ, смѣху. Показываетъ глазами. Отвѣчаетъ на вопросъ *гдѣ?*, показывая рукою. Звуки *д* и *п* становятся ясны. Лепечетъ. Понимаетъ нѣкоторыя словесныя приказанія. Соединяетъ съ извѣстными именами представленіе объ извѣстныхъ лицахъ.

Восьмой мѣсяцъ.

Внимательно разсматриваетъ свои ноги; пальцы начинаетъ тащить въ ротъ. Голодъ и насыщеніе доставляютъ еще не менѣе сильное огорченіе и удовольствіе. При желаніяхъ глаза широко раскрыты, желаемая вещь фиксируется глазами. Ротъ при схватываніи рукою открытъ. При крикѣ—четыреугольная форма рта. Еще не слѣдитъ глазами за падающею вещью. Свободно сидитъ. Поднятіе руки при внезапномъ шумѣ становится рѣже. Своеобразный гортанный звукъ означаетъ требованіе молока. Благодаря росту зубовъ, ночной сонъ тревоженъ. Громко смѣется отъ радости. Попытки указывать на

вещи. Подолгу лепечетъ самъ съ собой; новыя своеобразныя соединенія звуковъ; понимаетъ кое-что изъ сказаннаго.

Девятый мѣсяцъ.

Начинаетъ иногда слѣдить глазами за брошенными вещами. При открытіи двери поворачиваетъ къ ней голову. Широко открытые глаза и протянутыя руки—знакъ требованія. Новые предметы, разъ схваченные, внимательно разсматриваетъ и кладетъ въ ротъ. Удовольствіе отъ музыки все увеличивается. Свободно сидитъ. Удивляется новымъ лицамъ. Бьетъ въ ладошки и смѣется отъ радости. Боится собаки. Ротъ и глаза при удивленіи открыты еще больше и дольше. Удачныя попытки стоять свободно. Научается просить протягивая руку. Удачныя попытки указывать на предметъ.

Десятый мѣсяцъ.

Тянется къ лампѣ. Съ удовольствіемъ слѣдитъ глазами за брошенными на полъ вещами. Ѣстъ уже не такъ жадно, какъ прежде. Неутомимо совершаетъ всякія безцѣльныя движенія. Задержаніе рефлексовъ. Правильно доноситъ пищу до рта. Кусаетъ свои пальцы. Правильныя и многочисленныя подражательныя движенія. Киваетъ головой. Припадки бѣшенства при отказѣ въ требуемой вещи. Лицо краснѣетъ отъ гнѣва. Схваченныя вещи тащитъ еще въ ротъ. Узнаетъ отца послѣ 4-хъ-дневнаго отсутствія. Начинаетъ стоять безъ опоры. Многія дѣти начинаютъ ходить. Ходитъ съ поддержкой. Кричитъ во снѣ. Нѣкоторые слоги въ лепетѣ становятся яснѣе.

Одиннадцатый мѣсяцъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за бросаемыми на полъ вещами. Губы при напряженномъ вниманіи вытягиваетъ. Новые предметы только изрѣдка тащитъ къ глазамъ или въ ротъ, обыкновенно-же просто осматриваетъ и ощупываетъ. Увеличивается число волевыхъ движеній головою и глазами. Лица признаетъ скорѣе. Экспериментируетъ, производя ударами звуки разныхъ сортовъ. Очень разборчивъ къ пищѣ. Боится голубей. Безустанно производитъ безцѣльныя движенія. Играетъ найденнымъ длиннымъ волосомъ. Тянется къ зажженной лампѣ. Пробуетъ схватить вещь черезъ стекло. Схватилъ свою собственную руку, понесъ въ ротъ и укусилъ. Повторяетъ звуки правильно и неправильно. Смѣется съ большимъ, чѣмъ

раньше, разумѣніемъ; однако хватаетъ, смѣясь, свое отраженіе въ зеркалѣ. Пить изъ стакана еще не удается. Огорчается отсутствіемъ родителей. Свободно стоя, топаетъ ногою. Самъ поднимается и свободно становится. Многія дѣти начинаютъ самостоятельно ходить, или ходятъ съ поддержкой; ползаютъ. Двигаетъ по подражанію стуломъ. Обдуманное экспериментированіе въ играхъ. При лепетѣ иногда шепчетъ. Единственнымъ звукомъ выражаемое представленіе — объ исчезаніи кого-нибудь или чего-нибудь. Много новыхъ и старыхъ слоговъ произносится чисто, но безсмысленно. Гласныя слышитъ лучше, чѣмъ согласныя. Сказанное понимаетъ. Подражаетъ шумамъ и словамъ.

Двѣнадцатый мѣсяцъ.

Видитъ хорошо вдаль, но разстояніе удаленныхъ предметовъ оцѣниваетъ еще плохо. Ищетъ причины и мѣста звука. Разборчивъ въ пищѣ. Отнынѣ часто смѣется по подражанію. Зеленое и голубое смѣшиваетъ еще съ сѣрымъ. Взявъ въ ротъ чужой палецъ, сильно укусилъ его. Правильныя подражанія—часты. Во снѣ повторяетъ движенія, выученныя по подражанію (напр., дуть); во снѣ смѣется. Первыя попытки поцѣлуя. Удается пить изъ стакана. Правильно указываетъ (на вопросы) взглядомъ и рукою. Протягиваетъ руки въ знакъ желанія. Призналъ кормилицу послѣ 6-ти-дневнаго отсутствія. Многія дѣти начинаютъ ходить самостоятельно. Толкаетъ стулъ. Желаніе выражается звукомъ (напр. *эна*). Знаетъ свое имя. Понимаетъ слова: дай ручку. Образованіе понятій, несвязанныхъ со словомъ, очень ясно. Понимаетъ интонацію, жесты.

Тринадцатый мѣсяцъ.

Ударяя по клавишамъ фортепіано, оглядывается, слушаютъ-ли. Спитъ всего 14 часовъ въ сутки. Преодолѣваетъ страхъ передъ маленькими животными. Подражаетъ сложнымъ движеніямъ (напр., писанію, причемъ тоже муслитъ карандашъ). Отворачивается, когда его цѣлуютъ. Выучился по подражанію отрицательному качанію головой. Изслѣдуетъ, закрыта-ли дверь, запертая на задвижку. Научается производить опредѣленныя движенія подъ извѣстный напѣвъ. Многія дѣти начинаютъ самостоятельно ходить. Нѣкоторыя дѣти начинаютъ самостоятельно говорить. Исполняетъ нѣкоторыя простыя движенія по словесному приказанію, но нерѣдко ошибается. Внимательно смотритъ на ротъ говорящихъ. Разрываніе бумаги доставляетъ

много удовольствія; тоже относительно простыхъ движеній вообще, въ которыхъ ребенокъ познаетъ себя, какъ измѣняющую причину для внѣшнихъ вещей.

Четырнадцатый мѣсяцъ.

Тянется къ лампѣ, висящей на потолкѣ. Страхъ упасть. Вздыхаетъ отъ удовольствія. Размышленіе и опытъ относительно причины разныхъ звуковъ. Нѣкоторыя дѣти начинаютъ самостоятельно ходить и говорить. Укусилъ собственный палецъ по незнанію причины. Сокращаетъ длинныя слова. Видя изображеніе въ зеркалѣ, ощупываетъ поверхность стекла.

Пятнадцатый мѣсяцъ.

Тянется за слишкомъ отдаленными вещами. Пробуетъ схватить пламя свѣчи. Удается дуновеніемъ потушить свѣчу. При новыхъ движеніяхъ разсматриваетъ свою руку. Научился цѣловать. Впервые пожимаетъ плечами въ знакъ невозможности исполненія. Складываетъ ручки въ знакъ просьбы. Обжегъ палецъ при попыткѣ схватить пламя свѣчи. Начинаетъ спокойно выносить, когда вытираютъ ротъ. Съ удовольствіемъ разъискиваетъ спрятанныя вещицы. Многія дѣти начинаютъ самостоятельно говорить. Много новыхъ самостоятельныхъ словъ. Повторяетъ лучше услышанные слоги. Сокращаетъ выученныя слова. Изображенія въ зеркалѣ и на фотографіи ясно отличаетъ отъ оригинала; однако еще потрогиваетъ зеркало. Сильно укусилъ свой собственный палецъ.

Шестнадцатый мѣсяцъ.

Неудачныя попытки схватить что-нибудь еще часты. Пытается схватить струю воды. Внимательно прислушивается къ карманнымъ часамъ. Искусное подражаніе сложнымъ движеніямъ. При сосредоточенномъ вниманіи сильно вытягиваетъ впередъ губы. Самостоятельныя и обдуманныя движенія руками. Многія дѣти начинаютъ ходить. Многія дѣти самостоятельно говорятъ. Замѣтный прогрессъ въ повтореніи слышанныхъ словъ. Понимаетъ многія слышанныя слова, но нерѣдко ихъ смѣшиваетъ. Испытательно ощупываетъ свое тѣло. Гримасничаетъ передъ зеркаломъ.

Семнадцатый мѣсяцъ.

Пытается схватить дымъ. Слушанье карманныхъ часовъ—любимая игрушка. Боится черныхъ фигуръ. При ѣдѣ ложка часто не по-

падаетъ въ ротъ. Отъ гнѣва бросается на полъ. Вкусъ къ чистотѣ сильно развитъ. Прятать вещи доставляетъ большое удовольствіе. Членораздѣльные звуки, выражающіе радость и желаніе. Жалостные звуки, выражающіе непониманіе, невозможность исполнить. Подражаетъ звуку завода часовъ. Правильно указываетъ многія лица. Послушливость, чувство личности и шутливость развиваются. Различаетъ по слуху согласныя. Зеркало доставляетъ удовольствіе; тѣ-же проявленія тщеславія, какъ въ предъидущемъ мѣсяцѣ.

Восемнадцатый мѣсяцъ.

Любимое до сихъ поръ занятіе—бросать игрушки—становится рѣже. При ѣдѣ отставляетъ маленькій палецъ руки. При потрогиваніи во снѣ руки она не сжимается въ кулакъ. Трубитъ въ трубу. Доноситъ полную ложку до рта. При отказѣ въ желаемомъ топаетъ ногами. Память и вопросы безъ словъ—очень ясны. Игра въ прятки радуетъ. Попытки отпирать (первымъ попавшимся ключемъ). Многія дѣти самостоятельно говорятъ. Долгій бѣгъ.

Девятнадцатый мѣсяцъ.

Попытки дѣлать ритмическія движенія подъ музыку. Не боится болѣе незнакомыхъ людей, одѣтыхъ въ черное. Подражаніе животнымъ, шитью, чтенію. Отказывается цѣловать чужихъ. Одинаково ѣстъ и правой и лѣвой рукой. Мина и позы выражаютъ гордость. Память (безъ словъ) хорошо развита. Хорошо запоминаетъ однажды слышанное. Членораздѣльные звуки произноситъ лучше. Кидая вещи, говоритъ или шепчетъ (даже будучи одинъ): *атта*. Уже одно ожиданіе холодной ванны вызываетъ крикъ. Лучше повторяетъ услышанныя слова. Многія дѣти только теперь начинаютъ бѣгать. Нѣкоторыя дѣти только теперь начинаютъ говорить. Сразу замѣчаетъ отсутствіе одной изъ 10 знакомыхъ кегель. Небольшой запасъ словъ состоитъ преимущественно изъ существительныхъ, но есть и нѣсколько прилагательнихъ. Жесты предпочитаетъ рѣчи. Однообразныя движенія (выливаніе и наполненіе, перелистываніе и т. п.) все еще доставляютъ, какъ и вообще въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, наибольшее удовольствіе.

Двадцатый мѣсяцъ.

Днемъ спитъ только два часа. Радуется яркимъ краскамъ, но ихъ не различаетъ. Ритмическія движенія подъ музыку. Подражаетъ чте-

нію, куренію, словамъ, смѣху. Ѣсть ложкой еще несовершенно. Живая мимика. Живая фантазія въ играхъ. Нѣкоторыя дѣти начинаютъ складывать предложенія, но еще безъ глагола. Первые словесные вопросы.

Двадцать первый мѣсяцъ.

Смѣется своему изображенію въ зеркалѣ. Слушать карманные часы все еще любимое занятіе. Боится моря. Сразу узналъ отца послѣ двухнедѣльнаго отсутствія. Ясно помнитъ о томъ, что было за три мѣсяца. Одинаковые предметы охотно располагаетъ въ ряды. Повторяя слышанное, удвояетъ слоги. Въ безсмысленномъ лепетѣ преобладаютъ слоги. Часто употребляетъ междометіе. Въ играхъ экспериментируетъ.

Двадцать второй мѣсяцъ.

Новые предметы, кажущіеся загадочными, все болѣе привлекаютъ вниманіе. Попытка рисовать и пѣть. Кормитъ куколъ и нарисованныхъ людей. Ясная наклонность къ образованію предложеній. Между новыми звуками ясно *ш*. Рѣже смѣшиваетъ слышимыя слова. Память на слова усиливается. Повторяетъ трехсложныя слова. Нѣкоторыя дѣти начинаютъ употреблять вопросительныя части рѣчи. Начало счета (говоритъ: «одинъ, еще одинъ, еще одинъ» и т. д.).

Двадцать третій мѣсяцъ.

Оцѣнка разстояній еще несовершенна. Соединеніе осязательныхъ и зрительныхъ впечатлѣній все еще медленно. Весьма сильная подражательность. Считаетъ поцѣлуй знакомъ ласки и при этомъ очень разборчивъ. Бьетъ въ ладоши въ знакъ восторженнаго одобренія. Часто выражаетъ разныя желанія весьма сложными движеніями, безъ словъ. Призналъ игрушки послѣ 11-ти-недѣльнаго отсутствія. Играя, пьетъ изъ пустой чашки. Много новыхъ звуковыхъ соединеній. Употребляетъ прилагательныя въ качествѣ цѣлаго предложенія. Играетъ, произнося разные слоги; переставляетъ слоги въ словахъ (метатезисъ). Послушливость и точность въ повтореніи слышаннаго увеличивается. Удвояетъ слышанные слоги.

Двадцать четвертый мѣсяцъ.

Внимательно разсматриваетъ маленькихъ животныхъ и ласковъ съ ними. Символическое толкованіе простыхъ рисунковъ (наприм., кругъ

означаетъ тарелку и т. д.). Все еще любитъ слушать карманные часы. Попытки пѣть. Крайнія степени удивленія являются рѣже. Добровольно подражаетъ извѣстнымъ церемоніямъ (напр., кланяясь, снимаетъ шляпу). Плутовской смѣхъ. Понимаетъ простые фокусы. Танцуетъ въ тактъ музыки. Образуетъ новые безсмысленные слоги. Эхолалія (повтореніе, иногда многократное, послѣднихъ слоговъ слышаннаго). Заикается при повтореніи слышаннаго. Не многія знакомыя слова употребляетъ въ разнообразныхъ значеніяхъ. Соединяетъ два слова въ предложеніе

Двадцат пятый мѣсяцъ.

Вѣрно понимаетъ тонкія различія человѣческихъ физіономій и маленькія изображенія. Кожная чувствительность уменьшается. Разрывать и мять бумагу все еще доставляетъ удовольствіе. Отнынѣ слухъ имѣетъ болѣе существенное значеніе для психическаго развитія, чѣмъ зрѣніе. Сонъ становится крѣпче. Быстро усвояетъ поправки въ языкѣ. Память, пониманіе и произношеніе словъ улучшаются. Образуетъ предложенія изъ нѣсколькихъ словъ. Счетъ помощью числительныхъ еще недоступенъ.

Двадцат шестой мѣсяцъ.

Иные цвѣта называетъ вѣрно, другіе—смѣшиваетъ. Впечатлительность къ звукамъ во снѣ слабѣетъ. Первыя попытки лазать. Много новыхъ словъ. Въ разговорахъ съ самимъ собой играетъ словами и слогами. Въ разсказѣ употребляетъ глаголы, но только въ неопредѣленномъ наклоненіи. Способность подчиняться дрессировкѣ убавляется, разсудокъ-же усиливается. Представленіе о числахъ еще отсутствуетъ. Ономатопоея и эхолалія.

Двадцат седьмой мѣсяцъ.

Громкій шумъ не пробуждаетъ. Состраданіе къ вырѣзаннымъ изъ бумаги фигурамъ людей и животныхъ. Въ знакъ согласія киваетъ головой и говоритъ *да*. Лазанье доставляетъ много удовольствія. Начинаетъ скакать. Часто удается произносить даже наиболѣе трудные изъ слоговъ. Самостоятельно наблюдаетъ и сравниваетъ. Эхолалія очень сильна.

Двадцат восьмой мѣсяцъ.

Сильное стремленіе все дѣлать самому. Признаки самообладанія (вспоминаетъ о запрещеніи и удерживается). Фантазія необыкновенно

живая. Разговоры съ самимъ собою сопровождаются пѣніемъ. Кричитъ во снѣ, подъ вліяніемъ сновъ. Эхолалія весьма сильна.

Двадцать девятый мѣсяцъ.

Игра въ мячъ доставляетъ большое удовольствіе. Употребляетъ личное мѣстоименіе, но несовершенно. При выраженіи желаній глаголы употребляются обыкновенно въ неопредѣленномъ наклоненіи, иногда въ повелительномъ. Ясная счислительная дѣятельность видна въ употребленіи выраженій въ родѣ слѣдующаго: «разъ, еще разъ, еще разъ» и т. д., но употребленіе числительныхъ еще недоступно. Живая склонность къ задаванію вопросовъ

Тридцатый мѣсяцъ.

Попытка рисовать. Холодныя обмыванія радуютъ. Быстрыя движенія руками все еще знакъ радости. Безъ поддержки входитъ на лѣстницу. Самостоятельная мыслительная дѣятельность все болѣе выражается въ словахъ. Съ плутовскимъ смѣхомъ играетъ въ прятки. Большой прогрессъ въ употребленіи мѣстоименія *я*. Различаетъ правую руку отъ лѣвой, но не совершенно.

Тридцать первый мѣсяцъ.

Смѣшиваетъ еще цвѣта. Сильная податливость къ внушеніямъ (suggestion)—признакъ еще слабой воли. Часто мѣняетъ занятія. Подражанія становятся рѣже.

Тридцать второй мѣсяцъ.

Воспоминанія о времени до начала ходьбы (о второмъ годѣ жизни). Непонятныя слова скоро забываются. Однообразно повторяемыя движенія (въ родѣ наливанія воды въ чайникъ и выливанія ея изъ него) доставляютъ удовольствія. Обозначаетъ себя или по имени, или черезъ *я*, или черезъ *онъ*, или безъ всякаго мѣстоименія.

Тридцать третій мѣсяцъ.

Правильно называетъ цвѣта. Болѣе длинные самостоятельные разсказы. Животныя привлекаютъ особенное вниманіе. Къ машинамъ относится, какъ къ животнымъ. Чувство личности сильно развито. Смѣшиваетъ слова *много* и *мало*. Особенно замѣтны ошибки въ спря-

женіи и неправильности въ произношеніи членораздѣльныхъ звуковъ. Съ особенною настойчивостью повторяетъ однообразныя дѣйствія. Часто употребляетъ мѣстоименіе *я*.

Тридцать четвертый мѣсяцъ.

Правильно называетъ цвѣта. Выражаетъ поцѣлуемъ благодарность. Гимнастика доставляетъ удовольствіе. Самостоятельно употребляетъ слово *почему?* Чрезвычайная склонность къ задаванію вопросовъ.

Тридцать пятый мѣсяцъ.

Иногда засыпаетъ даже при шумѣ. Воспоминанія изъ втораго года жизни.

Тридцать шестой мѣсяцъ.

Правильно узнаетъ голубой цвѣтъ. Основные цвѣта (красный, желтый, зеленый и голубой) различаетъ лучше, чѣмъ смѣшанные. Пѣніе доставляетъ много удовольствія. Оттягиваніе внизъ угловъ рта все еще вѣрнѣйшій знакъ неудовольствія. При сильномъ крикѣ четыреугольная форма рта. Разстояніе оцѣниваетъ еще замѣчательно несовершенно. Вопросъ *когда?* еще отсутствуетъ. Воспоминанія изъ втораго года жизни еще свѣжи.

Н. Ланге.

Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій.

(Окончаніе).

Остановимся, наконецъ, на новѣйшихъ реформахъ баварскихъ и вюртембергскихъ гимназій. Для выясненія нашего вопроса эти реформы тѣмъ болѣе важны, что онѣ являются результатомъ трудовъ извѣстной школьной конференціи, засѣдавшей въ Берлинѣ съ 4 по 17 декабря 1890 года. Въ этой конференціи, не говоря уже о живомъ въ ней участіи самаго императора, извѣстнѣйшимъ представителямъ какъ высшей, такъ и средней нѣмецкой школы, а между ними и многимъ врачамъ-спеціалистамъ, корифеямъ медицинской науки въ Германіи, была дана полная возможность обстоятельно изложить свои мнѣнія и взгляды и свободно высказать свои желанія относительно школьнаго вопроса, и, между прочимъ, именно о переутомленіи учениковъ гимназій умственною и сидячею работою. Слѣдовательно, реформы эти въ данную минуту, нѣкоторымъ образомъ, выражаютъ послѣднее слово медицинской науки и педагогіи по вопросу объ обремененіи учениковъ гимназій «чрезмѣрными требованіями школы».

Тотчасъ послѣ закрытія извѣстной школьной конференціи въ Берлинѣ, въ Мюнхенѣ также былъ созванъ Высшій школьный совѣтъ (Oberster Schulrath) для обсужденія школьнаго вопроса *). Хотя этотъ совѣтъ пока не призналъ необходимымъ производить какія-либо существенныя измѣненія въ устройствѣ баварскихъ среднеучебныхъ

---

*) Эти свѣдѣнія мы почерпаемъ изъ двухъ нѣмецкихъ журналовъ: 1) «Zeitschrift für Schulgesundheitspflege», redigirt von L. Kotelmann, Hamburg 1891, № 4, стр. 244: Nachwirkungen der Berliner Schulconferenz; 2) Das humanistische Gimnasium 1891. Heft I, стр. 28. Разными-же подробностями мы обязаны устнымъ сообщеніямъ, сдѣланнымъ намъ нѣкоторыми директорами германскихъ гимназій, съ которыми мы имѣли удовольствіе, лѣтомъ сего года, за-границею побесѣдовать по поводу интересующаго насъ вопроса.

заведеній, но все-таки нашелъ нужнымъ,—согласно съ мнѣніемъ референтовъ, извѣстнаго во всей Германіи педагога Аутенрита (Studienrector D-r Autenrieth, Rector des Alten Gymnasiums въ Нюрнбергѣ) и Векклейна (D-r Wecklein, Rector des Maximilians-gymnasium въ Мюнхенѣ), а также согласно съ постановленіями школьной конференціи,—по нѣкоторымъ предметамъ уменьшить число обязательныхъ еженедѣльныхъ уроковъ. Такъ, напр., по латинскому языку число этихъ уроковъ сокращено на 7 уроковъ (прежде было 73 урока, осталось, слѣдовательно, 66 уроковъ, у насъ нынѣ всего только 42 урока въ недѣлю); по географіи — на одинъ урокъ и по чистописанію на 5 уроковъ (вмѣсто прежнихъ 9-ти было оставлено всего только 4 урока, т.-е. меньше половины числа такихъ-же уроковъ въ нашихъ гимназіяхъ!). По другимъ-же предметамъ число уроковъ было увеличено; такъ, напр., по отечественному языку на 1 урокъ, по французскому языку и физикѣ вмѣстѣ съ математическою географіею—по каждому предмету на 2 урока; сверхъ того, назначены по новымъ программамъ 5 обязательныхъ еженедѣльныхъ уроковъ по естествовѣдѣнію и и 5 такихъ-же уроковъ по рисованію. Число уроковъ по остальнымъ предметамъ оставлено безъ измѣненія, такъ что при новой реформѣ общее число еженедѣльныхъ обязательныхъ для всѣхъ учениковъ уроковъ не только не было уменьшено, но даже на урокъ увеличено, а именно вмѣсто 227 было положено 228 уроковъ въ недѣлю.

Изъ вышесказаннаго видно, что «Высшій школьный совѣтъ» въ Баваріи не нашелъ нужнымъ уменьшить классную работу учениковъ гимназіи, продолжительность которой дѣйствительно не особенно велика и ближе всего подходитъ къ продолжительности таковой-же работы въ нашихъ гимназіяхъ, если считать, конечно, только тѣ классы, которые по возрасту учениковъ соотвѣтствуютъ нашимъ восьми гимназическимъ классамъ, — а именно: въ бав. гимназіяхъ—205, а въ русскихъ 206 обязательныхъ для всѣхъ учениковъ уроковъ въ недѣлю.

Относительно домашнихъ занятій учениковъ новыми правилами (§ V) строжайше предписывается избѣгать всякаго обремененія учениковъ, которое могло-бы повредить ихъ здоровью. Въ виду этого, преподавателямъ вмѣняется въ обязанность объемъ задаваемыхъ уроковъ опредѣлять не иначе, какъ по взаимному соглашенію и всегда принимая во вниманіе среднее время, необходимое ученикамъ для выполненія этой работы. Продолжительность-же такого средняго времени «Совѣтъ» опредѣлилъ: въ низшихъ 4-хъ классахъ въ 2 часа, а въ высшихъ 4-хъ—въ 3 часа въ сутки. Однако, къ такому суточному времени, назначенному для домашней работы, слѣдуетъ еще

прибавить время, необходимое ученикамъ для исполненія тѣхъ домашнихъ сочиненій на отечественномъ языкѣ, которыя, по новымъ правиламъ, они должны подавать въ низшихъ 3-хъ классахъ черезъ недѣлю, а въ среднихъ и высшихъ—разъ въ мѣсяцъ. Изъ объясненія этого требованія, которое значительно различается отъ прежнихъ требованій по тому-же предмету *), видно, что объемъ этихъ сочиненій долженъ быть не слишкомъ маленькій, такъ какъ они противополагаются «болѣе короткимъ упражненіямъ» (den kleineren Uebungen). А изъ этого позволительно заключить, что и время, которое ученики должны посвятить этимъ работамъ, должно быть довольно значительное, и мы едва-ли ошибемся, если для выполненія ихъ въ низшихъ классахъ положимъ по 2 часа, а въ среднихъ и высшихъ классахъ по 4 часа на каждую работу, что въ низшихъ классахъ, при одной работѣ въ теченіе двухъ недѣль, т.-е. въ 12 учебныхъ дней, а въ высшихъ классахъ, при одной работѣ въ четыре недѣли, или-же въ 24 учебныхъ дня, на каждый день, какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ классахъ, среднимъ числомъ, составитъ по 10 минутъ въ сутки,—время, которымъ, слѣдовательно, и увеличивается ниже указанная продолжительность обязательныхъ домашнихъ занятій учениковъ баварскихъ гимназій.

Такимъ образомъ, согласно съ указанными постановленіями «Высшаго школьнаго совѣта», продолжительность ежедневной обязательной работы, какъ умственной, такъ и сидячей, въ классѣ и дома, для учениковъ отдѣльныхъ классовъ баварскихъ гимназій въ настоящее время будетъ слѣдующая (№ IX):

*) До послѣдней реформы ученики всѣхъ классовъ баварскихъ гимназій еженедѣльно должны были исполнять, по крайней мѣрѣ, по одному домашнему сочиненію, и не только на отечественномъ, но и на другихъ языкахъ. См.: Das humanistische Gymnasium, Zweiter Jahrgang 1891, Heft I, стр. 29.

№ IX. Продолжительность обязательной работы учениковъ, умственной и сидячей, въ классѣ и дома, по постановленію «Высшаго школьнаго совѣта», для баварскихъ гимназій:

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	10	11	12	13	14	15	16	17
Классы.	V	IV	III[1]	III[2]	II[1]	II[2]	I[1]	I[2]
	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.
Недѣльная классная работа	23	24	25	26	26	27	27	27
Суточная классная работа	3,50	4,0	4,10	4,20	4,20	4,30	4,30	4,30
Суточная классная работа послѣ вычета по 40 м. для отдыха между уроками.	3,10	3,20	3,30	3,40	3,40	3,50	3,50	3,50
Суточная домашняя работа	2,10	2,10	2,10	2,10	3,10	3,10	3,10	3,10
Суточная, классная и домашняя, работа вмѣстѣ.	5 20	5,30	5,40	5,50	6,50	7,0	7,0	7,0

Работы по подготовленію послѣдней школьной реформы въ Вюртембергскомъ королевствѣ были начаты уже въ ноябрѣ 1890 года, т.-е. нѣсколько ранѣе открытія Берлинской школьной конференціи, которая, какъ извѣстно, была открыта только 4-го декабря того-же года. Вслѣдствіе этого новыя правила для вюртембергскихъ гимназій могли быть напечатаны въ Вюрт. Правит. Вѣстникѣ уже 21 декабря 1890 года, т.-е. спустя 4 дня послѣ закрытія названной конференціи, а новые учебные планы для вюрт. гимназій и лицеевъ появились въ печати 16 февраля текущаго года. Эти новыя правила и учебные планы должны были сдѣлаться обязательными съ начала слѣдующаго учебнаго года и, слѣдовательно, нынѣ уже дѣйствуютъ.

Изъ этихъ новыхъ учебныхъ плановъ *) мы прежде всего усматриваемъ, что общее число еженедѣльныхъ обязательныхъ уроковъ въ вюртембергскихъ гимназіяхъ въ настоящее время на одинъ урокъ

*) См. Das humanistische Gymnasium 1891, Heft I, стр. 21.

больше, чѣмъ оно было до послѣдней реформы, а именно 267 вмѣсто 266 уроковъ, не считая уроковъ гимнастики, которыхъ полагается по два урока въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Эти уроки распредѣлены на 10 классовъ (каждый съ годичнымъ курсомъ) такимъ образомъ, что на тѣ восемь классовъ, которые, по возрасту учениковъ, соотвѣтствуютъ нашимъ восьми гимназическимъ классамъ, падаетъ 242 урока. Число-же уроковъ, назначенныхъ по новымъ планамъ для отдѣльныхъ предметовъ, подвергалось разнымъ измѣненіямъ: такъ, было уменьшено число еженедѣльныхъ уроковъ по древнимъ языкамъ на $23^1/_2$ урока, а именно: по латинскому языку на $21^1/_2$ (вмѣсто прежнихъ $102^1/_2$ уроковъ былъ положенъ только 81 урокъ), а по греческому языку на 2 урока (вмѣсто прежнихъ 42 уроковъ было положено 40 уроковъ); при этомъ начало преподаванія латинскаго языка было перенесено изъ I во II классъ (въ I классъ поступаютъ дѣти 8-ми, во II классъ 9-ти лѣтъ и т. д.), а начало преподаванія греческаго языка—изъ IV въ V классъ (по возрасту учениковъ соотвѣтствующій нашему III классу). Съ другой-же стороны, было увеличено число уроковъ по отечественному языку съ 26 на 28 уроковъ; по французскому языку съ 16 на 18, по математикѣ съ 37 на 39; по естествовѣдѣнію съ 10 на 16; вновь введены 7 обязательныхъ уроковъ черченія. Другіе предметы остались безъ измѣненія.

По отношенію къ домашнимъ занятіямъ учениковъ вюртембергскихъ гимназій, новыми правилами были только подтверждены прежнія распоряженія министерства по этому предмету (а именно предписанія 16 декабря 1854, 12 апрѣля 1855, 28 ноября 1872 и 26 апрѣля 1883 года), которыми директорамъ гимназіи предписывалось строго слѣдить за тѣмъ, чтобы домашнія занятія по приготовленію уроковъ отъ учениковъ 8-ми до 10-ти лѣтъ въ тѣ дни, когда бываютъ до- и послѣ-обѣденные уроки, не требовалось болѣе одного часа, а по средамъ и субботамъ, когда въ этихъ гимназіяхъ послѣ-обѣденные уроки не полагаются, не болѣе $1^1/_2$ часа; отъ учениковъ 11-ти—14-ти лѣтъ—въ первые дни отъ $1^1/_2$ до 2 часовъ, а по средамъ и субботамъ—отъ $2^1/_2$ до 3 часовъ. Это послѣднее постановленіе должно относиться и къ ученикамъ высшихъ классовъ, такъ какъ имъ, сверхъ времени, необходимаго для выполненія заданныхъ уроковъ, слѣдуетъ оставить,—по словамъ самихъ правилъ,—еще нѣсколько свободныхъ часовъ для другихъ упражненій и занятій (zu anderweisigen Studien und Beschaeftigungen). Если-же приведенное нами время для домашнихъ занятій учениковъ распредѣлить поровну по всѣмъ днямъ не-

дѣли, то выходитъ, что продолжительность такихъ занятій въ классѣ вюртембергскихъ гимназій, соотвѣтствующемъ по возрасту учениковъ нашему I классу, можетъ доходить до 1 часа 10 минутъ, во II — V классахъ до 2 часовъ 25 минутъ и въ трехъ высшихъ классахъ до 3-хъ часовъ въ сутки.

Желая сказанное нами о продолжительности обязательной умственной и сидячей работы учениковъ вюртембергскихъ гимназій въ классѣ и дома выразить наглядно, мы получаемъ нижеслѣдующую (№ X) таблицу:

№ X. Продолжительность обязательной работы учениковъ вюртемберскихъ гимназій, умственной и сидячей, въ классѣ и дома, послѣ новѣйшей школьной реформы 1891 г.

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	10	11	12	13	14	15	16	17
Классы.	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.
Недѣльная классная работа	26	31	32	31	31	32	29	30
Суточная классная работа	4,20	5,10	5,20	5,10	5,10	5,20	4,50	5,0
Суточная и классная работа послѣ вычета по 40 м. для отдыха между уроками.	3,40	4,30	4,40	4,30	4,30	4,40	4,10	4,20
Суточная домашняя работа	1,10	2,25	2,25	2,25	2,25	3,0	3,0	3,0
Суточная, классная и домашняя, работа вмѣстѣ.	4,50	6,55	7,5	6,55	6,55	7,40	7,10	7,20

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что какъ въ шведскихъ, такъ и многихъ германскихъ гимназіяхъ есть три и даже четыре необязательныхъ языка (тогда какъ у насъ существуетъ только одинъ: или французскій, или нѣмецкій языки), а именно: французскій, англійскій, въ послѣднее время также итальянскій, а для будущихъ богослововъ — еще еврейскій. При опредѣленіи-же числа часовъ для обязательной работы учениковъ, какъ классной, такъ и

домашней, такое обстоятельство по необходимости должно было быть принимаемо во вниманіе (что и было сдѣлано не только Кеемъ, но и Страсбургской медицинской коммиссіей *),—тѣмъ болѣе, что значительное большинство учениковъ этихъ гимназій изучаетъ, если не всѣ эти языки, то обыкновенно—два, и только въ самыхъ рѣдкихъ случахъ одинъ изъ нихъ. Этимъ, однако, въ извѣстной мѣрѣ увеличивается работа учениковъ не только въ классѣ, но и дома,—работа, которая и безъ того уже, какъ мы увидимъ, почти во всѣхъ классахъ продолжительнѣе, чѣмъ у учениковъ нашихъ гимназій.

Указывая въ началѣ статьи и въ таблицѣ № II на продолжительность классныхъ занятій учениковъ нашихъ гимназій, какъ она установлена программами 1890 года, мы изъ общаго числа еженедѣльныхъ уроковъ нашли нужнымъ исключить уроки по чистописанію и рисованію, такъ какъ, согласно нашему плану, мы имѣли въ виду говорить только о той классной работѣ учениковъ, которая требуетъ отъ нихъ особеннаго напряженія ихъ умственныхъ способностей и служитъ къ умственному ихъ развитію. Теперь-же, когда мы желаемъ сравнивать продолжительность всей умственной и сидячей работы, нынѣ обязательной для всѣхъ учениковъ нашихъ гимназій, съ продолжительностью таковой-же работы учениковъ соотвѣтствующихъ классовъ названныхъ заграничныхъ гимназій, мы, конечно, должны опять принять въ разсчетъ также уроки чистописанія и рисованія и такимъ образомъ возстановить общее распредѣленіе еженедѣльныхъ уроковъ, обязательныхъ для всѣхъ учениковъ, какъ оно установлено реформою 1890 г. для нашихъ гимназій. Сдѣлавъ это, мы получимъ слѣдующія таблицы: а) таблицу, выражающую продолжительность *всей* обязательной работы учениковъ нашихъ гимназій, умственной и сидячей, въ классѣ и дома, по нынѣ дѣйствующимъ программамъ 1890 г.; б) сравнительную таблицу числа еженедѣльныхъ уроковъ по обязательнымъ для всѣхъ учениковъ предметамъ (исключая гимнастику) какъ въ русскихъ, такъ и въ вышеприведенныхъ заграничныхъ гимназіяхъ; в) три таблицы, выражающія продолжительность еже-

---

*) Aerztliches Gutachten über das höhere Schulwesen Elsass-Lothringens. Тутъ, на 18-й страницѣ, сказано: «Wir legen besonders auch deshalb grosses Gewicht auf Verminderung der häuslichen Arbeitsstunden für die obligatorischen Unterrichtsfächer, damit für die wichtigen facultatiwen Lehrstuuden (Hebräisch für die künftigen Theologen, Französisch und Englisch) für die selbstständigen Neigungen der jungen Leute zu diesem oder jenem Fache einige Zeit häuslicher Arbeit erübrigt werde».

дневной обязательной работы, умственной и сидячей, учениковъ русскихъ гимназій сравнительно съ продолжительностью таковой-же работы учениковъ поименованныхъ заграничныхъ гимназій: 1) классной, 2) домашней и 3) той и другой вмѣстѣ. При этомъ знакъ + выражаетъ бо̀льшую, а знакъ — меньшую продолжительность работы учениковъ заграничныхъ гимназій сравнительно съ русскими гимназіями.

№ XI. Продолжительность обязательной работы учениковъ русскихъ гимназій, умственной и сидячей, въ классѣ и дома, по нынѣ дѣйствующимъ программамъ 1890 года:

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	10	11	12	13	14	15	16	17
Классы.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.
Недѣльная классная работа, считая обязательнымъ только одинъ изъ новыхъ языковъ, а именно французскій языкъ.....	23	25	26	26	26	26	27	27
Суточная классная работа	3,50	4,10	4,20	4,20	4,20	4,20	4,30	4,30
Суточная классная работа, считая каждый ур. по дѣйствительной его продолжительности въ 55 м.	3,31	3,49	3,58	3,58	3,58	3,58	4,7	4,7
Суточная домашняя работа	1,10	1,15	1,45	2,10	2,30	2,55	3	3
Суточная, классная и домашняя, работа вмѣстѣ	4,41	5,4	5,43	6,8	6,28	6,53	7,7	7,7

№ XII. Число еженедѣльныхъ уроковъ по обязательнымъ для всѣхъ учениковъ предметамъ (исключая уроки гимнастики):

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	Классы русскихъ гимназій и соотвѣтствующіе имъ по возрасту классы заграничныхъ гимназій.				Въ русскихъ гимназіяхъ, согласно требованіямъ программъ 1890 г.	Въ шведскихъ гимназіяхъ, согласно «нормальному распред.» А. Кея.	Разница.	Въ гимназіяхъ эльзасъ-лотар., согласно «нормальн расп.» Страсб. мед. комм.	Разница.	Въ баварскихъ гимназіяхъ, согласно нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.	Въ вюртемб. гимназіяхъ, согласно нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.
	Русскихъ.	Шведскихъ.	Эльзасъ-лот. и баварск.	Вюртембергскихъ.	Число уроков.	Число уроков.		Число уроков.		Число уроков.		Число уроков.	
10	I	II	V	III	23	26	+ 3	24	+ 1	23	± 0	26	+ 3
11	II	III	VI	IV	25	29	+ 4	26	+ 1	24	— 1	31	+ 6
12	III	IV	III^1	V	26	29	+ 3	26	± 0	25	— 1	32	+ 6
13	IV	V	III^2	VI	26	32	+ 6	26	± 0	26	± 0	31	+ 5
14	V	VI^1	II^1	VII	26	32	÷ 6	30	+ 4	26	± 0	31	+ 5
15	VI	VI^2	II^2	VIII	26	32	+ 6	30	+ 4	27	+ 1	32	+ 6
16	VII	VII^1	I^1	IX	27	32	+ 5	30	+ 3	27	± 0	29	+ 2
17	VIII	VII^2	I^2	X	27	32	+ 5	30	+ 3	27	± 0	30	+ 3
ИТОГО.					206	244	+38	222	+16	205	— 1	242	+36

№ XIII. Продолжительность ежедневной обязательной классной работы:

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	Классы русскихъ гимназій и соотвѣтствующіе имъ по возрасту учениковъ классы заграничныхъ гимназій.				Въ русскихъ гимназіяхъ, согласно требованіямъ програмъ 1890 г.	Въ шведскихъ гимназіяхъ, согласно «нормальному распредѣленію» А. Кея.	Разница.	Въ гимназіяхъ эльзасъ-лотар., согласно «нормальн. распр.» Страсб. мед. ком.	Разница.	Въ баварскихъ гимназіяхъ, согласно требованіямъ нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.	Въ вюртемб. гимназіяхъ, согласно требованіямъ нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.
	Русскихъ.	Шведскихъ	Эльзасъ-лот. и баварскихъ	Вюртембергскихъ.	Часы, минут	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.
10	I	II	V	III	3,31	3,55	+24	3,35	+ 4	3,10	—21	3,40	+ 9
11	II	III	IV	IV	3,49	4,25	+36	3.55	+ 6	3,20	—29	4,30	+41
12	III	IV	III[1]	V	3,58	4,25	+27	3.55	— 3	3,30	—28	4,40	+42
13	IV	V	III[2]	VI	3,58	4,55	+57	3,55	— 3	3,40	—18	4,30	+32
14	V	VI[1]	II[1]	VII	3,58	4,45	+47	4,25	+27	3,40	—18	4,30	+32
15	VI	VI[2]	II[2]	VIII	3,58	4,45	+47	4,25	+27	3,50	— 8	4,40	+42
16	VII	VII[1]	I[1]	IX	4,7	4,45	+38	4,25	+18	3,50	—17	4,10	+ 3
17	VIII	VII[2]	I[2]	X	4,7	4,45	+38	4,25	+18	3,50	—17	4,20	+13
	ИТОГО				31,26	36,40	+5 ч 14 м.	33,0	+1 ч 34 м.	28,50	—2 ч 36 м.	35,0	+3 ч 34 м.

№ XIV. Продолжительность ежедневной обязательной домашней работы:

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	Классы русскихъ гимназій и соотвѣтствующіе имъ по возрасту учениковъ классы заграничныхъ гимназій.				Въ русскихъ гимназіяхъ, согласно требованіямъ программъ 1890 г.	Въ шведскихъ гимназіяхъ, согласно «нормальному распредѣленію» А. Кея.	Разница.	Въ гимназіяхъ эльзасъ-лотар., согласно «нормальн. распр.» Страсб. мед. ком.	Разница.	Въ баварскихъ гимназіяхъ, согласно требованіямъ нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.	Въ вюртемб. гимназіяхъ, согласно нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.
	Русскихъ.	Шведскихъ.	Эльзасъ-лот. и баварскихъ	Вюртембергскихъ.	Часы, минут.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.
10	I	II	V	III	1,10	1,0	—10	1,20	+10	2,10	+60	1,10	± 0
11	II	III	IV	IV	1,15	1,30	+15	2,0	+45	2,10	+55	2,25	+1,10
12	III	IV	III¹	V	1,45	1,30	—15	2,0	+15	2,10	+25	2,25	+ 40
13	IV	V	III²	VI	2,10	2,0	—10	2,0	—10	2,10	± 0	2,25	+ 15
14	V	VI¹	II¹	VII	2,30	2,30	± 0	3,0	+30	3,10	+40	2,25	— 5
15	VI	VII	II²	VIII	2,55	2,30	—25	3,0	+ 5	3,10	+15	3,0	+ 5
16	VII	VII¹	I¹	IX	3,0	3,0	± 0	3,0	± 0	3,10	+10	3,0	± 0
17	VIII	VII²	I²	X	3,0	3,0	± 0	3,0	± 0	3,10	+10	3,0	± 0
ИТОГО					17,45	17,0	—45	19,20	+1ч. 35 м.	21,20	3 ч, 35 м.	19,50	+2,5

№ XV. Продолжительность ежедневной обязательной, классной и домашней, работы вмѣстѣ:

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	Классы русскихъ гимназій и соотвѣтствующіе имъ по возрасту учениковъ классы заграничныхъ гимназій.				Въ русскихъ гимназіяхъ, согласно требованіямъ программъ 1890 г.	Въ шведскихъ гимназіяхъ согласно «нормальному распредѣленію» А. Кея.	Разница.	Въ гимназіяхъ эльзасъ-лотар. согласно «нормальн. распр.» Страсб. мед. ком.	Разница.	Въ баварскихъ гимназіяхъ, согласно нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.	Въ вюртемб. гимназіяхъ, согласно нынѣ дѣйствующимъ прогр. 1891 г.	Разница.
	Русскихъ.	Шведскихъ.	Эльзасъ-лот. и баварскихъ.	Вюртембергскихъ.	Часы, минут.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.	Часы, минут.	Минуты.
10	I	II	V	III	4,41	4,55	+14	4,55	+14	5,20	+39	4,50	+ 9
11	II	III	IV	IV	5,4	5,55	+51	5,55	+51	5,30	+26	6,55	+1,51
12	III	IV	III^1	V	5,43	5,55	+12	5,55	+12	5,40	— 8	7,5	+1,22
13	IV	V	III^2	VI	6,8	6,55	+47	5,55	−13	5,50	—18	6,55	+ 47
14	V	VI^1	II^1	VII	6,28	7,15	+47	7,25	+57	6,50	+22	6,55	+ 27
15	VI	VI^2	II^2	VIII	6.53	7,15	+22	7,25	+32	7,0	+ 7	7,40	+ 47
16	VII	VII^1	I^1	IX	7,7	7,45	+38	7,25	+18	7,0	— 7	7,10	+ 3
17	VIII	VII^2	I^2	X	7,7	7,45	+38	7,25	+18	7,0	— 7	7,20	+ 13
ИТОГО					49,11	53,40	+4ч. 29 м.	52,20	+3ч. 9 м.	50,10	+54	54,50	+5 ч. 39 м.

Изъ послѣднихъ трехъ таблицъ видно, что если обязательной классной и домашней работы учениковъ, каждой въ отдѣльности, въ нѣкоторыхъ классахъ указанныхъ заграничныхъ гимназій нѣсколько менѣе, нежели въ соотвѣтствующихъ классахъ нашихъ гимназій, то все-таки та и другая вмѣстѣ, т. е. вся ежедневная обязательная работа, почти во всѣхъ классахъ тѣхъ-же гимназій въ довольно значительной мѣрѣ продолжительнѣе, чѣмъ въ нашихъ русскихъ гимназіяхъ. А именно это обстоятельство и должно имѣть рѣшающее значеніе для нашего вопроса. Дѣйствительно, если въ одномъ классѣ гимназій Эльзасъ-Лотарингіи, въ III² на 13 минутъ, а также и въ III¹, III², I¹ и I² классахъ баварскихъ гимназій въ первыхъ (III¹ и III²) на 8 и 18, а въ послѣднихъ (I¹ и I²) на 7 минутъ эта обязательная работа менѣе продолжительна, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ классахъ нашихъ гимназій *), то такую крайне незначительную разницу едва-ли можно принять въ разсчетъ, и это тѣмъ менѣе, что общая разница въ итогѣ для всѣхъ классовъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ гимназій больше говоритъ въ пользу нашихъ русскихъ гимназій. Сверхъ того, мы считаемъ нужнымъ еще разъ указать здѣсь и на то обстоятельство, что въ названныхъ заграничныхъ гимназіяхъ суще-

*) Это обстоятельство, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что классная работа учениковъ баварскихъ гимназій, какъ это видно изъ таблицы № XIII, во всѣхъ классахъ менѣе продолжительна, чѣмъ въ нашихъ гимназіяхъ. Это, однако, зависитъ отъ того, что дѣйствительная продолжительность каждаго урока въ баварскихъ гимназіяхъ не въ малой мѣрѣ короче, чѣмъ въ русскихъ гимназіяхъ, а именно: второй урокъ продолжается только 50 м. (отъ 9,10—10 час.), первый и четвертый уроки—только по 45 м. (отъ 10,15—11 час. и отъ 11,15—12 час.) см. Das Humanistische Gymnasium 1891 Heft I, стр. 28). Полученныя такимъ образомъ перемѣны между 2 и 3, а также и 3 и 4 уроками, въ четверть часа каждый, по новымъ правиламъ назначаются, съ одной стороны, для игръ на открытомъ воздухѣ, а съ другой—для основательнаго освѣженія классовъ. Если и то и другое, понятнымъ образомъ, прекрасно и заслуживаетъ подражанія (мы объ этомъ впослѣдствіи еще будемъ говорить), то во всякомъ случаѣ такая незначительная продолжительность уроковъ со временемъ не можетъ не отзываться неблагопріятно на самомъ ученіи и успѣхахъ учениковъ, въ особенности въ высшихъ классахъ,—тѣмъ болѣе, что отъ назначенныхъ 45 м. по необходимости каждый разъ по крайней мѣрѣ еще по 5 м. уйдетъ на разные сборы, такъ что эти два урока (2 и 3), слѣдовательно, будутъ продолжаться только 40 м., а остальные только 45 м. Мы убѣждены, что въ крайнемъ неудобствѣ такого положенія дѣла скоро убѣдятся и сами баварцы. Это наше убѣжденіе и теперь, какъ намъ, лѣтомъ сего года, сдѣлалось извѣстнымъ изъ бесѣды съ нѣкоторыми директорами заграничныхъ гимназій, уже раздѣляется многими педагогами заграницею.

ствуютъ три и даже четыре необязательныхъ языка (у насъ только одинъ), вслѣдствіе чего у внушительнаго большинства учениковъ тѣхъ гимназій въ значительной степени увеличивается ихъ—если не обязательная, то все-же таки школьная работа.

Выяснивъ вопросъ о ежедневной обязательной работѣ учениковъ, какъ классной, такъ и домашней, мы постараемся теперь опредѣлить, сколько ученикамъ русскихъ гимназій, сравнительно съ учениками гимназій шведскихъ, въ теченіе сутокъ остается свободнаго отъ обязательныхъ занятій времени, которое они могли-бы посвятить играмъ, свободному движенію на открытомъ воздухѣ, физическимъ упражненіямъ, домашнему чтенію и вообще разнымъ добровольнымъ домашнимъ занятіямъ? А. Кей, въ своемъ «нормальномъ росписаніи» требуетъ для всего этого для учениковъ разныхъ классовъ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ часовъ ежедневно *). О домашнемъ чтеніи Кей, впрочемъ, не говоритъ, равно какъ и Страссбургская коммиссія, но мы все-таки находимъ справедливымъ отнести и это чтеніе также къ добровольнымъ домашнимъ занятіямъ учениковъ. Итакъ, при составленіи нижеслѣдующей таблицы мы считаемъ себя въ правѣ включить въ нее время, положенное нами: во-1-хъ, для движенія на открытомъ воздухѣ; во-2-хъ, для домашняго чтенія; въ-3-хъ 11 минутъ для тѣлесныхъ упражненій и 35 минутъ для занятій музыкой и пѣніемъ (такъ какъ А. Кеемъ для перваго изъ этихъ предметовъ назначено по 30 мин., а для послѣднихъ 2-хъ по 20 мин. въ сутки, нами-же для перваго положено по 41 м., а для другихъ по 55 мин. ежедневно (см. таблицу № IV) и, наконецъ, въ-4-хъ, время, остающееся, по нашему распредѣленію, въ теченіе сутокъ у учениковъ свободнымъ послѣ удовлетворенія всѣхъ требованій по духовному и физическому ихъ развитію (см. табл. № VI).

Такое время для необязательныхъ занятій ученику представляется нами въ нижеслѣдующей (№ XVI) таблицѣ.

*) A. Key, Schulhygienische Untersuchungen, нѣмецкое изданіе, стр. 266.

*

№ XVI. Время, которое у учениковъ русскихъ гимназій, послѣ всѣхъ обязательныхъ ихъ занятій, какъ классныхъ, такъ и домашнихъ, ежедневно остается свободнымъ для игръ, движенія на открытомъ воздухѣ, тѣлесныхъ упражненій и разныхъ добровольныхъ домашнихъ занятій, сравнительно съ такимъ-же временемъ, положеннымъ для учениковъ шведскихъ гимназій «нормальнымъ распредѣленіемъ» А. Кея. При этомъ знакъ + выражаетъ большее количество такого времени у учениковъ русскихъ гимназій сравнительно съ учениками гимназій шведскихъ.

Возрастъ учениковъ. Лѣта.	Классы.		У учениковъ русскихъ гимназій.				Итого.	Такое-же время, положенное для учениковъ шведскихъ гимназій «нормальныхъ распредѣл.» А. Кея.	Разница.
	Русскихъ гимназій.	Шведскихъ гимназій.	Для движенія на открытомъ воздухѣ и игръ	Для тѣлесныхъ упражненій и занятій музык. и пѣніемъ.	Для домашняго чтенія.	Вполнѣ свободный остатокъ времени послѣ всѣхъ обязательныхъ занятій.			
			ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.	ч. и м.
10	I	II	2,30	0,46	0,30	1,45	5,31	3,30	+ 2,1
11	II	III	2,30	0,46	0,30	1,22	5,8	3,0	+ 2,8
12	III	IV	2,0	0,46	0,30	1,33	4,49	3,0	+ 1,49
13	IV	V	2,0	0,46	0,30	1,29	4,45	2,30	+ 2,15
14	V	VI^1	2,0	0,46	1,0	1,9	4,55	2,30	+ 2,25
15	VI	VI^2	1,30	0,46	1,0	1,14	4,30	2,30	+ 2,0
16	VII	VII^1	1,30	0,46	1,0	1,0	4,16	2,30	+ 1,46
17	VIII	VII^2	1,30	0,46	1,0	1,0	4,16	2,30	+ 1,46

Изъ настоящей таблицы видно, что у учениковъ русскихъ гимназій ежедневно отъ 1 ч. 46 м. до 2 час. остается больше свободнаго отъ всѣхъ обязательныхъ занятій времени, чѣмъ у учениковъ шведскихъ гимназій по «нормальному распредѣленію» А. Кея. Это обстоятельство, конечно, значительно говоритъ въ пользу нашихъ русскихъ гимназій.

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, а въ особенности послѣднихъ нашихъ таблицъ, мы считаемъ себя въ правѣ положительно утверждать, что, при болѣе или менѣе правильномъ веденіи учебнаго дѣла и строгомъ соблюденіи всѣхъ сдѣланныхъ министерствомъ по этому предмету распоряженій, въ настоящее время не существуетъ и не можетъ существовать обремененія учениковъ нашихъ гимназій умственною и сидячею работою, во-1-хъ,

потому, что умственная работа учениковъ (умственная въ болѣе узкомъ смыслѣ, т.-е. работа по наукамъ и языкамъ), какъ мы показали, не столь продолжительна, чтобы она могла отнять у нихъ время, необходимое для эстетическаго ихъ образованія, во-2-хъ, потому, что умственная и сидячая работа учениковъ (т.-е. вся обязательная работа, какъ по наукамъ и языкамъ, такъ и по искусствамъ, какъ-то: по чистописанію, рисованію, пѣнію и т. д.), если только признать правильными научныя изслѣдованія и основанныя на нихъ требованія извѣстнѣйшихъ представителей медицинской науки въ Швеціи, Германіи и Франціи, не столь продолжительна, чтобы она могла отнять у учениковъ время, необходимое имъ для полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей по физическому ихъ развитію и этимъ повредить ихъ здоровью.

Можно не согласиться съ предложеннымъ нами распредѣленіемъ времени; можно утверждать, что мы слишкомъ много времени назначили для эстетическаго образованія дѣтей, оставляя имъ слишкомъ мало для физическаго ихъ развитія; что время, назначенное нами для тѣлесныхъ упражненій, слишкомъ велико и что часть его слѣдуетъ удѣлить дѣтямъ для отдыха послѣ ѣды; далѣе, можно замѣтить намъ, что, въ виду климатическихъ условій, нами положено слишкомъ много времени для движенія на открытомъ воздухѣ и слишкомъ мало для сна, и что возможны случаи, гдѣ, согласно съ общимъ развитіемъ того или другого ученика, а главное—въ видахъ его здоровья, предложенное нами нормальное распредѣленіе времени придется болѣе или менѣе значительно измѣнить; можно, наконецъ, и еще во многомъ другомъ возразить намъ, можно во многомъ не раздѣлять нашего мнѣнія и нашихъ взглядовъ, и мы не будемъ спорить съ нашими оппонентами,—но какія-бы возраженія намъ ни сдѣлали, въ одномъ только нельзя будетъ не согласиться съ нами, а именно въ томъ, что у учениковъ нашихъ гимназій, при болѣе или менѣе правильномъ веденіи въ нихъ учебнаго дѣла, остается довольно времени и силы для полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей не только по умственному, но и по эстетическому и физическому ихъ образованію. Утвержденіе противнаго заставило бы признать нашихъ дѣтей менѣе способными и тѣломъ болѣе слабыми, чѣмъ оказываются дѣти другихъ націй. Если-же все-таки успѣшное окончаніе гимназическаго курса, а иногда даже курса только нѣкоторыхъ классовъ гимназіи, для не совсѣмъ малаго числа нашихъ учениковъ оказывается труднымъ, то это обстоятельство слѣдуетъ приписать не «чрезмѣрнымъ требованіямъ» школы, а другимъ причинамъ, о которыхъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Л. Моръ.

ИСТОЧНИКИ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАГО ЗНАНІЯ.

IV. Высшее агрономическое образованіе.

(Окончаніе).

Если подъ именемъ школы разумѣть учрежденіе, имѣющее своимъ предметомъ *научное знаніе*, то въ средѣ учрежденій, преслѣдующихъ сельско-хозяйственные интересы, *школою* собственно можно назвать только *высшее агрономическое учебное заведеніе.* По нашему мнѣнію, было-бы совершенно безошибочно смотрѣть на такъ-называемыя низшія и среднія земледѣльческія училища, какъ смотрятъ на учебныя мастерскія и ремесленныя училища, имѣя въ виду, что представителемъ того профессіональнаго знанія, которое въ нихъ изучается, можетъ служить только одна высшая школа этого профессіональнаго знанія. Если-бы въ дѣйствительности установилась такая точка зрѣнія на родъ учрежденій, служащихъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, то можно было-бы избѣгнуть многихъ вредящихъ дѣлу недоразумѣній, такъ какъ тогда сдѣлалось-бы совершенно понятнымъ, чего можно требовать отъ различнаго ранга сельско-хозяйственныхъ учрежденій и какъ нужно ихъ устраивать; установился-бы правильный взглядъ на тѣ отношенія, въ которыхъ должны находиться другъ къ другу эти учрежденія; мало того — выяснился-бы и взглядъ на существо, задачи и способы дѣйствовать главнѣйшаго изъ нихъ—высшей школы.

Сельское хозяйство, по самой своей сущности, какъ говорилъ покойный Рулье, есть «наука и искусство» или ремесло, и изучаемо оно можетъ быть и какъ то, и какъ другое. Тутъ, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ различіи между назначаемыми для его изученія учрежденіями, въ основу котораго могло-бы быть положено, такъ сказать, *количество научнаго знанія*,—немного больше или немного меньше. Не теряя надежды возвратиться къ

этому вопросу впослѣдствіи и предполагая въ данномъ случаѣ говорить о высшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи для опредѣленія (что прежде всего нужно) состава его, мы воспользуемся приведеннымъ выше изреченіемъ Рулье. Разъ намъ удастся дать вполнѣ точное опредѣленіе понятія «высшее сельско-хозяйственное знаніе», мы будемъ на вѣрномъ пути и къ разрѣшенію вопроса о раціональной организаціи высшей агрономической школы, а это очень важно потому, что этотъ вопросъ въ настоящее время представляетъ особенный интересъ.

У насъ есть очень много сторонниковъ того мнѣнія, что та или другая организація учрежденія, имѣющаго въ виду высшее агрономическое образованіе, есть дѣло времени, вліяющаго на *положеніе практическаго сельскаго хозяйства* въ странѣ. Есть, говорятъ, такой моментъ въ развитіи сельско-хозяйственной промышленности, въ который, для дальнѣйшихъ ея успѣховъ, лучшею высшею агрономическою школою можетъ быть такъ-то устроенная, но можетъ быть и такой моментъ, когда эта лучшая школа дѣлается для своей цѣли негодною и когда она должна быть совершенно передѣланною въ другую—иной организаціи. Мы ничего не могли-бы имѣть противъ такихъ соображеній, и время считаемъ очень важнымъ факторомъ во всемъ, что касается жизни и наростающихъ съ нею знаній, но мы только понимаемъ значеніе этого фактора нѣсколько иначе, нежели представители приведеннаго выше мнѣнія. Сколько-бы мы ни жили и какъ-бы время ни измѣнялось, дѣйствуя измѣняющимъ образомъ на сельско-хозяйственныя формы, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ измѣнить самаго существа предмета, сельскаго хозяйства; оно во вѣки вѣковъ останется при своихъ основныхъ чертахъ: для того, чтобы растеніе могло расти на данномъ мѣстѣ, оно непремѣнно должно быть посѣяно въ обработанную почву; какъ эта почва будетъ обработана—плугомъ, который мы теперь знаемъ, или какимъ-либо «будущимъ» для этихъ цѣлей механизмомъ; какъ зерно будетъ высѣяно—сѣялкою, въ настоящее время употребляемой, или стократъ болѣе остроумнымъ снарядомъ, это рѣшительно все равно, это не измѣнитъ существа вещей и задача въ основахъ своихъ не измѣнится; для разрѣшенія-же ея всегда будетъ необходимо: 1) *знать*, что нужно сдѣлать, дабы посѣянное растеніе расло и принесло возможно большую жатву и 2) *умѣть* сдѣлать все то, что необходимо для этого. Это—въ отношеніи сельскаго хозяйства — вѣчнопостоянныя задачи для разрѣшенія и изученія. Такъ какъ сельское хозяйство вовсе не такой предметъ, который изучался-бы для изученія, не такое знаніе,

которое пріобрѣтается для знанія, и такъ какъ эта его основная черта ни въ какія времена не утратится имъ, то само собою явствуетъ. что *никогда* не можетъ наступить такого времени, которое повліяло-бы на характеръ учрежденія, дающаго сельско-хозяйственное знаніе, въ смыслѣ возможности лишь, такъ сказать, философскаго его изученія. Разумѣя цѣли сельскаго хозяйства и громадное значеніе, которое оно имѣетъ въ общественной жизни, въ изученіи сельскаго хозяйства на всегда связанными представляются понятія: «знать» и «умѣть». Время, о которомъ было сказано выше, можетъ позволить отдѣлить эти два элемента одинъ отъ другаго, но не потому, что сущность дѣла это допускаетъ, а только въ силу тѣхъ или другихъ, спекулятивнаго свойства, соображеній, въ силу которыхъ если и происходитъ такое раздѣленіе, то лишь въ томъ смыслѣ, что вмѣсто одного полнаго учрежденія образуется два, одно другое дополняющія до надлежащей величины: учрежденіе, дающее то, что нужно «*знать*», и учрежденіе, дающее то, что нужно «*умѣть*».

Сельское хозяйство есть *наука и искусство* (ремесло). Что это искусство-ремесло можетъ быть изучаемо отдѣльно, это не подлежитъ сомнѣнію и это возможно и имѣетъ смыслъ, потому что представитель всякаго ремесленнаго знанія находитъ себѣ мѣсто въ практической жизни, въ виду существующаго въ ней постояннаго запроса на рабочія руки, вознаграждаемыя соотвѣтственно ихъ лучшей рабочей способности,—*умѣлости;* умѣлый сельско-хозяйственный рабочій. не знающій жизни растенія, для удачнаго развитія которой почва должна быть хорошо обработана, но хорошо владѣющій плугомъ, сѣялкою, жатвенною машиною, есть полезная самостоятельная величина въ хозяйствѣ; агрономъ, знающій, какъ живетъ растеніе и какъ оно питается, но неумѣющій ничего сдѣлать для того, чтобы въ дѣйствительности, на практикѣ, образовать условія, благопріятныя для жизни и питанія растенія, неумѣющій хотя настолько, чтобы это искусство передать другому, имѣющему быть исполнителемъ—рабочему—есть, по нашему мнѣнію—фикція. Вотъ—резонъ, который, вытекая изъ существа вещей и встрѣчая себѣ оправданіе въ жизни, говоритъ намъ, что подъ понятіемъ высшаго сельско-хозяйственнаго образованія мы должны разумѣть такое, которое даетъ полную жизнеспособную величину, представляющую сочетаніе научнаго знанія и техническаго умѣнія, что только школа, вырабатывающая эту полную, въ агрономическомъ отношеніи активную, величину, можетъ быть названа высшею школою, а потому въ основу ея организаціи,

каковы-бы пора и время ни были, должно быть положено удовлетвореніе этимъ требованіямъ.

Понятное дѣло: удовлетворить имъ можно легче, удобнѣе и полнѣе, когда училище не расщеплено на-двое, когда въ немъ есть наличность всѣхъ пособій, необходимыхъ какъ въ отношеніи полноты научнаго знанія, такъ и умѣнья приложить его къ дѣлу, т.-е. когда училище представляетъ собою совершенно самостоятельное учрежденіе, соединенное съ хозяйствомъ. Таковою у насъ до сихъ поръ и была высшая сельско-хозяйственная школа, и практика показываетъ, что какъ скоро она отступала отъ этого принципа, она давала рѣшительно худшіе результаты: Горыгорѣцкій земледѣльческій институтъ представлялъ собою такую школу, и, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ онъ существовалъ, онъ до послѣдняго времени, въ лицѣ своихъ учениковъ, питалъ учеными силами всѣ наши сельско-хозяйственныя школы, но переведенный въ Петербургъ, какъ говоритъ не однажды нами упомянутый историкъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, г. Москальскій, между прочимъ, и потому, что «*торги на продажу опустѣвшихъ зданій закрытаго въ 1863 году С.-Петербургскаго лѣснаго института не состоялись и зданія эти представляли готовое помѣщеніе для Горыгорѣцкаго института*, онъ не заявилъ себя ни однимъ виднымъ дѣятелемъ на поприщѣ сельско-хозяйственной науки или практики, и наконецъ былъ преобразованъ въ спеціально лѣсной, — по словамъ того-же г. Москальскаго, «принявъ *въ особенности* въ соображеніе, что при С.-Петербургскомъ земледѣльческомъ институтѣ *не имѣется фермы, на которой студенты могли-бы заниматься практически* сельскимъ хозяйствомъ», т.-е. потому, что невозможнымъ оказалось заниматься изученіемъ сельскаго хозяйства въ учебномъ заведеніи, лишенномъ необходимѣйшаго, для полноты изученія, учебнаго пособія. Подобное по устройству, но несравненно обильнѣе снабженное, нежели Горыгорѣцкій институтъ, учебное заведеніе, представляла собою до сихъ поръ Петровская академія, и результаты ея могутъ быть указаны на трудахъ ея многочисленныхъ воспитанниковъ. Сколько разъ ни реформировалась Петровская академія, что, конечно, мѣшало ея спокойной дѣятельности, но до тѣхъ поръ, пока всѣ пережитыя ею реформы не касались основнаго принципа, о которомъ мы говоримъ, она не переставала быть полезною русскому сельскому хозяйству. Почему высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе съ отдѣленіемъ отъ него хозяйства можетъ скорѣе ухудшиться, нежели улучшиться, объ этомъ мы будемъ говорить ниже; теперь-же намъ

необходимо коснуться другого общаго вопроса, въ настоящее время намѣченнаго и выдвинутаго на очередь,—вопроса, обсуждать который не представлялось-бы нетолько полезнымъ, но даже и возможнымъ, если-бы, по какому-то странному смѣшенію понятій, онъ не являлся въ нашей сельско-хозяйственной литературѣ въ связи съ таковымъ-же о высшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи и не имѣлъ-бы въ числѣ лицъ, занятыхъ его разработкою, двухъ университетскихъ профессоровъ агрономіи.

Людей, заинтересованныхъ успѣхами сельскаго хозяйства въ Россіи, не могъ не занять чрезвычайно рѣзко въ глаза бросающійся фактъ побѣга землевладѣльцевъ изъ своихъ имѣній. Этотъ фактъ справедливо объясняется отсутствіемъ у собственника всякихъ духовныхъ связей съ своею землею, отсутствіемъ привязанности къ ней, какъ поприщу, дѣйствуя на которомъ, можно сохранить въ себѣ «душу живу», можно увлекаться нетолько тѣмъ рублемъ, который можно вышибить изъ земли, но высшими идеями, достиженіемъ того торжества, которое человѣкъ получаетъ, побѣждая своимъ трудомъ и знаніемъ даже и такія препятствія, которыя ставятъ ему силы природы. Съ побѣгомъ хозяина, каковъ-бы онъ ни былъ, покинутое хозяйство можетъ естественно только ухудшаться, а ухудшеніе это представляетъ собою нетолько дѣло агрономическаго интереса въ узкомъ смыслѣ, но имѣетъ и широкое народно-хозяйственное значеніе: бѣгутъ землевладѣльцы изъ Екатеринославской губерніи *), за 12 лѣтъ продали 648.064 дес. земли, которая перешла въ руки нѣмцевъ; бѣгутъ изъ Херсонской губерніи **), продавъ за 50 лѣтъ 329.750 дес. земли, большая часть которой пріобрѣтена тѣми-же нѣмцами...

Вопросъ объ этомъ повальномъ бѣгствѣ и причинахъ, его вызывающихъ, а слѣдовательно и средствахъ остановить его, не могъ не заинтересовать, въ виду его крупной важности.

Такъ какъ причиною разсматриваемаго явленія справедливо считается отсутствіе какихъ-либо духовныхъ связей съ землею, какъ ареною разумной дѣятельности, то, само собою разумѣется, средство для устраненія этого явленія можетъ быть одно — широкое распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, интересъ къ которымъ отразился-бы и на увеличеніи интереса къ землѣ, на которой эти реализованныя знанія могутъ, такъ сказать, прирастать.

Чтобы разрѣшить задачу возможно обильнаго распространенія агро-

---

*) «Обзоръ Екатеринослав. губ. за 1889 годъ».

**) «Землевладѣніе нѣмцевъ—бывшихъ колонистовъ». Херсонъ. 1891 г.

номическаго знанія, и такого, которое, по полнотѣ своей, могло-бы быть вдохновляющимъ, могло-бы оживить дѣятельность представителя нашего помѣстнаго сословія, т. е. *высшаго знанія*, предлагается, въ облегченіе средствъ его пріобрѣтенія, попутно съ пріобрѣтеніемъ общаго образованія, *ввести преподаваніе сельскаго хозяйства въ университетъ*.

Мы вполнѣ раздѣляемъ ту мысль, что при нашей отсталости въ примѣненіи мѣръ, содѣйствующихъ увеличенію сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и очевидности послѣдствій нашего агрономическаго невѣжества, «всякая русская школа,—и низшая, и средняя, и высшая»,—должна принять участіе въ возможно быстромъ и широкомъ ихъ распространеніи, обращаясь для этого ко всевозможнымъ средствамъ, поэтому и къ мысли о привлеченіи университета къ болѣе активному служенію дѣламъ сельско-хозяйственнаго успѣха, мы можемъ отнестись только съ сочувствіемъ, но это еще не обязываетъ насъ къ согласію со второю половиною мнѣнія сторонниковъ распространенія сельско-хозяйственнаго образованія при участіи университетовъ, именно что такимъ образомъ возникнетъ въ Россіи *лучшая* высшая агрономическая школа, могущая принести практическому сельскому хозяйству несравненно большую пользу, нежели то сдѣлали до сихъ поръ существовавшія у насъ самостоятельныя спеціально сельско-хозяйственныя школы, въ формѣ, напримѣръ, Петровской академіи. Увлекаясь мыслью о томъ, что при преподаваніи агрономіи въ университетахъ возникнетъ большее число пунктовъ для изученія сельскаго хозяйства, что̀ совершенно справедливо, сторонники разсматриваемаго мнѣнія, по нашему, идутъ ужъ слишкомъ далеко, полагая, что преимущества этого вида высшей сельско-хозяйственной школы заключаются и въ томъ, что ею даваемое знаніе будетъ имѣть и достоинство большей *практичности*. Указывая на счастливое географическое расположеніе нашихъ университетовъ «по совершенно особливымъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи областямъ», они разсуждаютъ такъ: «Если-бы сельско-хозяйственное образованіе нашло себѣ пріютъ въ университетахъ, то естественно, что и обширная область юго-восточной Россіи съ ея степными хозяйствами и обширными посѣвами яровыхъ пшеницъ и сахарной свеклы, равно какъ и своеобразная по климату южная область съ ея переложнымъ зерновымъ хозяйствомъ, на ряду съ интензивными культурами плодовыхъ деревъ, винограда, табака и кукурузы, нашли-бы себѣ научную помощь и научное освѣщеніе трудныхъ вопросовъ своей хозяйственной практики *въ своихъ* (курсивъ принадлежитъ намъ) научныхъ центрахъ. Харьковскій уни-

верситетъ могъ-бы явиться на столько-же центромъ высшаго агрономическаго образованія особливой въ сельско-хозяйственномъ отношеніи области юго-восточной Россіи, насколько Кіевскій—юго-западной, и Одесскій—южной».

Агрономическое знаніе въ этомъ случаѣ получило-бы, значитъ, извѣстную мѣстную окраску и, болѣе специализируясь въ направленіи существующаго въ мѣстности хозяйства, пріобрѣло-бы большую важность для практическихъ интересовъ своего района. Однимъ словомъ, получилось-бы знаніе, *болѣе приспособленное* къ даннымъ извѣстной области, своего рода «*областная агрономическая наука*».

Допустимъ, что все сказанное въ приведенной нами цитатѣ желательно (оно и дѣйствительно желательно; въ извѣстномъ смыслѣ даже необходимо); но можетъ-ли взять на себя все это школа, и, что очень важно, такая школа, высшая, какъ университетъ?

По нашему мнѣнію: нѣтъ, и мало того: не имѣетъ права ни университетъ, ни профессоръ, занимающій въ немъ каѳедру агрономіи. И тотъ, и другой потому, что первый *есть высшая школа*, назначенная для *научнаго изученія* предмета, для проведенія въ среду общества общенаучныхъ истинъ, отличительная черта и достоинство которыхъ заключается въ томъ, что они могутъ быть приложены всюду и въ Харьковской, и въ Казанской губерніи, хотя и изучались-бы въ Архангельской; эта повсемѣстная ихъ приложимость есть ихъ характерное свойство, на которомъ и основано право университета быть школой высшею, т. е. дающею, охватывающія всевозможныя частности и условія, *общія знанія*, составляющія вѣнецъ того образованія, которое только можно получить въ школѣ. Покинетъ университетъ эту свою позицію, и онъ не поднимется, а опустится книзу, говоря объ изученіи сельскаго хозяйства—тѣмъ ниже, чѣмъ тѣснѣе будетъ рамка изученія; въ конкретномъ случаѣ—тѣмъ ниже, чѣмъ больше займется онъ пшеницею или сахарною свеклою, вмѣсто того, чтобы преподавать общія основы жизни растенія и общія основы культуры, построенныя на этихъ первыхъ. Что-же касается профессора агрономіи, то, кажется, по совершенно понятному резону, мы отрицаемъ для него право переносить въ преподаваемую имъ науку свои личные вкусы и интересы лишь къ извѣстнымъ частнымъ вопросамъ преподаваемаго имъ знанія, будутъ-ли эти частные вопросы принадлежать къ сферѣ важныхъ въ сельско-хозяйственной практикѣ даннаго района или нѣтъ; какіе-бы то ни было частные вопросы онъ можетъ рѣшать только, какъ частное лицо, не въ ущербъ ни своимъ слушателямъ и ихъ общему знанію, ни школѣ, къ которой принадле-

житъ. Съ его стороны будетъ очень почтеннымъ дѣломъ придти на помощь *мѣстной* практикѣ, освѣтить ея трудныя задачи, но это дѣло—его, а не высшей школы. Можетъ быть, намъ скажутъ: но вѣдь это полезно?! Безъ сомнѣнія, полезно, но изъ того, что *это полезно*, еще не слѣдуетъ, что это можетъ и долженъ взять на себя университетъ или его профессоръ, какъ таковой: полезно пропагандировать сельско-хозяйственное знаніе въ массѣ хозяевъ—для этого существуютъ «*странствующіе учителя сельскаго хозяйства*»; полезно дать «научное освѣщеніе труднымъ вопросамъ» практическаго сельскаго хозяйства *данной мѣстности*—для этого существуютъ въ интересахъ *областнаго* сельскаго хозяйства «*опытныя станціи*»; полезно выработать лучшіе для *опредѣленной полосы* пріемы культуры, пшеницы-ли яровой, сахарной-ли свеклы,—служить этому назначаются простыя «*опытныя поля*». Ни того, ни другого, ни третьяго у насъ нѣтъ и когда будетъ — неизвѣстно; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что задачи всѣхъ этихъ учрежденій, хотя и необходимыхъ для прогресса практическаго сельскаго хозяйства, можетъ взять на себя университетъ, безъ ущерба своей коренной цѣли — распространенію общихъ основъ сельско-хозяйственнаго знанія? Въ чемъ-же, слѣдовательно, состоятъ преимущества университета, какъ такой высшей агрономической школы, которая должна вытѣснить спеціально сельско-хозяйственную школу? Признаемся, мы этихъ преимуществъ не видимъ. Не соглашаясь съ авторомъ приводимой нами выше цитаты—профессоромъ Харьковскаго университета г. *Зайкевичемъ* (см. брошюру его: «Агрономія, какъ наука вообще и университетская въ частности»), для мнѣнія его мы не видимъ серьезной точки опоры и въ ссылкѣ его на проф. Адашева, который, доказывая пользу введенія преподаванія сельскаго хозяйства въ университеты, говорилъ: «...практическая агрономія не принадлежитъ къ числу чистыхъ наукъ. Это—приложеніе науки, вполнѣ зависящее отъ климата и имѣющее, поэтому, въ каждомъ климатѣ совершенно своебразный характеръ. Изучать земледѣліе какой-либо отдѣльной агрономической полосы внѣ этой полосы совершенно невозможно. Между тѣмъ, наши два высшія агрономическія учебныя заведенія находятся на сѣверѣ...», далѣе: «Понятно, при такихъ рѣзко различныхъ условіяхъ относительно способовъ культуры, агрономъ, получившій свое воспитаніе на сѣверѣ, долженъ два-три года употребить на изученіе южнаго хозяйства, прежде нежели онъ будетъ поставленъ въ возможность взяться за дѣло самостоятельно».

Кто-же говоритъ! «Изучать хозяйство *какой-либо полосы внѣ*

этой полосы»—дѣло рѣшительно невозможное; но объ этомъ и рѣчи нѣтъ: высшая школа и назначается вовсе не для этого, не для какой-либо отдѣльной полосы. Что-же касается положенія (географическаго) нашего высшаго учебнаго заведенія—около Москвы, и вытекающей изъ этого трудности для его воспитанниковъ работать на югѣ, то это намъ представляется прямымъ слѣдствіемъ нѣкотораго недоразумѣнія, страннаго у представителя науки: если толковый и умный юноша, прошедшій не университетъ и получившій не высшее образованіе, а кончившій курсъ въ какомъ-нибудь земледѣльческомъ училищѣ, напримѣръ, Казанскомъ, именно потому, что онъ учился, оказывается черезъ два-три года во главѣ хозяйства гдѣ-нибудь въ Костромской губерніи, то подобную-ли задачу не разрѣшитъ студентъ университета или равнаго ему учебнаго заведенія? Къ тому-же, никакая школа никогда не можетъ задаваться выпускомъ готовыхъ практиковъ *); ихъ дѣлаетъ не школа, а время и жизнь—опытъ, и гдѣ-бы молодой человѣкъ ни получилъ сельско-хозяйственное образованіе, ему все-таки приходится пріурочивать свои знанія и находить лучшій способъ приложенія при тѣхъ данныхъ, при которыхъ предстоитъ работать; будетъ-ли это сѣверянинъ на югѣ или южанинъ на сѣверѣ, къ вопросу это не относится.

Такимъ образомъ, введеніе преподаванія агрономіи при университетѣ имѣетъ только одно значеніе, это—увеличеніе числа пунктовъ, дающихъ эти знанія, а слѣдовательно, быстрѣйшее распространеніе ихъ.

Но тутъ является очень серьезный вопросъ: что это будутъ за знанія?

Что они не имѣютъ основанія быть особенно цѣнными для хозяйства того района, въ которомъ находится университетъ, или болѣе цѣнными, нежели знанія, пріобрѣтенныя хоть въ Москвѣ (Петровская академія), такъ какъ высшее научное знаніе равноцѣнно, гдѣ-бы оно ни пріобрѣталось, это мы видѣли; но полнота ихъ не пострадаетъ-ли отъ упомянутаго выше отсутствія при университетѣ того необходимѣйшаго учебнаго пособія для изученія сельскаго хозяйства, недостатокъ котораго былъ причиною упраздненія агрономическаго отдѣленія при лѣсномъ институтѣ?

Кромѣ того, что главная, можно сказать, единственная, цѣль изу-

---

*) У профессора Зайкевича мы встрѣчаемъ такое изреченіе: «Съ тѣхъ поръ, какъ высшія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія постепенно оставили мысль выпускать изъ стѣнъ учебнаго заведенія готовыхъ практиковъ»... и т. д. Мы не знаемъ такой претензіи этихъ учебныхъ заведеній.

ченія сельскаго хозяйства есть практическая дѣятельность (подобно тому, какъ и цѣль изученія другихъ къ нему близкихъ профессій), оно, въ теоріи своей взятое, наростаетъ и крѣпнетъ только на счетъ двухъ источниковъ: опыта и наблюденія; пріобрѣтая тѣ входящія въ его область знанія, которыя уже вполнѣ выработаны и твердо установлены, совершенствовать и развивать ихъ можно только опять на счетъ тѣхъ-же самыхъ элементовъ—опыта и наблюденія; эти два, питающіе сельско-хозяйственныя знанія, элемента представляются одинаково необходимыми и равно полезными какъ для учащагося, такъ и для учащаго. Поэтому, агрономическое учебное заведеніе должно быть окружено условіями, допускающими назиданіе результатами опыта и выводами наблюденія.

Кромѣ того, сельское хозяйство, какъ промышленность, предполагаетъ необходимость пріуроченія знаній, изученіемъ, опытомъ и наблюденіемъ пріобрѣтенныхъ, къ лучшему достиженію опредѣленной цѣли, составляющей конечную цѣль промысла—достиженію наибольшаго и постояннаго дохода. Хотя по отношенію къ этому послѣднему вопросу экономическія науки представляютъ много выработаннаго, принципы чего могутъ быть теоретически изучаемы, но и здѣсь условіе наблюденія, какъ эти принципы осуществляются на дѣлѣ, въ ежедневной практикѣ, имѣетъ огромное значеніе, обусловливая образованіе у учащагося правильной точки зрѣнія на жизнь хозяйственнаго организма. Если, какъ справедливо выразился профессоръ Адашевъ, «сельскаго хозяйства извѣстной полосы нельзя изучать внѣ этой полосы», то точно такъ-же нельзя «*сельскаго хозяйства вообще изучать безъ хозяйства*», или наблюдая его изъ далека, лишь забѣгая въ него, а потому тамъ, гдѣ его нѣтъ непосредственно при школѣ, или создаютъ суррогатъ его, пріобрѣтая право пользованія имъ путемъ договора, или ставятъ учащемуся условіемъ пріобрѣсти упомянутыя познанія, касающіяся обыденной жизни хозяйства, до или послѣ прохожденія теоретическаго курса.

Само собою разумѣется, что̀ лучше, удобнѣе и полезнѣе, что̀ больше и полнѣе отвѣчаетъ правильному изученію сельскаго хозяйства? Конечно, учебное заведеніе, соединенное съ хозяйствомъ, отсутствіе котораго никоимъ образомъ не могутъ замѣнить агрономическія экскурсіи, на которыя такъ надѣются сторонники агрономическаго образованія при университетахъ, думая, что такіе выѣзды въ хозяйства—съ одной стороны и небольшой клокъ земли, разбитый на грядки, назначенныя для культурныхъ опытовъ, могутъ представить достаточный эквивалентъ заправскаго хозяйства. Въ оправданіе свое они ссылаются,

напримѣръ, на Германію: тамъ-де преобладаютъ, въ настоящее время, подобнымъ образомъ устроенныя земледѣльческіе институты при университетахъ и даютъ они завидные результаты. Заведенія, подобнымъ образомъ устроенныя, въ Германіи не только уже не новость, но многія изъ нихъ имѣютъ уже свою, такъ сказать, исторію. Они оправдали себя опытомъ, и никто не сомнѣвается въ ихъ полезности; какое-же основаніе имѣемъ мы сомнѣваться въ полезности ихъ для Россіи?

Прежде нежели отвѣтить на этотъ вопросъ, мы просимъ читателя обратить вниманіе на то, что и въ Германіи, гдѣ преобладаютъ теперь земледѣльческіе институты при университетахъ, основаніемъ предпочтенія ихъ послужило не то, что они могутъ обойтись безъ хозяйства, а что *хозяйство это легко найти*; легко найти не то хозяйство, изъ котораго владѣлецъ бѣжитъ безъ оглядки и въ которомъ найти что-нибудь назидательное и чему-нибудь научиться, конечно, нельзя, а легко найти хозяйство совершенно правильно устроенное, образцово управляемое,—хозяйство, въ которое собственникъ всѣ свои помыслы вкладываетъ, а не закладываетъ его. Хозяйство такое легко найти потому, что оно уже сложилось на счетъ того самаго знанія, которое многіе годы распространялось въ Германіи трудами спеціально сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній — академій, въ родѣ Гогенгеймской, собственное хозяйство которой многіе годы служило образцомъ и источникомъ улучшеній, обильно вливавшихся въ агрономическую практику страны. То-ли мы видимъ у насъ, при настоящемъ положеніи вещей, когда мы только-что и слышимъ о безвыгодности сельско-хозяйственной промышленности, о ликвидаціи дѣлъ массы землевладѣльцевъ, о томъ «кризисѣ», въ сути котораго еще далеко не разобрались — есть-ли онъ результатъ извѣстныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій или послѣдствія агрономическаго невѣжества? Такое хозяйство можно брать для учебныхъ цѣлей лишь по какому-то недоразумѣнію или потому, что дѣлаютъ такъ въ Германіи; почему-де не дѣлать и намъ?

Наконецъ, не говоря объ уровнѣ, на которомъ стоитъ вообще наше практическое сельское хозяйство и допуская, что въ массѣ запущенныхъ хозяйствъ найдутся и хорошія, мы знаемъ, что они лежатъ отъ университетскаго города и другъ отъ друга за сотни верстъ, что уже само по себѣ, по чисто физической невозможности пользоваться такимъ хозяйствомъ такъ, какъ это нужно для учебныхъ цѣлей, дѣлаетъ его все равно, что не существующимъ; а разъ это такъ, земледѣльческій институтъ при университетѣ, при лучшихъ условіяхъ, можетъ быть лишь *школой чисто теоретической агрономіи*, — шко-

лой, вліяніе которой на нашу практику, не говоримъ, мѣстнаго хозяйства, но и вообще будетъ гораздо менѣе ощутимо, нежели вліяніе школы спеціально-агрономической, выпускающей учениковъ болѣе полно и законченно подготовленными для дѣятельности.

Вопроса о томъ, что земледѣльческій институтъ при университетѣ стоитъ дешевле, мы вовсе не касаемся; это дѣло второстепенной важности, особенно при рѣчи *о высшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи*, такъ какъ несравненно важнѣе здѣсь правильное разрѣшеніе задачи, а не разрѣшеніе ея болѣе дешевымъ путемъ.

Все это мы говоримъ настолько, насколько дѣло касается *сравненія*, какая высшая школа полезнѣе: такая-ли, какъ Петровская академія, или такая, которая возникнетъ при университетѣ?

Но если мы покидаемъ точку сравненія, мы опять сохраняемъ за собою основаніе сказать: «всякая русская школа, — и низшая, и средняя, и высшая, — должна принять участіе въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній» въ предѣлахъ для нея возможнаго и безъ ущерба своей собственной цѣли. Пусть въ этомъ отношеніи дастъ и университетъ то, что можетъ; можетъ онъ служить теоретическою школою агрономіи, для судьбы хозяйства будетъ все-таки лучше, если во главѣ его станетъ владѣлецъ, знакомый съ сельскимъ хозяйствомъ хоть теоретически, нежели вовсе съ нимъ незнакомый. Наша бѣдность въ знаніи до такой степени велика, что мы должны радоваться всякимъ крохамъ его, составляющимъ достояніе общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не настаивать на томъ, что идеаломъ высшей агрономической школы можетъ быть только самостоятельная спеціально-сельско-хозяйственная школа, слѣдовательно, соединенная съ хозяйствомъ, и что, упразднивъ ее, мы сдѣлали-бы грубую ошибку: полной замѣны ея мы дать не можемъ. Мы сдѣлали-бы тѣмъ болѣе грубую ошибку, что, копируя иноземное учрежденіе, водворили-бы его у насъ, недостаточно вникнувъ въ исторію оригинала и въ причины, которыя сдѣлали возможнымъ его существованіе.

М. Неручевъ.

Обзоръ мѣропріятій земствъ по народному образованію за 25-ти-лѣтній періодъ времени.

(*Окончаніе*).

VII.

Одною изъ распространенныхъ и значительныхъ статей расхода губернскихъ земствъ является поддержаніе средняго и высшаго образованія. Правда, губернскія земства только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ содержатъ среднеобразовательную школу всецѣло на свой счетъ, а обыкновенно ограничиваются бо́льшей или ме́ньшей ежегодной субсидіей; содѣйствіе-же высшей школѣ исключительно состоитъ въ ассигнованіи и выдачѣ стипендій недостаточнымъ молодымъ людямъ; тѣмъ не менѣе эта статья земскаго расхода, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ и вниманія, и подробнаго и обстоятельнаго изученія. Съ общей принципіальной точки зрѣнія, въ нашемъ обществѣ на эту отрасль земской дѣятельности существуютъ разнообразные и довольно противорѣчивые взгляды. Если часть нашего общества относится сочувственно ко всякой земской попыткѣ въ просвѣтительномъ направленіи и одобряетъ всѣ мѣры къ распространенію знаній и свѣта въ Россіи, еще слишкомъ отсталой среди прочихъ европейскихъ народовъ и весьма бѣдной не только высшимъ и среднимъ образованіемъ, но и простою грамотностью, то, съ другой стороны, находится у насъ немалая группа представителей интеллигенціи, которые относятся отрицательно и даже неодобрительно къ мѣропріятіямъ земства, направленнымъ къ поддержанію и развитію средняго общаго и спеціальнаго образованія. Они утверждаютъ, что развитіе средняго образованія является всецѣло обязанностью правительства и что земство не имѣетъ права тратить на это средствъ мѣстнаго населенія, пока оно не создастъ для этого населенія такого количества

начальныхъ школъ, которое было-бы достаточнымъ для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, другими словами: по мнѣнію представителей этой своеобразной группы, нынѣшнее земство должно преслѣдовать лишь цѣли одной простой грамотности, отклоняя отъ себя всѣ другія просвѣтительныя задачи. Но не слѣдуетъ забывать, что наше правительство, частію по обширности и многообразію государственныхъ потребностей, частію по отсутствію строгой, вполнѣ установившейся системы въ распредѣленіи учебныхъ заведеній по территоріи Россіи, не можетъ вполнѣ удовлетворить запросу общества не только на общее среднее, но и въ особенности на спеціальное образованіе и до сего времени вынуждено оставлять многіе значительные населенные центры, удаленные отъ столицъ и губернскихъ городовъ, безъ солидно поставленной среднеобразовательной школы. Точно также затраты земства на содержаніе средней школы не могутъ быть признаны непроизводительными и могутъ быть оправданы многими серьезными соображеніями.

Во-первыхъ, въ составѣ земскихъ плательщиковъ находятся не одни сельскіе земледѣльцы, которымъ почти исключительно нужна начальная школа, но и землевладѣльцы и промышленники, объемъ образовательныхъ потребностей которыхъ несравненно шире.

Во-вторыхъ, если процвѣтаніе высшаго и средняго образованія невозможно безъ широкаго распространенія грамотности въ массѣ населенія, то, въ свою очередь, и сама грамотность не можетъ возникнуть и прочно укрѣпиться безъ дѣятельности интеллигентныхъ лицъ, а слѣдовательно, при отсутствіи или при недостаточномъ числѣ среднеобразовательныхъ школъ.

Въ-третьихъ, наши среднія общеобразовательныя и спеціальныя школы приносятъ не мало пользы непосредственно сельскому крестьянскому населенію, доставляя дѣятелей, служащихъ руководителями въ мѣстной общественной, промышленной и сельско-хозяйственной, дѣятельности, и народныхъ учителей, которые своимъ усерднымъ и полезнымъ трудомъ содѣйствуютъ распространенію и упроченію грамотности и первоначальныхъ основъ просвѣщенія. Мы полагаемъ, уже этихъ немногихъ соображеній вполнѣ достаточно, чтобы признать производительною дѣятельность земства по содержанію среднеучебныхъ заведеній *). Относящіеся къ этой области факты составляютъ обшир-

*) Въ видахъ возможности болѣе всесторонняго и безпристрастнаго обсужденія поставленнаго авторомъ вопроса, возбуждающаго, по его словамъ, «противорѣчивые взгляды», по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы принять во вниманія также и слѣдующія обстоятельства. Бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія

ную страницу въ исторіи земства за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Такъ, московское губернское земство выдавало пособія на содержаніе мужскихъ прогимназій въ Коломнѣ, Серпуховѣ и Троицко-Сергіевомъ посадѣ по 3.000 р. на каждую, а всего 9.000 р. ежегодно. Смоленское

(1889 г.) равнялся 22.082.976 р. Изъ этой суммы на содержаніе уѣздныхъ и городскихъ училищъ затрачено 1.662.491, на приходскія и начальныя училищи 374.123 на учительскіе институты и семинаріи 1.250.474 и, наконецъ, на содержаніе народныхъ училищъ 1.761.464, а всего 5.048.552 р. Вотъ все, что затрачиваетъ Министерство Народнаго Просвѣщенія на нужды *низшаго* образованія, включая сюда и подготовку учителей для низшихъ школъ (городскихъ училищъ и начальныхъ школъ). Изъ суммы *1.761.414 р.,* ассигнуемыхъ на начальное образованіе, и притомъ для *всей* Россіи (окраины которой особенно нуждаются въ *русской* начальной школѣ), а не только для тѣхъ 33 губерній, въ которыхъ имѣются земскія учрежденія, слѣдуетъ исключить значительную часть на содержаніе администраціи, такъ что на содержаніе собственно народныхъ школъ останется еще менѣе. Остальная сумма изъ бюджета Министерства Народнаго Просвѣщенія идетъ на содержаніе высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Сумма эта, по сравненію съ расходами на нужды начальнаго образованія, очевидно, громадна и непропорціональна. Остальныя вѣдомства (напр., военное 7.447.057 р., духовное 1.740.260, учрежденій Императрицы Маріи 2.868.968, государственныхъ имуществъ 1.275.439, морское 658.136 и т. д.) затрачиваютъ на учебныя цѣли 15.940.441 р., изъ коихъ на долю низшаго образованія придется едва-ли $1^1/_2$ милліона. Такимъ образомъ, изъ *всей* суммы 38.023.417 р., расходуемой *всѣми* вѣдомствами, на начальное обученіе остается не болѣе *трехъ* милліоновъ, а вообще на нужды низшаго образованія, включая сюда содержаніе городскихъ и уѣздныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ и т. п. заведеній, придется 6—7 милліоновъ; все остальное идетъ на удовлетвореніе нуждъ образованія высшаго и средняго, общаго и спеціальнаго. На сколько полно удовлетворяются нужды образованія этихъ послѣднихъ категорій—это другой вопросъ, но, кажется, во всякомъ случаѣ ясно, что онѣ удовлетворяются со стороны государства несравненно болѣе, нежели нужды образованія низшаго, народнаго. Несомнѣнно далѣе, что сумма въ 38 милл. составилась изъ взносовъ на государственныя повинности лицъ всѣхъ сословій, но такъ какъ сословіе крестьянское является въ Россіи преобладающимъ, составляетъ главную платежную силу, то естественно, что именно оно и было главнымъ тутъ вкладчикомъ, а между тѣмъ его потребности въ отношеніи образованія удовлетворяются со стороны государства въ весьма недостаточной степени. Это обстоятельство, надо полагать, и побудило составителей положенія о земскихъ учрежденіяхъ возложить на послѣднія заботу объ удовлетвореніи потребностей въ образованіи путемъ учрежденія *только* народныхъ школъ, а также, конечно, и всего того, что непосредственно или посредственно содѣйствуютъ успѣшному ходу народнаго образованія, т.-е. матеріальную помощь заведеніямъ, приготовляющимъ учителей для народныхъ школъ, устройство дополнительныхъ школъ, библіотекъ, книжныхъ складовъ и т. п.; сюда-же должно отнести и заботы о распространеніи низшаго профессіональнаго, въ различныхъ его видахъ, образованія. Бюджетъ земствъ на нужды просвѣщенія авторъ исчисляетъ въ 6.354.459 р., причемъ замѣчаетъ, въ началѣ настоящей

губернское земство оказываетъ пособіе всѣмъ мужскимъ прогимназіямъ губерніи не свыше 2.000 р. на каждую. Новгородское губернское земство и по настоящее время выдаетъ пособія ежегодно слѣдующимъ учебнымъ заведеніямъ: правительственной учительской семинаріи въ г. Череповцѣ 8.000 р., женскимъ гимназіямъ: въ Новгородѣ 3.035 р., въ Череповцѣ 1.680 р. и реальнымъ училищамъ: Новгородскому 2.000 р. и Череповскому 1.400 р., такъ что весь ежегодный расходъ новгородскаго губернскаго земства по этой статьѣ составляетъ 16.115 р. *). Бессарабское губернское земское собраніе ассигнуетъ ежегодно на содержаніе кишиневскаго, реальнаго училища 7.000 р. Пособія реальнымъ училищамъ выдаютъ еще губернскія земства: пермское—Красноуфимскому 3.000 р. и Тамбовское — мѣстному реальному училищу 3.500 р. ежегодно. Уѣздныя земства также нерѣдко оказываютъ значительныя пособія среднеобразовательнымъ школамъ: напримѣръ, ананьевское земство, Херсонской губерніи, выплачиваетъ ежегодно на содержаніе мѣстной мужской классической гимназіи 9.000 р., сарапульское земство, Вятской губерніи, отпускаетъ на содержаніе мѣстнаго реальнаго училища 10.000 р. и т. д. **). Что касается женскихъ гимназій и прогимназій, то можно съ полною увѣренностью сказать, что почти каждое изъ этихъ полезныхъ учебныхъ заведеній возникало частію при энергичной иниціативѣ, а частію при матеріальномъ содѣйствіи земства. Это замѣчаніе является вполнѣ справедливымъ по отношенію

главы, что «одною изъ распространенныхъ и значительныхъ статей расхода губернскихъ земствъ является поддержаніе высшаго и средняго образованія», а изъ дальнѣйшаго изложенія фактовъ въ настоящей главѣ явствуетъ, что и многія уѣздныя земства расходуютъ значительную часть своихъ средствъ на тѣ-же цѣли. Конечно, суммы, собираемыя земствами на расходы, слагаются изъ взносовъ всѣхъ сословій, но едва-ли авторъ рѣшится отрицать, что и здѣсь главную платежную силу составляетъ сословіе крестьянское, а потому на удовлетвореніе нуждъ въ образованіи именно этого сословія, казалось-бы, и должна была расходоваться сумма, ассигнуемая земствами на нужды образованія. Если изъ общегосударственныхъ средствъ наибольшею поддержкою пользуется образованіе высшее и среднее, если само образованное общество постоянно жертвовало и жертвуетъ весьма значительныя суммы на стипендіи именно для высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, удѣляя лишь жалкія крохи образованію низшему, то земство въ данномъ случаѣ должно было явиться поддержкою не тому, кому, сравнительно, уже много дано, а тому, кому дано очень мало, т.-е. земская дѣятельность по отношенію къ народному образованію должна была-бы быть коррективомъ къ дѣятельности въ этомъ направленіи государства. *Ред.*

*) Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1889 г., стр. 109.

**) «Земскій Ежегодникъ» за 1884 г., стр. 476—479.

къ нашей провинціи, гдѣ въ 1887 г. существовало до трехсотъ заведеній этого рода. Мы здѣсь считаемъ полезнымъ привести нѣкоторые факты и цыфры, относящіеся къ земской дѣятельности за 1884 г. Костромское губернское собраніе этого года ассигновало на устройство помѣщенія для четырехъ параллельныхъ классовъ въ Костромской женской гимназіи 4.232 р. Пермское губернское собраніе постановило выдать ссуду въ 10.000 р. на постройку дома мѣстной женской прогимназіи. Такую-же сумму выдало и полтавское губернское земство на устройство женской гимназіи въ г. Полтавѣ, разсрочивъ уплату займа на 10 лѣтъ. Многія губернскія земства внесли въ смѣту 1885 г. значительныя суммы на содержаніе женскихъ гимназій, существующихъ въ уѣздныхъ городахъ губерніи, напримѣръ, полтавское двумъ женскимъ гимназіямъ 2.300 р., таврическое—девяти существующимъ въ губерніи гимназіямъ 12.000 р. и другія. Уѣздныя земства, въ свою очередь, ассигнуютъ ежегодныя пособія женскимъ учебнымъ заведеніямъ. Отпускаемыя на этотъ предметъ суммы обыкновенно колеблются между 500 и 1.000 р., хотя нѣкоторыя уѣздныя земства, повидимому, оплачиваютъ всѣ расходы по содержанію женскихъ прогимназій, напр. въ смѣты 1885 г. внесли на содержаніе прогимназій ананьевское земство, Херсонской губерніи, 2.000 р., а глазовское, Вятской губерніи, 2.911 р. *). Такимъ образомъ, наше земство имѣетъ полное право на особенную признательность за труды по распространенію женскаго образованія въ Россіи и за большіе постоянные вклады его на это, нынѣ уже довольно широко и прочно поставленное, образованіе.

Точно также весьма распространенною формою земскаго содѣйствія среднему и высшему образованію является выдача стипендій недостаточнымъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній. У насъ много высказывается противорѣчивыхъ мнѣній и взглядовъ на стипендіи. Нерѣдки въ Россіи люди, считающіе стипендіи вредными, ибо онѣ будто-бы создаютъ «лишнихъ» образованныхъ людей и обостряютъ конкурренцію въ сферѣ умственнаго труда. Безполезно опровергать неосновательность этихъ софистическихъ разсужденій, а достаточно напомнить хотя-бы одинъ всѣмъ извѣстный фактъ, какъ много талантливыхъ и полезныхъ людей, благодаря общественной поддержкѣ, получили серьезное образованіе и вышли на широкій путь плодотворнаго труда и служенія родинѣ, чего не могло-бы быть, если-бы не существовали столь несправедливо осуждаемыя стипендіи. Поэтому наши земства, эти живыя и стоящія ближе другихъ къ потребно-

---

*) «Земскій Ежегодникъ», стр. 480 и 481.

стямъ общества и народа учрежденія, никогда не увлекались подобными, ничѣмъ неоправдываемыми и недостаточно гуманными, софизмами и въ этой полезной области всегда проявляли свою дѣятельность и оказывали содѣйствіе для удовлетворенія потребностей жизни и времени. Вотъ нѣкоторые факты по этоту вопросу, взятые нами изъ «Земскаго Ежегодника». Въ 1884 году черниговское губ. земское собраніе ассигновало на пособіе ученицамъ женской гимназіи 1.065 р. и воспитанникамъ Новозыбковскаго реальнаго училища 425 руб.; глазовское уѣздное земство, Вятской губерніи, назначило на содержаніе трехъ стипендіатовъ въ Вятскомъ реальномъ училищѣ 450 р. и т. д. Въ томъ-же году многія уѣздныя земства назначили болѣе или менѣе значительныя пособія обществамъ для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ мѣстныхъ школъ; въ числѣ этихъ земствъ находятся, между прочимъ, и далеко необильныя средствами уѣздныя земства Вологодской губерніи. На стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ губернскими земствами также отпускаются довольно значительныя суммы; такъ, полтавское губ. собраніе ежегодный расходъ на этотъ предметъ опредѣляетъ въ 3.000 руб., вятское собраніе внесло въ смѣту 1885 года 6.600 руб., таврическое собраніе ассигновало на содержаніе пяти стипендіатокъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ 1.500 руб. и т. д. Рязанское-же губ. земство учредило, въ память двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора Александра II, двѣнадцать стипендій въ высшихъ, преимущественно техническихъ, учебныхъ заведеніяхъ.

VIII.

Дѣятельность губернскаго земства по распространенію техническаго и профессіональнаго образованія также представляетъ большой интересъ и содѣйствуетъ удовлетворенію весьма разнообразныхъ мѣстныхъ нуждъ. Напримѣръ, вологодское губ. земство ежегодно отпускаетъ по 600 руб. на содержаніе мѣстнаго ремесленнаго пріюта, въ которомъ техническому рисованію и ремесламъ обучаются 20 воспитанниковъ. Таврическое губ. земство ассигновало на 1885 годъ 1.500 рублей на двѣ ремесленныхъ школы въ Бердянскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ, земства которыхъ отъ себя расходовали на этотъ предметъ по 1.000 р. ежегодно. Нижегородское губ. земство въ 1883 году подробно разсматривало вопросъ о распространеніи ремесленнаго образованія въ губерніи и признало, что починъ въ устройствѣ профессіональныхъ школъ долженъ принадлежать уѣзднымъ земствамъ, а

губернское признало за собою обязанность оказывать этимъ школамъ матеріальное пособіе. Смоленское губ. собраніе, разсмотрѣвъ тотъ-же вопросъ, нашло, что устраиваемые при двухклассныхъ министерскихъ училищахъ ремесленные классы не приносятъ пользы и что необходимо открывать особыя ремесленныя школы, въ которыя поступали-бы крестьянскія дѣти не моложе 14 лѣтъ, окончившія уже курсъ въ одноклассныхъ или двухклассныхъ народныхъ школахъ. Черниговское губ. земство содержитъ въ посадѣ Клинцахъ ремесленное училище, получающее, кромѣ того, пособіе отъ мѣстнаго посадскаго управленія и отъ суражскаго уѣзднаго земства. Приведемъ здѣсь небольшое извлеченіе изъ устава этой школы, утвержденнаго земскимъ собраніемъ 1884 года *). Клинцевское ремесленное училище имѣетъ цѣлью приготовлять свѣдущихъ ремесленниковъ, преимущественно въ области сельско-хозяйственныхъ потребностей, и сообщать имъ общее начальное образованіе. Училище состоитъ въ завѣдываніи губернской управы и подъ вѣдѣніемъ директора народныхъ училищъ Черниговской губерніи. Курсъ ученія дѣлится на четыре класса и въ составъ его входятъ какъ ремесла, такъ и предметы общеобразовательные. Въ училищѣ постепенно вводятся ремесла: кузнечное, слесарное, литейное, столярное, токарное, модельное и другія, при этомъ выборъ ремесла, или нѣсколькихъ изъ нихъ, предоставляется ученикамъ и родителямъ ихъ. Изъ предметовъ общеобразовательнаго курса преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, чистописаніе, рисованіе и черченіе, ариѳметика и главныя основанія геометріи, отечественная исторія и географія. Ученье продолжается въ теченіе цѣлаго года, причемъ лѣтомъ (въ іюлѣ и августѣ) ученики занимаются только ремеслами, а воспитанники старшаго класса въ каникулярное время посѣщаютъ, если это будетъ попечительнымъ совѣтомъ признано возможнымъ, болѣе значительные заводы для практическаго ознакомленія съ устройствомъ и дѣйствіемъ машинъ и орудій. Въ училище принимаются дѣти всѣхъ сословій изъ уроженцевъ Черниговской губерніи, отъ 13 до 15 лѣтъ для перваго класса. Ученикамъ, окончившимъ курсъ училища и желающимъ открыть по своей спеціальности мастерскія въ селеніяхъ Черниговской губерніи, выдаются пособія отъ губернскаго земства. Расходы Клинцевскаго училища по смѣтѣ земства на 1885 годъ составляли 4.335 р. Московское губ. земство, въ интересахъ распространенія техническихъ свѣдѣній, ежегодно отпускаетъ извѣстную сумму на вознагражденіе за уроки рисованія въ

*) «Земскій Ежегодникъ» за 1884 г., стр. 470—472.

нач. народныхъ училищахъ; такъ, на 1885 годъ было ассигновано 1.000 р. и, кромѣ того, на содержаніе класса рисованія въ с. Лихачевѣ 1.000 р. Херсонское губ. земство ассигнуетъ 1.500 р. на содержаніе вечерней рисовальной школы въ г. Елисаветградѣ, при мѣстномъ реальномъ училищѣ. Число учащихся въ этихъ весьма популярныхъ между населеніемъ и полезныхъ рисовальныхъ классахъ достигаетъ 150. Изъ всѣхъ земствъ Россіи, херсонское губ. собраніе первое взяло на себя починъ введенія художественнаго элемента въ образованіе массы, и многіе изъ учениковъ Елисаветградской рисовальной школы уже поступили въ академію художествъ, въ Московское училище ваянія, живописи и зодчества и въ школу барона Штиглица.

Нѣкоторыя губернскія земства, съ начала восьмидесятыхъ годовъ, принимали также мѣры по распространенію сельско-хозяйственнаго образованія. Полтавское губ. земство въ 1882 году ассигновало на первоначальные расходы Полтавскому обществу сельскаго хозяйства по устройству опытнаго поля 7.500 р., а въ смѣту 1885 г. оно-же внесло на текущіе ежегодные расходы опытнаго поля: жалованье директору 1.200 р, наемъ рабочихъ 700 р., содержаніе рабочаго скота 300 р., освѣщеніе и отопленіе зданій 100 р., сѣмена и удобреніе 150 р., ремонтъ построекъ, страхованіе ихъ, непредвидѣнные расходы и содержаніе лабораторіи 300 р. и на наемъ земли для опытнаго поля 300 р., а всего 3.050 р. Харьковское губ. земское собраніе 1884 года ассигновало на слѣдующій годъ 2.000 р. въ пособіе низшей сельско-хозяйственной школѣ въ Зміевскомъ уѣздѣ. Херсонское губ. земство содержало земское сельско-хозяйственное училище съ 1874 года, расходуя на него ежегодно до 35.000 р. До 1 января 1883 года преподаваніе въ училищѣ носило почти исключительно теоретическій характеръ, но съ 1883 года на фермѣ училища введенъ учебный планъ хозяйства, и въ теченіе 1883 г. на опытномъ полѣ было высѣяно около 200 сортовъ разныхъ культурныхъ растеній. Полный теоретическій и практическій курсъ въ училищѣ продолжается шесть лѣтъ и, сверхъ того, на дополнительныя практическія занятія сельскимъ хозяйствомъ полагается еще одинъ годъ. Бессарабское губ. собраніе ассигновало на 1884 г. на устройство училища винодѣлія въ г. Бендерахъ 800 р.

Въ книгѣ Я. В. Абрамова сообщаются еще нѣкоторые факты изъ этой интересной области *). Такъ, казанское губернское земское со-

*) Я. В. Абрамовъ. Ор. с., стр. 164.

браніе 1888 г. обсуждало общій вопросъ о внѣклассныхъ занятіяхъ народныхъ учителей и о средствахъ, при помощи которыхъ можно было-бы воспользоваться ихъ трудомъ для распространенія въ народѣ агрономическихъ и техническихъ знаній. Воронежское губ. собраніе 1888 года постановило: воспитанниковъ мѣстной учительской семинаріи въ теченіе трехъ лѣтнихъ каникулъ обучать садоводству въ помологическомъ разсадникѣ въ г. Воронежѣ. Самарское и псковское губ. земскія собранія того-же года представили правительству ходатайства о введеніи преподаванія сельскаго хозяйства въ программы учительскихъ семинарій.

Заканчивая наше обозрѣніе дѣятельности губернскаго земства по народному образованію, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о предпринимаемыхъ имъ мѣрахъ по распространенію грамотности, имѣющихъ общій характеръ. Сюда относится: содѣйствіе губернскихъ земствъ устройству и содержанію народныхъ библіотекъ, публичныхъ чтеній, книжныхъ складовъ и т. под. Правда, эта дѣятельность, въ общемъ, между губернскими земствами развита довольно слабо, но за послѣдніе годы нѣкоторыя изъ нихъ и здѣсь проявили иниціативу, достойную одобренія и подражанія. Такъ, московское губ. земство въ продолженіе многихъ лѣтъ ассигнуетъ на библіотеки по 1.500 руб. ежегодно. Казанское губ. собраніе 1884 года рѣшило открыть склады для продажи народныхъ полезныхъ книгъ въ четырехъ уѣздахъ губерніи и на первоначальное ихъ обзаведеніе отпустило 100 руб. Тверское губ. земство содержитъ книжный складъ съ 1880 года. Изъ него въ 1884 г. было продано книгъ на сумму 8.379 р., а въ 1887 году уже на 17.839 р. Это-же губернское земство отпускаетъ на народныя библіотеки по 200 р. на уѣздъ съ тѣмъ, чтобы такая-же сумма расходовалась и отъ каждаго уѣзднаго земства. Екатеринославское губ. собраніе 1888 г. ассигновало на устройство библіотекъ въ губерніи 2.000 р. Харьковское губ. земство еще въ 1879 году открыло книжный складъ, дѣятельность котораго получила широкое распространеніе даже и за предѣлами Харьковской губерніи. Въ теченіе одного перваго пятилѣтія этотъ складъ продалъ книгъ и учебныхъ пособій на 66.230 р. Новгородское губ. земское собраніе, засѣдавшее въ январѣ 1891 года, ассигновало 1.500 руб. на устройство книжныхъ складовъ во всѣхъ одиннадцати уѣздахъ губерніи. За послѣднее время наше земство своему просвѣтительному содѣйствію начинаетъ придавать болѣе серьезный смыслъ и болѣе широкое значеніе. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служитъ постановленіе полтавскаго губ. земскаго собранія 1890 года объ учрежденіи въ г. Полтавѣ естественно-истори-

ческаго музея на средства губернскаго земства. На это весьма полезное учрежденіе собраніе ассигновало 3.000 р. По проекту земства, естественно-историческій музей будетъ преслѣдовать научную и практическую цѣли: съ одной стороны, естественно-историческое изученіе губерніи, съ другой—распространеніе естественно-историческихъ знаній среди мѣстнаго населенія. Музей будетъ содержать въ себѣ всевозможныя изслѣдованія и ихъ результаты: коллекціи почвъ, флоры, фауны, горныхъ породъ, окаменѣлостей, рудъ, полезныхъ ископаемыхъ, минераловъ, картъ, плановъ, моделей и т. п. Въ немъ будетъ производиться разработка собранныхъ матеріаловъ: опредѣленіе и систематизація коллекцій, производство анализовъ почвъ, водъ, полезныхъ ископаемыхъ и проч. При музеѣ предполагаются также публичныя чтенія и продажа дешевыхъ брошюръ популярнаго естественно-научнаго содержанія.

IX.

Чтобы вполнѣ ознакомить читателей съ разнообразіемъ и всесторонностью земскихъ мѣропріятій по народному образованію и съ особенною отзывчивостью земства на всѣ нужды и запросы дѣйствительной жизни, мы считаемъ здѣсь полезнымъ коснуться нѣкоторыхъ особыхъ мѣръ земства, не вошедшихъ въ предъидущія рубрики. Здѣсь мы будемъ руководствоваться преимущественно свѣдѣніями «Земскаго Ежегодника».

Мамадышское уѣздное земство Казанской губерніи, желая облегчить крестьянамъ возможность получить полное и законченное начальное образованіе, учредило при Аринскомъ двухклассномъ училищѣ 20 стипендій, по 3 рубля въ мѣсяцъ для каждаго стипендіата въ теченіе девяти учебныхъ мѣсяцевъ. Такія-же стипендіи существуютъ при Петропавловскомъ и Волокославинскомъ двухклассныхъ училищахъ Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи. С.-петербургское уѣздное земство, не имѣя во всѣхъ мѣстностяхъ уѣзда количества школъ, достаточнаго для обученія всѣхъ желающихъ, содержитъ своихъ стипендіатовъ въ частныхъ школахъ, для которыхъ земское собраніе 1884 года выработало особыя условія и правила и отпустило на слѣдующій годъ на стипендіи 300 р. Кологривское, Костромской губ., собраніе учредило двѣ стипендіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ для дѣтей заслуженныхъ земскихъ дѣятелей. Самарское губернское земское собраніе 1884 года разсматривало проектъ учрежденія общежитія для учениковъ классической гимназіи и мѣст-

наго реальнаго училища, именно для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ не живутъ въ Самарѣ и которымъ проектируемый интернатъ долженъ былъ замѣнить родительское попеченіе и наблюденіе.

Въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, земская управа, желая облегчить посѣщеніе школъ ученикамъ отдаленныхъ отъ нихъ селеній, содержитъ особыя подводы для доставки учениковъ въ школу; въ теченіе 1883—1884 учебнаго года такія подводы содержались въ числѣ 13 при 8 школахъ, на что и было израсходовано 170 рублей. Курмышское уѣздное земство Симбирской губерніи, желая ускорить распространеніе грамотности въ уѣздѣ при содѣйствіи частнаго обученія, выдаетъ вознагражденіе въ 25 р. за каждаго обученнаго внѣ школы мальчика. Подобное-же вознагражденіе, впрочемъ, не свыше 10 рублей, выдается въ нѣкоторыхъ восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи. Въ виду недостаточной матеріально и некультурной деревенской среды и плохихъ условій школьнаго быта, земство въ отношеніи своихъ собственныхъ школъ вынуждено было брать на себя иногда чисто родительскія заботы; такъ, устюгское земство, Вологодской губерніи, отпускаетъ ежегодно нѣкоторую сумму (въ 1885 году 75 р.) на приварокъ для учениковъ, живущихъ въ ночлежныхъ при земскихъ школахъ; великолуцкое земство, Псковской губерніи, нанимаетъ для народныхъ школъ и ихъ учениковъ бани; устюженское уѣздное собраніе, Новгородской губерніи, отпускаетъ десяти народнымъ учителямъ на наемъ ихъ квартиръ по 15 р. въ годъ и т. д.

Московское уѣздное земство, озабочиваясь удобствами учениковъ народныхъ школъ и преслѣдуя педагогическія цѣли, какъ-то: увеличеніе педагогической опытности учителей и лучшую подготовку учениковъ, производитъ съ 1885 года экзамены оканчивающимъ курсъ не отдѣльно по каждой школѣ, а по группамъ, собирая учениковъ нѣсколькихъ школъ въ одну, болѣе центральную. Это-же земство ассигнуетъ ежегодно 200 р. (по смѣтѣ 1885 г.) на раздачу евангелій въ награду окончившимъ курсъ ученикамъ. На тотъ-же предметъ крестецкое земство, Новгородской губерніи, по смѣтѣ 1890 года отпустило 100 р. *). Подмѣтивъ, что обученіе церковному пѣнію и участіе учениковъ при богослуженіи въ церкви пользуются особенною симпатіею крестьянъ и привлекаютъ къ школѣ вниманіе населенія, многія земства ввели преподаваніе пѣнія въ сельскихъ школахъ и отпускаютъ иногда значительныя суммы на вознагражденіе учителей

*) Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1889 г., стр. 95.

за преподаваніе пѣнія, напримѣръ, петербургское уѣздное земское собраніе ассигновало на 1885 годъ по этой статьѣ расхода 545 руб., ирбитское собраніе, Пермской губ., 540 р. и т. д. Особеннымъ вниманіемъ пѣніе пользуется въ уѣздныхъ земствахъ Полтавской губерніи, которыя, кромѣ вознагражденія и премій учителямъ, отпускаютъ необходимыя суммы для покупки музыкальныхъ инструментовъ, нотъ и т. п. Тверское губернское земство, желая поставить серьезно преподаваніе пѣнія въ народныхъ школахъ, устроило лѣтомъ 1884 года курсы пѣнія для учителей и учительницъ, подъ руководствомъ Архангельскаго, продолжавшіеся съ 1 іюня по 1 августа. Кромѣ пѣнія, учителя имѣли здѣсь возможность воспользоваться уроками игры на фортепіано или скрипкѣ. На курсахъ участвовало болѣе 50 учителей. Въ виду успѣха и несомнѣнной пользы курсовъ, губернское собраніе ассигновало вновь на устройство ихъ въ 1885 году 1.200 р. Московское уѣздное земство, желая улучшить педагогическую сторону народныхъ школъ и усилить вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ за преподаваніемъ, создало въ 1885 году особый институтъ старшихъ учителей, а именно три болѣе опытные въ дѣлѣ преподаванія учителя получали отъ управы порученіе завѣдывать хозяйственной частью народныхъ училищъ въ извѣстномъ опредѣленномъ районѣ и руководить въ педагогическомъ отношеніи менѣе опытныхъ и мало знакомыхъ съ практикою преподавателей. Каждый изъ старшихъ учителей получалъ ежегодно: 200 р. вознагражденія и 100 р. на разъѣзды. Во время отлучки старшаго учителя въ сосѣднія школы обязанности его по преподаванію въ завѣдуемой имъ школѣ исполнялъ помощникъ учителя.

Для упроченія результатовъ грамотности и въ интересахъ распространенія знаній, нѣкоторыя земства принимаютъ весьма разнообразныя мѣры. Въ Елисаветградскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ земствомъ устраиваются при народныхъ школахъ воскресныя чтенія съ туманными картинами, преимущественно духовнаго содержанія. Народныя чтенія особенно прочно и широко поставлены въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ они ведутся при 70 училищахъ и ежегодное число посѣтителей достигло уже до ста тысячъ лицъ. Для распространенія грамоты между взрослыми и для развитія въ народѣ сознанія и убѣжденія въ полезности и необходимости школы, днѣпровское уѣздное земство, Таврической губерніи, учредило съ 1884 года вечерніе классы при земскихъ школахъ, на что ассигновало на 1885 годъ 1.000 руб. Глазовское уѣздное земство, Вятской губерніи, внесло въ смѣту 1885 года 500 р. въ пособіе публичной земской библіотекѣ и рѣшило открыть при ней кабинетъ для чтенія, съ платою за входъ по 3 коп.

Екатеринославское губ. земское собраніе, желая дать народнымъ учителямъ возможность пополнять полученное ими въ учительскихъ семинаріяхъ образованіе и наглядно знакомиться съ лучшими учебными пособіями, рѣшило учредить въ г. Екатеринославлѣ земскій педагогическій музей. Земское собраніе 1884 г., въ виду того, что «народное образованіе, въ интересахъ коего учреждается музей, является для земства предметомъ первой необходимости», открыло губернской управѣ на устройство музея кредитъ въ 4.000 р. и ассигновало на содержаніе музея въ 1885 г. 2.250 р. *).

Нѣкоторыя земства, желая привлечь мѣстное общество къ заботамъ какъ о матеріальномъ, такъ и объ образовательномъ преуспѣяніи народныхъ школъ, старались поднять значеніе института школьныхъ попечителей и сдѣлать реальнымъ и живымъ ихъ содѣйствіе народной школѣ. Разсматривавшее этотъ вопросъ въ 1884 году, казанское уѣздное собраніе рѣшило возобновлять каждые три года выборы попечителей земскихъ школъ. Свіяжское земство, Казанской губерніи, желая оказать содѣйствіе исполненію попечителями школъ ихъ обязанностей, предоставило имъ право пользоваться прогонными деньгами изъ суммъ, назначенныхъ на разъѣзды членамъ училищнаго совѣта отъ земства. Вытегорское уѣздное земское собраніе, Олонецкой губерніи, для попечителей земскихъ школъ ежегодный обязательный взносъ опредѣлило въ 20 р. Кирилловское уѣздное земское собраніе, Новгородской губерніи, предполагая, что коллегіальный составъ школьнаго попечительства болѣе гарантируетъ, чѣмъ единоличный, улучшеніе матеріальныхъ и общественныхъ интересовъ школы, въ засѣданіи 26 сентября 1883 года постановило: ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи устраивать особыя школьныя попечительства, въ составъ которыхъ должны входить законоучитель и учитель школы, членъ, избираемый уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, и три члена по выбору мѣстнаго общества **). О представленномъ, чрезъ мѣстнаго губернатора, ходатайствѣ Министерство Народ. Просв. высказалось, что оно не находитъ препятствій къ учрежденію школьныхъ попечительствъ, но, прежде фактическаго ихъ осуществленія, пожелало ознакомиться съ подробными правилами ихъ дѣятельности. Поэтому, кирилловская земская управа, въ концѣ 1885 года, представила въ министерство проектъ устава школьныхъ попечительствъ. Проектъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: 1) школь-

*) «Земскій Ежегодникъ» за 1884 г., стр. 465.

**) Журналы кирилловскаго уѣздн. земск. собранія за 1883 г., стр. 18.

ныя попечительства учреждаются при школахъ, находящихся въ непосредственномъ завѣдываніи земства, и несутъ хозяйственныя заботы по улучшенію и развитію училищъ; 2) попечительство состоитъ изъ одного лица, избраннаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, законоучителя, учителя школы и трехъ лицъ, избранныхъ крестьянами тѣхъ селеній, которыя пользуются школою; 3) члены попечительства отъ земства и крестьянъ избираются на три года и изъ среды своей избираютъ предсѣдателя и казначея; 4) попечительство принимаетъ мѣры: а) къ устройству надлежащаго школьнаго помѣщенія и содержанію его въ исправности и чистотѣ; б) къ снабженію школьной библіотеки необходимыми и полезными книгами; в) къ пособію бѣднымъ ученикамъ школы одеждою, обувью и другими предметами и г) ходатайствуетъ предъ земствомъ, крестьянскими обществами и училищными установленіями о нуждахъ школы; 5) средства для выполненія своихъ цѣлей попечительство получаетъ изъ добровольныхъ взносовъ его членовъ, изъ суммъ, отпускаемыхъ крестьянскими обществами, изъ суммъ, ассигнуемыхъ земствомъ, и изъ средствъ, собранныхъ попечительствомъ по добровольной подпискѣ. Для послѣдней цѣли попечительство можетъ выдавать членамъ своимъ скрѣпленныя предсѣдателемъ и прошнурованныя сборныя книжки, ревизуемыя по-полугодно; 6) попечительство собирается предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности; 7) всѣ школьныя попечительства уѣзда находятся подъ ближайшимъ руководствомъ уѣздной земской управы, которой они представляютъ ежегодные общіе о дѣятельности своей и денежные отчеты *).

Здѣсь слѣдуетъ еще припомнить, что земства, кромѣ содержанія обыкновенныхъ, такъ-называемыхъ нормальныхъ, сельскихъ школъ, выдаютъ значительныя пособія школамъ грамотности и другимъ училищамъ, дополняющимъ систему школьной организаціи уѣзда. Школы грамотности существуютъ преимущественно въ губерніяхъ сѣверной Россіи, гдѣ населеніе разбросано по значительно удаленнымъ другъ отъ друга селеніямъ. Такъ, въ восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, какъ, напр., Тотемскомъ, населеніе обязано всею своею грамотностью почти исключительно школамъ этого рода. Точно также школы грамотности весьма распространены въ Вятской и Пермской губерніяхъ; напр., въ Шадринскомъ уѣздѣ число ихъ съ 1883 по 1888 годъ возрасло съ 24 до 67. Число учащихся въ нихъ достигло 1.757 человѣкъ, а земская ассигновка на содержаніе ихъ въ 1889 г.

*) Журналы кирилловскаго уѣздн. земск. собранія за 1886 г., стр. 48 и 49.

равнялась 8.850 рублей *). О школахъ грамотности, существующихъ въ Тверской губерніи, въ «Русской Школѣ» за 1890 годъ было помѣщено обстоятельное изслѣдованіе г. Девеля. Школы грамотности, не смотря на ихъ не всегда удовлетворительную постановку, приносятъ свою долю пользы, содѣйствуя болѣе равномѣрному распространенію грамотности въ средѣ сельскаго населенія и служа подготовительными школами для училищъ болѣе совершенной формы. Нѣкоторыя земскія собранія принимали даже особыя мѣры къ созданію подобныхъ подготовительныхъ школъ. Такъ, бахмутское уѣздное земство, Екатеринославской губерніи, въ 1884 году учредило 40 премій, по 25 р. каждая, въ пользу народныхъ учителей за подготовку преподавателей подготовительныхъ школъ. Въ Новгородской губерніи уѣздныя земства поручали преподаваніе въ подготовительныхъ школахъ бывшимъ ученикамъ земской школы, выплачивая имъ или по 30 рублей въ годъ, или премію отъ 2 до 5 руб. за каждаго выученнаго грамотѣ ученика и поручая подобныя школы наблюденію учителя ближайшаго земскаго нормальнаго училища. Другою формою земскаго содѣйствія распространенію грамотности въ рѣдко и малонаселенныхъ мѣстностяхъ были такъ-называемыя передвижныя школы, переводившіяся изъ одного селенія въ другое за окончаніемъ обученія дѣтей школьнаго возраста и совершавшія такимъ образомъ правильное періодическое странствованіе. Подобныя школы возникли впервые также на сѣверѣ. Петербургское уѣздное собраніе, напр., ассигновало на 1885 годъ 960 рублей на открытіе подвижной школы въ Муринской волости. Чердынское земство, Пермской губерніи, содержало въ то-же время подвижную школу въ с. Лимежѣ. Бѣлозерское земство, Новгородской губерніи, открыло въ 1885 г. Марковскую подвижную школу съ двухлѣтнимъ курсомъ обученія. Александровское земство, Екатеринославской губерніи, признавая начальное образованіе неравномѣрнымъ, въ виду отдаленности нѣкоторыхъ селеній отъ существующихъ училищъ, проектировало цѣлую систему передвижныхъ школъ въ уѣздѣ и внесло въ смѣту 1885 года 3.000 рублей **).

Для окончившихъ курсъ учениковъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на средства земства существуютъ воскресные повторительные классы, предназначенные не только для закрѣпленія уже пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, но и для расширенія знаній, полезныхъ въ крестьянской жизни, въ родѣ свѣдѣній изъ исторіи и географіи Россіи, а также

*) Я. В. Абрамовъ. Что сдѣлало земство, стр. 286.

**) «Земскій Ежегодникъ» за 1884 г., стр. 443.

изъ области промышленности, земледѣлія и ремеслъ. Такіе воскресные классы существовали въ 1884 году въ нолинскомъ и уржумскомъ земствахъ, Вятской губ., и во всѣхъ уѣздахъ Казанской губерніи, а именно въ этой послѣдней воскресные классы существовали при 47 училищахъ и посѣщались 1.137 слушателями, на содержаніе же ихъ было израсходовано 2.925 рублей *).

X.

Мы закончили обозрѣніе всѣхъ выдающихся сторонъ земской дѣятельности по народному образованію. Наглядными результатами этой дѣятельности въ 33 земскихъ губерніяхъ являются 18.000 земскихъ народныхъ школъ, въ которыхъ учится болѣе милліона крестьянскихъ дѣтей, множество другихъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ школъ, библіотекъ, книжныхъ складовъ и иныхъ образовательныхъ учрежденій и ежегодные значительные расходы земства на народное образованіе, превышающіе семь милліоновъ рублей. Но, отдавая должную честь стремленіямъ и трудамъ земства по просвѣщенію населенія и по водворенію гражданственности въ русской деревнѣ, мы вынуждены сознаться, что стремленія эти въ будущемъ нуждаются еще въ бо́льшемъ напряженіи, а труды требуютъ усиленія какъ количественнаго, такъ и качественнаго, и должны быть приведены въ правильную и стройную систему. Нѣтъ сомнѣнія, что существующіе недостатки земскаго народно-школьнаго дѣла должны быть приписаны не столько земству, сколько историческимъ и бытовымъ причинамъ: низкому культурному уровню населенія большинства русскихъ уѣздовъ, недостатку матеріальныхъ средствъ, живущимъ еще правамъ и воззрѣніямъ крѣпостной эпохи, нѣкоторымъ внѣшнимъ стѣсненіямъ вѣдомства, вѣдающаго школьное дѣло съ педагогической стороны, и даже недостаткамъ въ организаціи самихъ о̀рґановъ мѣстнаго самоуправленія. Но, такъ или иначе, недостатки и значительные пробѣлы въ народно-школьномъ дѣлѣ существуютъ, и съ ними надо считаться, а гдѣ можно, и бороться. Наши уѣздныя и губернскія земства и личный составъ ихъ о̀рґановъ должны уяснить себѣ эти недостатки и заботиться объ ихъ устраненіи на будущее время какъ личными своими усиліями и средствами, такъ и привлеченіемъ къ общенародному дѣлу содѣйствія правительства. Самымъ важнымъ недостаткомъ начальнаго народнаго образованія въ Россіи является количественный не-

*) «Земскій Ежегодникъ» за 1884 г., стр. 446.

достатокъ школъ и незначительный процентъ дѣтей школьнаго возраста, обучающихся въ народныхъ школахъ. На протяженіи нашей обширной Россіи, въ этомъ отношеніи имѣются поразительные контрасты, наглядно рисующіе вопіющую неравномѣрность въ распредѣленіи умственныхъ и образовательныхъ благъ. Между тѣмъ какъ въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ одна школа приходится на тысячу душъ населенія обоего пола и одинъ учащійся на 26 и 24 человѣка, въ Нолинскомъ и Суражскомъ одна школа приходится на семь тысячъ жителей, а одинъ учащійся въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, приходится на 148 жителей, въ Старорусскомъ-же уѣздѣ, Новгородской губерніи, на 110 человѣкъ. Въ общемъ можно признать, что въ земскихъ губерніяхъ Россіи обучается одинъ изъ восьми дѣтей школьнаго возраста обоего пола, или одинъ изъ пяти мальчиковъ. Очевидно, что для поголовнаго обученія грамотѣ одного лишь мужскаго населенія число народныхъ школъ должно быть увеличено въ пять разъ.

Вторымъ недостаткомъ современнаго положенія народной школы является качественная неудовлетворительность нѣкоторыхъ сторонъ ея. Неудовлетворительность эта, конечно, существуетъ не вездѣ и замѣчается далеко не въ одинаковой степени; тѣмъ не менѣе, существованіе ея весьма дурно отзывается не только на непосредственныхъ результатахъ школы, но и на условіяхъ будущаго прогресса ея, чѣмъ серьезно замедляется пріобрѣтеніе народною школою искреннихъ и живыхъ симпатій нашего общества. Къ этимъ, уже уясненнымъ и болѣе или менѣе признаннымъ, качественнымъ недостаткамъ народной школы въ особенности относятся: дурныя помѣщенія школъ, малопомѣстительныя и приносящія вредъ здоровью учениковъ, недостатокъ учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей, часто препятствующій быстротѣ и успѣшности обученія, необезпеченность содержанія и судьбы сельскихъ учителей, мѣшающая лучшимъ и достойнѣйшимъ людямъ посвящать себя на всю жизнь этому плодотворному занятію, исключеніе изъ программъ народной школы общеобразовательныхъ свѣдѣній, необходимыхъ и крайне полезныхъ въ крестьянской жизни, малое распространеніе школою техническихъ знаній, недостаточное развитіе профессіональныхъ школъ и почти полное отсутствіе средствъ для закрѣпленія грамотности въ народѣ и внѣ-школьнаго просвѣщенія населенія, какъ-то: библіотекъ, доступныхъ сельскому обывателю книгъ, народныхъ газетъ и т. под. Подробное разсмотрѣніе этихъ недостатковъ и способовъ ихъ исправленія не входитъ въ задачи нашей статьи и, по обширности своей,

требуетъ особаго объемистаго и обстоятельнаго изслѣдованія. Конечно, далеко не всѣ недостатки школьнаго дѣла могутъ быть исправлены по иниціативѣ самого земства, но все-же значительная часть ихъ могла-бы исчезнуть по волѣ общественныхъ учрежденій, при условіи ихъ энергичной и непрестанной созидательной дѣятельности.

Третьимъ главнѣйшимъ недостаткомъ народно-школьнаго дѣла въ Россіи является ошибочный и несправедливый взглядъ нашего законодательства на народное образованіе. Какъ извѣстно, удовлетвореніе нуждъ народа въ грамотѣ и умственномъ развитіи, по дѣйствующему законодательству, относится къ числу необязательныхъ потребностей земства, а потому развитіе народныхъ школъ предоставляется доброй волѣ и усмотрѣнію земскихъ дѣятелей, отъ личнаго взгляда и направленія которыхъ зависятъ успѣхъ или упадокъ народнаго просвѣщенія въ уѣздѣ или губерніи. Только подобнымъ ненормальнымъ отношеніемъ нашего законодательства къ дѣлу народнаго просвѣщенія могутъ быть объяснены такія печальныя явленія, какъ закрытіе уже учрежденныхъ народныхъ школъ, или существованіе не только приходовъ, но и цѣлыхъ волостей, не имѣющихъ ни одного училища. Напримѣръ, по отчету за 1885 г., такихъ волостей въ Новгородской губерніи было цѣлыхъ пятнадцать. Подобныя явленія не могли-бы имѣть мѣста, если-бы заботы земства о народномъ образованіи носили обязательный характеръ, въ силу законодательнаго акта и требованія правительства, и если-бы земскія учрежденія, содержимыя на средства народа, обязаны были давать для этого народа, по крайней мѣрѣ, извѣстный минимумъ образовательныхъ учрежденій, хотя-бы по одной школѣ на каждый приходъ *). Тогда была-бы полная невозможность существованія такихъ порядковъ, какіе существуютъ, напримѣръ, въ Костромской губерніи, гдѣ, по отчету за 1884 г., на селеніе приходится лишь одинъ учащійся въ среднемъ выводѣ, и масса деревень находилась совершенно за предѣлами вліянія народной школы, такъ какъ въ этой губерніи одно училище приходится на 4.000 душъ населенія.

---

*) Въ такомъ случаѣ земство, конечно, уже не имѣло-бы возможности тратить средства на образованіе высшее и среднее (что, впрочемъ, и не входитъ въ кругъ его дѣятельности, предначертанный «Положеніемъ»), или-же земству пришлось-бы увеличить свои налоги, что было-бы не вездѣ подъ силу крестьянскому населенію. Во всякомъ случаѣ, въ видахъ осуществленія благого пожеланія автора, земству пришлось-бы прибѣгнуть или къ той, или къ другой изъ указанныхъ мѣръ. Выборъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть сдѣланъ на основаніи того принципа, что помогать слѣдуетъ всегда тому, кто наиболѣе въ данный моментъ въ таковой помощи нуждается. *Ред.*

Наши земства, въ большинствѣ, хорошо сознаютъ всѣ недостатки существующаго порядка и нерѣдко принимаютъ зависящія отъ нихъ мѣры къ улучшенію не всегда отрадной дѣйствительности, но усилія ихъ часто разбиваются о почти непреодолимыя затрудненія. Въ докладѣ тверской губернской земской управы собранію 1884 года мы находимъ, напр., слѣдующія слова, характеризующія общее направленіе земской дѣятельности по народному образованію и предстоящіе земству на этомъ пути тормазы: «Въ Тверской губерніи въ 1884 году почти во всѣхъ уѣздахъ увеличились ассигновки на народное образованіе; число учащихся вездѣ увеличилось, хотя это въ большинствѣ школъ почти невозможно по недостатку помѣщеній и по составу учителей. Среднее число учениковъ въ земскихъ школахъ очень велико, и большинство ихъ переполнено учащимися. Особенно значительно среднее число учащихся въ Тверскомъ уѣздѣ, гдѣ оно доходитъ до 79 на каждую земскую школу. Число земскихъ школъ хотя увеличивается, но весьма медленно, несмотря на то, что сельскія общества постоянно ходатайствуютъ объ открытіи новыхъ школъ. На медленное развитіе начальнаго обученія и на нетвердую постановку его значительно вліяетъ общая шаткость положенія школьнаго дѣла и неувѣренность въ томъ, что добытые земствомъ восемнадцатилѣтнимъ трудомъ результаты, выработанный имъ путь развитія народной школы не подвергнутся извнѣ колебаніямъ и не вызовутъ противодѣйствія. Земству поневолѣ приходится выжидать того желаннаго дня, когда русская народная школа, съ такимъ трудомъ и усиліемъ поставленная на ноги, давшая уже замѣтные результаты, проникшая въ народъ, имъ признанная и уже дорогая ему, — перестанетъ быть предметомъ борьбы различныхъ направленій, стоящихъ совершенно внѣ русской жизни и не имѣющихъ въ ней никакихъ корней».

Здѣсь необходимо припомнить, что заслуги земства заключаются не только въ количественномъ и качественномъ развитіи народнаго образованія, но имѣютъ огромную нравственную цѣну и для всего русскаго общества. Эта сторона вопроса, конечно, не можетъ быть точно вычислена и выражена цыфрами, но значеніе ея въ исторіи развитія нашей родины не подлежитъ сомнѣнію. Наше русское общество, получивъ дарованныя ему въ 1865 году права самоуправленія, съ рѣдкимъ и горячимъ единодушіемъ признало, что обученіе грамотѣ и просвѣщеніе народныхъ массъ составляютъ долгъ всѣхъ и каждаго и являются необходимымъ и прочнымъ мостомъ, ведущимъ

отъ вѣка мрака и рабства чрезъ эпоху переходнаго времени къ будущему народному благосостоянію, свѣту и истинной свободѣ.

Служа этой высокой идеѣ, русское земство вызвало и пріумножило потребности населенія въ духовномъ хлѣбѣ и просвѣщеніи, дало всестороннее и разумное направленіе удовлетворенію этихъ потребностей, за двадцать пять лѣтъ своей жизни создало и выработало типы народной школы и сельскаго учителя и, нерѣдко находясь между Сциллой и Харибдой, не только не погубило интересовъ народнаго просвѣщенія, но сохранило до сего времени непоколебимую вѣру въ лучшее будущее для этого великаго народнаго дѣла. Обозрѣвая прошлое и настоящее земской дѣятельности по народному образованію, мы рѣшаемся утверждать безъ малѣйшаго сомнѣнія и колебанія, что земство не остановится на одномъ фундаментѣ созидаемаго имъ грандіознаго зданія и на полдорогѣ пройденнаго имъ пути, но будетъ продолжать далѣе двигать и развивать дѣло народнаго просвѣщенія, безъ котораго не могутъ быть ни успѣшными, ни прочными какъ всѣ прочія отрасли дѣятельности самого земства, такъ и хозяйственныя заботы и всестороннее движеніе впередъ всего русскаго народа и государства.

А. Тютрюмовъ.

Городскія и сельскія библіотеки и читальни для народа по свѣдѣніямъ „Петербургскаго комитета грамотности".

(Окончаніе).

Въ концѣ зимы 1888 года, однимъ изъ землевладѣльцевъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, были устроены въ своемъ имѣніи двѣ небольшія библіотеки для окрестнаго населенія. Одна изъ нихъ, въ селѣ Краснопольѣ, помѣщается у мѣстнаго крестьянина, и пользуется ею главнымъ образомъ населеніе села. Другая, помѣщающаяся на мызѣ, въ домѣ самого устроителя, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ первой—дѣтская. Потребность въ чтеніи и спросъ на книгу, по словамъ учредителя библіотекъ, очень большой. Въ библіотекѣ въ селѣ книгъ на лицо почти никогда не бываетъ: всѣ (около 150 названій) въ расходѣ. На хуторѣ, въ дѣтской библіотекѣ книгъ около 300 названій. Съ 12-го февраля 1888 г. по 12 іюня, за пять мѣсяцевъ, произведена выдача 471 лицу, каждому не менѣе 2 — 3 книгъ, а нѣкоторымъ по 6 и 7 книгъ. Въ лѣтнее время читаютъ значительно менѣе. Самый большой спросъ въ сельской библіотекѣ былъ на книги духовнаго содержанія: Евангелія, житія святыхъ и Священная исторія. Изъ свѣтскихъ-же болѣе другихъ брали разсказы Л. Толстого, Гоголя, Гаршина. Большою любовью пользовались «Ломоносовъ», разсказъ Некрасовой, и «Сократъ» изъ изданій Посредника; изъ естественно-историческихъ особенную популярность пріобрѣла книжка «Свѣтъ Божій».

Въ слободахъ: Сагуновѣ, Крипиченскѣ и Костомаровкѣ, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи, небольшія народныя библіотеки при мѣстныхъ земскихъ школахъ возникли, благодаря энергіи мѣстнаго учительскаго персонала. Острогожское уѣздное земское собраніе сессіи 1885 года, какъ гласило полученное по этому поводу учащими земское извѣщеніе, нашло полезнымъ способствовать откры-

тію народныхъ библіотекъ при тѣхъ школахъ, гдѣ найдутся мѣстныя средства для обзаведенія библіотекъ. Земство предлагало учащимъ изыскать средства и обратиться съ этою цѣлью къ сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ—съ просьбою о пожертвованіи на библіотеку. Благодаря энергіи учащихъ, кое-какія средства были собраны и присоединены къ тѣмъ грошамъ, которые отпустило на этотъ предметъ земство, и такимъ образомъ были открыты три народныхъ библіотеки *).

Стоимость библіотеки при Костомаровскомъ училищѣ опредѣляется всего въ 27 руб. съ копейками. Библіотечка эта пока удовлетворяла только, какъ могла, потребности учащихся. Изъ взрослыхъ грамотныхъ сельчанъ рѣшились обратиться къ ней всего двое. Фактъ этотъ, однако, объясняется не отсутствіемъ потребности въ книгѣ въ средѣ взрослаго крестьянства, а, главнымъ образомъ, неумѣлымъ отношеніемъ завѣдующаго библіотекою. Несомнѣнно, что библіотекарь народной библіотеки не можетъ ограничить свою роль только выдачею книгъ. Дѣятельность Тифлисской и другихъ городскихъ библіотекъ, какъ я упоминалъ выше, привела къ заключенію, что взрослый читатель изъ народа зачастую совѣстится приходить въ библіотеку. Это явленіе далеко не исключительное въ дѣятельности народныхъ библіотекъ. Очень многіе изъ числа отвѣчающихъ указываютъ на то, что той или иной школьной библіотекой пользовались взрослые читатели при прежнемъ учителѣ, но теперь, при новомъ учителѣ, не ходятъ. «Каждому мало-мальски внимательному деревенскому обывателю, какъ справедливо замѣчаетъ г. Яковлевъ въ своей замѣткѣ, о дѣятельности Крипиченской библіотеки **), извѣстно, что рядовой крестьянинъ при всякомъ новшествѣ сторонится этого новшества ***), и потому, чтобы библіотека, какъ учрежденіе новое, стало извѣстно крестьянскому обществу, учителю-библіотекарю нужно и должно изъ школьныхъ рамокъ выйти въ жизнь. Разъ этого условія на лицо не

*) О дѣятельности Крипиченской библіотеки, очень незначительной по размѣрамъ, свѣдѣній не имѣется.

**) Газета «Донъ» 1889 г., № 45.

***) Не объясняется-ли, хотя, быть можетъ, только отчасти, этимъ-же «новшествомъ» и предпочтеніе, оказываемое народомъ книгамъ религіозно-нравственнаго, беллетристическаго и историческаго содержанія. Книга научнаго характера для крестьянина представляетъ совершенную новость. Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, даваемыхъ дѣятельностью народныхъ библіотекъ, можно видѣть, что тѣ изъ читателей ихъ, которымъ по какой-нибудь счастливой случайности попадаются хорошія книги научнаго и утилитарнаго содержанія, начинаютъ ихъ брать все въ большемъ и въ большемъ числѣ.

было, библіотека всегда рискуетъ быть бездѣятельною, остаться неизвѣстною крестьянству. Библіотекарю необходимо нужно проявить иниціативу, постараться и самому заинтересоваться, и заинтересовать крестьянъ, а не оставаться при формальномъ только отношеніи къ такому жизненному дѣлу, какъ библіотека». Словомъ, отъ отношенія библіотекаря зависитъ почти весь успѣхъ дѣла привлеченія взрослаго крестьянина въ библіотеку.

Насколько успѣхъ библіотеки стоитъ въ зависимости отъ лица, завѣдующаго ею, можно видѣть хотя-бы изъ сообщенія инспектора школъ Уральскаго казачьяго войска. «Въ раскольничьихъ селеніяхъ, говоритъ въ своемъ отвѣтѣ комитету инспекторъ, чтеніе свѣтскихъ книгъ считается грѣхомъ, и населеніе ограничивается чтеніемъ старопечатныхъ книгъ при молельняхъ и на дому. Однако, опытнымъ и усерднымъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія учителямъ, при умѣньѣ заинтересовать, удается иногда заманить стариковъ и въ школу выслушать чтеніе. Если удалось склонить казаковъ переступить порогъ школы, что считается у старообрядцевъ грѣхомъ, и заинтересовать чтеніемъ, то въ скоромъ времени старики сами являются къ учителю, прося его прочесть имъ въ школѣ что-нибудь «складное». Удается такихъ упорныхъ стариковъ склонить не только къ посѣщенію школы и чтенію книгъ, но даже и къ пожертвованіямъ на школьную библіотеку и къ болѣе заботливому отношенію къ школьнымъ нуждамъ.

Такимъ образомъ, не малую долю тѣхъ отвѣтовъ, которые отрицаютъ въ мѣстномъ населеніи потребность въ книгѣ, надо отнести на счетъ руководителей библіотекъ.

То-же случилось и съ Костомаровскою библіотекою, вся дѣятельность которой, благодаря лишь этому обстоятельству, ограничилась школьной средой.

Третьей изъ упомянутыхъ выше библіотекъ, въ слободѣ Сагуни, болѣе посчастливилось. Библіотека существуетъ уже три года и содержалась сначала на совершенно случайные, и потому мало надежные источники. Въ 1888 году, однако, явился новый и болѣе постоянный источникъ существованія — ежегодное отчисленіе 10 руб. изъ общественныхъ суммъ. Къ 1890 г. библіотека имѣла 493 книги въ 354 названіяхъ, распредѣляющихся довольно равномѣрно между всѣми восемью отдѣлами библіотеки *). Библіотека выписываетъ и три пе-

*) А именно: 1) духовно-нравственныхъ 39 названій (86 экземпл.); 2) беллетристика—128 назв. (209 экз.); 3) исторія—47 назв. (62 экз.); 4) біографія—26 назв. (27 экз.); 5) естеств.—46 назв. (55 экз.); 6) географія—17 назв. (19 экз.); 7) земская служба и народное хозяйство—22 назв. (32 экз.), и 8) газеты и журналы—3 назв. (7 экз.).

ріодическихъ изданія. Какъ и предъидущія двѣ библіотеки, и эта въ первый годъ существованія ограничивала свою дѣятельность предѣлами школы и только въ послѣдніе два года новому лицу, замѣнившему прежняго завѣдующаго, удалось привлечь къ библіотекѣ и взрослыхъ изъ среды мѣстныхъ слободскихъ грамотѣевъ. Библіотечный годъ составляется изъ 11 мѣсяцевъ, а май мѣсяцъ посвящается провѣркѣ и приведенію въ порядокъ библіотечнаго имущества. Выдача книгъ производилась два раза въ недѣлю зимою и одинъ разъ въ неучебное время. Въ первый годъ всѣхъ обратившихся къ библіотекѣ за книгами было 73 человѣка, что составляло 14,54% *всего числа грамотныхъ слободы*, во второй уже обращаются къ библіотекѣ 210 человѣкъ или 41,83% грамотныхъ и, наконецъ, въ третій годъ дѣятельности—219 человѣкъ или 43,63%. Возростаніе числа читателей замѣчается главнымъ образомъ въ средѣ взрослыхъ читателей и бывшихъ учениковъ школы. Учащіеся составляютъ 46% числа читателей, бывшіе ученики 44% и около 10% взрослыхъ читателей изъ числа научившихся въ школѣ. Въ средѣ читателей есть и женщины, составлявшія во второй годъ дѣятельности библіотеки 23,52% всего числа читателей, а въ третій даже 32,79%, главнымъ образомъ, изъ числа окончившихъ курсъ школы. Все это число читателей сдѣлало 2.291 посѣщеніе библіотеки во второй годъ, воспользовавшись 2.521 книгами библіотеки, или, въ среднемъ, каждый изъ подписчиковъ въ свои 11 посѣщеній взялъ изъ библіотеки 12 книгъ, и въ третій годъ 1.976 посѣщеній и 2.305 книгъ, что составитъ на читателя 9 посѣщеній, въ среднемъ, около 10,5 книгъ. Уменьшеніе числа посѣщеній авторъ объясняетъ тѣмъ, что въ послѣдній годъ стали выдаваться для прочтенія не однѣ брошюры, но и болѣе толстыя по объему книги. Числа эти, распредѣленныя по мѣсяцамъ, подтверждаютъ болѣе или менѣе установленное уже положеніе, что читатель изъ народа читаетъ главнымъ образомъ въ зимнее болѣе досужее время, такъ что maximum посѣщеній и прочитанныхъ книгъ падаетъ на октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ, а minimum на остальные мѣсяцы года. Излюбленными книгами читателей Сагуновской библіотеки являлись, какъ и во всѣхъ другихъ библіотекахъ, книги изъ отдѣловъ духовно-нравственнаго и беллетристики. Книги историческаго содержанія, противъ обыкновенія, брались не особенно охотно. Спросъ на книги остальныхъ отдѣловъ въ общемъ не превышаетъ 8,5% всѣхъ требованій и, что́ интересно, проявилъ видимую тенденцію къ уменьшенію въ послѣдній

годъ дѣятельности библіотеки сравнительно съ спросомъ предшествующаго года.

Объясненіе такого явленія даетъ то обстоятельство, что завѣдующій библіотекою во второй годъ ея дѣятельности считалъ нужнымъ рекомендовать ту или иную книгу читателю, тогда какъ въ слѣдующій годъ предоставилъ выборъ книгъ самимъ читателямъ, которые, впрочемъ, и не проявляли особеннаго желанія получать совѣты въ выборѣ книгъ, являясь на этотъ годъ почти всегда уже съ опредѣленными требованіями. Очевидно, среди односельчанъ грамотѣевъ успѣлъ установиться уже опредѣленный взглядъ на ту или иную книгу библіотеки. Предоставленные себѣ, читатели повысили требованія на книги беллетристическаго и духовно-нравственнаго содержанія, уменьшивъ соотвѣтственно спросъ на книги другихъ отдѣловъ. Исключеніемъ являются только книги географическаго содержанія, требованія на которыя нѣсколько повысились, усилились также требованія на газеты и журнальный отдѣлъ.

Въ Сагуновской библіотекѣ собраны нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, при какой обстановкѣ производится чтеніе книжекъ крестьянами. Изъ 34 случаевъ, которые удалось наблюдать, въ четырехъ только констатировано чтеніе въ одиночку. Въ остальныхъ 30 случаяхъ чтеніе происходило въ семьѣ, иногда въ присутствіи и постороннихъ слушателей. Чтенія въ компаніи не замѣчалось ни разу. Семейное чтеніе въ томъ случаѣ, если въ семьѣ имѣется нѣсколько грамотныхъ, ведется по очереди и всегда сопровождается комментаріями того изъ присутствующихъ, который считаетъ это нужнымъ въ данную минуту. Чтеніе происходитъ обыкновенно въ осенніе и зимніе вечера, какъ въ праздники, такъ равно и въ будни. Изъ внѣ-земскихъ губерній о существованіи народныхъ библіотекъ есть извѣстіе только изъ Подольской губ., гдѣ онѣ стали возникать, благодаря содѣйствію инспектора народныхъ училищъ 1-го района. Въ вѣдѣніи инспектора существуютъ двѣ народныхъ библіотеки, устроенныя «Кіевскимъ обществомъ грамотности». Одна, Кирилло-Меѳодіевская, въ Каменецкомъ уѣздѣ, въ м. Городнѣ, пріютившаяся въ церковной сторожкѣ, и другая—въ Могилевскомъ уѣздѣ, въ мѣст. Лучинцѣ, въ домѣ мѣстнаго землевладѣльца. Кромѣ того, для взрослыхъ-же крестьянъ устроены инспекторомъ, на счетъ остаточныхъ суммъ отъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ тѣхъ-же уѣздахъ двѣ библіотеки при училищахъ. Было проектировано въ прошломъ году открытіе еще семи народныхъ библіотекъ при сельскихъ школахъ, на что уже и ассигнованы сельскими обществами необходимыя суммы.

Я думаю, что мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что приводимыя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ еще лишній разъ, что въ грамотномъ народѣ сказывается несомнѣнно потребность въ книгѣ и что вкусы и традиціи народные въ этой области останавливаютъ исключительное вниманіе народа на книгахъ характера религіозно-нравственнаго, беллетристическаго и историческаго. Послѣднее, однако, подтверждается далеко не въ той степени, какъ привыкли это думать: народъ далеко не чуждается и книгъ характера научнаго и утилитарнаго. По крайней мѣрѣ, выборъ читателей тѣхъ сельскихъ библіотекъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, распредѣляется довольно равномѣрно между всѣми отдѣлами библіотекъ. Равномѣрность эта въ особенности ярко выступаетъ по сравненію съ тѣмъ, что читаетъ городской читатель, не только «изъ народа», но даже и болѣе интеллигентный.

Среднія цифры на требованія того или иного характера книгъ, выведенныя изъ данныхъ о дѣятельности нѣсколькихъ сельскихъ и городскихъ библіотекъ, даютъ нѣкоторое право на такое заключеніе *).

	Процентное отношеніо требованій по отдѣдамъ:			
	беллетр.	рел.-нрав.	историч.	научн.
Сельскія народныя библіотеки	50	22	15	13
Городскія народныя библіотеки.	83,38	1,28	3,18	2,56+9,4 **)
Городскія библіотеки для интеллигенціи ***)	83,4	около 10		

Очевидно, такимъ образомъ, что требованія сельскаго читателя распредѣлены между отдѣлами библіотекъ гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ

*) Строго говоря, эти цыфры не совсѣмъ точно выражаютъ относительную разницу въ чтеніи книгъ историческаго и беллетристическаго содержанія читателями первыхъ двухъ категорій библіотекъ сравнительно съ спросомъ на эти отдѣлы въ библіотекахъ для интеллигенціи; въ послѣднихъ—отдѣлъ исторіи составляютъ книги исключительно научнаго характера, тогда какъ въ народныхъ библіотекахъ этотъ отдѣлъ пополняется не мало и исторической беллетристикой.

**) 9,4% требованій на такіе отдѣлы научнаго содержанія книгъ, которыми, по ихъ малодоступности (философія, педагогика, языкознаніе, критика и пр.), вѣроятно, пользовались болѣе интеллигентные читатели этихъ городскихъ библіотекъ.

***) Среднія цыфры изъ дѣятельности трехъ городскихъ публичныхъ библіотекъ: Житомірской, Воронежской и Орловской (Вятской губ.).

у городскаго читателя, и такое заключеніе, мнѣ кажется, способно, если подтвердится и въ будущемъ, не мало умѣрить основательность тѣхъ сѣтованій, какія до сихъ поръ раздавались относительно характера народнаго чтенія, ставящихъ въ вину народу односторонность его вкусовъ.

Эти данныя способны, несомнѣнно, только порадовать за серьезность отношенія деревенскаго читателя къ чтенію и даютъ поводъ даже поставить его въ примѣръ не малому числу читателей изъ болѣе культурныхъ слоевъ общества. Правда, требованія на послѣдніе отдѣлы библіотекъ все-же стоятъ ниже требованій на первые, но это явленіе надо признать совершенно нормальнымъ. Надо принять при этомъ во вниманіе, что повышенный размѣръ требованій на первые отдѣлы можетъ, наконецъ, быть до извѣстной степени невольнымъ и стоять въ зависимости не только отъ вкусовъ читателя, но и отъ того книжнаго матеріала, который предлагается литературою и библіотеками. Бѣдность выбора и неудовлетворительность содержанія научныхъ отдѣловъ должны, несомнѣнно, склонять читателя на сторону книгъ первыхъ отдѣловъ библіотеки.

Я уже имѣлъ поводъ указывать, что сама библіотека является до извѣстной степени пропагандисткою книгъ исключительно беллетристическаго характера. Въ этомъ случаѣ, однако, книжный составъ сельскихъ народныхъ библіотекъ значительно смягчаетъ такую причину вліянія на выборъ книгъ читателемъ, являясь болѣе равномѣрно распредѣленнымъ между всѣми отдѣлами библіотеки.

	Книжный составъ библ. въ процентахъ по отдѣламъ: беллетр.	духов.-нрав.	историч.	научн.
Городскія народныя библіотеки *)	58,50	12,74	8,5	20,5
Сельскія народныя библіотеки	32,35	23,05	13,85	30,7

Всѣ эти данныя довольно удовлетворительно, какъ мнѣ кажется, рѣшаютъ вопросъ и говорятъ за то, что установившійся размѣръ требованій на книги научнаго содержанія—явленіе совершенно естественное и временное. Причина его лежитъ отчасти внѣ читателя, а потому и не за горами то время, когда чтеніе книгъ научнаго характера займетъ во вкусахъ народнаго грамотѣя подобающее ему мѣсто.

*) Какъ въ предшествующей таблицѣ, такъ и въ этой взяты среднія цыфры изъ четырехъ городскихъ библіотекъ: Одесской, Тифлисской и двухъ Петербургскихъ читаленъ и четырехъ сельскихъ: Орловскихъ, Сагуновской и Марковской.

Выборъ книгъ того или иного характера зависитъ несомнѣнно и отъ возраста читателя, на что можно встрѣтить нѣкоторыя указанія въ дѣятельности народно-школьныхъ библіотекъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губ.

ВЗЯТО КНИГЪ.	% отношеніе ко всему числу прочитанныхъ книгъ:			
	беллетр.	духов.-прав.	историч.	ест.-историч. и пр.
1) учащимися	33,43	17,78	11,4	4,14
2) бывшими учениками. . .	35	12,8	13,4	5,8
3) взрослыми читателями. .	26	33	11	6,3

Такимъ образомъ, средній возрастъ юноши понижаетъ требованіе на духовно-нравственныя книги, повышая на всѣ остальные отдѣлы. Взрослые берутъ болѣе всего книги духовно-нравственнаго содержанія, понижая требованія на беллетристику и исторію, но нѣсколько усиливаютъ чтеніе книгъ научныхъ отдѣловъ. Послѣднее мѣсто все-же остается за книгами естественно-историческаго отдѣла, хотя съ возрастомъ читателя требованія на книги научнаго содержанія относительно возрастаютъ.

Всѣ эти данныя въ большей или меньшей степени подтверждаются и свидѣтельствомъ многихъ изъ числа корреспондентовъ комитета грамотности.

Что касается до книгъ беллетристическаго характера, то нельзя не отмѣтить рѣзко обращающаго на себя вниманіе предпочтенія, отдаваемаго народнымъ читателемъ произведеніямъ Л. Толстого, требованія на которыя во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ стоятъ на первомъ планѣ. Надо думать что причины такого предпочтенія, помимо высокой художественности произведеній Л. Толстого, лежатъ въ тѣхъ темахъ этическаго характера, которыя затрогиваются великимъ писателемъ въ его народныхъ разсказахъ, благодаря чему эти разсказы, по своему содержанію, приближаются къ произведеніямъ религіозно-нравственнаго характера. Искать поучительнаго въ книгѣ—въ традиціяхъ народа.

Требованія на произведенія другихъ отечественныхъ писателей, какъ я уже и указывалъ, стоятъ почти въ полномъ соотвѣтствіи съ талантливостію писателя. Нельзя при этомъ оставлять безъ вниманія, что разсказы и повѣсти, изданные спеціально для народа, читателямъ болѣе начитаннымъ начинаютъ, такъ сказать, набивать оскомину. Противъ такихъ книжекъ являются попытки протеста, мѣстами даже отказываются брать такія брошюры. Тѣ-же расказы, хотя-бы Л. Толстого, Тургенева и др., въ собраніяхъ сочиненій читаются охотнѣе, чѣмъ въ брошюрахъ, изданныхъ спеціально для народа. Усиливается

спросъ на «толстыя» книги. Наши лубочники несомнѣнно раньше другихъ уже подмѣтили это явленіе и, конечно, не преминутъ «удовлетворить» по своему такое новое требованіе грамотнаго читателя изъ народа. Надо, можетъ быть, ожидать появленія въ народной книжной торговлѣ такого «товара», который до сихъ поръ былъ, славу Богу, мало доступенъ народу. Я разумѣю здѣсь ту легкую, такъ-называемую, «бульварную» литературу, какъ переводную, такъ и оригинальную, которая имѣетъ такое громадное распространеніе среди читателей не изъ простаго народа. «Легкое чтеніе», говорятъ, служитъ хорошей ступенью въ переходѣ къ болѣе серьезной художественной и научной литературѣ. Мы склонны думать, однако, что существуютъ литературныя произведенія такого сорта, переходъ отъ которыхъ къ болѣе серьезному чтенію не только не облегчается чтеніемъ этихъ произведеній, но, напротивъ, дѣлаетъ серьезную книгу рѣшительно недоступной для усерднаго читателя ихъ. Существуютъ, какъ извѣстно, произведенія, весь интересъ которыхъ разсчитанъ на раздраженіе и безъ того уже нездоровыхъ нервовъ читателя и оставляющія мысль его въ полномъ бездѣйствіи. Въ результатѣ отъ такого чтенія получается полная невозможность одолѣть хотя-бы самое популярно-изложенное произведеніе болѣе серьезнаго содержанія. Чтеніе такихъ, съ позволенія сказать, литературныхъ произведеній въ корень подрываетъ способность, *читая—мыслить*, развращаетъ вкусъ и дѣлаетъ читателя совершенно неспособнымъ къ самообразованію путемъ чтенія. Оборони Богъ народъ отъ произведеній подобной литературной стряпни!

Я исчерпалъ весь матеріалъ, даваемый корреспондентами *). Матеріалъ этотъ не великъ, свѣдѣнія не богаты, но онъ, къ сожалѣнію, стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ бѣдностью и незначительностью, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ тѣхъ учрежденій, которыя служатъ предметомъ моего сообщенія. Но это обстоятельство не должно приводить въ смущеніе, если мы вспомнимъ, что народная библіотека только что народилась: ни одна изъ нихъ не насчитываетъ болѣе пяти лѣтъ своего существованія. Какъ ни какъ, учрежденіе народныхъ библіотекъ знаменуетъ уже начало втораго періода въ дѣлѣ народнаго образованія, которому наступилъ чередъ въ нѣкоторыхъ счастливыхъ уголкахъ Россіи. Не надо забывать, что какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ тому назадъ нельзя было и

*) Корреспондентами комитета сообщаются свѣдѣнія еще объ одной категоріи сел. библіотекъ, доступныхъ взрослому читателю изъ народа, о такъ-называемыхъ «народно-школьныхъ библіотекахъ», но свѣдѣнія о дѣятельности такихъ библіотекъ уже значительно богаче и заслуживаютъ спеціальной обработки.

думать о возможности и нужности существованія народныхъ библіотекъ; теперь-же со всѣхъ сторонъ Россіи то и дѣло приходятъ вѣсти объ открытіи такихъ учрежденій. Какъ ни бѣдна каждая изъ библіотекъ, она все-же внесетъ въ обиходъ деревни массу матеріала для народной мысли. Народная читальня, такъ скромно начинающая свое плодотворное дѣло, несомнѣнно съ годами выростетъ въ учрежденіе, способное принести громадную пользу въ дѣлѣ народнаго образованія. Примѣръ тому подаетъ исторія читаленъ въ Западной Европѣ. Въ Англіи рабочее населеніе обязано своимъ образованіемъ почти исключительно народнымъ читальнямъ, покрывающимъ нынѣ сѣтью всю страну. Правда, тамъ подъ именемъ народныхъ читаленъ оперируютъ учрежденія, задающіяся гораздо болѣе широкими цѣлями, чѣмъ могутъ преслѣдовать наши библіотеки, но и они первоначально имѣли въ виду сравнительно болѣе скромныя цѣли—удовлетворять потребность своихъ членовъ въ хорошей книгѣ. Такія-же читальни, какъ извѣстно, существуютъ повсюду въ Германіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и отчасти во Франціи. Россія начинаетъ еще скромнѣе, но отчего-же не утѣшать себя надеждою, что и мы, при параллельномъ развитіи школъ и размноженіи грамотныхъ, покроемъ наше отечество сѣтью народныхъ читаленъ, и тогда онѣ, въ связи съ другими учрежденіями внѣшкольнаго образованія народа, разовьютъ и укрѣпятъ въ немъ потребность въ наукѣ, въ знаніи. Тогда скромная работа интеллигента перейдетъ въ могучія руки самого народа и борьба съ невѣжествомъ сдѣлается достояніемъ печальнаго прошлаго.

Называя работу интеллигента «скромной», я хочу сказать, что открытіе, между прочимъ, и народныхъ библіотекъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ частной инициативѣ, можно назвать только попытками отдѣльныхъ доброжелательныхъ лицъ, трудящихся на пользу народнаго образованія и пытающихся по своимъ силамъ заполнить пропасть народнаго невѣжества. Къ сожалѣнію, какъ-бы эта частная инициатива ни была сильна, сколько-бы ни давала плодотворныхъ результатовъ, она все-же, конечно, совершенно безсильна сдѣлать что-либо замѣтное въ великомъ и необъятномъ вопросѣ народнаго просвѣщенія. Русь не безъ добрыхъ людей, только и можно сказать на это, но оказать серьезное вліяніе на рѣшеніе вопроса эти отдѣльныя попытки врядъ-ли могутъ. Остается пожелать, чтобы государство взяло на себя хотя-бы только облегчить дѣло такихъ предпріятій и освободило путемъ законодательнымъ отъ тѣхъ путъ, которыми сопровождается у насъ всякое начинаніе въ сферѣ внѣ-школьнаго народнаго образованія. Притомъ существующія условія

полны противорѣчій. То, что въ одномъ концѣ Россіи безусловно воспрещается,—въ другомъ допускается и даже поощряется. Такъ, напр., въ цѣломъ рядѣ разрѣшеній, даваемыхъ на открытіе «народно-школьныхъ» библіотекъ встрѣчается оговорка: «въ помѣщеніи школы чтенія отнюдь не разрѣшаются». Очевидно, такою оговоркою, предполагалось устранить какое-либо значительное зло, которое, по мнѣнію законодателя, предполагалось при чтеніи въ помѣщеніи школы. Но вотъ въ отвѣтахъ директоровъ народныхъ училищъ Западнаго края встрѣчаемъ заявленіе, что чтеніе книгъ и газетъ происходитъ въ помѣщеніи школъ, въ присутствіи учащихъ, и такой порядокъ властью одобряется и поощряется какъ несомнѣнно полезный. Другой примѣръ: просьба объ открытіи библіотеки въ селѣ Марковѣ не только разрѣшается, но даже Министерство Народнаго Просвѣщенія выдаетъ 125 р. на первое обзаведеніе. Вмѣстѣ съ этимъ видимъ цѣлый рядъ послѣдовавшихъ отказовъ на просьбы объ открытіи подобныхъ учрежденій.

Другимъ тормазомъ, возникающимъ уже тогда, когда библіотекѣ посчастливилось пройти благополучно черезъ всѣ сциллы и харибды, окружающія ея рожденіе, является ограниченіе права выбора книгъ только изъ числа получившихъ одобрительную санкцію Ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Надо стоять непосредственно у дѣла, чтобы понять, какою тяжестью на развитіе дѣятельности народныхъ библіотекъ ложится такое ограниченіе *).

Думаю, что я выскажу мысль всѣхъ просвѣщенныхъ печальниковъ народнаго невѣжества, если пожелаю, чтобы пришло скорѣе то время, когда всякое начинаніе въ сферѣ народнаго образованія ограничивалось-бы обязательствомъ простаго заявленія власти о намѣреніи открыть то или другое учрежденіе и только обязательствомъ подчиняться государственному контролю и представлять періодически, куда слѣдуетъ, отчеты о дѣятельности. Какъ такое желаніе ни скромно, но оно казалось-бы верхомъ благополучія сравнительно съ существующими порядками и обрядностями, которыми обставлена теперь у насъ частная инициатива. Но тѣмъ съ большею энергіей, конечно, должна она проявляться, объединившись и обратившись въ общественную инициативу—единственно способную рѣшить вопросъ народнаго просвѣщенія въ размѣрахъ государственныхъ. Какъ свѣдѣнія, даваемыя

---

*) Собраніе комитета грамотности рѣшило войти черезъ Императорское Вольно-Экономическое Общество съ ходатайствомъ объ облегченіи существующихъ условій открытія и дѣятельности народныхъ библіотекъ.

корреспондентами комитета ни скудны, но надо думать, что онѣ даютъ почти полный списокъ существующихъ нынѣ народныхъ библіотекъ. Открытіе такихъ библіотекъ, повторяемъ, явленіе еще, такъ сказать, вчерашняго дня и служитъ указаніемъ нарождающейся потребности и нѣкоторыхъ попытокъ дать удовлетвореніе насущной нуждѣ городскаго грамотѣя или той, еще пока рѣдкой, русской деревни, которой выпалъ на долю счастливый жребій имѣть школу и дать своему молодому поколѣнію возможность получить на свою долю хотя-бы крупицы того счастія, которое зовется знаніемъ. Знаніе рождаетъ жажду къ новому и большему знанію. Какъ-же ихъ дать народу? Какъ пріобщить народъ къ тѣмъ благамъ прогресса, которыя служатъ и будутъ неизмѣнно служить, пока живъ будетъ человѣкъ, неизсякаемымъ источникомъ истиннаго счастія, возможности пить изъ котораго, выражаясь высокимъ слогомъ, такъ долго былъ лишенъ народъ? По экономическимъ и инымъ условіямъ жизни народа, масса его еще надолго будетъ лишена тѣхъ средствъ, которыми достигаютъ этого другіе общественные слои. Самообразованіе—тотъ единственный путь, который доступенъ пока народу. Но путь этотъ тяжелъ, и дѣло той части общества, которая волею судебъ стоитъ у источника, научить и помочь напиться изъ него и народу, и тогда, по выраженію поэта,

«Русь подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая».

И, можетъ быть, дѣйствительно оправдаются слова Лавеле: «Россія превзойдетъ своимъ могуществомъ всѣ государства въ мірѣ».—Но отъ нѣсколькихъ десятковъ библіотекъ на всю «рать неисчислимую» до исполненія пророчества Лавеле—дистанція огромнаго размѣра.

В. Девель.

О желательныхъ измѣненіяхъ въ программахъ преподаванія въ городскихъ училищахъ *).

31 мая 1892 года исполнится ровно 20 лѣтъ съ того дня, когда было Высочайше утверждено положеніе о городскихъ училищахъ. Разница между новыми училищами и уѣздными, которыя должны были уступить имъ свое мѣсто, заключалась, главнымъ образомъ, въ системѣ преподаванія. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ этой системѣ, въ настоящей замѣткѣ мы укажемъ на другіе недостатки городскихъ училищъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что программы ихъ совершенно не приноровлены къ программахъ начальныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Ученики послѣднихъ, окончивъ курсъ, могутъ поступить только въ 1-е отдѣленіе II класса трехкласснаго городскаго училища **), потому что въ этомъ отдѣленіи уже преподаются такіе предметы, какъ геометрія, отечественная исторія, родиновѣдѣніе и естествовѣдѣніе, хотя, конечно, въ самомъ элементарномъ видѣ. Такимъ образомъ, ученики, поступающіе изъ окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ, приравниваются къ ученикамъ, перешедшимъ изъ 2-го отдѣленія I класса. Между тѣмъ послѣдніе гораздо слабѣе ихъ, потому что учились лишь два года, при чемъ и ежедневно занимались въ училищѣ меньше, чѣмъ ученики начальныхъ школъ ***).

*) Въ №№ 7—8 «Русской Школы» 1891 г. мы помѣстили замѣтку г. Д—рева «Къ вопросу о замѣнѣ классной системы преподаванія предметной въ городскихъ училищахъ». Давая мѣсто настоящей замѣткѣ, а также имѣя въ виду помѣщеніе другой статьи о тѣхъ-же училищахъ, уже имѣющейся въ распоряженіи редакціи, мы тѣмъ самымъ желаемъ обратить вниманіе на нужды этихъ заведеній, высказываемыя ихъ представителями. *Ред.*

**) Говоря о классахъ и отдѣленіяхъ, я буду постоянно имѣть въ виду трехклассныя городскія училища.

***) Въ 1 классѣ городскаго училища бываетъ ежедневно 3 урока, изъ которыхъ одинъ постоянно удѣляется на Законъ Божій, въ начальныхъ-же училищахъ—4 урока, при чемъ Законъ Божій преподается не каждый день.

Въ тѣхъ городскихъ училищахъ, въ 1-е отдѣленіе II класса которыхъ поступаетъ много новичковъ изъ начальныхъ училищъ,—а это бываетъ въ большинствѣ городскихъ училищъ, — многіе изъ учениковъ, перешедшихъ изъ 2-го отдѣленія I класса, вынуждены оставаться на второй годъ, такъ какъ имъ не подъ силу тягаться съ болѣе подготовленными товарищами. При этомъ не нужно забывать и того обстоятельства, что они переходятъ въ 1-е отдѣленіе II класса лѣтъ 9—10 (по закону, въ 1-е отдѣленіе можно принимать семилѣтнихъ), тогда какъ изъ начальныхъ училищъ ученики поступаютъ туда-же лѣтъ 11—12, и уже вслѣдствіе одного этого они оказываются болѣе развитыми.

Съ этимъ недостаткомъ городскихъ училищъ никакъ нельзя примириться и его непремѣнно нужно устранить. Самое лучшее, по нашему мнѣнію, было-бы закрыть I-ый классъ совсѣмъ, оставивъ только 4-е старшихъ отдѣленія; въ Петербургѣ, напримѣръ, во всѣхъ городскихъ училищахъ, кромѣ образцоваго при Учительскомъ институтѣ, I-го класса нѣтъ. Если-же мѣра эта будетъ признана слишкомъ рѣзкой, то устранить указанный недостатокъ до нѣкоторой степени можно было-бы еще слѣдующимъ образомъ: 1) не принимать въ 1-е отдѣленіе I-го класса дѣтей моложе 8-и лѣтъ; 2) увеличить въ I-мъ классѣ число уроковъ по чтенію и письму; 3) сократить программы 1-го отдѣленія II класса и 4) дать возможность лучшимъ ученикамъ начальныхъ училищъ прямо поступать во 2-е отдѣленіе II класса.

Въ общемъ, учебный матеріалъ, изучаемый нынѣ въ городскихъ училищахъ, можно-бы признать вполнѣ пригоднымъ, еслибъ были сокращены программы по естествовѣдѣнію во II классѣ, гдѣ, какъ извѣстно, проходится курсъ описательной зоологіи, ботаники и минералогіи, при чемъ ученики обязаны изучить цѣлую массу представителей трехъ царствъ природы. Намъ кажется, что если-бы этотъ курсъ сократить даже на половину, то и тогда это не причинило-бы никакого ущерба умственному развитію учащихся.

Что касается до распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ и отдѣленіямъ, то его нельзя признать особенно удачнымъ. Въ 1-мъ отдѣленіи II класса, напримѣръ, сразу прибавляются четыре новыхъ предмета (выше они перечислены), не считая еще черченія съ рисованіемъ. Очень рѣзокъ также переходъ отъ 2-го отдѣленія II класса къ 1-му отдѣленію III класса. Кромѣ того, для нѣкоторыхъ предметовъ было-бы необходимо измѣнить число уроковъ.

Наши пожеланія относительно постановки каждаго изъ предметовъ учебнаго курса городскихъ училищъ сводятся къ нижеслѣдующему:

*

Законъ Божій. Въ I-мъ классѣ число уроковъ по этому предмету можно было-бы, по нашему крайнему разумѣнію, нѣсколько сократить. Это тѣмъ болѣе необходимо, что уроковъ чтенія и письма въ томъ-же классѣ далеко недостаточно. Курсъ 1-го отдѣленія II класса черезчуръ непосиленъ для учащихся: проходить тутъ Священную исторію Ветхаго завѣта въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній положительно невозможно. Курсъ 2-го отдѣленія II класса, а именно Священная исторія Новаго завѣта, много легче. Не лучше-ли было-бы въ городскихъ училищахъ нѣсколько сократить курсъ Священной исторіи? Тогда можно было-бы во 2-мъ отдѣленіи II класса повторять также курсъ 1-го отдѣленія, что придавало-бы курсу Священной исторіи большую законченность. Курсъ 1-го отдѣленія III класса очень труденъ: приходится, при 2-хъ урокахъ, пройти два учебника (по исторіи христіанской церкви и богослуженію), то-же почти въ объемѣ гимназическаго курса. Въ 2-мъ отдѣленіи III класса новымъ учебнымъ матеріаломъ является одинъ краткій катехизисъ, за-то идетъ повтореніе курса предыдущихъ трехъ лѣтъ.

Русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе. Въ I-мъ классѣ 8-ми уроковъ на эти предметы недостаточно; слѣдовало-бы прибавить еще два урока. Знакомить учениковъ 2-го отдѣленія I класса съ правильными формами церковно-славянскихъ склоненій и спряженій, какъ это теперь требуется программой, слишкомъ преждевременно. Постановка-же русскаго языка во II классѣ вполнѣ удовлетворительна. Тутъ уже можно проходить церковно-славянскую грамматику, но во всякомъ случаѣ не по учебнику, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ училищахъ, и притомъ уже послѣ того, какъ ученики нѣсколько освоятся съ грамматикой русскаго языка; напримѣръ, въ концѣ учебнаго года въ 1-мъ отдѣленіи II класса ученики уже могутъ знакомиться съ различными формами церковно-славянскаго языка на грамматическомъ разборѣ, по аналогіи съ соотвѣтствующими формами русскаго языка. Не только церковно-славянскую, но и русскую грамматику во II классѣ лучше проходить безъ учебника. Въ III классѣ 4-хъ уроковъ для русскаго и церковно-славянскаго языковъ очень мало. Тутъ слѣдовало-бы назначить на эти предметы какъ можно больше уроковъ, чтобы ученики, на ряду съ грамматикой, познакомились хотя-бы съ нѣкоторыми изъ лучшихъ произведеній тѣхъ писателей, біографіи которыхъ изучаются ими. Теперь-же это дѣло совершенно невыполнимое. Можно только посовѣтовать тѣмъ учителямъ, которые особенно дорожатъ развитіемъ своихъ учениковъ, устраивать съ ними литературныя чтенія по праздникамъ.

Ариѳметика. Курсъ I-го класса теперь ограничивается первой сотней. Думается, что вмѣстѣ съ обстоятельнымъ прохожденіемъ этого курса очень не мѣшаетъ научить учениковъ хотя-бы только считать до 1.000 и даже далѣе, тѣмъ болѣе, что это не стоитъ почти никакого труда. Нѣтъ никакого основанія для того, чтобы ученики 1-го отдѣленія II-го класса изучали только дѣйствія надъ числами до 1.000 (какъ это требуется теперешней программой), если даже въ начальныхъ училищахъ ученики успѣваютъ познакомиться съ производствомъ дѣйствій надъ числами любой величины. Курсъ этого отдѣленія по ариѳметикѣ слѣдуетъ расширить и сравнять, по крайней мѣрѣ, съ курсомъ начальныхъ училищъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи этотъ курсъ постоянно будетъ повторяться на задачахъ, такъ какъ новаго матеріала прибавится очень мало—всего лишь, такъ-называемый, элементарный курсъ дробей. Въ III-мъ классѣ число уроковъ по ариѳметикѣ можно было-бы нѣсколько сократить.

Геометрія. Приготовительный курсъ геометріи, который проходится во II-мъ классѣ, можно считать почти совершенно излишнимъ; всякому свѣжему человѣку онъ долженъ показаться очень мелочнымъ. Начинать-же преподаваніе геометріи прямо слѣдуетъ съ III-го класса, гдѣ на нее, вмѣстѣ съ черченіемъ и рисованіемъ, отводится 6 уроковъ; этого времени болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы усвоить курсъ геометріи въ такомъ объемѣ, въ какомъ онъ требуется теперешними программами.

Исторія. Проходить курсъ отечественной исторіи, хотя-бы и біографическій, съ учениками 1-го отдѣленія II-го класса, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ, потому что ученики совсѣмъ не подготовлены по географіи. Гораздо лучше начать преподаваніе русской исторіи со 2-го отдѣленія этого класса, при чемъ ученики въ 1-мъ отдѣленіи должны непремѣнно получать нѣкоторую подготовку по географіи Россіи. При этомъ одного урока для исторіи будетъ уже недостаточно, а нужно назначить, по меньшей мѣрѣ, два урока. Въ III-мъ классѣ русская исторія проходится въ связи со всеобщей. До сихъ поръ нѣтъ ни одного хорошаго учебника исторіи для городскихъ училищъ; всѣ существующіе учебники наполнены главнымъ образомъ описаніемъ войнъ. Вообще-же мы смѣемъ думать, что правильная постановка этого предмета въ городскихъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, едва-ли возможна. Этому могутъ помѣшать, кромѣ отсутствія хорошаго учебника, сравнительно невысокая степень развитія учениковъ и недостатокъ времени.

Географія. Курсъ 1-го отдѣленія II-го класса по этому предмету

слѣдуетъ значительно расширить, чтобы въ слѣдующемъ отдѣленіи ученики могли приступить къ изученію отечественной исторіи, для чего имъ необходимо знать важнѣйшіе факты изъ географіи своего отечества. Поэтому, вмѣсто 1 урока, слѣдуетъ въ этомъ отдѣленіи назначить на географію урока три *). Во 2-мъ отдѣленіи можно ограничиться повтореніемъ этого курса, развѣ только немного расширивъ его свѣдѣніями изъ математической и физической географіи. Для послѣдней цѣли можно воспользоваться прекрасной «Замѣткой о постановкѣ курса географіи въ І-мъ классѣ» (средн. учебн. зав.) Ю. Симашка **). Выше мы уже сказали, что лучшихъ учениковъ начальныхъ училищъ можно принимать прямо во 2-е отдѣленіе II-го класса. Вотъ для нихъ-то и необходимо будетъ повтореніе курса 1-го отдѣленія по географіи, а также по Закону Божію и естествовѣдѣнію. Для III-го класса городскихъ училищъ до сихъ поръ не появилось хорошаго учебника, вслѣдствіе чего ученикамъ приходится пользоваться руководствами, составленными для среднихъ учебныхъ заведеній, что̀ въ высшей степени неудобно. Одного урока на географію въ этомъ классѣ мало.

Естествовѣдѣніе. Курсъ II-го класса по естествовѣдѣнію, какъ мы уже говорили, слишкомъ обширенъ, притомъ онъ очень однообразенъ, поэтому его не мѣшало-бы значительно сократить. Самое лучшее, если-бы въ этомъ классѣ ученики изучали различные предметы природы путемѣ наблюденія ихъ, а не по учебникамъ. Зачѣмъ, напримѣръ, читать ученику по книжкѣ описаніе различныхъ домашнихъ животныхъ или огородныхъ, садовыхъ и полевыхъ растеній, когда ему на каждомъ шагу приходится встрѣчать ихъ? Вполнѣ достаточно, кажется, лишь пріучить ученика къ стройному, систематичному перечисленію характерныхъ признаковъ различныхъ представителей трехъ царствъ природы, обратить его вниманіе на пользу или вредъ отъ нихъ, а также на образъ жизни, если дѣло касается животныхъ и растеній. Неужели-же для этого постоянно необходимъ учебникъ? По крайней мѣрѣ, относительно 1-го отдѣленія можно смѣло сказать, что тутъ учебникъ почти не нуженъ, развѣ только при изученіи минералогіи. Во 2-мъ-же отдѣленіи учебникъ уже необходимъ, потому что тутъ ученики знакомятся, между прочимъ, съ такими животными, растеніями и минералами, которыхъ въ нашемъ отечествѣ

---

*) На исторію и географію мы отводимъ во II-мъ классѣ три урока, которые въ 1-мъ отдѣленіи всѣ должны-бы идти на одну географію.

**) «Педагогическій сборникъ», 1889, январь.

или совсѣмъ нѣтъ, или-же они встрѣчаются весьма рѣдко. Но такихъ учебниковъ естественной исторіи, которые не изобиловали-бы излишними подробностями и были доступны по цѣнѣ, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не появлялось.

Гораздо важнѣе учебниковъ различныя пособія: коллекціи, гербаріи, модели, картины и т. п. И городскія училища не должны скупиться на пріобрѣтеніе ихъ.

Для изученія ботаники необходимо съ учениками II-го класса дѣлать экскурсіи, между тѣмъ въ городскихъ училищахъ ихъ совсѣмъ не устраиваютъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что училище обыкновенно находится въ центрѣ города, и рѣдко гдѣ имѣется по близости мѣсто для такихъ экскурсій, отчасти-же тѣмъ, что II-й классъ въ большинствѣ училищъ бываетъ очень многолюденъ, заниматься-же приходится одному учителю одновременно съ обоими отдѣленіями *). Заниматься гдѣ-нибудь въ лѣсу или саду съ этими двумя отдѣленіями, если въ нихъ человѣкъ 70—80, положительно немыслимо. Прекраснымъ дополненіемъ къ прохожденію курса естественной исторіи можетъ служить классное чтеніе такихъ книгъ, какъ «Мірскіе захребетники» и «Изъ жизни русской природы» М. Богданова, или книгъ Д. Кайгородова: «Изъ зеленаго царства», «Изъ царства пернатыхъ» и др.

Курсъ 1-го отдѣленія II-го класса легко можно повторить во 2-мъ отдѣленіи, когда приходится проходить о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ одного и того-же вида или рода съ тѣми, которые уже изучались въ 1-мъ отдѣленіи.

Курсъ III-го класса, въ особенности по физикѣ, гораздо интереснѣе. Даже отъ плохихъ учениковъ намъ приходилось слышать, что ихъ больше всего интересуютъ физика и естественная исторія.

О *рисованіи*, *пѣніи* и *гимнастикѣ* можно сказать, что теперь эти предметы находятся въ полномъ пренебреженіи. Военная гимнастика въ городскихъ училищахъ едва-ли завоюетъ себѣ почетное мѣсто. Этому помѣшаетъ, кромѣ недостатка времени, отсутствіе въ большинствѣ училищъ удобныхъ помѣщеній для гимнастическихъ упражненій въ зимнее время. Во многихъ училищахъ нѣтъ рекреаціонной залы, вслѣдствіе чего зимой гимнастика производится въ классахъ, а при такихъ условіяхъ отъ нея скорѣе можно ожидать вреда, чѣмъ пользы.

Что касается *черченія* и *рисованія*, то теперь, когда классная си-

---

*) Большинство городскихъ училищъ трехклассныя: 1-е и 2-е отдѣленія составляютъ I-й классъ, 3-е и 4-е—II-й, 5-е и 6-е—III-й. 3-е и 4-е отдѣленія составляютъ одинъ классъ даже въ четырехклассныхъ училищахъ, въ которыхъ 5-е отдѣленіе составляетъ III-й классъ, а 6-е—IV-й.

стема вытѣсняется предметной, въ городскія училища для этихъ предметовъ не мѣшало-бы назначать учителей-спеціалистовъ (какъ это было въ уѣздныхъ училищахъ).

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы считаемъ возможнымъ предложить слѣдующую таблицу еженедѣльныхъ уроковъ:

Въ I-мъ классѣ.

Законъ Божій	4	урока	(вмѣсто 6).
Чтеніе и письмо	10	»	(» 8).
Ариѳметика	4	»	
Пѣніе	1	»	
Гимнастика	1	»	
	20	уроковъ.	

Во II-мъ классѣ.

Законъ Божій		3	урока.	
Русскій яз. и ц.-сл. чтеніе		6	»	
Ариѳметика		6	»	
Исторія	въ 1-мъ отд.	0	»	(вмѣсто 1).
	во 2-мъ отд.	2	»	(» 1).
Географія	въ 1-мъ отд.	3	»	(» 1).
	во 2-мъ отд.	1	»	
Естествовѣдѣніе		2	»	(» 3).
Черченіе и рисованіе		2	»	(» 4 съ геометріей).
Пѣніе		1	»	
Гимнастика		1	»	
		24	урока	(вмѣсто 26).

Въ III-мъ классѣ.

Законъ Божій	2	урока.	
Русскій яз. и ц.-сл. чт.	6	»	(вмѣсто 4).
Ариѳметика	4	»	(» 5).
Геометрія	3	»	(» 6).
Черченіе и рисованіе	2		
Исторія	2	»	
Географія	2	»	(» 1).
Естествовѣдѣніе и физика	3	»	(» 4).
Пѣніе	1	»	
Гимнастика	1	»	
	26	уроковъ.	

Такимъ образомъ, въ 1-мъ отдѣленіи II-го класса могли-бы проходиться слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ и ц.-сл. чтеніе, ариѳметика, географія, естествовѣдѣніе, черченіе съ рисованіемъ, пѣніе и гимнастика. Во 2-мъ отдѣленіи къ нимъ прибавится исторія. Въ III-мъ классѣ, съ 1-го отдѣленія, прибавится геометрія, а со 2-го—физика.

Только-что приведенная таблица пріурочена къ городскимъ трехклассным училищамъ, гдѣ полагается по одному учителю на оба отдѣленія каждаго класса, вслѣдствіе чего учителю приходится заниматься съ тѣмъ и другимъ только по 30 минутъ, на остальные-же полчаса давать ученикамъ самостоятельную работу. На неправильность такой постановки дѣла еще въ 1878 году указалъ г. В. Вахтеровъ въ статьѣ: «О дѣленіи классовъ въ начальныхъ школахъ на группы» *). Въ этой статьѣ г. Вахтеровъ говоритъ главнымъ образомъ о городскихъ училищахъ и совѣтуетъ проходить съ обоими отдѣленіями класса одно и то-же. Такія совмѣстныя занятія съ двумя отдѣленіями, по его мнѣнію, вполнѣ возможны. Для этой цѣли всѣ учебные предметы, проходимые въ городскихъ училищахъ, дѣлятся имъ на двѣ группы. Къ первой онъ относитъ тѣ изъ нихъ, двухлѣтній курсъ которыхъ можно будто-бы разбить на двѣ части и проходить ихъ въ любомъ порядкѣ (Законъ Божій, исторія, географія и естествовѣдѣніе). Ко второй группѣ у г. Вахтерова отнесены такіе предметы, какъ математика и грамматика, части которыхъ нельзя проходить въ какомъ угодно порядкѣ, не нарушая строгой логики; двухлѣтній курсъ этихъ предметовъ г. Вахтеровъ совѣтуетъ проходить въ одинъ годъ, а въ слѣдующій повторять его. Главный недостатокъ этой системы тотъ, что она совершенно изгоняетъ изъ школы самостоятельныя работы учениковъ, играющія очень важную роль въ дѣлѣ развитія ихъ самодѣятельности. Половины всего учебнаго времени на самостоятельныя работы, конечно, не слѣдуетъ затрачивать и при всякомъ удобномъ случаѣ нужно вести занятія съ обоими отдѣленіями одновременно. Но и возводить такую систему занятій въ принципъ мнѣ кажется большою натяжкой, такъ какъ при ней нельзя избѣжать нѣкоторой искусственности въ распредѣленіи учебнаго матеріала.

Хорошо было-бы замѣнить во всѣхъ отдѣленіяхъ городского училища получасовые уроки часовыми; но тогда понадобилось-бы вдвое болѣе учителей, а на это едва-ли можно скоро разсчитывать при теперешнихъ финансовыхъ затрудненіяхъ земствъ, городовъ и казны.

---

*) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1878, ноябрь.

По этой-же причинѣ давно уже пріостановилось самое преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ городскія. Вотъ статистическія данныя относительно этого по Харьковскому учебному округу *).

Въ	1875 г.	открыто	2	городскихъ	училища.
»	1876 »	»	2	»	»
»	1877 »	»	3	»	»
»	1878 »	»	2	»	»
»	1879 »	»	8**)	»	»
»	1880 »	»	5	»	»
»	1881 »	»	3	»	»
»	1882 »	»	1	»	»
»	1884 »	»	1	»	»
»	1886 »	»	1	»	»
»	1887 »	»	1	»	»
»	1888 »	»	1	»	»
			30	городскихъ	училищъ ***).

Между тѣмъ уѣздныхъ и окружныхъ училищъ (послѣднія находятся въ области Войска Донскаго) теперь имѣется въ этомъ округѣ 39, и нѣтъ никакой надежды на скорое преобразованіе ихъ въ городскія. Дѣло въ томъ, что казна отпускаетъ на городское училище только ту сумму, которая опредѣлена на уѣздное, а такъ какъ содержаніе городского училища обходится дороже, то требуется помощь со стороны земства или города, разсчитывать на которую не всегда возможно.

Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ еще прибавить, что въ настоящее время каждый самостоятельный шагъ учителя городского училища предусматривается различными стѣснительными правилами и ему приходится исполнять только то, что предписано. Между тѣмъ всю вину неудовлетворительной постановки дѣла общество сваливаетъ на непосредственныхъ дѣятелей училища, т.-е. учителей, изъ которыхъ многіе прилагаютъ всѣ усилія, чтобы только выходилъ какой-нибудь толкъ, и все-таки достигаютъ немногаго.

Особенно мелочными могутъ быть названы правила объ экзаменахъ. Даже ученики 1-го отдѣленія I-го класса, которые едва научились

*) Въ тѣ годы, которые здѣсь не показаны, не было открыто ни одного городскаго училища.

**) Въ этомъ году былъ сдѣланъ первый выпускъ изъ Бѣлгородскаго учительскаго института.

***) О времени открытія остальныхъ двухъ городскихъ училищъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

грамотѣ, должны переводиться во 2-е отдѣленіе по экзамену. Пора-бы подумать объ отмѣнѣ этихъ правилъ. Теперь, когда средніе и лучшіе ученики гимназій могутъ быть переводимы въ слѣдующій классъ безъ испытаній, слѣдуетъ дать такую-же льготу и ученикамъ низшихъ учебныхъ заведеній.

Подведемъ итогъ всему сказанному:

1) Программы городскихъ училищъ необходимо было-бы привести въ соотвѣтствіе съ программами начальныхъ училищъ, или-же закрыть I-й классъ.

2) Слѣдовало-бы нѣсколько измѣнить распредѣленіе учебнаго матеріала (и число уроковъ) по различнымъ классамъ и отдѣленіямъ, соблюдая въ этомъ отношеніи бо̀льшую постепенность, чѣмъ это было до сихъ поръ.

3) Должно-бы сократить, по возможности, время для самостоятельныхъ работъ учениковъ, или-же совсѣмъ замѣнить получасовые уроки часовыми.

4) Необходимо было-бы устранить причины, препятствовавшія до сихъ поръ преобразованію уѣздныхъ училищъ въ городскія.

5) Наконецъ, слѣдовало-бы придать болѣе самостоятельности педагогическимъ совѣтамъ городскихъ училищъ — какъ во время прохожденія съ учениками учебнаго курса, такъ и въ концѣ учебнаго года, во время экзаменовъ.

А. Козьменковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Etudes sur l'enseignement et sur l'éducation par G. Compayré. Paris. 1891.

Подъ этимъ заглавіемъ извѣстный французскій педагогъ и авторъ исторіи педагогическихъ теорій во Франціи съ XVI столѣтія издалъ рядъ небольшихъ статей по педагогическимъ вопросамъ текущей жизни. Поводомъ къ написанію этихъ статей служили или реформы французскаго министерства нар. просв. за послѣдніе 2—3 года, или появляющіяся новыя книги по педагогическимъ вопросамъ, или-же, наконецъ, проявленія общественной инщіативы въ дѣлѣ народнаго образованія и т. п. Въ книгѣ есть также замѣтки, касающіяся школьной жизни за-границей. Компере, человѣкъ умѣренно либеральныхъ взглядовъ, самъ, въ началѣ своей книги, суммируетъ свои политическіе взгляды девизомъ: «l'ordre dans le progrès»; онъ—врагъ всякихъ крупныхъ реформъ, особенно когда дѣло касается народнаго образованія. Прогрессъ-же для него заключается главнымъ образомъ въ распространеніи народнаго образованія, какъ лучшей гарантіи прочности современной французской республики и ея реформъ, какъ лучшаго оплота противъ интригъ такихъ двусмысленныхъ дѣятелей, какъ Буланже. Гамбетта, Поль Бэръ, Жюль Ферри—вотъ его политическіе друзья. Въ своихъ этюдахъ онъ почти всегда стоитъ на сторонѣ министерства; только однажды онъ позволяетъ себѣ строго осуждать бывшаго министра нар. просв. Локруа, за его нападки на классическую систему воспитанія, высказанныя имъ среди учениковъ-классиковъ и въ присутствіи учителей-классиковъ по образованію и по дѣятельности (см. un discours de M. Lockroy, стр. 173—178). Авторъ рѣшительно порицаетъ дѣятельность названнаго министра нар. просв. и предсказываетъ недолговѣчность его министерства, что̀, впрочемъ, и оправдалось. Въ остальныхъ этюдахъ Компере скорѣе старается защищать всегда министерство во всѣхъ его мѣропріятіяхъ и умѣрять

требованія общества относительно коренныхъ реформъ въ дѣлѣ образованія, особенно средняго.

Книга начинается статьею о «l'Institut libre d'enseignement de Madrid». По словамъ Комперэ, около 15 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1876 году, когда, вслѣдствіе наступившей въ Испаніи реакціи, появились крайне стѣснительныя распоряженія по народному образованію, очень ограничившія свободу преподаванія, многіе профессора публично протестовали или даже просто отказывались исполнять министерскія распоряженія, причемъ нѣкоторые поплатились за это тюремнымъ заключеніемъ. Однако, нашлись между ними люди, на-столько преданные своему дѣлу, что, отбывъ сроки своего наказанія, они основали частное учебное заведеніе на совершенно новыхъ началахъ, обратившись для этого къ общественной инціативѣ. Основавъ акціонерное общество, они открыли la Institucion libre. И вотъ, такимъ образомъ, въ настоящее время въ Мадридѣ имѣется своеобразное учебное заведеніе, гдѣ обученіе начинается съ начальнаго образованія и кончается высшимъ научнымъ курсомъ (cours des hautes études); есть даже отдѣленіе для профессіональнаго образованія. Въ институтѣ преподаваніе ведется по новѣйшимъ реальнымъ, интуитивнымъ методамъ, «при которыхъ способности ученика развиваются наблюденіями надъ самими предметами и явленіями жизни» (стр. 4). Нечего и говорить о томъ, что играмъ, школьнымъ прогулкамъ учениковъ въ институтѣ отведено широкое мѣсто и что ведется это дѣло образцово. Комперэ указываетъ и нѣкоторые недостатки этого учебнаго заведенія, напр., многопредметность въ младшихъ классахъ. Общество, содержащее этотъ институтъ, издаетъ свою газету, выходящую разъ въ двѣ недѣли *). На первой страницѣ каждаго нумера журнала напечатано слѣдующее «profession de foi» общества: «Свободный институтъ совершенно чуждъ духу пропаганды какой-бы то ни было секты, религіи, философскаго ученія или политической партіи. Онъ твердо держится свободы научнаго изслѣдованія, права науки утверждать добытыя ею истины, въ какомъ-бы противорѣчіи онѣ ни находились съ другими признанными авторитетами. Онъ предоставляетъ полную самостоятельность профессору или учителю въ дѣлѣ преподаванія, оставляя за нимъ и всю отвѣтственность за его взгляды» (Compayré, стр. 10—11). Дѣйствительно, Испанія очень нуждается въ убѣжденныхъ и энергичныхъ дѣятеляхъ: католическое духовенство до сихъ поръ слишкомъ сильно вліяетъ на образованіе, народъ мало

*) Baletin de la Institucion libre de Ensenanza.

сознаетъ свое невѣжество, учителя народныхъ школъ голодаютъ, а тореадоры легко дѣлаются милліонерами. Все это очевидно изъ слѣдующей статьи Комперэ по поводу книги «Воспитаніе и обученіе» профессора Francisco Giner de los Rios, одного изъ инициаторовъ учрежденія «Свободнаго института». Приведя нѣсколько данныхъ изъ этой книги, Комперэ прибавляетъ: «Что-же и говорить о начальныхъ школахъ, въ которыхъ учителя получаютъ, если имъ только соблаговолятъ заплатить, до смѣшного ничтожное жалованье! Въ Испаніи есть сотни учителей, которымъ правительство платитъ (лучше сказать: которымъ правительство остается должно) въ годъ 125 франковъ!» (стр. 14).

Послѣ такой печальной картины народнаго образованія въ одномъ изъ самыхъ старыхъ государствъ Европы съ удовольствіемъ узнаешь нѣкоторыя, правда, скудныя свѣдѣнія о дѣятельности одного педагога Южной Америки—Берра (Berra). Комперэ говоритъ о двухъ его книгахъ на испанскомъ языкѣ: «Матеріалы для курса педагогики» и «Здоровье и школа». О первой изъ нихъ онъ отзывается, что не знаетъ сочиненія, вышедшаго въ Европѣ по тому-же вопросу, которое было-бы лучше, а между тѣмъ самъ Комперэ написалъ исторію теоріи воспитанія, увѣнчанную во Франціи двумя академіями, значитъ, съ литературой вопроса онъ знакомъ хорошо. Книги свои Берра издалъ въ Монтевидео, и его педагогическая и литературная дѣятельность принадлежитъ главнымъ образомъ Урагваю и Аргентинской республикѣ. Итакъ, мы видимъ, что, по мнѣнію даже французовъ, «эта маленькая республика Урагвай, съ какимъ-нибудь полу-милліономъ жителей, организовала у себя народное образованіе такъ, что ей могутъ позавидовать многія европейскія государства» (стр. 20—21) *). Я не останавливаюсь на статьѣ Комперэ о стремленіяхъ въ Англіи распространить университетское образованіе въ массѣ народа, на статьѣ о такъ-называемомъ University Extension Movement, такъ какъ о немъ уже говорилось, въ общихъ чертахъ, въ нашихъ журналахъ, между прочимъ и на страницахъ «Русской Школы» **).

*) При этомъ намъ невольно припомнилось то, что мы недавно прочли про народное образованіе въ Новой Зеландіи. Въ этой англійской колоніи, имѣющей 660.000 жителей, изъ которыхъ 40 000 маори (абориґеновъ острова), на народное образованіе затрачивается около 400 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (по курсу около 4 милл. рублей). Первоначальное образованіе даровое, обязательное и свѣтское. Въ колоніи только 9.000 человѣкъ старше 10-ти-лѣтняго возраста, неумѣющихъ читать и писать (см. Chambers Encyclopedia New Zealand).

**) См. «Русская Школа», ноябрь 1890 г. «Популяризація университетскаго образованія въ Англіи». Статья Н. А—ва.

Въ одной изъ своихъ небольшихъ замѣтокъ Комперэ говоритъ, что не вездѣ въ Европѣ замѣчается постоянно прогрессивное движеніе въ дѣлѣ народнаго образованія; напримѣръ, въ Бельгіи, когда, шесть лѣтъ тому назадъ, на выборахъ побѣдила клерикальная партія, сейчасъ-же началась реакція въ дѣлѣ народнаго образованія: закрыто девять учительскихъ семинарій, 800 народныхъ школъ, нѣсколько сотъ учителей лишились мѣстъ. Какъ на другой примѣръ, авторъ указываетъ на положеніе народнаго образованія въ Голландіи, по поводу школьнаго закона 6-го декабря 1889 г. По голландской конституціи 1888 года, общественная школа была признана нейтральной по отношенію къ религіозному образованію. Однако, ультрамонтанамъ удалось добиться закона, по которому частныя конфессіональныя школы, подобно нейтральнымъ государственнымъ, имѣютъ право на денежное пособіе отъ правительства и изъ городскихъ и земскихъ суммъ, т.-е. на то, что именно нужно было католическому духовенству. Даже болѣе этого: по новому закону, ученики общественныхъ школъ должны платить за свое образованіе, тогда какъ въ школахъ конфессіональныхъ учебное начальство по собственному усмотрѣнію заставляетъ учениковъ платить или не платить за свое образованіе. Если прибавить къ этому, какъ говоритъ Комперэ, громадныя средства, которыми во всѣхъ странахъ располагаетъ католическая пропаганда, то не трудно понять, для кого окажется выгоднымъ такое устройство школы *).

Далѣе мы встрѣчаемся со статьею о педагогическихъ взглядахъ нашего соотечественника Льва Николаевича Толстого. Вотъ какъ Комперэ относится къ знаменитому романисту: «Педагогія Толстого есть собственно отрицаніе всякой педагогіи»... (стр. 51). «По сравненію съ Толстымъ, Руссо кажется писателемъ робкимъ, умѣреннымъ»... (стр. 53). «Много увлеченія, много ума и воображенія, но за-то постоянное стремленіе къ софизму, именно къ тому роду софизма, который характеризуетъ всѣхъ людей крайнихъ взглядовъ, сторонниковъ «всего» или «ничего»... (стр. 57). Комперэ высоко цѣнитъ Л. Н. Толстого, какъ романиста—«l'immortel auteur de la Guerre et la Paix» — но, кончая статью о немъ, говоритъ: «Несмотря на нѣкоторые от-

*) Извѣстно, что подобный порядокъ составляетъ мечту для католическаго духовенства Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Амер.: оно также требуетъ, чтобы правительство, предоставляющее имъ полную свободу устраивать, какъ имъ угодно, свои школы, давало-бы имъ также и денежныя пособія пропорціонально числу учениковъ. (См. статьи по народному образованію въ Америкѣ въ клерикальномъ журналѣ «le Correspondent» за 1891 годъ и Fitch: Notes on American schools and training colleges. 1890.

дѣльные умные и глубокіе взгляды, педагогическія статьи Л. Н. Толстого, такъ-же какъ и его практическіе опыты веденія школы въ Ясной Полянѣ, могутъ интересовать только какъ курьезъ, какъ мечты поэта».

Въ дальнѣйшихъ трехъ отдѣлахъ книги говорится уже исключительно о французской школѣ: начальной, средней и высшей. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ приводитъ нѣкоторыя любопытныя данныя по народному образованію, опубликованныя преимущественно по поводу выставки 1889 года. Между приведенными цыфрами отмѣтимъ тѣ, которыя касаются общественнаго положенія родителей дѣтей, посѣщающихъ коммунальныя школы въ Парижѣ. Изъ 66.626 мальчиковъ 1.538 принадлежатъ къ семействамъ такъ-наз. «либеральныхъ профессій», 3.665—дѣти чиновниковъ и около 10.000—дѣти людей, болѣе или менѣе зажиточныхъ (des patrons); почти такая-же пропорція существуетъ и для дѣвочекъ. «Въ этомъ мы видимъ,—говоритъ Комперэ,—счастливый признакъ прогрессивнаго сліянія общественныхъ классовъ,—сліянія, которое приноситъ пользу школѣ, поднимая ея значеніе и приготовляя для будущаго общества прогрессъ демократическихъ идей братства и равенства» (стр. 95). Какъ быстро идетъ впередъ образованіе народа, можно судить, напримѣръ, по тому факту, что еще въ 1882 году между новобранцами было грамотныхъ 86,9%, черезъ пять лѣтъ ихъ было 89,7%. «Невѣжество исчезаетъ, изгоняемое повсюду... и можно утверждать, что Франція со своими 80.000 начальныхъ школъ стоитъ въ первомъ ряду цивилизованныхъ государствъ въ отношеніи народнаго образованія» (стр. 115—116). Конечно, въ этихъ словахъ есть нѣкоторое преувеличеніе, понятное въ виду общаго энтузіазма по поводу выставки 1889 года. Далѣе мы встрѣчаемъ любопытные факты изъ сочиненія Греара «Législation de l'enseignement primaire en France depuis 1789 jusqu'à nos jours». Особенно интересны циркуляры и распоряженія временъ Реставраціи, когда духовенство безраздѣльно господствовало надъ начальнымъ образованіемъ и когда, по признаніямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій (Conseil royal), въ лицѣ священниковъ школы имѣли часто своихъ наибольшихъ враговъ.

Въ статьяхъ, посвященныхъ среднему образованію, Комперэ нѣсколько разъ возвращается къ вопросу о переутомленіи, но видитъ въ немъ только «модный вопросъ», т.-е. мало оправдываемый существующими фактами. По его словамъ, доктора, незнакомые близко со школьною жизнью и подъ вліяніемъ сердобольныхъ матерей, агитируютъ противъ придуманнаго ими переутомленія. Вообще, какъ уже было сказано выше, авторъ обнаруживаетъ склонность все-

гда оправдывать министерство. Напримѣръ, говоря о дебатахъ Медицинской академіи по поводу переутомленія учащихся, онъ замѣчаетъ: «нужно быть совершенно чуждымъ дѣйствительности, чтобы могла придти въ голову мысль объ излишней продолжительности занятій въ деревенской начальной школѣ» (стр. 163). Однако, нѣсколько ранѣе, на стр. 80 и 81, въ статьѣ по поводу школьнаго законодательства въ Швеціи и Норвегіи, самъ Комперэ видитъ разумность въ существующей тамъ и даже доведенной до крайности разницѣ программъ и продолжительности занятій деревенскихъ и городскихъ школъ, и порицаетъ обычай во Франціи назначать одинаковую продолжительность занятій (10 мѣсяцевъ) какъ для городскихъ, такъ и для деревенскихъ школъ. Онъ говоритъ, что дѣйствительность протестуетъ противъ такого ненормальнаго порядка вещей, ибо ученики массами не посѣщаютъ школу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Самую программу народныхъ училищъ (по крайней мѣрѣ по отношенію деревенскихъ школъ) Комперэ находитъ «très complet et très chargé» (стр. 81). Значитъ, не совсѣмъ безосновательны мнѣнія членовъ Медицинской академіи... Комперэ отрицаетъ переутомленіе (surmenage) и для среднихъ учебныхъ заведеній и готовъ скорѣе признать несовершенство постановки учебнаго дѣла (malmenage). Критикуя книгу Рошара *) «Воспитаніе нашихъ сыновей», онъ продолжаетъ защищать французскіе коллежи, хотя соглашается съ Рошаромъ, что замѣчаемый въ послѣднее время успѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ духовенствомъ, въ значительной степени объясняется лучшими матеріальными условіями жизни учениковъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Іезуиты поняли потребность времени и постарались воспользоваться обстоятельствами, стараясь угодить и родителямъ, и ученикамъ прекраснымъ устройствомъ помѣщеній, приспособленіями для игръ, громадными дворами при учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Нельзя, конечно, отрицать, говоритъ Комперэ, и политической тенденціи въ этомъ усиленномъ участіи духовенства въ образованіи французскаго юношества. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что церковь въ отношеніи средняго образованія вернула себѣ въ теченіе послѣднихъ 20—30 лѣтъ все, что было потеряно ею въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. Одни іезуиты за послѣднія шесть лѣтъ основали 12 учебныхъ заведеній. И говорятъ еще, что ихъ преслѣдуютъ!» (стр. 245).

По поводу недавняго основанія «Національной ассоціаціи для ре-

*) Rochard. L'éducation de nos fils.

формы средняго образованія» Компера снова выступаетъ съ защитою современной школы. Ассоціація желаетъ раздѣленія средняго образованія на двѣ ступени: въ основу первой должно быть положено изученіе отечественнаго языка и одного изъ новыхъ; эту первую ступень дѣти должны проходить къ 14—15 годамъ. На второй ступени среднее образованіе распадается на отдѣлы: естественно-научный, греко-латинскій, отечественнаго языка. Компера видитъ въ торжествѣ такой системы образованія гибель науки и литературы во Франціи. Ему кажется немыслимо начинать преподаваніе древнихъ языковъ съ 14 — 15 лѣтъ, съ надеждою на прочный успѣхъ. Смѣемъ думать, что почтенный авторъ въ данномъ случаѣ ошибается и что преподаваніе древнихъ языковъ могло-бы только много выиграть, если-бы изученіе его начиналось не въ томъ раннемъ возрастѣ, въ которомъ оно начинается теперь.

Компера знакомитъ насъ также съ недавно отпечатаннымъ дневникомъ Эмиля Бари, 16-ти-лѣтняго ученика класса риторики (для большинства—послѣдняго, такъ какъ рѣдко кто остается проходить классъ философіи). Дневникъ написанъ въ 1815 году, а теперь изданъ сыномъ Эм. Бари. Перечисляя богатое содержаніе дневника, Компера говоритъ: «что особенно замѣчательно въ дневникѣ, это рвеніе, съ которымъ молодые люди того времени, кромѣ обязательныхъ предметовъ, занимались также другими предметами, каждый сообразно своей любознательности. Бари, напр., по своей доброй волѣ занимался нѣмецкимъ языкомъ *), другіе его товарищи занимались другими новыми языками. При болѣе легкихъ программахъ, въ то время оставалось болѣе времени для собственныхъ занятій учениковъ: меньше обученія, но больше изученія» (moins d'enseignement et plus d'étude, стр. 190).

Въ 1880 году министромъ Ферри была проведена реформа средняго образованія. Эта реформа, съ дополненіями и измѣненіями въ 1882, 1884 и 1885 гг., заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что сокращено въ извѣстной мѣрѣ время, удѣляемое древнимъ языкамъ, и положено изучать латинскій языкъ съ VI класса (12-ти лѣтъ), греческій—съ V класса (14-ти лѣтъ), расширено преподаваніе новыхъ языковъ, отмѣнены въ нѣкоторыхъ классахъ переводы съ французскаго на греческій. Наибольшее число уроковъ отведено

*) Новые языки были введены во французскіе коллежи только во времена министерства Гизо, въ 1842 году, и то не обязательно и въ весьма малыхъ размѣрахъ. См. «Вѣстникъ Европы» 1891 г. №№ 1, 2, 3, статьи Ант. Окольскаго, написанныя съ большимъ знаніемъ дѣла. Къ нимъ мы и отсылаемъ читателя, интересующагося французскою среднею школой.

отечественному языку, потомъ латинскому, затѣмъ новымъ языкамъ, и, наконецъ, греческому. Изученіе языковъ начинается съ отечественнаго и одного изъ новыхъ языковъ, и такъ продолжается три года (приготовительный, VIII и VII кл., т.-е. отъ 9-ти до 11-тилѣтняго возраста); съ VI кл. начинается изученіе латинскаго языка, къ которому черезъ $1^1/_2$ года присоединяется греческій. Въ 1890 г., вслѣдствіе усиленныхъ толковъ въ обществѣ о переутомленіи, программы снова были измѣнены: во всѣхъ классахъ уменьшена продолжительность классныхъ занятій, при чемъ уменьшено по преимуществу число уроковъ по новымъ языкамъ, исторіи и естественной исторіи, но снова введенъ переводъ съ французскаго языка на греческій въ тѣхъ классахъ, гдѣ онъ былъ ранѣе отмѣненъ, и введено преподаваніе гигіены. Самъ Комперэ участвовалъ въ коммиссіи, вырабатывавшей новыя программы, и мы встрѣчаемъ въ книгѣ небольшую статью, гдѣ авторъ защищаетъ новые учебные планы противъ нападокъ такихъ людей, какъ Зевортъ *), которые желали-бы, чтобы сокращеніе занятій было произведено скорѣе всего на счетъ древнихъ языковъ **).

Этимъ мы закончимъ нашъ отчетъ о книгѣ Комперэ. Есть въ ней еще кое-что интереснаго о результатахъ конкурса по организаціи игръ въ коллежахъ, есть также, правда, очень немногія данныя о женскомъ образованіи, но мы считали своимъ долгомъ обратить вниманіе читателя лишь на существенныя стороны книги и на общее направленіе взглядовъ почтеннаго автора ея. **П. М.**

Рейнботъ, Е. Ф. Отвѣты на вопросы—какъ и изъ чего «это» дѣлается? Изъ области техническихъ производствъ. 7-ое изданіе, вполнѣ переработанное. Спб. 1891, стр. XVII+463 in 8°. Ц. 2 р. 50 к.

Изъ чего дѣлается перловая крупа? Что̀ такое хрусталь? «На чемъ растетъ» манная крупа? все-ли это равно: фаянсъ и фарфоръ? какъ дѣлается швейцарскій сыръ? изъ чего приготовляется желатина? что̀ такое шеколадъ? кто дѣлаетъ рогожу? откуда достаютъ соль? какъ приготовить мыло?—съ такими вопросами дѣти очень часто обращаются къ тѣмъ, кого они считаютъ авторитетными, свѣдущими людьми,

*) Revue de l'enseignement secondaire le 1-er Février 1890.

**) Зевортъ готовъ назвать послѣднюю реформу «une revanche prise par le latin et le grec». (216). Между тѣмъ Зевортъ самъ recteur, т.-е. занимаетъ должность болѣе или менѣе соотвѣтствующую должности попечителя учебнаго округа у насъ, въ Россіи.

т.-е. къ родителямъ своимъ и воспитателямъ. Но какъ часто дѣтямъ приходится въ такихъ случаяхъ убѣждаться, что эти авторитетные люди знаютъ вовсе не такъ много, какъ это имъ, дѣтямъ, казалось! Въ самомъ дѣлѣ, изъ чего дѣлается перловая крупа?.. Можно смѣло утверждать, что изъ числа десяти читателей этихъ строкъ едва-ли одинъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Недостаточною распространенностью въ нашемъ образованномъ обществѣ познаній по технологіи, по вѣрному замѣчанію автора занимающей насъ книги, объясняется то, что дѣти часто на подобные вопросы получаютъ отвѣтъ, свидѣтельствующій только о безсиліи вопрошаемаго: «ты этого не поймешь» или: «выростешь и будешь учиться—самъ тогда узнаешь» или даже: «ахъ, отстань, надоѣлъ со своими вопросами!» Конечно, бываютъ случаи, когда отвѣчать на вопросъ ребенка невозможно потому, что ребенокъ отвѣта не пойметъ или еще чаще потому, что ребенокъ задалъ вопросъ не въ надлежащей формѣ, т.-е. въ такой формѣ, что и наука на этотъ вопросъ отвѣтить не въ состояніи; это—вопросы изъ области біологіи или эмбріологіи. Бываютъ и такіе случаи, когда ребенокъ, видя восторгъ увлекающихся родителей по поводу вопросовъ, имъ задаваемыхъ, забрасываетъ ихъ и своихъ воспитателей рядомъ часто безсмысленныхъ и безсистемныхъ вопросовъ, не трудясь выслушать отвѣтъ и даже вовсе не интересуясь имъ, и тогда, конечно, дозволительно искоренить эту дурную привычку, которой развитію мы сами такъ неблагоразумно споспѣшествовали, какимъ-нибудь замѣчаніемъ, равносильнымъ отвѣту: «не приставай съ такою массой вопросовъ и выслушивай даваемые отвѣты». Но несравненно чаще встрѣчаются случаи, когда отвѣтъ очень простъ и когда любознательность (дѣйствительная, а не кажущаяся) ребенка убивается въ самомъ корнѣ отвѣтами въ родѣ того, что «выростешь—узнаешь». Къ числу такихъ принадлежатъ очень многіе вопросы изъ области техническихъ производствъ. Конечно, и въ этой области найдутся вопросы, требующіе довольно значительныхъ познаній по технологіи отъ отвѣчающаго и довольно высокаго умственнаго развитія отъ предлагающаго вопросъ; но это нисколько не ослабляетъ силу необходимости отвѣчать на вопросы дѣтей такъ, чтобы для нихъ отъ отвѣта получилась наибольшая польза; и здѣсь дѣло, какъ вообще въ вопросахъ обученія и воспитанія, всецѣло зависитъ отъ педагогическаго такта воспитателей, которые могутъ на предложенный вопросъ отвѣтить какъ-разъ то, что это будетъ нужно въ данномъ случаѣ. Одному ребенку на вопросъ о томъ,—изъ чего дѣлается рогожа, достаточно отвѣтить, что она дѣлается изъ внутренней части липо-

вой коры, а другому надо отвѣтить болѣе полно, выяснивъ—что̀ такое называется лубомъ и, если возможно, показать на дѣлѣ и кору, и лубъ, и даже возможность выдѣлки рогожи.

Кромѣ дѣтей, получающихъ домашнее или общее образованіе въ какой-либо школѣ, въ отвѣтахъ на вопросы изъ области техническихъ производствъ, нуждаются часто также воспитанники всѣхъ тѣхъ профессіональныхъ школъ, которымъ приходится наталкиваться въ предметахъ своего курса на вопросы этого рода: коммерческія училища (въ вопросахъ товаровѣдѣнія), техническія всѣхъ возможныхъ типовъ учебныя заведенія, земледѣльческія школы и училища, ремесленныя училища и т. п., въ которыхъ, съ помощью попутныхъ отвѣтовъ на случайные вопросы чуждыхъ данной школѣ производствъ могутъ быть восполнены пробѣлы образованія учащихся вообще и въ которыхъ поэтому, по справедливому замѣчанію автора лежащей предъ нами книги, отвѣты на нѣкоторые вопросы могутъ имѣть и общеобразовательное значеніе.

Нельзя не признать поэтому, что г. Рейнботъ возымѣлъ прекрасную мысль обработать 7-ое изданіе книги, составленной много лѣтъ тому назадъ его отцомъ въ сотрудничествѣ съ нимъ, вполнѣ за̀ново, и освободить ее отъ прежнихъ ея недостатковъ, неизбѣжныхъ при первыхъ изданіяхъ всякой книги, — чѣмъ онъ оказалъ несомнѣнную услугу всѣмъ, нуждающимся въ краткихъ и вѣрныхъ указаніяхъ относительно того, что отвѣчать на вопросы о томъ—какъ и изъ чего «это» дѣлается? Настоящее изданіе этой книги представляетъ собою, можно сказать, почти совершенно новое сочиненіе и содержитъ въ себѣ какъ-бы краткую энциклопедію техническихъ производствъ, не вдающуюся въ слишкомъ большія подробности и частности, но, тѣмъ не менѣе, отличающуюся полнотою свѣдѣній и необыкновенною въ нашей такъ-называемой «популярной» литературѣ серьезностью и, въ то-же время, доступностью изложенія. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Рейнботу приходилось касаться вопросовъ физики, химіи, біологіи, онъ долженъ былъ быть кратокъ настолько, что не всякій ребенокъ 10-ти—12-ти лѣтъ будетъ въ состояніи *все* понять въ книгѣ, не пользуясь помощью взрослаго. Но не надо забывать при этомъ, что авторъ и не имѣлъ въ виду написать книгу *для самостоятельнаго дѣтскаго чтенія*, а предназначаетъ свою книгу скорѣе въ качествѣ *пособія* для удовлетворенія любознательности дѣтей *взрослыми* и въ качествѣ *пособія при преподаваніи* основаній товаровѣдѣнія и технологіи въ профессіональныхъ училищахъ (о чемъ авторъ предусмотрительно заявляетъ на обложкѣ своей книги). Не

беремъ на себя смѣлости судить о томъ, въ какой именно мѣрѣ эта книга пригодна въ качествѣ учебнаго пособія, хотя думаемъ, что, въ виду полнаго согласія излагаемаго въ ней съ новѣйшими данными науки и техники и въ виду многосторонности свѣдѣній, въ ней излагаемыхъ, она въ этой роли можетъ оказаться во всякомъ случаѣ *пригодною* для цѣлей, преслѣдуемыхъ профессіональными школами; но, какъ мы выше уже заявили—*въ какой именно мѣрѣ* она окажется для нихъ пригодною, можетъ показать только практика и будущее. Что-же касается значенія этой книги, какъ пособія при объясненіи дѣтямъ явленій изъ области техническихъ производствъ, то въ этомъ отношеніи книга г. Рейнбота можетъ быть несомнѣнно полезна. Истинное мѣсто этой книгѣ на столѣ *воспитателя*, не свѣдущаго въ техническихъ производствахъ и считающаго, тѣмъ не менѣе, долгомъ своимъ давать дѣтямъ на большинство ихъ вопросовъ удовлетворительные отвѣты. Намъ представляется только желательнымъ, чтобы воспитатель предварительно и самъ надъ нею поработалъ, дабы ему не всегда, по крайней мѣрѣ, приходилось откладывать отвѣтъ на вопросъ ребенка на болѣе или менѣе продолжительное время. Благодаря распредѣленію матеріала въ «Отвѣтахъ» г. Рейнбота не только по отдѣльнымъ производствамъ, но и по параграфамъ, а также благодаря довольно полному алфавитному указателю, справки о данномъ вопросѣ могутъ быть дѣлаемы съ величайшею легкостью.

Кромѣ предисловія и «Введенія», читатель въ книгѣ найдетъ подробныя статьи: о прядильныхъ волокнахъ и обо всемъ, соприкасающемся съ этою важною отраслью технологіи, о кожевенномъ производствѣ, о мыловареніи, свѣчномъ производствѣ, стеклодѣліи и глиняныхъ издѣліяхъ, о броженіи, о технологіи пищевыхъ продуктовъ, о сухой перегонкѣ и освѣщеніи, о технологіи металловъ, о фотографіи, и т. д. Кромѣ того, какъ-бы à propos къ каждому производству приводятся свѣдѣнія о соприкасающихся съ нимъ предметахъ, напр., по поводу писчебумажнаго производства сообщаются свѣдѣнія объ орудіяхъ письма (карандашѣ, мѣлѣ, аспидной доскѣ, стальномъ перѣ), о чернилахъ, о сургучѣ и т. п., въ статьѣ о лаковомъ производствѣ приводятся свѣдѣнія о каучукѣ и гуттаперчѣ, и т. п. Само собою разумѣется, что для дополненія свѣдѣній по химической технологіи автору понадобился также очеркъ химическихъ явленій, и надо замѣтить, что этотъ очеркъ, опять-таки имѣя въ виду назначеніе книги, составленъ кратко и съ полнымъ знаніемъ дѣла. То-же самое надо сказать относительно всѣхъ тѣхъ свѣдѣній изъ области наукъ естественныхъ вообще (физіологіи и гистологіи растеній, физики, мине-

ралогіи, геологіи и т. д.), съ которыми соприкасаются вопросы нѣкоторыхъ техническихъ производствъ. Шрифтъ книги—крупный, четкій, рисунки—ясные и многочисленные, бумага—довольно плотная и бѣлая, и все это дѣлаетъ «Отвѣты» г. Рейнбота книгою также и по внѣшности своей вполнѣ отвѣчающею даже строгимъ требованіямъ критики. Для того, чтобы дать читателю понятіе о манерѣ изложенія «отвѣтовъ», приведемъ взятую нами наудачу выписку къ § 104 трактующаго о добычѣ мочала:

«Добываніе мочала производится слѣдующимъ образомъ: весною срубаютъ заранѣе выбранныя липовыя деревья средняго возраста, обрубаютъ сучья и прорубаютъ кору, вплоть до древесной ткани, вдоль всего ствола; послѣ этого, просунувъ между лубомъ и древесиной конецъ заостренной палки, отдираютъ со ствола *лубья*, т.-е. лубовую ткань вмѣстѣ съ корою. То-же самое дѣлаютъ и съ сучьями, и, вложивъ приготовленныя такимъ образомъ трубки одну въ другую, по величинѣ, погружаютъ полученную *скалу* въ воду, и оставляютъ до поздней осени; осенью вынимаютъ скалу изъ воды и отдѣляютъ кору отъ луба помощью заостренной палки; для этого палку вставляютъ концомъ въ петлю, образуемую отодраннымъ въ какомъ-либо мѣстѣ и приподнятымъ лубомъ. Отодранный и отдѣленный такимъ образомъ лубъ уже представляетъ мочало, которое развѣшиваютъ на жерди для первоначальной просушки, а потомъ, саннымъ путемъ, везутъ до жилья, гдѣ и просушиваютъ окончательно. Просушенное мочало раздираютъ на ленты, годныя уже для тканья рогожъ». И т. д.

Позволимъ себѣ привести также два небольшіе отрывка чисто-научнаго содержанія: для этого беремъ изъ § 3 и изъ § 702 слѣдующія строки:

«Каждое растеніе состоитъ, какъ извѣстно, изъ *клѣточекъ*, т.-е. изъ замкнутыхъ мѣшечковъ или пузырьковъ, наполненныхъ содержимымъ или пустыхъ (наполненныхъ воздухомъ). Совокупность клѣточекъ, соединенныхъ между собою по тѣмъ или инымъ направленіямъ, принято называть *тканью*. Разныя растительныя ткани состоятъ изъ клѣточекъ различной формы, а именно: въ однѣхъ тканяхъ клѣтки имѣютъ форму, приближающуюся къ кубу—*паренхиматическую*; въ другихъ удлиненную—*прозенхиматическую*. Только ткани послѣдняго рода имѣютъ такъ-называемое *волокнистое* сложеніе, т.-е. способны раздѣляться (при разрывѣ) по одному извѣстному направленію, именно по длинѣ клѣтокъ, легче, чѣмъ по другимъ направленіямъ, и давать при этомъ *волокна*; послѣднія образуются прозенхиматическими клѣточками, соединенными другъ съ другомъ своими обыкновенно скошенными концами». И т. д.

«Изучая однородныя тѣла, мы замѣчаемъ, что и между ними встрѣчаются тѣла двоякаго рода. Одни изъ этихъ тѣлъ характеризуются тѣмъ, что мы не можемъ *извлечь изъ нихъ*, ни при какихъ доступныхъ намъ въ настоящее время условіяхъ, ничего отличнаго отъ нихъ самихъ. Чтобы мы ни сдѣлали, напр., съ металлами: желѣзомъ, вышеупомянутымъ магніемъ (съ этою цѣлью), мы ничего не извлечемъ изъ нихъ, кромѣ

тѣхъ-же желѣза, мѣди или магнія. Эти тѣла, *взятыя сами по-себѣ*, неспособны превращаться въ другія тѣла. Они могутъ давать новыя тѣла не иначе, какъ присоединивъ къ себѣ что-нибудь». И т. д.

Даже изъ этихъ небольшихъ выписокъ читатель будетъ въ состояніи вывести то заключеніе, что «Отвѣты» г. Рейнбота имѣютъ полное право носить свое многообѣщающее заглавіе, могутъ быть полезны въ очень многихъ случаяхъ учебной и воспитательной практики и что вообще «Отвѣты» г. Рейнбота должны быть признаны очень полезнымъ вкладомъ въ нашу учебно-образовательную литературу. Эта книга должна быть признана полезною также для библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ, профессіональныхъ, такъ какъ и учитель профессіональной школы, и учитель школы народной и даже учитель среднеучебныхъ заведеній, преподающій естественныя науки, въ ней можетъ найти много поучительнаго; кромѣ того, всякій образованный человѣкъ, призванный быть наставникомъ своихъ или чужихъ дѣтей, въ ней найдетъ отвѣты на массу вопросовъ дѣтей, — вопросовъ, на которые могутъ отвѣтить, безъ помощи подобной книги, только весьма немногіе изъ числа лицъ, принадлежащихъ къ классу людей образованныхъ. Съ помощью книги г. Рейнбота всякій человѣкъ, любящій дѣтей и уважающій истинное знаніе, въ состояніи привести дѣтямъ пользу также въ томъ направленіи, о которомъ Карлъ Кармаршъ (покойный директоръ Ганноверской политехнической школы), совершенно справедливо говоритъ слѣдующее: «Если естественныя науки заставляютъ насъ изумляться величію Бога и разнообразію сотворенной Имъ природы, то технологія представляетъ намъ неисчислимое множество предметовъ, останавливающихъ наше вниманіе на неисчерпаемой изобрѣтательности ума человѣческаго». Эти слова служатъ весьма удачнымъ эпиграфомъ къ предисловію г. Рейнбота къ его книгѣ, которой мы желаемъ возможно болѣе широкаго распространенія. **С. Ш.-Т.**

Интересъ изученія древней русской литературы. Лекція преподавателя Е. А. Богословскаго. Изд. 2-е. Екатеринодаръ, 1891.

Вопросъ о преподаваніи одного изъ наиболѣе важныхъ предметовъ средней школы—исторіи русской литературы, занимающій нашихъ педагоговъ уже около 40 лѣтъ, далеко еще не можетъ считаться рѣшеннымъ. Особенно много разногласій — какъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, такъ и въ школьныхъ программахъ—вызываетъ

постановка преподаванія древней русской литературы. Одни смотрятъ на памятники нашей древней письменности только какъ на источники для изученія «жизни и характера» нашихъ предковъ, какъ на показатели культуры древняго періода русской исторіи; другіе цѣнятъ ихъ за ихъ внутреннія достоинства, признаютъ воспитательное значеніе для учащихся за самымъ ихъ содержаніемъ. Отъ такого или иного воззрѣнія на значеніе этихъ памятниковъ зависитъ и выборъ ихъ при преподаваніи исторіи литературы въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и способъ ихъ изученія.

Въ началѣ своей «лекціи» г. Богословскій замѣчаетъ, что литература «содержаніемъ своимъ представляетъ жизнь народа во всей полнотѣ—его бытъ, нравы, степень просвѣщенія. Она, такъ сказать, отражаетъ современную ей жизнь, современное ей общество» (стр. 6). Хотя эта мысль давно уже сдѣлалась трюизмомъ, она не совсѣмъ правильна: литература, какъ-бы широко мы ни понимали ея объемъ, никогда не представляетъ жизни «во всей ея полнотѣ», не исчерпываетъ всѣхъ ея сторонъ... Впрочемъ, и самъ авторъ не прилагаетъ указаннаго положенія къ «дорогому ему предмету»—къ древней русской литературѣ. «Интересъ изученія» послѣдней — какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія — не въ томъ, что она знакомитъ насъ съ культурнымъ состояніемъ современнаго ей общества, а въ томъ, что она служитъ «проявленіемъ высшихъ стремленій человѣческаго духа»,— «высшихъ инстинктовъ», отличающихъ человѣка отъ животныхъ и сводимыхъ авторомъ къ тремъ понятіямъ старой идеалистической философіи—истинѣ, добру и красотѣ. Древняя русская литература—говоритъ онъ—заслуживаетъ нашего вниманія потому, что въ ней можно указать «тѣ черты, которыя высоко цѣнимы и въ произведеніяхъ литературы въ наши дни». Это—религіозность, стремленіе возвысить нравственное достоинство человѣка, стремленіе къ просвѣщенію, любовь къ отечеству; затѣмъ прибавляются еще «поступательное движеніе въ развитіи древней русской литературы, оживленная борьба идей, взаимодѣйствіе книжной и народной словесности, отраженіе съ особой силой выдающихся чертъ народнаго характера» (предпріимчивости и любознательности).

Авторъ особо останавливается на каждой изъ этихъ чертъ, причемъ постоянно употребляетъ одинъ и тотъ-же пріемъ,—пріемъ, который можно назвать *поспѣшнымъ обобщеніемъ*. Трактуя, напр., о религіозномъ началѣ въ древней русской литературѣ, онъ говоритъ, что это начало «не отрываетъ древняго автора отъ дѣйствительной жизни, не вводитъ его въ рамки спеціальныхъ вопросовъ, не разви-

ваетъ нетерпимости, ханжества, но даетъ опредѣленную точку зрѣнія на все совершающееся, даетъ объединяющую нить воззрѣніямъ стараго писателя, даетъ высоту его мысли» (стр. 10). Далѣе слѣдуютъ соотвѣтствующія выдержки изъ «Поученія Владимира Мономаха» и посланій Кирилла Бѣлозерскаго и дѣлается «общій выводъ», представляющій собою перифразъ только-что приведенныхъ нами словъ. Авторъ представляетъ дѣло такимъ образомъ, что выходитъ, будто религіозное начало было извѣстно въ древней Россіи только въ его высшихъ проявленіяхъ, будто-бы въ жизни и въ литературѣ того времени не имѣли мѣста ни нетерпимость (Іосифъ Волоцкій, напримѣръ?), ни аскетизмъ, совершенно отрывавшій людей отъ жизни («лучше счесть одинъ день временной жизни въ дому Божіей Матери, нежели тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничьихъ» — это-ли не отчужденіе отъ жизни?), ни «спеціальные вопросы»...

При такомъ общемъ характерѣ «лекціи», многія частности могутъ окончательно сбить съ толку читателей, для которыхъ она предназначается (учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ), не имѣющихъ достаточныхъ свѣдѣній и самостоятельности мысли для критическаго отношенія къ ней. Такъ, проповѣди Илларіона и Кирилла Туровскаго, составленныя по правиламъ византійской риторики, по словамъ автора, отличаются «научностью» (15); Іосифъ Волоцкій, бывшій въ дѣйствительности только начетчикомъ, называется «мужемъ громадной учености» (52), а его противникъ, Нилъ Сорскій, повторявшій въ своихъ писаніяхъ восточныхъ мистиковъ, оказывается великимъ психологомъ, «съ рѣдкой полнотой и ясностью» анализирующимъ душевныя движенія (29); утверждается даже, что мнѣнія, высказанныя древними книжниками, никогда не расходились съ ихъ поступками (52) и т. д. и т. д. **М. С.**

Три учебныхъ предмета: русскій языкъ, географія и исторія Россіи (въ объемѣ народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ). Часть 1. Сост. Савинъ-Савчукъ, Кіевъ. 1891. Ц. 60 к. Часть 2. Сост. Савинъ-Савчукъ, Товстицкій и Липовецкій. Кіевъ. 1891. Ц. 50 к.

«Книга, предназначенная для классного чтенія въ народныхъ училищахъ, а равно и церковно-приходскихъ школахъ, должна быть приспособлена къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ поставлены упомянутыя училища», вполнѣ справедливо говоритъ составитель на стр. XII своего предисловія, однако поступаетъ совершенно противуположно имъ-же самимъ сказанному. Курсъ земской начальной школы трехлѣтній,

курсы церковно-приходскихъ школъ или двухлѣтнія, или четырехлѣтнія. Изъ этого слѣдуетъ, что, предназначая свою книгу для *всѣхъ* названныхъ разрядовъ школъ, онъ въ сущности сдѣлалъ ее непригодною *ни для одного изъ нихъ*. Далѣе, говоря, что онъ предназначаетъ первую часть для 2-й и 3-й группъ народной школы, составитель оговаривается: «но такъ какъ во многихъ училищахъ классныя занятія начинаются не въ одно время и притомъ съ разной подготовкою учащихся (т.-е. съ учащимися, различающимися по степени своей подготовки), то я и не назначаю предѣла, что должно быть пройдено во 2-й и что въ 3-й группахъ» (стр. XV). Такимъ образомъ, въ методическомъ отношеніи книга составителя нисколько не въ состояніи облегчить трудъ учителя; онъ вполнѣ предоставляетъ его собственнымъ силамъ и умѣнью. Но составитель не довольствуется двумя, даже тремя зайцами, а желалъ-бы уловить еще и четвертаго.

«Почти во всѣхъ сельскихъ народныхъ училищахъ, говоритъ г. Савинъ-Савчукъ, за исключеніемъ весьма малаго числа, библіотеки для внѣкласснаго дѣтскаго чтенія очень бѣдны; во многихъ училищахъ ихъ совершенно не существуетъ; а есть даже и такія училища, которыя нуждаются въ крайне необходимыхъ учебникахъ. Поэтому, *весьма желательно*, чтобы книга, рекомендуемая для класснаго чтенія, была столь объемиста по своему содержанію, чтобы могла служить и для внѣкласснаго чтенія, совмѣщая въ себѣ статьи, касающіяся сельскаго хозяйства. Дѣйствительно, къ изданію приложено 50 страницъ «общеполезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству: огородничеству, садоводству, шелководству и пчеловодству». *Весьма желательна*, однако, бóльшая содержательность подобныхъ отдѣловъ и бóльшая складность самого изложенія. «Почва есть весьма сложное *тѣло*, состоящее изъ *смѣси* разнообразныхъ веществъ»... «Борьба съ каждымъ насѣкомымъ отдѣльно очень трудна, и прежде борьбы необходимо изучить жизнь и свойство того насѣкомаго, которое хотятъ истребить». Послѣ такого общаго указанія—о самыхъ насѣкомыхъ ничего не сообщено. Въ томъ-же Предисловіи, изъ котораго мы привели выдержку, читаемъ далѣе: «Статьи подъ заглавіемъ «Грамматическія правила» входятъ въ разрядъ дѣловыхъ статей и должны быть прочитаны и разсказаны, какъ и всѣ другія статьи». Выходитъ, какъ будто, такъ, что авторъ вовсе устраняетъ подготовительныя упражненія для усвоенія грамматическихъ правилъ? Въ старое время были широко распространены такіе чисто догматическіе пріемы, но нынѣ уже прочно установлены извѣстныя дидактическія положенія, раціональность которыхъ обще признана. Пропедевтическія наведенія и вопрошенія принимали, случалось, у иныхъ учителей, рѣшительно кар-

рикатурныя формы; но это ничуть не умаляетъ значенія разумныхъ дидактическихъ соображеній. И мы недоумѣваемъ, зачѣмъ г. Савинъ-Савчуку понадобился тутъ... заднiй ходъ?! Неужели также г. Савинъ-Савчукъ считаетъ полезнымъ нововведеніемъ, вовсе не обращать вниманія на самую литературную внѣшность предлагаемыхъ образцовъ? Статьи у него берутся и изъ черезчуръ устарѣлыхъ сборниковъ, и изъ совсѣмъ уже нелитературныхъ изданій, и составляются, наконецъ, самимъ авторомъ, который далеко не безукоризненно владѣетъ русскимъ словомъ.

Въ первой части, озаглавленной «Русскій языкъ», помѣщены статьи, совершенно къ обученію языку не относящіяся, и притомъ изложенныя номенклатурно, даже безъ пояснительныхъ рисунковъ. Приводимъ *девять* строкъ изъ статьи «Части тѣла» (стр. 132): «Въ верхней части позвоночнаго хребта прикрѣплены *ребра*, составляющія грудь, или *грудную клѣтку*, въ которой помѣщаются *сердце* и *легкія*; реберъ 12 паръ, а 7 верхнихъ соединены между собою *грудною кистью*, а 5 нижнихъ даже не сходятся концами. Подъ грудью находится *животъ*, отдѣляющійся отъ нея *грудобрюшною преградою*: тамъ занимаютъ мѣсто *желудокъ*, переваривающій пищу, *кишки тонкія и толстыя*, по которымъ она расходится, *печень*, выработывающая *желчь*, нужную для пищи, *поджелудочная железа*, приготовляющая сокъ для той-же цѣли, и другіе органы». Вотъ сколько терминовъ въ 9-ти строкахъ, а на двухъ-трехъ страницахъ цѣлые десятки ихъ...

Во 2-й части книги, составленной гг. Савинымъ-Савчукомъ, Товстицкимъ и Липовецкимъ, даны на 24-хъ стр. самыя сухія, такъ сказать, традиціонныя, обязательнаго шаблона «общія свѣдѣнія по математической, физической и политической» географіи. Языкъ и слогъ статей мѣстами просто приводитъ въ недоумѣніе. «*Равное* пространство, не имѣющее значительныхъ возвышеній или углубленій, называется *равниной*». «Европа меньше *отъ* Азіи въ $4^1/_4$ раза, *отъ* Америки въ 4 раза» и т. д. Страницъ 30 посвящено географіи Россіи. Это, кажется, лучшая часть книги. Приложена довольно отчетливая карта. На стр. 55—116, наконецъ, предлагается и «Исторія Россіи». Имѣя подъ руками въ этомъ случаѣ довольно обширный матеріалъ, обычно помѣщаемый въ хрестоматіяхъ, гг. составители и тутъ, однако, не удерживались отъ «разсказыванія своими словами». «Они (славяне) преимущественно занимались *охотой*. *Рыбная ловля, скотоводство* и *земледѣліе* принадлежали къ числу ихъ *главныхъ* занятій». «Ханъ снарядилъ войско, собираясь мстить русскимъ. Ясно *была*, что гроза *была* близкая и ужасная». И т. д. **А. Н.**

Обзоръ нашихъ дѣтскихъ журналовъ за 1890 годъ.

(Окончаніе).

4) «Задушевное слово». Журналъ для старшаго возраста. (№№ 52, съ ноября 1889 г. по ноябрь 1890 г. Издатель А. М. Вольфъ, редакторъ Н. Х. Вессель).

Большую часть тетрадей журнала занимаютъ три разсказа или повѣсти: 1) «Семья и служба» (№№ 1—41, кромѣ № 8) Б. М. Чистякова; 2) «Зеленый лучъ» (№№ 1—41, кромѣ № 8), переводъ изъ Жюля Верна и 3) «Босоножка» (№№ 1—37, кромѣ 8), переводъ изъ Б. Ауэрбаха. Повѣсть Чистякова,—посмертное произведеніе этого почтеннаго педагога, вмѣстѣ съ своей семьей много потрудившагося для русской дѣтской литературы,—принадлежитъ къ числу наиболѣе неудачныхъ произведеній автора. Резонерство, полное отсутствіе творческой способности, искусственный языкъ, малое знакомство съ тою жизнью, за изображеніе которой авторъ брался,—всѣ эти существенные недостатки покойнаго писателя съ теченіемъ времени дѣлались все болѣе и болѣе очевидными и заслоняли собою тѣ скромныя достоинства, которыми отличались его первые повѣсти и разсказы, относящіеся къ началу пятидесятыхъ годовъ, когда, при крайней скудости тогдашней беллетристики для дѣтей, его произведенія принадлежали къ числу лучшихъ и наиболѣе читаемыхъ дѣтьми. Нынѣ развѣ только въ книгопродавческихъ объявленіяхъ можно встрѣтить о произведеніяхъ Чистякова такіе, напримѣръ, отзывы: «яркими красками авторъ рисуетъ всѣ невзгоды, голодъ и нужду мелкаго быта; какъ въ панорамѣ, проходятъ правдивыя картины страданій этихъ людей, которые, при помощи добрыхъ и нравственныхъ началъ, очень часто выходятъ побѣдителями изъ такой жизни» (см. «Книги для дѣтей и юношества М. Б. Чистякова», объявленіе издателей,—«Товарищества М. О. Вольфъ,—помѣщенное на оберткѣ № 13-го «Задушевнаго слова», отъ 28-го января 1890 г.). Или: «авторъ то развлекаетъ читателя фантастическими во-

сточными сказками, то заводитъ его въ унылый Камчатскій край и изображаетъ сцены страшной мести, разыгрывающіяся въ тамошнихъ тундрахъ, то рисуетъ нѣсколько увлекательныхъ типовъ женщины, то до глубины души трогаетъ разсказомъ о мужѣ, потерявшемъ въ женѣ любимѣйшее существо»; ....кромѣ того преподаетъ множество нравственныхъ началъ, съ свойственнымъ автору умѣньемъ выразить все это въ формѣ интересныхъ, увлекательныхъ разсказовъ, не навязывая ребенку сухой морали» и т. п., и т. п. Помѣщенная въ указанныхъ №№ «Задушевнаго слова» «Семья и служба» названа «повѣстью изъ временъ крымской войны»; въ дѣйствительности-же она начинается 1859 годомъ и оканчивается послѣднею нашею войною съ турками. Содержаніе повѣсти настолько запутанное, что изложить его въ краткихъ словахъ нѣтъ возможности; авторъ перескакиваетъ отъ однихъ лицъ и событій къ совершенно инымъ, выводитъ, ни съ того ни съ сего, новыя личности, приплетаетъ постороннія событія и обстоятельства, нисколько не вытекающія одно изъ другого и только безъ нужды увеличивающія объемъ повѣсти. Въ началѣ повѣсти встрѣчается такая несообразность: кавказскій капитанъ находится въ экспедиціи противъ горцевъ, а между тѣмъ при немъ состоятъ его жена и двое малолѣтнихъ дѣтей—сынъ и дочь. Горцы нападаютъ на русскій лагерь—и жена капитана, разумѣется, храбро защищаетъ отъ нихъ себя и дѣтей и, конечно, съ успѣхомъ. Но самого капитана ранятъ; онъ выходитъ въ отставку и поселяется въ деревнѣ. Чтобы познакомить читателя съ тѣми картинами деревенской жизни, которыя рисуетъ авторъ, и съ разговорами выводимыхъ имъ пейзанъ и вообще съ языкомъ повѣсти, приведемъ небольшой отрывокъ:

«— Что ты, Христосъ съ тобой! Онъ еще молодой: у насъ молодые, почитай, совсѣмъ не пьютъ. Онъ—грамотный, въ школѣ учился, въ книжкѣ читаетъ; а они еще тамъ мальчишками, въ школѣ, положили не пить. Учительница тамъ у нихъ была, добрѣйшая такая, ласковая, генеральская дочь, говорятъ, и какая-же умница-разумница, все знаетъ — и про скотъ, и про звѣрей разныхъ, не нашинскихъ, и про птицъ, и про гадовъ всякихъ, и про людей, даже про звѣзды, про все, про все». И т. д.

Дѣти капитана—натуры исключительныя. «Учитель словесности въ школѣ, гдѣ находился Яша, предлагалъ своимъ ученикамъ писать задачи не на заданныя темы, но о чемъ имъ вздумается и какъ имъ вздумается, чтобы не стѣснять и не губить ихъ самостоятельности. Яша обрадовался этому и писалъ о водѣ рѣчной, болотной, колодезной, о топкѣ печей, объ образованіи лягушки, бабочки и т. д., о добываніи соли, селитры, желѣза, золота и другихъ металловъ и объ употребленіи ихъ, о каменныхъ и деревянныхъ постройкахъ, о выводѣ и

воспитаніи цыплятъ и другихъ птицъ». О сестрѣ Яши, Лизѣ, «и классныя дамы, и дѣвицы говорили: «это умная, добрая, деликатная, симпатичная, но какая-то странная дѣвушка». А странность ея состояла, во-первыхъ, въ томъ, что она говорила своимъ товарищамъ не о юнкерѣ Полѣ, не о прапорщикѣ Сержѣ, даже не о студентѣ-малороссіянинѣ Пустенко-Хвастуненко, который будто восторженно говорилъ о живой водѣ знанія, почерпаемаго изъ газетъ, о практической сторонѣ жизни, натурализмѣ въ любви и т. д.; а говорила все о какомъ-то учителѣ, лекарѣ или аптекарѣ, да о боровикахъ, груздяхъ, о дикихъ гусяхъ, лебедяхъ, перепелкахъ, о соснахъ, елкахъ, рябинахъ, дикой малинѣ и смородинѣ и другихъ предметахъ, низкихъ для образованной дѣвушки, особенно для институтки благороднаго заведенія» (№ 26, стр. 404—405).

Въ такомъ родѣ и такимъ языкомъ написана вся повѣсть. По тѣмъ маленькимъ кусочкамъ, какими она тянется въ журналѣ, ее еще можно читать, но прочесть сряду всю эту шумиху риторическихъ фразъ и измышленій едва-ли будетъ въ состояніи даже самый завзятый любитель чтенія изъ дѣтей и юношей.

Но въ повѣсти Чистякова видны хоть «добрыя намѣренія» автора; въ повѣсти Жюля Верна нѣтъ даже и этого. Въ противуположность другимъ произведеніямъ этого автора, «Зеленый лучъ» лишенъ даже видимой занимательности; только по временамъ, мѣстами юморъ, довольно, впрочемъ, примитивнаго качества, нѣсколько оживляетъ скучный разсказъ о похожденіяхъ молодой дѣвушки и двухъ ея дядей, старыхъ холостяковъ. Молодой особѣ вздумалось увидѣть «зеленый лучъ», т.-е. «послѣдній лучъ, посылаемый солнцемъ въ ту минуту, когда верхній край его диска освѣщаетъ горизонтъ, и если онъ зеленъ, такъ это, быть можетъ, потому, что, проходя сквозь узкіе слои воды, онъ отражаетъ на себѣ ея цвѣтъ. Этотъ цвѣтъ, можетъ быть, есть естественное послѣдствіе внезапно исчезающаго краснаго цвѣта диска, впечатлѣніе котораго сохраняется нашимъ глазомъ, ибо зеленый цвѣтъ, какъ учитъ оптика, есть дополнительный отъ краснаго» (№ 27, стр. 12—13). Избалованная дѣвушка, однако, не хочетъ ничего слышать о научной сторонѣ физическаго явленія, ей хочется просто видѣть его, и для этого она, въ сопровожденіи дядей, и переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто; нѣсколько разъ она могла-бы увидѣть желанный лучъ, но какое-нибудь обстоятельство мѣшаетъ ей въ этомъ. Наконецъ, ей представляется полная возможность увидѣть «зеленый лучъ», но ея головка занята уже не тѣмъ. Вотъ заключительная сценка:

«— Зеленый лучъ! Зеленый лучъ! одновременно воскликнули братья

Мельвили, Бессъ и Петриджъ, во взорахъ которыхъ на мгновеніе отразился безподобный цвѣтъ жидкаго зеленчака.

«Только Оливье (молодой человѣкъ, съ которымъ познакомилась во время своихъ путешествій племянница Мельвилей) и Елена не замѣтили этого явленія, которое наконецъ предстало ихъ взорамъ послѣ столькихъ безплодныхъ наблюденій.

«Въ ту самую минуту, когда солнце отбросило свой послѣдній лучъ, ихъ взгляды встрѣтились, и они въ своемъ созерцаніи другъ друга забыли обо всемъ въ мірѣ. Елена видѣла только черный лучъ, исходившій изъ глазъ молодого человѣка, а Оливье голубой — исходившій изъ прекрасныхъ глазъ молодой дѣвушки.

«Солнце скрылось окончательно. Ни Оливье, ни Елена не видали зеленаго луча» (№ 41, стр. 236).

«— А, вѣдь, правду сказать, дорогая Елена, мы не видѣли этого луча, который такъ желали видѣть, сказалъ Оливье Синклеръ.

«— Мы видѣли больше, тихо проговорила молодая женщина. — Мы обрѣли само счастье, которое легенда связываетъ съ наблюденіемъ этого явленія... Будемъ-же довольны, дорогой мой, и предоставимъ отысканіе зеленаго луча тѣмъ, кто не знаетъ счастья и жаждетъ найти его» (ib.).

Переводный разсказъ Ауэрбаха «Босоножка»—прелестенъ. Повидимому, онъ принадлежитъ къ циклу лучшихъ произведеній автора—Dorfgeschichten, имѣющихъ въ нѣмецкой литературѣ почти то-же значеніе, какое имѣютъ у насъ «Записки охотника» Тургенева. Такимъ образомъ, лучшій разсказъ въ русскомъ дѣтскомъ журналѣ—«переводный» и написанъ совсѣмъ не для дѣтей спеціально.

Что касается другихъ произведеній беллетристическаго характера, помѣщенныхъ въ «Задушевномъ словѣ», то изъ довольно значительнаго количества ихъ мы могли-бы, при всей снисходительности, указать развѣ на пять-шесть (напримѣръ: «Жестокая забава» (№ 5), «Солнце спасло» (№ 12), «Полѣсовщикъ» (подраж. «Бирюку» Тургенева) (№ 12), «У татаръ въ Крыму» (№№ 36—37), «Али Крупичъ» (№№ 38—41) и немногіе другіе, которые можно отнести къ числу сносныхъ. Многіе разсказы (напримѣръ: «Эхъ, тройка» (№ 9), «Гроза гимназіи» (№ 25), «Не ради славы» (№ 31) и др.) подлажены къ имѣвшимся картинкамъ, и притомъ такъ неловко, что на рисункѣ (напримѣръ, въ № 25) изображена школа и школьники иностранные—французскіе или нѣмецкіе,—а между тѣмъ въ разсказѣ говорится о русской гимназіи и русскихъ гимназистахъ. Иные разсказы представляютъ собою голую мораль, напримѣръ, «Анюта Бредихина»—М. Андреевой. Эта Анюта «любила гулять, веселиться, посѣщать театръ, дѣлать визиты подругамъ, но только не учиться и не работать»; вообще являлась совершенной противуположностью своей подруги—дѣвочки, конечно, прилежной и умной. На танцовальномъ вечерѣ Анюта съ дру-

гою подругою, несмотря на отговариванья нравственной Кати, идетъ подслушивать, что говорятъ про нихъ молодые люди, и слышитъ такія рѣчи:

«— Я, господа, Бредихину приглашаю на котильонъ, слышалось въ группѣ молодыхъ людей.

«— Не могу васъ поздравить, говорилъ голосъ, хорошо знакомый Анютѣ.—Красивая-то она, красивая, но въ то-же время она совсѣмъ глупенькая, невѣжественна, какъ малый ребенокъ, только безъ наивности ребенка, съ самонадѣянностью много воображающей о себѣ красивой куклы.

«— Я, видно, не прогадалъ, что взялъ скромненькую Скоровѣрову. Преумненькая барышня.

«— Кто любитъ пошевелить мозгами, тотъ не увлекайся хорошенькими. Вотъ хоть-бы здѣшняя, дочь дома Бредихина, послышалось въ другой группѣ:—о театрѣ да о погодѣ только и говорить съ нею можно.

«— Противные! съ негодованіемъ прошептала Катя и убѣжала, увлекая Анюту» (стр. 371).

«Вечеръ у дяди былъ случайнымъ толчкомъ, давшимъ мыслямъ Анюты другое направленіе. Она стала вслушиваться, вдумываться и замѣчать многое такое, на что прежде не обращала вниманія. Пожелавъ найти отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, она взяла книгу, другую, и незамѣтно заинтересовалась. Чѣмъ болѣе она читала, тѣмъ болѣе уясняла себѣ свое невѣжество и, наконецъ, рѣшилась пополнить свое образованіе. Пришлось выдержать борьбу съ недовѣріемъ, съ насмѣшками окружающихъ. Она все выдержала, отказалась отъ выѣздовъ, налегла на занятія и черезъ годъ выдержала экзаменъ при 6-й гимназіи, а потомъ поступила на женскіе курсы» (№ 24, стр. 371—372).

Что и требовалось доказать. А еще изъ разсказа слѣдуетъ тотъ выводъ, что и подслушивать молодымъ дѣвушкамъ разговоры молодыхъ людей иногда далеко не безполезно.

Стихотвореній въ журналѣ немного; всѣ они посредственны, но все-таки лучше, нежели въ другихъ дѣтскихъ журналахъ, напр., въ «Дѣтскомъ чтеніи».

Значительная часть статеекъ научнаго содержанія принадлежитъ покойному Карновичу; написаны онѣ сухо, но, при своемъ небольшомъ объемѣ (только статья объ императорѣ Александрѣ I помѣщена въ трехъ (31—33) нумерахъ), могутъ быть прочитаны дѣтьми средняго возраста не безъ интереса. Таковы статейки названнаго автора: «Какъ развивался Петербургъ послѣ Петра Великаго» (№ 7), «Первыя книги, напечатанныя въ Петербургѣ» (№ 11), «Печатное дѣло въ Россіи» (№ 16), «Гришка Отрепьевъ» (№№ 27 и 28), «Боярскія усадьбы въ Москвѣ» (№ 40); затѣмъ: «Масляница въ Мемфисѣ» изъ Мерца (№ 14), «Издѣлія изъ горнаго хрусталя» Новинскаго (№ 17), «Разрушившійся исполинъ» Альмедингена (№№ 32 и 33), «Исчезнувшій дворецъ» Каренина (№ 45) и немногіе другіе.

Въ отдѣлѣ «обо всемъ понемногу» даются описанія помѣщенныхъ въ немъ рисунковъ городовъ, зданій, краткія біографіи и т. п. Рисунки здѣсь, какъ и вообще въ журналѣ, въ техническомъ отношеніи по большей части вполнѣ удовлетворительны.

Въ журналѣ, наконецъ, помѣщаются письма читателей, отъ 15—20 писемъ въ каждомъ нумерѣ. Цѣль этой дѣтской переписки, по объясненію редакціи (№ 1, стр. 14—15), состоитъ въ томъ, что при помощи ея дѣти могутъ дѣлиться своими знаніями, учить друга друга. «Если у кого-нибудь изъ читателей является какой-либо вопросъ, на который онъ самъ не въ состояніи себѣ отвѣтить, то изъ 20.000 читателей «Задуш. слова» непремѣнно найдется нѣсколько человѣкъ, хорошо знакомыхъ съ предметомъ этого вопроса и готовыхъ охотно отвѣтить на вопросъ». «Свѣдѣнія, заключающіяся въ этихъ отвѣтахъ, усваиваются, конечно, и другими читателями журнала, просматривающими «Почтовый ящикъ», и такимъ образомъ «Почтовый ящикъ» незамѣтно расширяетъ кругъ познаній молодыхъ читателей журнала». Кромѣ того, читателямъ рекомендуется присылать въ почтовый ящикъ «также письма обо всемъ, что они встрѣчали, видѣли, переживали или слышали интереснаго и замѣчательнаго». По словамъ редакціи: «Почтовый ящикъ» «Задушевнаго слова» всегда открытъ для всякихъ дѣльныхъ и интересныхъ сообщеній своихъ читателей и разсчитанъ на то, чтобы пріучить ихъ самостоятельно, сжато, грамотно и связно излагать свои мысли». «Редакція помѣщаетъ только тѣ письма, которыя могутъ представлять интересъ для всѣхъ читателей журнала». «Надѣемся, говорится въ заключеніе, что наши новые читатели такъ-же скоро освоятся съ «Почтовымъ ящикомъ» и полюбятъ его, какъ скоро съ нимъ освоились и полюбили его наши старые (sic) читатели, которымъ, пользуясь случаемъ, шлемъ, какъ и въ прошлыхъ годахъ, свое искреннее привѣтствіе, какъ старымъ друзьямъ и знакомымъ».

Система взаимнаго обученія, при которомъ дѣти одного и того-же приблизительно возраста учатъ одинъ другого, давно уже признана несостоятельною въ школѣ, тѣмъ болѣе неумѣстна она въ дѣтскомъ журналѣ, при полномъ отсутствіи контроля со стороны старшихъ. Свѣдѣнія должны пріобрѣтаться дѣтьми въ извѣстной системѣ, какъ это и дѣлается при школьномъ обученіи. Но, конечно, у дѣтей возбуждаются различнаго рода вопросы и помимо обученія; многіе изъ этихъ вопросовъ вздорны, еще болѣе такихъ, на которые трудно дать надлежащій, обстоятельный отвѣтъ, такъ какъ умственныя силы вопрошающаго еще не созрѣли для его пониманія. Трудно и взрослому вести

бесѣду, при непосредственномъ общеніи съ ребенкомъ, даже зная хорошо степень его умственнаго развитія; какъ-же можетъ давать сколько-нибудь обстоятельные отвѣты на хотя сколько-нибудь серьезные для ребенка вопросы другой ребенокъ, и притомъ еще на разстояніи другъ отъ друга цѣлыхъ сотенъ и тысячъ верстъ? Увѣрять, что это возможно, не значитъ-ли грубо обманывать дѣтей? Затѣмъ, если у ребенка возбудился какой-либо вопросъ, если онъ хочетъ о чемъ-либо узнать, то желаетъ получить отвѣтъ тотчасъ-же, иначе, при подвижности дѣтской природы, у него пропадаетъ интересъ къ отвѣту, а тутъ, въ «Почтовомъ ящикѣ» «Задушевнаго слова», онъ получаетъ отвѣтъ, да и то по большей части вздорный, какъ въ этомъ легко убѣдиться, черезъ три-четыре недѣли, а то и болѣе, если читатель живетъ далеко отъ Петербурга. Сами по себѣ, отвѣты не могутъ основательно интересовать и другихъ читателей журнала. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя безъ системы, всякаго рода случайныя свѣдѣнія, получаемыя ребенкомъ, не отвѣчающія его внутренней потребности въ знаніи, не имѣющія надлежащей почвы, съ которою они могли-бы ассоціироваться, — такія свѣдѣнія быстро улетучиваются, т. е. нисколько не расширяютъ «круга познаній» юныхъ читателей. Внимательный просмотръ «Почтоваго ящика» «Задушевнаго слова» убѣдилъ насъ, что серьезныхъ,—для дѣтскаго, конечно, возраста, — вопросовъ въ немъ почти и не задается читателями, и еще менѣе получается удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Вопросы задаются большею частію совершенно пустячные, и чѣмъ пустячнѣе вопросъ, тѣмъ больше получается на него отвѣтовъ. Сожалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести достаточное количество выписокъ, подтверждающихъ наше наблюденіе, но каждый читатель, серьезно интересующійся вопросомъ о дѣтскихъ письмахъ въ дѣтскомъ журналѣ, легко можетъ убѣдиться въ справедливости нашего приговора, просмотрѣвъ «Почтовый ящикъ» въ 5—6 нумерахъ «Задушевнаго слова».

Что касается писемъ дѣтей обо всемъ, что они «видѣли, пережили или слышали интереснаго и занимательнаго», то такихъ писемъ помѣщается въ «Задушевномъ словѣ» менѣе, нежели писемъ перваго рода. На нашъ взглядъ, помѣщеніе послѣднихъ еще болѣе неумѣстно въ дѣтскомъ журналѣ, даже прямо вредно. Вопреки увѣреніямъ редакціи журнала, они не могутъ пріучить дѣтей къ «самостоятельному, сжатому, грамотному и связному изложенію своихъ мыслей». Такая работа должна производиться при контролѣ со стороны учителя, да и то случается, что ему подаютъ домашнія работы, сдѣланныя за ученика другими или при болѣе или менѣе значительной посторонней

*

помощи; какъ-же можно контролировать самостоятельность писаній, присылаемыхъ за сотни и тысячи верстъ? И дѣйствительно, въ «Почтовомъ ящикѣ» можно много встрѣтить такихъ работъ, которыя. очевидно, если не написаны, то въ значительной степени поправлены старшими, а между тѣмъ печатаются какъ самостоятельныя. Развѣ это педагогично? Кромѣ того, не вызываются-ли эти писанія чувствомъ тщеславія и, въ свою очередь, не развиваютъ-ли его въ дѣтяхъ; не вводятся-ли тутъ въ соблазнъ «малые сіи»? По большей части въ «Почтовомъ ящикѣ» «Задушевнаго слова» печатаются такія «произведенія» дѣтей, нелѣпость и вздорность которыхъ видна даже для многихъ самихъ юныхъ читателей *), которые такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ пріучаются съ неуваженіемъ смотрѣть на печатное слово. Замѣчательно еще, что письма, въ которыхъ высказывается похвала редакціи, безъ церемоніи помѣщаются ею въ «Почтовомъ ящикѣ» **). Смѣтливыя дѣти, конечно, скоро поймутъ, какую обстановку надо придать своему посланію, чтобы оно было напечатано предпочтительно передъ другими. Однимъ словомъ, здѣсь все разсчитано на дѣтское тщеславіе. Можно-ли давать такой журналъ въ руки дѣтямъ — пусть рѣшатъ сами читатели.

Въ приложеніи къ журналу данъ первый томъ «Полнаго собранія сочиненій Жюля Верна», а именно «20.000 лье подъ водою», а затѣмъ «Выпиливаніе изъ дерева» г. Глубоковскаго и описаніе «игры въ мячъ» (лаунъ-теннисъ) г. Волкова. За два послѣднія приложенія нельзя не поблагодарить редакцію.

5) «Задушевное слово». Журналъ для младшаго возраста. (№№ 52,

---

*) Въ № 5 «Русской Школы» за 1890 г. (стр. 135—136) приведено нѣсколько образцовъ произведеній дѣтей изъ «Почтоваго ящика» «Задушевнаго слова» за 1889 годъ.

**) Напр., заключеніе письма Е. Никольскаго: «Благодарю Редакцію за то, что она помѣстила повѣсть «Семья и служба» и стишки «Наказанъ». Эта повѣсть и эти стишки мнѣ очень нравятся» (№ 10, стр. 159). И. Туръ, 11 лѣтъ, пишетъ: «Дорогая Редакція! Я очень благодаренъ за журналъ «Задушевное слово»; мнѣ очень нравятся разсказы: «Семья и служба», «Босоножка», «Зеленый лучъ» и т. д. и т. д. (№ 23, стр. 367). «Лучшее мое развлеченіе—это «Задушевное слово». Я всегда его читаю съ большимъ удовольствіемъ» (№ 39, для младшаго возраста). «Дорогая Редакція! Благодарю васъ за то удовольствіе, которое вы доставляете мнѣ журналомъ. Я люблю читать и съ нетерпѣніемъ ожидаю каждую среду, чтобы поскорѣй увидѣть и прочесть мой милый журналъ, который берегу, какъ на память» (ib). «Благодаримъ васъ, милая Редакція, за милый журналъ» (ib.). И т. д. и т. д.

съ ноября 1889 по ноябрь 1890 г. Издатель А. М. Вольфъ, редакторъ Н. Х. Вессель).

Второй отдѣлъ «Задушевнаго слова», предназначенный для младшаго возраста, отличается тѣмъ-же характеромъ, какъ и отдѣлъ первый. Статей научнаго содержанія въ немъ почти нѣтъ. Между беллетристическими статейками найдется съ десятокъ недурныхъ (напримѣръ: «Лихой всадникъ» въ № 1-мъ, «Чудная травка» №№ 1—6, «Петрушка у больной дѣвочки» № 3, «Воспитаніе слона» № 5, «Что случилось съ Мишкой Топтыгинымъ» № 10, «Музыканты» № 37, «Маленькій фокусникъ» № 38 и другіе, разсказъ «Внукъ гордаго барона» №№ 1—7, 9—52 былъ-бы хорошъ, если-бы не былъ испорченъ передѣлкою или, правильнѣе, поддѣлкою къ русской жизни), но они рѣшительно тонутъ въ массѣ невообразимой посредственности и бездарности. За хорошее поведеніе сейчасъ-же дается награда, за дурное—немедленно слѣдуетъ наказаніе. Непослушный Миша поѣхалъ на велосипедѣ,—результатъ: «Миша лежалъ безъ чувствъ. Собрался народъ, подняли бѣднаго мальчика и отнесли домой. Несчастный переломилъ себѣ ногу. Шесть недѣль пришлось пролежать ему въ постелѣ, а бѣдной мамѣ промучиться, ухаживая за нимъ. Дорого поплатился Миша за свое непослушаніе» (№ 30 «Вперегонку»), «Онъ почувствовалъ свою несправедливость къ людямъ, и слезы навернулись на его глазахъ» (№ 36, «Вася»). «Ракету взорвало прямо въ лицо Миши. Закричалъ шалунъ благимъ матомъ и отъ боли вверхъ подскочилъ. Долго оставалась на лицѣ и на рукахъ Миши память о фейерверкѣ» (№ 39, «Неудачный фейерверкъ»). Такою грубою моралью пропитаны даже подписи къ рисункамъ. Въ № 24 изображена женщина, дерущая ребенка, а подпись гласитъ: «Вѣрно много нашалили, если розги заслужили». Награждаются или наказываются, смотря по дѣяніямъ, не только дѣти, но даже животныя. Рубрики «Обо всемъ по немногу» и «Почтовый ящикъ» имѣются и въ этомъ отдѣлѣ. Рисунки и внѣшность журнала удовлетворительны, но они не выкупаютъ его внутренняго безобразія.

6) «Игрушечка». Журналъ для дѣтей младшаго возраста 1890 г. (12 №№ въ годъ. Редакторъ-издательница А. Тюфяева-Толивѣрова).

Многіе изъ пишущихъ для дѣтей все какъ-то не могутъ отрѣшиться отъ мысли, что для дѣтей, въ особенности младшаго возраста, нуженъ какой-то особый языкъ, не простой и понятный дѣтямъ языкъ, а языкъ искусственный, извращенный, на которомъ разговариваютъ съ дѣтьми плохія няньки, салопницы и вообще разные подхалимки, которыя никогда не скажутъ ребенку просто «здравствуйте», «дайте,

ручку», но непремѣнно: «злавствуйте», «дайте лючку» и т. п. Эти дѣтскіе писатели и преимущественно писательницы не будутъ разсказывать ребенку объ овцѣ, напримѣръ, просто какъ о таковой, а непремѣнно сочтутъ своимъ долгомъ наплести предварительно съ три короба околесицы, заставятъ говорить и дѣйствовать неодушевленные предметы и т. п. Отъ этихъ недостатковъ далеко не свободна большая часть статей «Игрушечки» за обозрѣваемый годъ. Въ 1-мъ-же нумерѣ ея помѣщена статья С. Лаврентьевой «Въ темномъ лѣсу. Разсказъ перелетнаго вѣтра». Вѣтеръ разговариваетъ съ деревьями; онъ сообщаетъ имъ, что рубятъ деревья и до нихъ, съ которыми онъ бесѣдуетъ, добираются. Рубятъ елки, т.-е. рождественскія елки. «Разукрасятъ васъ,—разсказываетъ вѣтеръ,—принарядятъ такъ, какъ не наряжалъ васъ ни закатъ золотистый, ни лучъ луны серебристый, ни роса алмазная, ни заря румяная. Будутъ около васъ кружкомъ ходить, будутъ любоваться-радоваться вами, какъ не любовалась вами бѣлка пушистая, не радовалась пташка голосистая» (стр. 3—4). Казалось-бы, ужь если авторъ одухотворилъ, очеловѣчилъ елку, то она, ради послѣдовательности, и чувства должна имѣть человѣческія, т.-е. страдать, напримѣръ, отъ физической боли, когда ее рубятъ, т.-е. уничтожаютъ ея существованіе. Но у дѣтскихъ авторовъ выходитъ не такъ. «Понравились такія рѣчи кудрявымъ елкамъ.—Разскажи намъ, вѣтеръ, что про насъ слышалъ, что самъ видѣлъ. Зачѣмъ насъ люди рубятъ, зачѣмъ украшаютъ? Кому это нужно? Кому это любо?» Вѣтеръ разсказываетъ объ обычаяхъ украшать деревья и о томъ, какъ въ разныхъ странахъ проводятъ святки. Въ этомъ вся суть разсказа: къ чему-же тутъ приплетать разговоры вѣтра съ елками, для чего заставлять послѣднія радоваться своей смерти? «Ахъ какъ хорошо! какъ хорошо! зашептали елки» (стр. 5), выслушавъ разсказъ вѣтра. Въ одномъ разсказѣ въ отдѣлѣ для малютокъ (№ 11), Яшѣ даютъ три яблока. Одно яблоко говоритъ: «Скушай меня! Я сладкое, я разсыпчатое, *я люблю, когда меня кусаютъ*». Второе проситъ Яшу: «Меня скушай! Я еще лучше, я еще разсыпчатѣе, я во рту такъ и таю». Но третье закричало: «Не хочу! не хочу! Не люблю, когда меня кусаютъ! Не дамся!» Это яблоко вырвалось, укатилось подъ комодъ, «запряталось въ темный уголъ, гдѣ пыль и паутина, и долго дулось тамъ и плакало, а потомъ и сгнило». Какое глупое яблоко! Въ самомъ дѣлѣ, не лучше-ли было ему разложиться въ желудкѣ Яши, нежели гдѣ-то въ пыли, подъ комодомъ... Не то, конечно, видимъ мы въ народныхъ сказкахъ, дѣйствительно поэтическихъ созданіяхъ творческой фантазіи народа. Разъ неодушевленный предметъ одухотворенъ этой фан-

тазіей, то онъ уже и дѣйствуетъ какъ дѣйствительно живое существо, всѣ его поступки послѣдовательно, логично вытекаютъ изъ его положенія... Разсказъ г-жи Владиміровой объ овцѣ названъ «Надино пальто» (№ 1) и начинается такъ: «Мама, что это Костя говоритъ, будто на красной подкладкѣ моего пальто ползаетъ червякъ, а на его покрышкѣ бѣгаетъ овца? Вовсе нѣтъ! Зачѣмъ онъ меня дразнитъ, мама, и говоритъ такой вздоръ», негодовала Надя.—Это загадку тебѣ Костя задалъ, а не вздоръ сказалъ, смѣясь, отвѣчала мама.—Подумай—чѣмъ *подложено* твое пальто?» (стр. 36). Пальто—на шелковой подкладкѣ, а верхъ ея суконный—вотъ и разгадка. Начало статьи объ орѣхахъ (№ 6, «Фунтъ орѣховъ»—Е. Симоновой): «Какъ скучно и темно въ этомъ противномъ бумажномъ мѣшкѣ, ворчалъ грецкій орѣхъ, попавшій въ фунтъ смѣси орѣховъ, выбираясь на верхъ». Эта искусственность пріемовъ, повторяемъ, много вредитъ журналу. Къ статьямъ, болѣе или менѣе пригоднымъ для младшаго возраста, можно отнести: «Сиротская елка» (№ 1), «Художникъ» (№ 4), «Обманутыя ожиданія» (№ 4), «Весною» (№ 5), «Въ Финляндскомъ лѣсу лѣтомъ и осенью» (№№ 7 и 8), «Ѳомка» (№ 10), «Доброе слово пастыря» (№ 12), «Король спитъ. Изъ старинныхъ преданій» («Юбилейный сборникъ», приложеніе).

Журналъ, повидимому, имѣетъ доброе намѣреніе дать рядъ послѣдовательныхъ разсказовъ изъ русской исторіи, но начало, сдѣланное М. Колоколовою («Былое. Историческіе разсказы»), не возвышается надъ уровнемъ того, что обыкновенно дается въ посредственныхъ учебникахъ.

Стихотвореній немного; между ними есть и такое, принадлежащее В. Острогорскому, подъ заглавіемъ «Финская пѣсня» (№ 9).

Захотѣлъ попировать,—
Есть вода въ ручьѣ студеномъ,
Превосходнѣйшій напитокъ!
Захотѣлъ поѣсть послаще—
Есть и черный хлѣбъ въ усладу,—
Правда, онъ съ корой немножко,
Но онъ очень, очень вкусенъ!

По нынѣшнимъ временамъ эта пѣсня неунывающаго финна очень, очень поучительна...

Въ отдѣлѣ «для малютокъ» матери найдутъ нѣсколько вещицъ, которыя онѣ могутъ прочесть или разсказать своимъ дѣтямъ; таковы: «Домикъ подъ снѣгомъ» (№ 1), «Споръ»—стихотвореніе (№ 2), «Снѣговые человѣчки» (№ 2), «Апельсинъ» (№ 7), «Какъ Маринка пшеницу жала» (№ 7), «Какъ дѣти купали собаку» (№ 8), «Коля док-

торъ» (жаль, что конецъ испорченъ) № 9, «Спасенный зябликъ» (№ 11), «Встрѣча съ волкомъ» (№ 12), «Горемыка зайка» (№ 12).

Рисунки и печать недурны, но бумага для иллюстрированнаго изданія должна-бы быть лучшаго качества.

Журналъ «Семейные вечера» въ 1890 году до декабря мѣсяца не выходилъ; декабрскія книжки помѣчены нумеромъ первымъ, такъ что подписной годъ слѣдуетъ считать съ декабря 1890 г. по декабрь 1891 г., а потому въ обзоръ дѣтскихъ журналовъ за 1890 годъ «Семейные вечера» входить не могутъ. Первый нумеръ этого изданія ни чѣмъ, впрочемъ, не отличается отъ книжекъ за прежніе годы.

К. М.

Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

Revue de l'enseignement secondaire et de l'enseignement supérieur. (Второе полугодіе 1890 г.). Общая характеристика этого журнала за первое полугодіе 1890 года была уже сдѣлана въ февральской книжкѣ «Русской Школы» за текущій годъ.

Переходя ко второму полугодію, мы имѣемъ въ виду остановиться на тѣхъ статьяхъ журнала, которыя особенно ярко обрисовываютъ современное направленіе общаго образованія во Франціи.

Во второй половинѣ прошедшаго года бюджетная коммиссія, по соглашенію съ правительствомъ, высказалась за отмѣну кредита въ 200.000 франковъ для школы Клюни, которая не оправдывала возложенныхъ на нее надеждъ. Вопросъ этотъ разсматривался въ палатѣ депутатовъ въ связи съ вопросомъ о реформѣ средняго образованія вообще, и по этому поводу министръ народнаго просвѣщенія произнесъ рѣчь, въ которой онъ высказался за необходимость создать систему новаго образованія, параллельную старой, классической системѣ.

Министръ признаетъ вполнѣ справедливость того мнѣнія, что французская школьная система заслуживаетъ упрека не за то, что *слишкомъ много* латыни дается тѣмъ, кому нужна латынь, а за то, что ей обучаютъ *слишкомъ многихъ*, которымъ она не нужна.

До сихъ поръ министерство старалось о томъ, чтобы прочно установить классическое образованіе и создать единство классической системы. Въ настоящее время оно переходитъ ко второй половинѣ своей задачи,—къ созданію системы новѣйшаго общаго (гуманнаго) образованія.

Существующая система такъ-называемаго *спеціальнаго* образованія оказывается несостоятельною, потому что въ основу ея были положены двѣ противорѣчивыя идеи: система эта имѣла въ виду сообщить одновременно и классическое, и профессіональное образованіе.

Опытъ школы въ Клюни доказалъ несовмѣстимость этихъ двухъ

цѣлей: обученіе ручному труду въ мастерскихъ, созданныхъ при этой школѣ, было подавлено классическою системою обученія, и отъ этихъ мастерскихъ осталось только одно воспоминаніе.

Такимъ образомъ возникаетъ необходимость трехъ типовъ образованія.

Первый изъ нихъ долженъ быть истинно профессіональнымъ; но въ заведеніяхъ этого типа не можетъ быть одной общей программы: эта программа должна быть выработана согласно мѣстнымъ условіямъ. Профессіональное образованіе не подлежитъ централизаціи, и государственное вмѣшательство въ его сферу должно ограничиваться только поощреніемъ мѣстной иниціативы.

Второй типъ—старо-классическія школы. Онѣ предназначаются для тѣхъ, кто обладаетъ достаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, достаточнымъ запасомъ свободнаго времени и желаніемъ достичь высшаго интеллектуальнаго развитія.

Между этими двумя крайними типами должно быть отведено обширное пространство для третьяго типа школъ, въ основу курса которыхъ должно быть положено изученіе новѣйшихъ словесныхъ наукъ.

Въ такихъ школахъ въ настоящее время чувствуется настоятельная потребность.

Французскій языкъ и французская литература могутъ дать богатый матеріалъ для истинно гуманнаго образованія. Нѣтъ надобности обращаться къ Риму и Греціи за примѣрами героизма и гражданской доблести: въ исторіи Франціи найдется много благородныхъ, великихъ идей, на которыхъ можно воспитать въ полномъ смыслѣ слова человѣка нашего времени, хорошаго француза и хорошаго гражданина.

Образованіе въ школахъ этого третьяго типа должно быть дѣйствительно общимъ образованіемъ, безъ всякой профессіональной примѣси. Учителя этихъ школъ должны быть уравнены въ правахъ съ учителями школъ классическихъ: при равенствѣ правъ учительскаго персонала создается и нравственное единство между всѣмъ школьнымъ населеніемъ, и ученики старо-классической школы не будутъ смотрѣть свысока на своихъ товарищей ново-классиковъ, какъ это замѣчается въ ихъ отношеніи къ ученикамъ нынѣшнихъ *спеціальныхъ* школъ. Съ уравненіемъ учительскихъ правъ сдѣлается возможнымъ соединять старо-и ново-классиковъ на общихъ урокахъ исторіи, географіи и новыхъ языковъ, такъ какъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ не можетъ быть двухъ различныхъ методовъ обученія одному и тому-же.

Министръ обратился къ палатѣ съ предложеніемъ отмѣнить кре-

дитъ, назначавшійся для школы Клюни, указавши на то, что если большинство выскажется за сохраненіе этого кредита, то такое рѣшеніе будетъ означать, что палата желаетъ сохранить за спеціальнымъ образованіемъ его спеціальное мѣсто, что она не признаетъ равноправности между старой и новой классической системой, не признаетъ равноправности преподавателей,—однимъ словомъ, желаетъ сохранить неравенство учителей, учениковъ и предметовъ обученія. Если-же большинство выскажется за отмѣну названнаго кредита, то, значитъ, палата желаетъ, чтобы на одномъ и томъ-же основаніи, рядомъ другъ съ другомъ, возникли двѣ одинаково важныя, одинаково плодотворныя, одинаково необходимыя системы общаго образованія —старо-классическая и ново-классическая.

Палата, большинствомъ 362 голосовъ противъ 140, рѣшила упразднить спеціальную школу въ Клюни съ начала 1891 учебнаго года (№ 10).

Цѣль и задачи школы, въ основу которой должно быть положено изученіе новѣйшихъ словесныхъ наукъ, разсматриваются въ статьѣ Э. Шавелона.

Прежде думали, что единственная цѣль среднеучебнаго заведенія или, иначе говоря, единственная цѣль изученія словесныхъ наукъ—образованіе и развитіе личнаго эстетическаго вкуса.

Этотъ принципъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ настоящаго времени.

При такомъ чисто формальномъ принципѣ игнорируется самое содержаніе курса; принципъ этотъ мало содѣйствуетъ развитію характера; онъ страдаетъ слишкомъ большою отвлеченностью, является внѣ условій мѣста, времени и національности.

Въ XVII вѣкѣ общество видѣло въ литературѣ развлеченіе; къ ней обращались въ свободное отъ занятій время; ловкіе воспитатели, отцы іезуиты установили взглядъ на литературу, какъ на украшеніе аристократическихъ или ученыхъ досуговъ. Труды Монтескье, Вольтера, Дидро и Ж. Ж. Руссо не отразились на строѣ современной имъ школы. Духъ ея почти не измѣнился и впослѣдствіи: до реформъ, съ которыми связаны имена Ж. Симона и Ж. Ферри, французская молодежь воспитывалась подъ вліяніемъ древнеклассическаго режима.

Вѣковыя преданія торжествовали; современныя потребности игнорировалось.

Но преданія бываютъ различныя: одними люди живутъ, а отъ другихъ умираютъ. Послѣднія называются рутиною. Культъ прекраснаго, какъ принципъ и основа общаго образованія, не отошелъ-ли въ

область рутины? Если исключительная любовь къ «прекрасному самому по себѣ» и можетъ составлять гордость и прелесть возвышенныхъ натуръ, то педагогическое и практическое значеніе такой любви очень невелико въ нравственномъ смыслѣ: люди весьма рѣдко *дѣйствуютъ* подъ вліяніемъ чисто эстетическихъ мотивовъ. Культъ прекраснаго можетъ быть только вспомогательнымъ средствомъ въ среднеучебномъ заведеніи; но самъ по себѣ онъ не создастъ программы, не выработаетъ характера.

Хорошая программа есть цѣлая система знаній, логически построенная въ видахъ практической цѣли. Какова-же цѣль нашей средней школы? Образовать человѣка со вкусомъ? Этого мало: человѣкъ со вкусомъ можетъ быть безхарактеренъ, можетъ ничего не знать или знать очень немного, можетъ быть безполезнымъ гражданиномъ, диллетантомъ, космополитомъ.

Нужно, чтобы этотъ человѣкъ со вкусомъ былъ прежде всего просвѣщеннымъ человѣкомъ, чтобы онъ былъ истиннымъ гражданиномъ и интересовался вопросами государственнаго управленія, чтобы онъ былъ истиннымъ французомъ и не оставался равнодушнымъ къ судьбамъ своего отечества.

Такихъ качествъ система исключительно эстетическаго воспитанія создать не можетъ; она въ состояніи только развить умственное и нравственное изящество пріобрѣтеніе котораго хотя и очень желательно, но еще не составляетъ главной задачи средняго образованія. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ среднеучебнаго заведенія, долженъ обладать запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній. Для эстетиковъ полезное слишкомъ близко къ пошлому. Новыя отрасли знаній, внесенныя сравнительно очень недавно въ наши программы, носятъ еще характеръ вновь пріобрѣтенныхъ колоній, и со стороны многихъ учителей и учениковъ не удостоиваются такого почета, какимъ пользуется въ ихъ глазахъ метрополія, т.-е. «истинная, чистая» литература.

Пора намъ перестать подводить все подъ одну формулу «культа прекраснаго» и замѣнить ее другою, болѣе доступною формулою—«новаго и національнаго образованія».

Отъ этого ничуть не пострадаетъ гуманность, а литературное образованіе ничего не потеряетъ отъ того, что имъ будутъ пользоваться молодые люди съ бо́льшими свѣдѣніями и болѣе закаленнымъ характеромъ (№ 7).

По поводу новыхъ дисциплинарныхъ правилъ для среднеучебныхъ заведеній «Revue» приводитъ мнѣнія нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ педагоговъ о дисциплинѣ. Въ особенности интересна рѣчь

по этому вопросу, сказанная ученикамъ на публичномъ актѣ въ лицеѣ Жансонъ-де-Сальи, которую мы и приводимъ въ извлеченіи.

Справедливая и снисходительная лицейская дисциплина должна помочь воспитанникамъ овладѣть и управлять собою. «Высшая цѣль воспитанія, говоритъ Гизо, научить человѣка воспитывать самого себя, когда другіе перестанутъ его воспитывать». Школа, какъ и государство, немыслима безъ уголовнаго кодекса, такъ какъ въ составъ ихъ входятъ люди, а не ангелы. Кто не убѣжденъ въ необходимости вниманія, прилежанія и уваженія къ словамъ учителя, тотъ не достоинъ лицейскаго воспитанія. Если-же кто-нибудь, вслѣдствіе лѣности или вѣтрености, нарушаетъ этотъ необходимый порядокъ, то по всей справедливости долженъ подвергнуться и непріятнымъ послѣдствіямъ своего поступка.

Отличіе новой дисциплины отъ старой состоитъ въ томъ, что прежде думали больше о наказаніи, униженіи, чѣмъ объ исправленіи провинившагося ученика. Существовали, а въ нѣкоторыхъ странахъ и теперь существуютъ, тѣлесныя наказанія, и не болѣе какъ лѣтъ двадцать тому назадъ ученое собраніе нѣмецкихъ педагоговъ серьезно разсуждало о томъ, какую часть тѣла ученика лучше подвергать наказанію розгами. Во Франціи, въ коллежѣ Людовика Великаго тѣлесныя наказанія были уничтожены еще въ 1769 г. Въ правилахъ о взысканіяхъ, относящихся къ 1854 г., еще оставались слѣды отсталой педагогіи въ видѣ карцеровъ, пикетовъ и карательной переписки. Мало-по-малу исчезли и эти неразумныя и недѣйствительныя мѣры.

Убѣжденное въ томъ, что только довѣріе возвышаетъ душу, начальство ваше даруетъ вамъ правила, въ которыхъ нѣтъ ненужной строгости и которыя имѣютъ въ виду исправительное, нравственное вліяніе. Уничтожены многія мелочныя правила, которыя только тяготили учениковъ, не принося никакой пользы: молчаніе и неподвижность не обязательны тамъ, гдѣ онѣ безполезны. Говорите въ столовой, говорите въ строю—въ этомъ бѣды нѣтъ, но за-то, по данному знаку, умѣйте немедленно замолчать и принять то положеніе, какого требуютъ классъ и учебныя занятія.

Въ этомъ уже сказывается главная мысль, одушевляющая новую дисциплинарную систему: она имѣетъ въ виду охранять и развивать независимость, самостоятельность ученика. Но самостоятельность не должно смѣшивать съ произволомъ. Самостоятельностью называется привычка самому опредѣлять свой выборъ дѣйствій, безъ внѣшняго принужденія; если-же источникъ принудительности заключается въ естественномъ или юридическомъ законѣ, то мы, усваивая его, путемъ

внутренняго согласія съ нимъ, также остаемся самостоятельными: очень часто въ отреченіи отъ извѣстныхъ желаній и въ подчиненіи проявляется гораздо больше самостоятельности, чѣмъ въ сопротивленіи и протестѣ. Не быть рабомъ другаго—первая ступень независимости, вторая ступень—не быть своимъ собственнымъ рабомъ. Чтобы сдѣлаться свободнымъ, недостаточно подчиняться только самому себѣ; надо подчиняться тому, что есть лучшаго въ насъ. Не тотъ самостоятеленъ, надъ кѣмъ нѣтъ начальства; Тиберій не былъ самостоятеленъ. Нельзя назвать самостоятельнымъ и того, кто поступаетъ хорошо, не сознавая и не желая этого: машина, производящая полезные предметы, ньюфаундлендская собака, спасшая утопающаго, являются благодѣтельными силами, но ихъ нельзя назвать независимыми, самостоятельными существами. Человѣкъ свободенъ, если онъ привыкъ дѣлать то, что по совѣсти признаетъ за лучшее.

Новая дисциплина требуетъ, чтобы вы подумали о мотивахъ данныхъ вамъ предписаній: «пониманіе мотивовъ, которыми вызвано извѣстное правило, есть драгоцѣнное пособіе для того, чтобы обезпечить его исполненіе», говоритъ Бенъ.

Характеръ новыхъ взысканій болѣе исправительный, чѣмъ карательный. Передѣлать плохо сдѣланную работу, еще разъ отвѣтить дурно выученный урокъ—значитъ исправить то, что вѣтренность помѣшала вамъ сдѣлать въ назначенное время.

Дисциплина внесетъ въ лицей единеніе, если она будетъ поддерживаться и воспитателями, и учителями, и родителями, и, въ особенности, вами самими. «Прежде всего, говоритъ Бенъ, не надо смотрѣть на начальство, какъ на врага, съ которымъ слѣдуетъ считаться, и повиноваться которому нужно только тогда, когда невозможно этого избѣгнуть».

Не слѣдуетъ думать, что единственная цѣль дисциплины—поддержаніе внѣшняго порядка. Конечно, пріятно видѣть, когда многочисленная молодежь вдругъ исчезнетъ со двора или изъ рекреаціоннаго зала; пріятно видѣть, какъ она стройными рядами направляется въ классы. Но если это только внѣшность, только повиновеніе звонку, а не результатъ добровольнаго, сознательнаго подчиненія, то такіе порядки не имѣютъ въ моихъ глазахъ никакого значенія.

Вамъ предстоитъ завидная задача одержать побѣду надъ собою; не дожидаясь наказанія, восторжествовать надъ мотивами наказанія, и если легкомысліе временно одержитъ побѣду надъ вами, то съ сознаніемъ необходимости исправленія, подвергнуться логическимъ послѣдствіямъ своихъ ошибокъ.

Дисциплинируйте собственную волю. Результатомъ вашихъ послѣдовательныхъ усилій въ этомъ направленіи будетъ не только то, что вы сдѣлаетесь хорошими воспитанниками коллежа; дисциплина сдѣлается для васъ нетлѣннымъ сокровищемъ, крупнымъ капиталомъ, процентами съ котораго вы будете пользоваться въ теченіи всей своей жизни.

По выходѣ изъ школы, вамъ предстоитъ подчиненіе другой, болѣе строгой и формальной военной дисциплинѣ. Старайтесь-же теперь, подчиняясь необходимымъ правиламъ лицея, подготовить свою волю къ самопожертвованію, когда Франція потребуетъ его отъ сыновъ своихъ. Нѣтъ ничего труднаго, ничего невыносимаго, когда дѣло идетъ о служеніи отечеству; никакія правила не покажутся суровыми тому, кто съ молодыхъ лѣтъ привыкъ признавать необходимость правилъ.

Позже, вернувшись къ независимой жизни мирнаго гражданина, вы и въ общественную дѣятельность внесете ту привычку къ порядку и уваженію, сѣмена которыхъ заронила въ васъ школьная дисциплина. Вы будете любить и поддерживать общественный порядокъ во Франціи и не будете думать, что состоять въ рядахъ оппозиціи непремѣнно значитъ быть умнымъ человѣкомъ (№ 8).

Съ вопросомъ о новыхъ программахъ и о дисциплинѣ тѣсно связывается вопросъ о гимнастикѣ и вообще о физическихъ упражненіяхъ и играхъ. Этому вопросу посвящено было нѣсколько рѣчей въ различныхъ лицеяхъ.

Еще сравнительно въ недавнее время высшимъ идеаломъ хорошаго воспитанія считалась несоотвѣтсвующая возрасту успѣшность юноши въ ученіи. Гигіенисты, во имя сохраненія здоровья учениковъ, тщетно протестовали противъ такой постановки воспитанія; тщетно доказывали они, что изъ двухъ условій, которыя выражаются аксіомою: «mens sana in corpore sano», второе такъ-же необходимо, какъ и первое. Ихъ не слушали, и дѣтей продолжали подчинять такому режиму, который не подъ силу и взрослому. Въ настоящее время физическое воспитаніе, игры, тѣлесныя упражненія, заняли въ нашихъ лицеяхъ подобающее имъ мѣсто. Но всякая реформа, какъ-бы естественна и законна ни была она, встрѣчаетъ препятствія: за предразсудкомъ всегда остается сила преданія, сила рутины. Франція долго колебалась, прежде чѣмъ внесла физическое воспитаніе въ программы учебныхъ заведеній. Реформы у насъ принимаются не легко. Даже великая революція, которая все ниспровергла, не могла побѣдить того, что можно назвать «книжнымъ фетишизмомъ». Намъ

указывали на Англію, гдѣ научныя занятія идутъ на ряду съ физическими упражненіями; указывали на Германію, гдѣ филологъ Янъ былъ главою гимнастическихъ обществъ, гдѣ послѣ Іены приготовлялись къ упорной борьбѣ противъ французскаго господства: французская буржуазія оставалась равнодушною къ этимъ новостямъ. Игры, даже самыя безобидныя, были только терпимы; отъ нашихъ лицеистовъ требовали единственно молчанія и усердія въ наукахъ; думали только о томъ, чтобы создать изъ учениковъ какъ можно больше блестящихъ гуманистовъ и скороспѣлыхъ математиковъ. Такой идеалъ не лишенъ своего рода величія, потому что людей цѣнятъ преимущественно по уму; но излишество даже и въ лучшихъ вещахъ, всегда вредно.

Когда, въ 1856 году, была введена гимнастика въ одинъ изъ лицеевъ, на первомъ урокѣ ученики оказались ужасно неуклюжими и трусливыми. Воспитатели не знали, какъ-бы вернуть имъ ту ловкость, которая составляетъ естественный даръ молодости и которую они утратили, просидѣвши на скамьяхъ цѣлые годы. Правда, во время рекреацій, ученики чинно прогуливались по двору, разговаривая и споря; но это нисколько не подготовило ихъ къ тому, чего требовала гимнастика. Висѣть на трапеціи, скакать черезъ параллельные брусья, подыматься по деревяннымъ и веревочнымъ лѣстницамъ—все это было въ ихъ глазахъ униженіемъ достоинства риторовъ и философовъ.

Черезъ нѣсколько недѣль они уже съ удовольствіемъ собирались на гимнастику: она сдѣлалась для нихъ истинною рекреаціею, гораздо болѣе достойною этого имени, чѣмъ торжественныя прогулки вокругъ двора.

Но, требуя отъ учениковъ гимнастическихъ упражненій, забывали, что всякая затрата силъ требуетъ возстановленія путемъ отдыха, а лицеисты продолжали заниматься учебными предметамв столько-же времени, какъ и прежде. Такимъ образомъ получалось двойное переутомленіе, что и повело къ прекращенію гимнастическихъ занятій.

Въ настоящее время установился другой взглядъ на дѣло: теперь въ лицеяхъ отведено меньшее число часовъ на умственныя работы, введены безвозмездныя гимнастическія упражненія и школьныя игры. Такимъ образомъ въ воспитаніи возстановлено необходимое равновѣсіе между потребностями ума и тѣла. Ученики, можетъ быть, будутъ меньше знать, но они будутъ знать лучше и, достигши зрѣлаго возраста, будутъ въ состояніи больше совершить, потому что жизнь требуетъ настолько-же здоровья и силы, насколько и развитаго ума.

Нынѣшнимъ лицеистамъ предстоитъ усиленная и энергическая дѣятельность: много тревожнаго носится надъ будущимъ, можетъ быть, очень близкимъ, много серьезныхъ и страшныхъ вопросовъ поднято въ современномъ мірѣ,—вопросовъ, которые, вѣроятно, придется разрѣшать учащимся нынѣ поколѣніямъ, и великая отвѣтственность можетъ выпасть на долю этихъ поколѣній.

Но молодежь вѣритъ въ себя, въ своихъ учителей, въ свою родину такъ-же, какъ и старшее поколѣніе вѣритъ въ будущее и въ молодыхъ людей и твердо надѣется, что они своею дѣятельностью помогутъ Франціи занять подобающее ей мѣсто среди другихъ національностей.

В. Геннингъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники школьной жизни Германіи.

(Главные факты школьнаго движенія въ 1891 г. Новыя педагогическія общества).

Вопросъ о преобразованіи средней школы, не смотря на то, что правительства почти всѣхъ важнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ, не исключая и прусскаго, такъ или иначе уже *рѣшили* его, до сихъ поръ продолжаетъ усиленно занимать общественное мнѣніе. Среди группъ, требующихъ коренной реформы средняго образованія, первое мѣсто, безспорно, принадлежало и принадлежитъ «Verein für Schulreform», основатели котораго Ланге, редакторъ газеты «Tägliche Rundschau», и инженеръ Петерсъ явились иниціаторами грандіозной петиціи 1888 г. о созывѣ свѣдущихъ людей по школьному вопросу,—петиціи, покрытой 23.000 подписей. Это общество въ свое время просило министра Госслера дать ему участіе въ школьной Enquête. Когда опредѣлился составъ берлинской конференціи, «Verein für Schulreform» счелъ себя обойденнымъ, и его правленіе заявило объ этомъ Госслеру, на что послѣдній отвѣтилъ указаніемъ на приглашеніе въ составъ конференціи фонъ-Шенкендорфа, члена «Verein für Schulreform». Въ отвѣтъ на это, правленіе общества, въ лицѣ Ланге и Петерса, заявило, что оно не можетъ считать фонъ-Шенкендорфа своимъ представителемъ *). На это заявленіе, помѣченное 24 ноября 1890 г. **), никакого отвѣта со стороны министра не послѣдовало ***). Этотъ эпизодъ чрезвычайно характеренъ. Онъ показываетъ, какъ мало прусское министерство считалось съ преобладающими теченіями въ школьномъ движеніи, созывая берлинское совѣщаніе.

Но общество школьной реформы не успокоилось на своемъ неудачномъ протестѣ. Послѣ обнародованія рѣшеній берлинской конференціи оно подало (въ апрѣлѣ 1891 г.) петицію прусскому ландтагу. Содержаніе ея слѣдующее: палата депутатовъ должна повліять на правительство въ томъ смыслѣ, чтобы намѣченное къ 1 апрѣля 1892 г. преобразованіе средней школы было

*) Paedag. Archiv 1891, № 7; Das Humanistische Gymnasium 1891, № 2.

**) Берлинская конференція засѣдала съ 4-го по 17-е декабря.

***) Послѣ этого Ланге подалъ ходатайство непосредственно императору, но и оно осталось безъ послѣдствія.

произведено не согласно рѣшеніямъ берлинской конференціи, а въ духѣ требованій общества школьной реформы. Недавно опубликованныя пренія по этой петиціи въ школьной коммиссіи палаты депутатовъ обнаружили среди ея членовъ нѣкоторое сочувствіе идеямъ общества и еще больше несогласій со многими постановленіями берлинской конференціи *). Мы надѣемся еще вернуться къ этимъ интереснымъ преніямъ, а теперь замѣтимъ только, что школьная коммиссія ландтага не сочла возможнымъ совершенно отвергнуть петицію, а рѣшила передать ее правительству въ качествѣ матеріала для будущихъ законодательныхъ работъ по школьному вопросу.

Если, такимъ образомъ, въ парламентской средѣ сказывается вообще скорѣе недовольство рѣшеніями берлинской конференціи, чѣмъ прямое сочувствіе реформаторскимъ идеямъ «Verein für Schulreform», то другой вліятельный факторъ общественнаго мнѣнія, городское самоуправленіе, оказываетъ этимъ идеямъ дѣятельную поддержку. Главное требованіе общества школьной реформы: созданіе общаго основанія (Unterbau) для различныхъ типовъ средней школы (höhere Schule). Первымъ высказалось въ пользу такого плана городское управленіе города *Карлсруэ*, столицы великаго герцогства Баденскаго **). Карлсруэ пользуется славой, какъ Schulstadt (городъ училищъ); дѣйствительно, въ южной Германіи въ этомъ отношеніи съ нимъ можетъ конкуррировать развѣ только Штутгартъ, знаменитый своими средними школами. Въ Карлсруэ учительствуетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей общества школьной реформы — Треутлейнъ, авторъ замѣчательнаго, премированнаго трактата о «переполненіи ученыхъ профессій». Быть можетъ, онъ и подвинулъ городское управленіе Карлсруэ на осуществленіе «единой средней школы» въ духѣ общества. Эта проектируемая «новая гимназія» (Neugymnasium) построена по слѣдующему плану. Первыя пять лѣтъ всѣ ученики пользуются общимъ преподаваніемъ, *въ которомъ совершенно отсутствуютъ древніе языки*. Обученіе иностраннымъ языкамъ ограничивается французскимъ и англійскимъ и начинается съ перваго. Съ 6-го класса школа раздвояется: въ одномъ отдѣленіи—назовемъ его А—рядомъ съ французскимъ и англійскимъ является латинскій и курсъ продолжается 4 года (значитъ, въ общей сложности, 9-ти-лѣтній курсъ); въ другомъ отдѣленіи В (безъ латыни) курсъ продолжается 1 годъ (т.-е. въ общей сложности обнимаетъ 6 лѣтъ.

Съ 8-го класса отдѣленіе А, въ свою очередь, раздвояется; въ отдѣленіи A_I, которое соотвѣтствуетъ современной *гимназіи*, къ латинскому языку присоединяется греческій. *Новая гимназія*, такимъ образомъ, совмѣщаетъ въ себѣ: 1) классическую гимназію съ 9-ти-лѣтнимъ курсомъ и 2-мя древними языками; 2) реальную гимназію съ 9-ти-лѣтнимъ-же курсомъ и *однимъ* латинскимъ языкомъ и 3) реальное училище съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ и безъ древнихъ языковъ. Изложенный нами проектъ былъ поданъ городскимъ совѣтомъ г. Карлсруэ великогерцогскому высшему училищному совѣту, который черезъ три мѣсяца (въ апрѣлѣ 1890 г.) далъ свое заключеніе. Съ административной точки зрѣнія в. г. училищный совѣтъ не встрѣчаетъ препятствія къ осуществленію проекта городскаго совѣта. Что-

*) Paedagogisches Archiv 1891, № 10.
**) Paed. Archiv 1891, № 4.

же касается до положительнаго содѣйствія новому предпріятію со стороны государства въ формѣ, во-первыхъ, дарованія «новой гимназіи» соотвѣтствующихъ правъ гимназіи, реальной гимназіи и реальнаго училища; во-вторыхъ, денежнаго пособія, то такое содѣйствіе можетъ быть оказано только при условіи измѣненія намѣченнаго городскимъ совѣтомъ учебнаго плана, который слишкомъ сильно уклоняется отъ учебнаго плана гимназій, классическихъ и реальныхъ. Обученіе латинскому языку должно начинаться никакъ не позже четвертаго класса, греческому—не позже шестого класса. Но даже и при этомъ условіи не можетъ быть рѣшенъ вопросъ, будутъ-ли ученики новой гимназіи въ состояніи усвоить себѣ всѣ знанія, которыя требуются отъ оканчивающихъ курсъ классическихъ гимназій. Что, начиная преподаваніе латинскаго языка съ четвертаго класса, можно пройти съ успѣхомъ курсъ реальной гимназіи, это совѣтъ считаетъ доказаннымъ на практикѣ въ реальномъ училищѣ города Альтоны.

Городской совѣтъ Карлсруэ согласился на предложенія училищнаго совѣта, но въ своемъ отвѣтѣ послѣднему прямо заявилъ, что, проектируя среднюю школу съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ латинскаго и 2-хъ-лѣтнимъ курсомъ греческаго языка, онъ и не думалъ по этимъ предметамъ достигнуть тѣхъ-же результатовъ, которые даетъ нынѣ существующая классическая гимназія и что вообще, выступая съ такимъ предложеніемъ, онъ стремится не отыскивать новый путь къ старой цѣли, а наоборотъ—измѣнить самую цѣль сообразно новымъ потребностямъ. Дальнѣйшіе переговоры велись между единоличными представителями городскаго совѣта и высшаго учебнаго вѣдомства, но были прерваны, такъ какъ представитель учебнаго вѣдомства упорно настаивалъ на томъ, чтобы на экзаменѣ зрѣлости по греко-латинскому отдѣленію непремѣнно фигурировало-бы латинское сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, extemporale. Въ настоящее время тѣ-же сферы, т.-е. городскія самоуправленія, на этотъ разъ въ Пруссіи, выступили съ колективнымъ заявленіемъ въ пользу идей «Verein für Schulreform». Въ послѣднемъ № «Paedagogisches Archiv» (1891, № 10) напечатанъ «проектъ *) непосредственнаго ходатайства всѣхъ прусскихъ городовъ, имѣющихъ только одно среднее учебное заведеніе, объ учрежденіи шестиклассснаго училища-какъ общаго основанія для всѣхъ среднихъ школъ». Ходатайство это должно быть обращено непосредственно къ королю. Иниціаторомъ его является Рейшеръ—обербургомистръ города Бранденбурга. Въ этомъ проектѣ, разосланномъ магистратамъ всѣхъ прусскихъ городовъ, имѣющихъ одно среднее учебное заведеніе, недовольство рѣшеніями берлинской конференціи выражено очень рѣзко. «Конференція старалась внѣшнимъ образомъ какъ можно точнѣе согласовать свои рѣшенія съ отеческими (landesväterliche) указаніями вашего величества; между тѣмъ, при болѣе близкомъ изученіи этихъ рѣшеній, все сильнѣе и сильнѣе сказывается опасеніе, что въ случаѣ, если реформа будетъ произведена на основаніи работъ конференціи, то существеннѣйшія намѣренія вашего величества не будутъ исполнены и развитіе нашего средняго образованія на долгое время и даже въ ближайшемъ будущемъ приметъ несоотвѣтствующее и вредное направленіе». *Предста-*

---

*) Теперь онъ уже принятъ.

вители около 100 городовъ подписались подъ этимъ ходатайствомъ и оно уже подано императору *).

Городское управленіе Франкфурта на Майнѣ обратилось съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о дозволеніи ему реформировать одну изъ городскихъ гимназій на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ, которыя были предложены въ качествѣ компромисса городскому совѣту Карлсруэ баденскимъ учебнымъ вѣдомствомъ **).

Общее собраніе «Общества нѣмецкихъ инженеровъ» 17—19 августа 1891 г., въ Дюссельдорфѣ, также вполнѣ категорически высказалось ***) въ пользу плана, предлагаемаго «Verein für Schulreform». Почти единогласно были приняты слѣдующія резолюціи: 1) общество нѣмецкихъ инженеровъ подтверждаетъ свои прежнія, принятыя на 27 общемъ собраніи въ Кобленцѣ 1886 г., резолюціи по вопросу о школьной реформѣ и еще разъ подтверждаетъ то положеніе, что среднія школы должны давать общее образованіе, соотвѣтствующее требованіямъ современности, а не спеціальную подготовку для какой-бы то ни было профессіи; отсюда слѣдуетъ, что и подготовка къ технической дѣятельности не входитъ въ задачу средней школы; при современномъ строѣ средняго образованія реальная гимназія должна быть сохранена и ея права должны быть увеличены, но въ концѣ-концовъ всестороннее и вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе вопроса о школьной реформѣ можетъ быть достигнуто только созданіемъ общаго для всѣхъ среднихъ школъ основанія съ преобладающимъ преподаваніемъ новыхъ языковъ и естествознанія. 2) Рѣшеніе декабрьской конференціи, которое допускаетъ существованіе только «чисто гуманистическихъ» и «чисто реальныхъ» заведеній, съ самаго младшаго класса (sexta) совершенно разъединенныхъ другъ отъ друга, не можетъ быть осуществлено иначе, какъ съ большимъ ущербомъ для существенныхъ интересовъ множества лицъ. 3) До сихъ поръ при всѣхъ обсужденіяхъ школьнаго вопроса слишкомъ мало вниманія обращалось на важность средняго образованія для промышленныхъ круговъ, для нѣмецкой индустріи, тогда какъ именно этимъ въ значительной мѣрѣ обусловливается положеніе Германіи въ мирное и военное время среди другихъ народовъ и т. д.... Поэтому, въ задачу школьной реформы должно входить усиленіе преподаванія новыхъ языковъ и естествознанія, дабы такимъ образомъ поднять силы и средства промышленнаго населенія (Германіи) и сдѣлать его дѣятельность болѣе плодотворной.

Въ предыдущей нашей хроникѣ мы уже познакомили читателей съ результатами берлинской конференціи, насколько они выразились въ учебныхъ планахъ и инструкціяхъ, выработанныхъ коммиссіей въ составѣ 7 членовъ и подлежащихъ введенію не позже 1-го апрѣля 1892 г. Самое главное опасеніе ****), возбужденное рѣшеніями берлинской конференціи, со-

*) Deutsche Schulzeitung 1891, № 26.

**) Das Humanistische Gymnasium 1891, № 2.

***) Paed. Archiv 1891, № 10.

****) Какъ сильно было это опасеніе, доказывается поразительными цыфрами уменьшенія числа учениковъ, поступившихъ въ 1891 г. (на Пасху) въ реальныя гимназіи. Такъ, въ Дортмундѣ вь 1890 г. въ реальную гимназію поступило 111 ч., въ 1891 г. — 44 ч. Подобныя-же цыфры можно привести и для другихъ реальныхъ гимназій. См. Deutsche Schulzeitung 1891, № 30.

вершенно устранено этими предварительными извѣстіями. Какъ извѣстно, *подъ вліяніемъ рѣчи самого императора, конференція принципіально вычеркнула, такъ сказать, реальную гимназію изъ системы нѣмецкаго средняго образованія.* Это практически трудно исполнимое рѣшеніе вызвало въ Пруссіи недоумѣнія и протесты (напр., со стороны берлинскаго магистрата). Теперь, очевидно, само министерство признало этотъ шагъ слишкомъ *радикальнымъ* и ограничилось только уменьшеніемъ числа уроковъ латинскаго языка въ реальныхъ гимназіяхъ, вернувъ ихъ, такимъ образомъ, въ самомъ существенномъ пунктѣ къ учебному плану 1859 г. Сторонники реальныхъ гимназій, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ считать это измѣненіе крупнымъ *шагомъ назадъ*, но все-таки и они должны быть *довольны тѣмъ, что реальныя гимназіи спаслись отъ угрожавшей имъ опасности.*

Въ «Verein für Schulreform» и другихъ обществахъ, какъ, напримѣръ, «Verein Neue Deutsche Schule», основанномъ *Прейеромъ* и *Герингомъ*, сторонники реформы создали себѣ организаціи, всегда готовыя къ энергичному воздѣйствію на общественное мнѣніе. Въ декабрѣ прошлаго года, еще до закрытія берлинской конференціи, на тотъ-же путь вступили консерваторы, основавшіе Gymnasialverein *). Главнымъ инціаторомъ этого дѣла явился членъ берлинской конференціи, гейдельбергскій директоръ д-ръ *Улигъ*, редакторъ журнала «Das Humanistische Gymnasium». На его предложеніе откликнулись многіе профессора берлинскаго и др. университетовъ, и другіе выдающіеся представители нѣмецкой интеллигенціи. Въ маѣ 1891 года происходило въ Мюнхенѣ общее собраніе новаго общества и въ это время оно, не смотря на свое кратковременное шестимѣсячное существованіе, насчитывало уже 2.500 членовъ. Цѣль его ясно опредѣлена въ § 1 устава: «...охранять гуманистическое образованіе, какъ отражая несправедливыя нападки на него, такъ и обсуждая тѣ измѣненія, которыя могутъ потребоваться въ организаціи и программахъ гимназій».

На общемъ собраніи 19 мая 1891 г. предсѣдатель комитета общества знаменитый философъ берлинскій профессоръ Целлеръ произнесъ привѣтствіе, въ которомъ указалъ на то, что причины, призвавшія къ жизни «Gymnasialverein», еще въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени будутъ требовать его дѣятельности. Затѣмъ Улигъ говорилъ о положеніи вопроса о реформѣ гимназій. Его рѣчь состояла отчасти изъ полемики противъ тѣхъ взглядовъ, представителемъ которыхъ является «Verein für Schulreform». Мы не можемъ не привести слѣдующихъ характерныхъ словъ изъ этой интересной рѣчи:

«У учителей древнихъ языковъ въ настоящее время гораздо болѣе трудная задача, чѣмъ въ серединѣ нашего столѣтія. Теперь ту почву, на которой они прежде спокойно сѣяли и съ которой такъ-же спокойно пожинали плоды, они должны одновременно и непрерывно защищать. Если прежде само собой разумѣлось, что нѣмецкая культура тѣсно связана съ античной, то теперь эту связь нужно показать и въ школьномъ преподаваніи раскрыть тѣ тысячи нитей, которыми наша изящная литература,

*) Das Humanistische Gymnasium 1891, №№ 1, 2.

наше искусство, наша наука и общественная жизнь соединены съ греко-римскимъ міромъ. Если прежде любовь къ античной литературѣ сама собой являлась у воспріимчивыхъ учениковъ, то теперь очень часто ее нужно пробуждать въ нихъ и при этомъ бороться съ противными теченіями. Преподаваніе Закона Божія, которое сообщаетъ только знанія, а не даетъ никакой пищи для сердца, всегда считалось весьма недостаточнымъ; въ наше время точно также преподаваніе древнихъ языковъ не достигаетъ своей цѣли, если оно не согрѣваетъ сердца учениковъ».

Одновременно съ общимъ собраніемъ «Гимназическаго общества» происходило, въ Мюнхенѣ-же, собраніе нѣмецкихъ филологовъ *). На немъ съ своей обычной убѣжденностью въ защиту классическаго образованія говорилъ кёльнскій директоръ Оскаръ Іегеръ. Изъ его тезисовъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующій: «увеличеніе числа уроковъ нѣмецкаго языка такъ-же мало усилитъ національный духъ, какъ и увеличеніе числа уроковъ Закона Божія—духъ религіозный, или увеличеніе числа уроковъ исторіи—историческій смыслъ». Въ этомъ положеніи нельзя не видѣть естественной реакціи противъ *увлеченія* національнымъ элементомъ въ преподаваніи. И весьма знаменательно, что въ этомъ пунктѣ сходятся представители классической гимназіи, какъ, напримѣръ, Іегеръ, съ представителями реальной гимназіи, какъ, напримѣръ, Паульсенъ (въ трактатѣ «Realgymnasium u. die humanistische Bildung»).

До сихъ поръ мы отмѣчали только факты, стоящіе въ связи съ такъ-называемымъ реформаторскимъ школьнымъ движеніемъ (Schulreformbewegung), но, разумѣется, ими не исчерпывается школьная жизнь Германіи, если даже имѣть въ виду только среднюю школу. Мы не можемъ не занести въ нашу, поневолѣ нѣсколько запаздывающую, хронику, напримѣръ, такого факта, какъ основаніе въ декабрѣ 1890 г. общества для изученія исторіи воспитанія и обученія въ Германіи. Иниціатива этого дѣла принадлежитъ комитету 39-го собранія нѣмецкихъ филологовъ. Почва для дѣятельности новаго общества была подготовлена замѣчательнымъ предпріятіемъ Кербаха (Kehrbach) «Monumenta Germaniae Paedagogica». Теперь это предпріятіе перешло къ названному обществу. До декабря прошлаго года Кербахомъ, при содѣйствіи другихъ ученыхъ, было издано 10 томовъ «Monumenta», въ которые вошли слѣдующіе памятники и изслѣдованія: Брауншвейгскіе школьные уставы; Ratio studiorum іезуитовъ; школьные уставы Седмиградіи, нѣмецкіе катихизисы чешскихъ братьевъ; исторія преподаванія математики до 1525 года профессора *Гюнтера*; Филиппъ Меланхтонъ, какъ Praeceptor Germaniae, *Кербаха*; исторія военнаго образованія *Б. Потена*. Вновь основанное общество издаетъ уже (также подъ радакціей Кербаха) свой періодическій органъ—Mitteilungen **).

Въ октябрѣ (н. с.) текущаго года въ Брауншвейгѣ основано общество для содѣйствія преподаванію математики и естествознанія и такимъ образомъ эти учебные предметы, такъ сказать, получили свое представитель-

---

*) Das Humanistische Gymnasium № 2.

**) Paedagogisches Archiv 1891, № 4, Deutsche Schulzeitung 1891, №№ 32, 41.

ство *). До сихъ поръ ихъ органомъ, правда очень недостаточнымъ, являлся съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, на которомъ въ 1887 г. впервые вопросъ о школьной реформѣ былъ поставленъ въ рѣзкой формѣ физіологомъ Прейеромъ.

Почти одновременно въ Берлинѣ состоялось основаніе общества въ память Амоса Коменскаго. Какъ извѣстно, 28 марта (н. с.) 1892 г. исполнится 300-лѣтіе со дня рожденія знаменитаго педагога. Цѣль учрежденнаго въ Берлинѣ общества—содѣйствовать развитію воспитанія и обученія въ духѣ Коменскаго. Для достиженія этой цѣли общество въ частности намѣрено: 1) издавать сочиненія и письма Коменскаго, его предшественниковъ и единомышленниковъ; 2) содѣйствовать изученію исторіи и ученій старо-евангелическихъ общинъ (вальденцевъ, чешскихъ братьевъ, швейцарскихъ братьевъ и др.) путемъ изданія первоисточниковъ. Къ участію въ обществѣ приглашаются представители всѣхъ націй. Число его членовъ доходитъ уже до 600 (изъ почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ Европы и Америки). На учредительномъ собраніи было избрано временное правленіе, которому поручено устройство чествованія юбилея Коменскаго. Главнымъ иниціаторомъ всего дѣла является довольно извѣстный въ Германіи писатель по исторіи педагогики д-ръ Людвигъ Келлеръ (Münster in Westfalen) **).

Въ заключеніе нашей хроники, мы должны отмѣтить воззваніе «центральнаго комитета для содѣйствія юношескимъ и народнымъ играмъ въ Германіи» (Zentral-Ausschuss zur Förderung der Jugend und Volksspiele in Deutschland). Это воззваніе, опубликованное еще весной текущаго года, подписано многими извѣстными лицами: депутатомъ фонъ-Шенкендорфомъ, вице-президентомъ рейхстага Баумбахомъ, проф. Ангерштейномъ, проф. Эсмархомъ, обербургомистромъ Берлина фонъ-Форкенбекомъ, директоромъ Герлицкой гимназіи, д-ромъ Эйтнеромъ (авторомъ книги объ юношескихъ играхъ) и мн. др. Цѣль «центральнаго комитета» оказывать поддержку школьному начальству въ дѣлѣ введенія игръ въ систему воспитанія. Комитетъ будетъ содѣйствовать устройству мѣстныхъ обществъ съ той-же цѣлью, распространять брошюры объ играхъ, устраивать публичныя чтенія на эту тему, практическіе курсы для учителей и т. п. Это симпатичное начинаніе представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что недавно и у насъ, въ Москвѣ, вопросъ о дѣтскихъ играхъ былъ поднятъ докторомъ Е. А. Покровскимъ, въ засѣданіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній (19 октября 1891 г.) ***). Какъ сообщаетъ «Deutsche Schulzeitung» (1891, № 40) въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ для мѣстныхъ и пріѣзжихъ учителей былъ устроенъ *спеціальный курсъ юношескихъ и народныхъ игръ*. Очевидно, этотъ фактъ стоитъ въ связи съ энергичной агитаціей «центральнаго комитета».

П. С.

---

*) Zeitschrift für mathematischen und naturwissenschaftlichen Unterricht herausgegeben von I. C. V. Hoffmann, 1891, № 7, Paedagogischen Archiv 1891, №№ 5, 8.

**) Deutsche Schulzeitung 1891, №№ 32, 44.

***) См. «Женское Образованіе» 1891. Октябрь. Въ защиту дѣтскихъ игръ, стр. 798—800. (Перепечатка изъ «Русскихъ Вѣдомостей»).

Хроника народнаго образованія.

Лишь только начался 1891—1892 учебный годъ, какъ стали появляться извѣстія объ открытіи новыхъ воскресныхъ школъ. За сентябрь поступили извѣстія объ устройствѣ двухъ воскресныхъ школъ—мужской и женской—въ Тамбовѣ, двухъ (также мужской и женской) въ Астрахани, одной—женской—въ Сызрани и одной—мужской—въ Ставрополѣ-Кавказскомъ (третьей въ этомъ городѣ). Еще больше извѣстій получается о приготовленіяхъ къ устройству воскресныхъ школъ въ разныхъ городахъ. Вообще, повидимому, и наступившій учебный годъ будетъ, подобно предшествующимъ годамъ, богатъ случаями устройства воскресныхъ школъ. Скромное движеніе по устройству этихъ школъ, начавшееся съ конца 1888 г., замѣтно развивается съ каждымъ годомъ, чему, конечно, можно только радоваться. Къ сожалѣнію, уже и въ этомъ молодомъ дѣлѣ начинаютъ проглядывать печальныя явленія. Уже бываютъ случаи, когда такъ недавно открытыя воскресныя школы начинаютъ клониться къ упадку. Такъ стоитъ дѣло, напр., въ Екатеринодарѣ, гдѣ въ женской воскресной школѣ оказался такой недостатокъ учащихъ, что ей грозитъ закрытіе, или въ Симбирскѣ, гдѣ отъѣздъ распорядительницы мѣстной женской воскресной школы также поставилъ школу въ критическое положеніе. Подобные факты возможны, конечно, лишь потому, что общество наше доселѣ не цѣнитъ достаточно воскресной школы, не уяснило себѣ всего серьезнаго значенія этой формы народно-образовательнаго учрежденія. При иномъ отношеніи общества къ воскреснымъ школамъ, нѣтъ сомнѣнія, послѣднія никогда не могли-бы страдать отъ недостатка учащихъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало въ каждомъ городѣ людей,—особенно между интеллигентными женщинами,—которые имѣютъ право и способности выполнять немудрое дѣло преподаванія въ воскресныхъ школахъ и которые обладаютъ для того вполнѣ достаточнымъ досугомъ, порою даже страдая отъ обилія послѣдняго? И однако, оказываются еще возможными факты, когда въ городѣ съ 40-тысячнымъ населеніемъ не найдется и 5—10 человѣкъ, желающихъ посвящать по нѣсколько часовъ разъ въ недѣлю занятіямъ въ единственной воскресной школѣ!..

Рядомъ съ воскресными школами распространяется также и другое народно-образовательное учрежденіе—народныя чтенія. Число городовъ, въ которыхъ устраиваются народныя чтенія, постоянно увеличивается, а въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ чтенія открыты ранѣе, они все болѣе упрочиваются и расширяютъ районъ своего вліянія. Изъ губернскихъ городовъ чтенія перешли въ уѣздные и устраиваются теперь порою въ самыхъ глухихъ углахъ. Такъ, съ марта настоящаго года чтенія устраиваются въ г. Дорогобужѣ, Смоленской губ., гдѣ они открыты мѣстнымъ благотворительнымъ обществомъ и гдѣ они сразу-же имѣли успѣхъ среди населенія, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ цыфръ: на первомъ чтеніи было 85 посѣтителей, на второмъ—115, а уже на третьемъ—205. Въ Путивлѣ чтенія открыты также только въ настоящемъ году. Иниціаторами дѣла явились врачъ Антоновскій и инспекторъ ремесленнаго училища Плотницкій. Первый подарилъ для чтеній волшебный фонарь,

стоющій 300 р., а послѣдній привлекъ къ участію въ дѣлѣ мѣстныя педагогическія силы. Чтенія съ самаго-же начала имѣли такой успѣхъ, что аудиторія едва могла вмѣщать всѣхъ, желающихъ присутствовать на чтеніяхъ. Во Владикавказѣ чтенія начались прошлою осенью. Во главѣ дѣла стоятъ директоръ мѣстной мужской гимназіи г. Виноградовъ и нѣсколько другихъ лицъ изъ мѣстнаго педагогическаго персонала. Всѣхъ чтеній въ теченіе 1890—1891 учебнаго года было 19, которыя посѣтили 4.300 платныхъ посѣтителей, не считая безплатныхъ. Чтенія производились въ залѣ мужской гимназіи, а два раза—въ казармахъ мѣстныхъ войскъ. Средства, которыми располагаетъ владикавказская коммиссія народныхъ чтеній, слагаются изъ членскихъ взносовъ, сбора съ слушателей (по 3 к.) и дохода отъ предпріятій, устраиваемыхъ въ пользу чтеній (всего 613 р.). Въ Николаевѣ чтенія устраиваются особымъ «комитетомъ». Здѣсь дѣло поставлено на столько удачно, что уже имѣютъ въ виду построить особую аудиторію для народныхъ чтеній, для чего образуется особый фондъ изъ доходовъ съ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, устраиваемыхъ въ пользу чтеній. Въ Тамбовѣ чтенія устраиваются уже давно. Аудиторіей служитъ залъ мужской гимназіи. Число посѣтителей на каждомъ чтеніи превосходитъ 500 чел., и въ настоящее время аудиторія не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ присутствовать на чтеніяхъ. Въ виду этого, въ маѣ настоящаго года, на средства Э. Д. Нарышкина, начата постройка особаго зданія для народныхъ чтеній. Это огромное зданіе, которое безъ обстановки будетъ стоить не менѣе 80.000 р., предназначается также и для устройства народной читальни. Зданіе имѣетъ 23 сажени длины и 7 саж. ширины и вышины; кромѣ того, по бокамъ будутъ двѣ пристройки. Первый этажъ будетъ заключать обширную прихожую, парадную и черную чугунныя лѣстницы, помѣщеніе библіотеки на 10.000 томовъ, комнаты для занятій публики и для завѣдывающаго библіотекою и народную читальню изъ двухъ комнатъ; а второй этажъ, кромѣ двухъ комнатъ для храненія предметовъ для народныхъ чтеній, будетъ занятъ огромною залой для народныхъ чтеній. Зданіе предположено устроить несгораемымъ: стѣны каменныя, полы обоихъ этажей асфальтовые, балки желѣзныя, потолки изъ сводчатаго волокнистаго желѣза; немногія деревянныя части—окна, двери и стропила—будутъ пропитаны огнеупорнымъ составомъ; лѣстницы будутъ чугунныя. Кровля будетъ покрыта оцинкованнымъ желѣзомъ.

Собственною аудиторіею обзаводятся также народныя чтенія въ Одессѣ. Аудиторія устраивается на средства городскаго управленія, ассигновавшаго на этотъ предметъ 100.000 р. Закладка зданія аудиторіи состоялась нынѣшнимъ лѣтомъ. Въ Одессѣ чтенія устраиваются уже много лѣтъ. Ведутся они коммиссіею, состоящею при Одесскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Чтенія произносятся въ двухъ аудиторіяхъ. Въ 1890 г. посѣтителей было 26.781, что составляетъ противъ 1889 года увеличеніе на 4.116 чел. Платныхъ посѣтителей было 9.554, безплатныхъ 17.027. Какое значеніе имѣетъ взиманіе платы, видно изъ того, что во 2-й аудиторіи въ 1889 г., когда взималась плата (въ 5 коп.), посѣтителей было 7.259 чел., а въ 1889 г., когда входъ на чтенія въ этой аудиторіи былъ сдѣланъ безплатнымъ, число посѣтителей поднялось до 12.275. Всѣхъ чтеній было 37, такъ что въ среднемъ на чтеніи при-

сутствовало болѣе 700 чел Нерѣдко наплывъ посѣтителей былъ такъ великъ, что аудиторіи не могли вмѣстить всѣхъ являющихся. Кромѣ чтеній, въ главной аудиторіи было устроено 14 литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Изъ склада, устроеннаго при народныхъ чтеніяхъ, продано въ 1890 г. 103.417 экз. дешевыхъ изданій. Коммиссія одесскихъ народныхъ чтеній составила въ 1890 г. 6 библіотечекъ для разныхъ учрежденій, раздала безплатно 1.500 экз. дешевыхъ изданій и подготовила дешевое народное изданіе сочиненій Лермонтова, которое и вышло въ свѣтъ въ 1891 г. Существующая при аудиторіи чтеній безплатная народная библіотека, съ дѣятельностью которой читатели «Русской Школы» уже знакомы, имѣла въ 1890 г. 2.155 названій книгъ; число абонентовъ поднялось въ этомъ году до 426. Не смотря на всю симпатичность такого учрежденія, какъ безплатная библіотека для народа, печатное обращеніе коммиссіи къ обществу чрезъ газеты и отчеты съ просьбой о пожертвованіяхъ книгъ и журналовъ «не привело ни къ какому результату».

Въ Кіевѣ народныя чтенія ведутся особою коммиссіей и Обществомъ кіевскихъ врачей: первая ведетъ общеобразовательныя чтенія, второе — медико-гигіеническія. Коммиссія народныхъ чтеній имѣетъ въ своемъ распоряженіи двѣ аудиторіи, въ которыхъ въ теченіе 1888—1890 гг. произнесено 102 чтенія. Средства коммиссіи слагаются изъ сбора со слушателей, субсидіи отъ городской думы въ 300 р. и пожертвованій. Особый интересъ представляютъ чтенія, устраиваемыя при Обществѣ кіевскихъ врачей. Чтенія эти открыты съ 26 декабря 1886 года, по предложенію проф. Хржонщевскаго и съ разрѣшенія кіевскихъ генералъ-губернатора и попечителя учебнаго округа. Не смотря на скудость репертуара одобренныхъ статей для медицинскихъ народныхъ чтеній, коммиссія, ведущая медицинскія чтенія, нашла возможнымъ съ сентября 1889 года распредѣлить чтенія въ правильномъ систематическомъ порядкѣ, а не назначать ихъ отрывочно и случайно, какъ практиковалось прежде. Порядокъ чтеній избранъ слѣдующій: 1) О строеніи человѣческаго тѣла. 2) О главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка. 3) Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. Какая намъ пища въ пользу и какая во вредъ. 4) Почва и вода. 5) О воздухѣ и провѣтриваніи жилищъ. О тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ. 6) О заразныхъ или повальныхъ болѣзняхъ. 7) Объ оспѣ и оспопрививаніи. 8) Что такое «дурная болѣзнь» или сифилисъ и что надо дѣлать противъ нея. 9) О вредѣ пьянства для здоровья. 10) Первая врачебная помощь въ случаяхъ порѣзовъ, ушибовъ, уколовъ. Объ ознобленіяхъ и отмороженіяхъ. Какъ лечить ожоги. 11) Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ: отравленія, угара, задушенія, утопленія, удара молніи, солнечнаго удара и укушенія ядовитыми животными. 12) Объ апоплексіи или прострѣлѣ. 13) О зубной боли. 14) О глазныхъ болѣзняхъ. 15) О чесоточныхъ зудняхъ и другихъ клещахъ, живущихъ на тѣлѣ человѣка. О ленточныхъ глистахъ. О глистѣ обыкновенной и трихинѣ. 16) Какъ воспитывать и охранять дѣтей отъ болѣзней. За 4 года существованія медицинскихъ чтеній, таковыхъ произнесено 90. Съ слушателей взимается 5-копеечная плата (кромѣ 200 нижнихъ чиновъ, допускаемыхъ на каждое чтеніе безплатно), которая, однако, далеко не покрываетъ расходовъ по чтеніямъ, каковой дефицитъ покрывается сборами отъ увеселе-

ній, устраиваемыхъ въ пользу чтеній; кромѣ того, въ 1890 г. медицинскія чтенія получили 300 р. пособія отъ кіевской думы.

Коммиссія народныхъ чтеній въ г. Астрахани въ послѣднемъ отчетномъ году (1890—1891) имѣла въ своемъ распоряженіи двѣ аудиторіи, въ которыхъ было произнесено 120 чтеній. Всѣхъ посѣтителей было 17.394, изъ нихъ 10.395 мужч. и 6.999 женщинъ. Въ главной аудиторіи (залѣ реальнаго училища) на среднемъ чтеніи было 370 чел., а въ меньшей, помѣщающейся въ приходскомъ училищѣ, 170. Кромѣ чтеній, коммиссія устроила одинъ разъ «дѣтское утро», доступъ на которое оплачивался 5 и 3 коп. Посѣтителей на «утрѣ» присутствовало до 1.000, изъ которыхъ 800 было дѣтей. Доходъ коммиссіи за отчетный годъ достигъ болѣе 2.000 р., изъ которыхъ 1.000 р. ассигновано городской думой, а болѣе 1.000 р. пожертвовано разными лицами и учрежденіями. При главной аудиторіи устроены книжный складъ и безплатная библіотека. Въ складъ было выписано книгъ на 3.297 руб. Продано въ складѣ, въ отдѣленіи склада при одномъ изъ приходскихъ училищъ и во временной лавочкѣ на улицѣ на 2.038 р. Затѣмъ въ безплатную библіотеку отпущено книгъ на 412 р. и отослано безвозмездно въ сельскія училища и роздано даромъ публикѣ во время чтеній на 208 р. Покупались всего болѣе дешевыя изданія Гаршина, Диккенса, Пушкина, графа Л. Н. Толстого и др. Безплатная библіотека, начатая въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, теперь представляетъ уже замѣтное учрежденіе. Въ отчетномъ году ею пользовались 292 подписчика, изъ которыхъ 158 взрослыхъ и 134 дѣтей. Среди взрослыхъ подписчиковъ мѣщане и крестьяне составляли 80%. Въ настоящее время библіотека имѣетъ 617 названій въ 920 томахъ. Въ мѣсяцъ подписчики берутъ около 1.000 книгъ—всего больше, конечно, по беллетристикѣ. Всего больше спрашиваются Гоголь, Толстой, Пушкинъ, Тургеневъ, Диккенсъ—новое доказательство умѣнья простонароднаго читателя цѣнить художественное достоинство литературныхъ произведеній.

Въ Смоленскѣ чтенія разрѣшены только 30 января 1891 года. Первое чтеніе было произнесено 2 марта, и затѣмъ по 28 апрѣля было устроено всего 12 чтеній. Чтенія произносились въ женскомъ городскомъ училищѣ и въ актовой залѣ реальнаго училища. Иниціаторомъ чтеній явился инспекторъ реальнаго училища Никульцевъ, а участіе въ дѣлѣ — въ качествѣ лекторовъ, лицъ, наблюдающихъ за порядкомъ, по управленію фонаремъ и т. д.—принимало 25 лицъ, преимущественно изъ мѣстнаго педагогическаго персонала. На всѣхъ 12 чтеніяхъ перебывало 2.420 слушателей, съ которыхъ собрано 233 р. 50 к., въ среднемъ почти по 10 к. съ посѣтителя. Кромѣ того, поступило пожертвованій отъ разныхъ лицъ 265 р. Расходъ на обзаведеніе и устройство чтеній былъ 110 р. 80 к. Данныя эти показываютъ, какъ легко могутъ быть устраиваемы чтенія: средства требуются незначительныя и немедленно отыскиваются. Плата взимается разная, смотря по мѣсту: переднія 20 мѣстъ пускались по 30 к., слѣдующія 20 мѣстъ по 20 к. и слѣдующія 60 мѣстъ по 10 к.; остальныя 200 мѣстъ по 5 к. Допускался и безплатный входъ для заявлявшихъ о своей недостаточности. Сначала слушателей изъ простого народа было мало, но затѣмъ они стали появляться въ значительномъ числѣ.

Въ Орлѣ чтенія существуютъ четвертый годъ. Въ послѣдній отчетный годъ (съ 7 октября 1890 года по 14 апрѣля 1891 года) чтеній было 26: посѣтителей—6.957; на среднее чтеніе 267 посѣтителей. Чтенія произносятся въ думской залѣ.

Приведенныя данныя показываютъ, что дѣло народныхъ чтеній значительно расширилось въ послѣднее время, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мы далеки отъ удовлетворенія потребности массы населенія въ такомъ разумномъ и просвѣщающемъ развлеченіи, какимъ являются народныя чтенія. Въ самомъ дѣлѣ, какое тяжелое впечатлѣніе получается, если сопоставить, напр., 200-тысячное населеніе Одессы и всего *двѣ* аудиторіи народныхъ чтеній, едва вмѣщающія 700 слушателей! А Одесса поставлена въ данномъ отношеніи еще въ болѣе счастливое положеніе, чѣмъ другіе города, и еще доселѣ есть многіе губернскіе города, въ которыхъ мѣстная интеллигенція, къ стыду ея, еще до сихъ поръ не додумалась до устройства чтеній для низшихъ слоевъ населенія родного города.

Едва-ли еще не большую потребность, нежели народныя чтенія, составляютъ безплатныя библіотеки, а между тѣмъ для удовлетворенія этой потребности сдѣлано еще меньше, чѣмъ для организаціи чтеній. Помимо двухъ читаленъ въ Петербургѣ, двухъ въ Москвѣ и безплатной библіотеки въ Томскѣ, наши города до самаго послѣдняго времени не имѣли учрежденій, которыя доставляли-бы населенію возможность безплатно почитать книгу. Въ послѣдніе годы къ названнымъ учрежденіямъ присоединились безплатныя библіотеки, устроенныя одесскою и астраханскою коммиссіями народныхъ чтеній, а въ нынѣшнемъ году устроены безплатныя народныя читальни въ Кіевѣ и Одессѣ на средства города и въ Харьковѣ—на средства мѣстнаго общества грамотности. Какъ велика потребность въ учрежденіяхъ подобнаго рода, наглядно показываетъ тотъ фактъ, что одесскую городскую читальню посѣтило въ первый-же мѣсяцъ по ея открытіи 6.936 человѣкъ, въ среднемъ по 223 человѣка въ день, которымъ въ теченіе мѣсяца было выдано 8.670 книгъ, въ среднемъ по 280 книгъ. Къ сожалѣнію, условія, которыми обставлено у насъ существованіе подобныхъ учрежденій, мало благопріятствуютъ ихъ широкому распространенію. Какъ извѣстно, правилами 1890 года всѣ безплатныя читальни ограничены въ выборѣ своего книжнаго состава каталогами книгъ, разрѣшенныхъ для училищныхъ библіотекъ, т.-е. въ сущности *дѣтскихъ книгъ*. Такой обязательный составъ безплатныхъ читаленъ и библіотекъ весьма мало соотвѣтствуетъ запросамъ той взрослой простонародной публики, для которой предназначаются подобныя библіотеки и читальни. Неудивительно, что такое положеніе вещей уничтожаетъ порою и самое желаніе затрачивать средства на устройство народныхъ читаленъ, и, напр., когда въ Петербургскую думу было внесено предложеніе открыть, кромѣ двухъ существующихъ читаленъ въ память Пушкина, еще двѣ новыхъ въ память Лермонтова и Гоголя, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, полезно-ли существованіе читаленъ съ ученическими каталогами, и дѣло было заторможено. Даже существованіе двухъ Пушкинскихъ читаленъ въ Петербургѣ не обезпечено и раздаются голоса въ пользу закрытія ихъ, если не будетъ утверждено ходатайство думы объ утвержденіи каталоговъ читаленъ, которыя

имѣлись до изданія правилъ 1890 года. И эти голоса находятъ себѣ поддержку въ томъ фактѣ, что примѣненіе правилъ 1890 года къ Пушкинскимъ читальнямъ уже и теперь отразилось замѣтнымъ уменьшеніемъ числа ихъ посѣтителей.

Какъ ничтожно у насъ число городскихъ народныхъ библіотекъ, такъже ничтожно оно и въ селахъ. Но здѣсь иногда, и, конечно, въ очень скромныхъ размѣрахъ, роль народныхъ библіотекъ играютъ библіотеки при школахъ. Порою эти библіотеки и нарочно пополняются въ тѣхъ видахъ, чтобы онѣ служили для удовлетворенія потребности въ чтеніи и взрослаго населенія. Намъ уже не разъ приходилось касаться данныхъ изъ дѣятельности подобныхъ библіотекъ. Въ виду интереса вопроса здѣсь остановимся также немного на дѣятельности одной группы подобныхъ библіотекъ. Это библіотеки, числомъ 10, уже нѣсколько лѣтъ существующія при нѣсколькихъ земскихъ школахъ Самарскаго уѣзда. Крестьяне очень охотно пользовались этими библіотеками съ самаго начала ихъ существованія, не смотря на то, что книги выдаются изъ библіотекъ подъ залогъ. Послѣднее условіе является значительнымъ тормазомъ для распространенія пользованія библіотеками, ибо какъ ни скроменъ размѣръ залога, внести его не всякій въ состояніи, и неудивительно, что при неурожаѣ число подписчиковъ библіотекъ значительно падаетъ. Наибольшее требованіе предъявляется на изящную литературу и въ особенности на произведенія русскихъ классиковъ. Въ большомъ ходу у крестьянъ мелкія сочиненія гр. Л. Н. Толстого, сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Островскаго, даже Грибоѣдова, фонъ-Визина и А. Толстого. Словомъ, здѣсь лишній разъ дѣйствительность показываетъ, что нашъ народъ отлично понимаетъ истинно-художественныя произведенія и даетъ имъ вполнѣ правильную оцѣнку, предпочитая ихъ предъ спеціальною стряпнею бездарныхъ «писателей для народа». Послѣ книгъ изящной литературы наибольшимъ спросомъ пользуются сочиненія духовно-нравственнаго содержанія. Самое послѣднее мѣсто по количеству взятыхъ книгъ занимаетъ отдѣлъ сельскохозяйственный, хотя, съ другой стороны, крестьяне очень и очень не прочь прочитать что-либо «хозяйственное». Объясненіе такого противорѣчія кроется въ жалкомъ составѣ книгъ сельско-хозяйственнаго содержанія, могущихъ поступать въ соотвѣтствующій отдѣлъ народныхъ библіотекъ: и непонятное изложеніе, и неприложимость содержанія скоро отталкиваютъ крестьянъ отъ книгъ подобнаго рода. Къ сожалѣнію, значеніе библіотекъ самарскаго уѣзднаго земства значительно упало въ послѣднее время и въ 1890—1891 учебномъ году число читателей сократилось почти вдвое противъ предшествующаго года. Причины тому—полный неурожай, лишившій многихъ возможности внести требуемый залогъ, а также тѣмъ, что библіотеки въ послѣднее время совсѣмъ не пополняются новыми книгами, благодаря чему усердные чтецы перечитали все, что было въ библіотекахъ.

Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе печально, что въ настоящее время, благодаря огромному неурожаю нынѣшняго года, постигшему, въ числѣ другихъ мѣстностей, и Самарскую губернію, самарское уѣздное земство не скоро будетъ въ состояніи заняться своими библіотеками и пополнить ихъ. Вообще нынѣшній голодный годъ надолго ляжетъ тормазомъ на дѣло народнаго образованія, и если пока всѣ составлявшіяся земскія собранія

отклоняли предложенія о сокращеніи смѣты на народное образованіе, то это обстоятельство дѣлаетъ особую честь нашему земству. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что сокращеніе школьнаго дѣла въ настоящемъ учебномъ году все-таки произойдетъ неизбѣжно—въ силу того, что многимъ ученикамъ школъ будетъ не до ученья при голодѣ. Уже и теперь получаются извѣстія о томъ, что нерѣдко ученики вмѣсто посѣщенія школы вынуждены идти «въ кусочки», чтобы какъ-нибудь прокормиться. Въ виду этого явленія въ высшей степени симпатичнымъ представляется начинаніе «Общества распространенія начал. образованія въ Нижегородской губерніи», которое открыло подписку въ пользу голодающихъ учениковъ начальныхъ школъ и устраиваетъ снабженіе бѣдствующихъ учащихся горячею пищею и хлѣбомъ при школахъ. «Общество» приступило уже къ практическому осуществленію своей мысли и уже организовало выдачу обѣдовъ при нѣкоторыхъ изъ сельскихъ школъ Нижегородской губерніи. Дѣлу этому можно пожелать только возможно бо́льшаго развитія, а также осуществленія того-же дѣла и въ другихъ пострадавшихъ мѣстностяхъ. Учрежденій, подобныхъ нижегородскому «Обществу распространенія начальнаго образованія», у насъ крайне мало, а въ пострадавшемъ районѣ, кромѣ Нижегородскаго, и нѣтъ совсѣмъ; но дѣло это могло-бы быть принято на себя земствами. Нѣтъ сомнѣнія, что такое симпатичное дѣло привлечетъ къ себѣ вниманіе общества, и недостатка въ средствахъ на осуществленіе его быть не можетъ. Между прочимъ, въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ бѣдствій неурожая, могли-бы принять на себя организацію сбора пожертвованій на данное дѣло тамошнія «Общества грамотности» и подобныя имъ общественныя учрежденія, которыя этимъ путемъ и вложили-бы свою долю участія въ дѣло борьбы съ постигшимъ наше отечество страшнымъ бѣдствіемъ. На нашъ взглядъ, данная мысль осуществима безъ особаго труда, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ мѣстностей осуществленіе ея найдетъ уже вполнѣ подготовленную почву. Дѣло въ томъ, что при многихъ школахъ сѣверной половины Россіи существуетъ обычай оставлять дѣтей изъ отдаленныхъ деревень при школѣ на нѣсколько дней и даже по недѣлямъ въ зимнюю стужу. Иногда при школахъ имѣется даже особая комната, предназначенная для указанной цѣли и имѣющая постоянныхъ обитателей изъ школьниковъ. Въ подобныхъ случаяхъ ученики запасаются изъ дома провизіей, изъ которой имъ и готовится обѣдъ. Порядокъ этотъ теперь придется только распространить на всѣ школы и готовить обѣдъ школьникамъ не изъ провизіи, которую они теперь не могутъ доставлять, а изъ припасовъ, купленныхъ на пожертвованныя деньги. Желалось-бы вѣрить, что это простое, не затруднительное, но въ высшей степени благотворное дѣло получило осуществленіе.

Я. Абрамовъ.

Въ Московскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 3 декабря 1891 года.

Посвятивъ нѣсколько теплыхъ словъ памяти скончавшагося нынѣшней осенью И. И. Маслова, предсѣдатель предложилъ собранію почтить па-

мять его вставаніемъ. Почившій И. И. Масловъ въ теченіе 26 лѣтъ состоялъ членомъ Московскаго комитета грамотности и 22 года носилъ званіе вице-президента сельско-хозяйственнаго общества; горячо преданный интересамъ народа, онъ всегда съ полнымъ вниманіемъ и теплотой относился къ нуждамъ комитета грамотности.

Затѣмъ, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія комитета (20 мая 1891 года), предсѣдатель, напомнивъ присутствовавшимъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ, въ скромной семейной обстановкѣ, былъ отпразднованъ юбилей 25-лѣтней педагогической дѣятельности одного изъ старѣйшихъ московскихъ педагоговъ, Д. И. Тихомирова, обратился отъ лица комитета въ находившемуся въ этомъ засѣданіи юбиляру съ привѣтственнымъ словомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда новое, хорошее вѣяніе проникало во всѣ сферы русской жизни, вопросъ о школѣ, и въ особенности о школѣ народной, долженствовавшей внести свѣтъ въ темныя массы дореформенной Руси, выдвинулся съ особою настойчивостью и требовалъ своего разрѣшенія. Московскій комитетъ грамотности, горячо отнесшійся въ то время къ разрѣшенію этого новаго, жгучаго вопроса, нашелъ въ лицѣ Д. И. одного изъ самыхъ ревностныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ на этомъ пути; онъ принималъ самое живѣйшее участіе въ разработкѣ программы народной школы и неоднократно руководилъ учительскими курсами, тогда только-что возникавшими. Упомянувъ также объ авторской и издательской дѣятельности Д. И., предсѣдатель закончилъ свое привѣтствіе пожеланіемъ юбиляру долгой и плодотворной дѣятельности на избранномъ имъ педагогическомъ пути. Рѣчь предсѣдателя была покрыта дружными рукоплесканіями. Послѣ этого секретаремъ комитета было доложено собранію о пожертвованіи, сдѣланномъ комитету Д. И. Тихомировымъ 1.000 экземпляровъ своихъ сочиненій для безплатной разсылки ихъ въ народныя школы. Далѣе собраніемъ былъ выслушанъ докладъ г. Овчинникова по вопросу о рецидивѣ безграмотности среди окончившихъ курсъ въ земской школѣ.

Съ нѣкотораго времени, а за послѣдніе годы въ особенности, въ извѣстной части нашей печати стали раздаваться голоса противъ земской школы въ томъ смыслѣ, что учившіеся въ ней почти *поголовно* забываютъ все пройденное и даже самую грамотность. Ѳти голоса нашли себѣ откликъ, между прочимъ, въ горбатовскомъ (Нижегородской губ.) земствѣ. Въ XXVI горбатовскомъ очередномъ земскомъ собраніи возбудился вопросъ о рецидивѣ безграмотности у окончившихъ курсъ въ земской школѣ; говорили даже о *поголовномъ* безграмотствѣ. Для референта, какъ руководителя педагогической частью въ училищахъ Горбатовскаго уѣзда, вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, представляется вопросомъ громадной важности, тѣмъ болѣе, что самъ онъ указаннаго явленія не наблюдалъ, хотя часто бесѣдовалъ съ бывшими учениками земской школы, выспрашивая, что они знаютъ изъ пройденнаго въ школѣ и что позабыли. Очень часто случалось, что спрашиваемый, повидимому, забылъ нѣкоторыя частности школьнаго курса, но стоило только предложить 2—3 наводящихъ вопроса, какъ сейчасъ-же въ памяти его съ ясностью возстанавливались всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ школѣ. Тутъ интересно будетъ остановиться на тѣхъ положеніяхъ, какія высказывались въ означенномъ зем-

скомъ собраніи, по вопросу о земской школѣ. Положенія эти сводятся къ слѣдующему: 1) земская школа дорога; 2) окончившіе курсъ въ земской школѣ покидаютъ родителей, отправляясь на заработки и оставляя занятія своихъ отцовъ; 3) окончившіе курсъ земской школы впадаютъ въ преступленія и, наконецъ, 4) земская школа не обращаетъ достаточно вниманія на религіозную сторону въ образованіи учащихся. Разобравъ эти положенія, референтъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. По своему значенію, школа среди другихъ крестьянскихъ учрежденій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ по стоимости мѣсто ея является едва-ли не послѣднимъ. Жалованье учителя (240 р.—300 р. въ годъ) и законоучителя (36 руб. въ годъ) представляется минимальнымъ, если принять во вниманіе въ большинствѣ случаевъ плохую учительскую квартиру, отсутствіе въ ней хозяйственныхъ приспособленій, дороговизну жизни и, наконецъ, тяжелый учительскій трудъ. Что касается мнѣнія, что грамотные покидаютъ родительскій домъ, то оно является вообще преувеличеннымъ, въ чемъ докладчикъ убѣдился изъ личныхъ опросовъ о занятіяхъ и о мѣстѣ жительства у лицъ, прошедшихъ черезъ земскую школу; если-же и бываютъ случаи, что прошедшіе курсъ школы уходятъ изъ дому, то это очень просто объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ на Руси еще слишкомъ слабо развита грамотность, между тѣмъ какъ потребность въ ней, особенно въ городахъ и торговыхъ центрахъ, велика, такъ что спросъ въ этомъ случаѣ значительно превышаетъ предложеніе. Вотъ цыфры о распространеніи грамотности въ Нижегородской губерніи: въ 1889 году во всей губерніи число учащихся дѣтей составляло 1,66% всего народонаселенія, при этомъ въ Семеновскомъ уѣздѣ 1 учащійся приходился на 127 человѣкъ населенія, въ Горбатовскомъ 1 на 56 и только въ Нижегородскомъ 1 на 32. Обвиненія лицъ, окончившихъ курсъ начальной школы, въ склонности къ преступленіямъ являлись голословными; съ увѣренностью объ этомъ можно говорить только съ статистическими свѣдѣніями въ рукахъ; между тѣмъ какъ въ томъ-же земскомъ собраніи одинъ изъ старѣйшихъ мировыхъ судей Горбатовскаго уѣзда, г. Остафьевъ, категорически протестовалъ противъ подобнаго мнѣнія. Самъ референтъ, собирая статистическія свѣдѣнія по губерніи, просилъ учителей и учительницъ указать ему хотя-бы отдѣльные случаи въ ихъ околоткѣ, когда окончившіе курсъ въ начальной школѣ впали-бы въ тяжкія преступленія, и по Горбатовскому уѣзду *ни одного* такого случая не зарегистровано, хотя пропустить его было-бы довольно трудно, такъ какъ въ каждомъ околоткѣ всѣ грамотные на счету. Что касается, наконецъ, преподаванія Закона Божія, то оно строго регламентировано Святѣйшимъ Синодомъ (программа общая съ церковно-приходскими школами); здѣсь все зависитъ не отъ земства, а отъ нравственнаго вліянія духовенства; хорошъ законоучитель— хороши и успѣхи по Закону Божію. Церковно-славянской грамотѣ отведено въ земской школѣ подобающее мѣсто.

Чтобы не оставаться голословнымъ и подкрѣпить свои доводы фактами, референтъ предпринялъ провѣрку знаній у лицъ, прошедшихъ курсъ земской школы. Для этой цѣли онъ воспользовался призывомъ новобранцевъ по Горбатовскому уѣзду въ 1891 году. Въ призывъ этого года по означенному уѣзду, изъ 1.013 человѣкъ, вынимавшихъ жребій, окончив-

шихъ курсъ и имѣющихъ льготу 3-го и 4-го разряда оказалось только 46 человѣкъ (3 разряда 5 человѣкъ). На экзаменъ явилось 34 человѣка, остальные не явились по болѣзни. Для испытанія былъ составленъ особый списокъ съ обозначеніемъ имени, отчества, фамиліи, мѣста жительства и образованія, времени окончанія курса и повѣрочнаго испытанія. Самый экзаменъ производили учащіе въ земскихъ школахъ, члены училищнаго совѣта, два земскихъ врача, а въ 4 училищахъ онъ производился подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ. Программа испытанія была составлена по слѣдующему плану:

1) По Закону Божію: молитвы, священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, ученіе Спасителя и Богослуженіе

2) Чтеніе славянское и русское, разсказъ прочитаннаго и выводъ.

3) Письмо-каллиграфія, диктантъ, изложеніе содержанія прочитанной статьи.

4) Ариѳметика: счетъ, составъ чиселъ, 4 дѣйствія надъ простыми и именованными числами.

Кромѣ того, экзаменующіеся сообщали свѣдѣнія о родѣ своихъ занятій, часто-ли посѣщали они церковь, что читали (наименованіе прочитанныхъ книгъ) и гдѣ брали книги для чтенія.

Успѣхи по Закону Божію оказались вполнѣ удовлетворительными, причемъ Новый Завѣтъ экзаменующіеся знали лучше, чѣмъ Ветхій Завѣтъ и отдѣлъ о молитвахъ. Чтеніе славянское и русское найдено въ хорошемъ состояніи (славянское немного слабѣе), пересказъ вполнѣ удовлетворителенъ, многіе читали выразительно, всѣ вообще — сознательно. Каллиграфія удовлетворительна, хотя нѣтъ навыка въ скорописи, что объясняется отсутствіемъ практики. Подъ диктантъ писали правильнѣе, чѣмъ при изложеніи; большинство встрѣчавшихся ошибокъ было противъ правописанія буквы ѣ и приставокъ, искаженій словъ не замѣчалось. По ариѳметикѣ почти всѣ знаютъ 4 дѣйствія надъ простыми числами, видна сознательность въ усвоеніи дѣйствій. Чтеніе оказалось неудовлетворительнымъ только у пяти человѣкъ. Книги для чтенія брали изъ училищъ, одинъ бралъ изъ частной библіотеки, трое имѣютъ многихъ русскихъ классиковъ у себя дома, а большинство ограничивалось чтеніемъ книгъ, купленныхъ на базарахъ — сказокъ, житій Святыхъ и мелкихъ разсказовъ; одинъ прочиталъ почти всѣхъ русскихъ классиковъ. Громадное большинство экзаменовавшихся живутъ дома и занимаются промысломъ отцовъ своихъ, только двое служатъ на сторонѣ.

«Такимъ образомъ,—такъ заканчивается докладъ,—первый опытъ повѣрочнаго испытанія въ Нижегородской губерніи далъ вполнѣ благопріятные результаты. Но это не даетъ права земству сложить руки и самообольщаться этими успѣхами; напротивъ, слѣдуетъ принять нѣкоторыя мѣры къ болѣе прочному закрѣпленію курса начальной школы. Для этого необходимо расширить дѣятельность центральныхъ библіотекъ, т.-е. выдавать книги не только ученикамъ, но и окончившимъ уже курсъ земской школы, кромѣ того, открыть, по возможности, при всѣхъ училищахъ воскресные повторительные классы». Объ этихъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ въ Нижегородской губерніи референтъ обѣщался сообщить комитету свѣдѣнія въ особомъ докладѣ.

Пренія по этому интересному докладу отложены до того времени, когда докладчикомъ будетъ прочитанъ второй обѣщанный имъ рефератъ.

Послѣ небольшаго перерыва засѣданія собраніемъ былъ выслушанъ докладъ: «Дѣятельность Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи по снабженію пищею учащихся въ народныхъ училищахъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая».

Какъ только выяснился вопросъ о томъ, что Нижегородская губернія находится въ мѣстности, признанной неблагополучной относительно урожая, и когда, дѣйствительно, нужда въ продовольствіи стала сказываться настойчиво, совѣтъ Общества распространенія начальнаго образованія задумалъ организовать помощь нуждающимся дѣтямъ-школьникамъ. Это стремленіе Общества встрѣтило сочувствіе въ чинахъ дирекціи народныхъ училищъ и администраціи. Въ настоящее время дѣло организаціи помощи голодающимъ дѣтямъ находится въ рукахъ особой коммисіи, состоящей изъ совѣта Общества, директора и инспекторовъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи. Помощь учащимся пищею началась съ 1-го ноября. Въ началѣ предполагали продовольствовать только наиболѣе нуждающихся учениковъ (3.000 человѣкъ), но потомъ это оказалось неудобнымъ въ виду того, что довольно трудно сдѣлать подобное разграниченіе учениковъ безошибочно, и потому на первый же мѣсяцъ пришлось прокармливать 4.310 человѣкъ. Такъ какъ нужда съ каждымъ мѣсяцемъ будетъ расти, то, конечно, сообразно съ этимъ, будетъ увеличиваться и число училищъ, нуждающихся въ продовольственной ссудѣ, такъ что съ 1-го декабря придется продовольствовать уже 6.000 учениковъ. Слѣдующая таблица показываетъ о направленіи коммиссіею помощи въ первый мѣсяцъ ея дѣятельности, по разсчету $2^1/_2$ копеекъ въ день на одного ученика.

УѢЗДЫ:	Число училищъ.	Число учащихся.	Сумма.
Ардатовскій	9	389	242 р. 95 к.
Лукояновскій	24	1.186	748 » 80 »
Сергачскій	16	845	526 » 10 »
Арзамасскій	19	818	511 » 20 »
Княгининскій	8	389	243 » 10 »
Васильскій	3	144	103 » 15 »
Нижегородскій	18	539	337 » 15 »
Всего	97	4.310	2.714 р. 35 к.

Средства, съ которыми Общество начало свою дѣятельность, были самыя ограниченныя и составились изъ слѣдующихъ суммъ: 300 руб. собственныхъ отчисленій; 2.500 руб., переданныхъ начальникомъ губерніи Н. М. Барановымъ изъ общихъ пожертвованій; 500 руб., пожертвованныхъ Бугровымъ, и 100 руб., вырученныхъ отъ лекціи г. Щербакова.

Принимая во вниманіе приведенныя выше вычисленія, приходится придти къ тому безотрадному заключенію, что средствъ этихъ хватитъ съ небольшимъ на одинъ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ продовольствовать учениковъ придется до половины мая, когда окончатся экзамены. По вычисленію коммиссіи, на весь этотъ промежутокъ времени нужно до 18 тысячъ.

Докладъ этотъ вызвалъ оживленныя и продолжительныя пренія среди присутствовавшихъ. Въ этомъ засѣданіи была избрана особая коммиссія изъ 10 членовъ, которой поручено немедленно приступить къ изысканію средствъ для оказанія помощи голодающимъ дѣтямъ какъ Нижегородской губерніи, такъ и вообще мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Судя по той энергіи, съ которой новая коммиссія уже приступила къ выполненію возложенной на нее обязанности, можно надѣяться, что она сослужитъ добрую службу голоднымъ дѣтямъ въ нынѣшнюю тяжелую годину. Остальная часть засѣданія, затянувшагося за полночь, была посвящена разрѣшенію текущихъ дѣлъ и чтенію отчетовъ состоящихъ при комитетѣ коммиссій: по воскреснымъ школамъ, библіотечной и редакціонной. Послѣднею, между прочимъ, предположены къ изданію слѣдующія книги: «Императоръ Александръ II», «О Суворовѣ», «Стихотворенія Лермонтова», народное изданіе въ одинъ листъ, и «Житіе Тихона Задонскаго». Новыхъ членовъ комитета въ этомъ засѣданіи избрано 14 человѣкъ.

Н. Т—въ.

Засѣданія общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея

19-го октября и 16-го ноября 1891 г.

Предсѣдательствовалъ, въ обоихъ засѣданіяхъ, генералъ-маіоръ А. Н. Макаровъ. Занятія состояли въ слѣдующемъ:

Въ самомъ началѣ засѣданія 19-го октября г. предсѣдатель предложилъ присутствующимъ почтить память покойнаго директора музея, В. П. Коховскаго, вставаніемъ.

Затѣмъ г. предсѣдатель указалъ на то, что вопросъ объ экзаменахъ, предлагаемый на обсужденіе гг. членовъ педагогическаго отдѣла, далеко не новый вопросъ. Болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ обсужденія этого вопроса въ печати, въ различныхъ совѣтахъ и собраніяхъ, нѣкоторыя вѣдомства дѣлали попытки замѣнить экзамены другими формами испытанія. Попытки эти не привели къ опредѣленному взгляду на цѣль и форму испытаній вообще; а между тѣмъ на практикѣ ясно обнаруживались неудобства экзаменовъ. Года два тому назадъ, вопросъ этотъ снова сталъ на очередь: осенью 1889 г. онъ былъ поднятъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ коммиссіею по составленію инструкціи для испытаній и перевода кадетъ изъ класса въ классъ; на петербургскомъ съѣздѣ по техническому образованію г. Фридрихсбергеръ сдѣлалъ докладъ по вопросу объ экзаменахъ, возбудившій большой интересъ и вызвавшій оживленныя пренія. Министерство Нар. Просв., 12-го марта 1891 г., установило правила объ испытаніяхъ, по § 36 которыхъ педагогическимъ совѣтамъ

гимназій и прогимназій предоставлено право перевода учениковъ въ высшіе классы безъ особаго испытанія. Въ циркулярѣ по С.-Петербургскому учебному округу № 5-й 1891 г. говорится: «Этимъ распоряженіемъ живое дѣло ученія освобождено отъ нѣкоторыхъ формальностей, способныхъ вести къ его пониженію; вызвана личная энергія преподавателей; установлена болѣе тѣсная связь между учащими и учащимися; знакомство съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности выдвинуто на первый планъ; наконецъ, поднято серьезное значеніе педагогическихъ совѣтовъ». Тотъ-же вопросъ поднимался за послѣднее время и въ педагогическихъ журналахъ: «Педагогическомъ сборникѣ», «Русской Школѣ» и «Женскомъ образованіи».

Педагогическій отдѣлъ музея не имѣетъ права отказаться отъ обсужденія этого вопроса. Онъ крайне сложенъ. Существуетъ много противниковъ, но много и защитниковъ экзамена: надобно выслушать тѣхъ и другихъ. Педагогическій отдѣлъ музея, въ составъ котораго входятъ гг. члены, преподающіе въ учебныхъ заведеніяхъ весьма разнообразныхъ типовъ, въ состояніи будетъ отнестись вполнѣ спокойно и безпристрастно къ этому вопросу.

А. Н. Острогорскій, приступая къ своему докладу объ экзаменахъ, предупредилъ слушателей, чтобы они не искали въ его докладѣ полноты и законченности: цѣлью его было только возбужденіе преній по такому сложному вопросу и желаніе придать этимъ преніямъ извѣстную систему. Противъ экзаменовъ дѣлается много справедливыхъ и вѣскихъ замѣчаній, но... чѣмъ замѣнить ихъ? Желательно было-бы выработать новую, лучшую систему испытаній, но при этомъ слѣдуетъ разработатъ ее въ деталяхъ. При строго дѣловомъ характерѣ работы, рѣшеніе педагогическаго отдѣла можетъ имѣть большое практическое значеніе и быть весьма интереснымъ для школы и педагогическихъ журналовъ. Господинъ докладчикъ ограничился сводомъ мнѣній *за* и *противъ* экзаменовъ и остановился только на *экзаменахъ*, не касаясь другихъ формъ испытанія учениковъ.

Всѣ доводы въ пользу и противъ экзаменовъ дѣлаются въ интересахъ учебной администраціи, учителей и учениковъ. Слѣдуетъ оцѣнить эти доводы принципіально, по степени ихъ важности. Экзамены и другія формы испытанія должны удовлетворять потребностямъ контроля, лучшаго усвоенія пройденнаго, опредѣленія степени подготовки учащихся и т. д. При такомъ разнообразіи экзаменаціонныхъ цѣлей необходима ихъ градація. По мнѣнію г. докладчика, первѣйшее назначеніе экзамена заключается въ повтореніи курса, для укрѣпленія знаній; на второмъ планѣ стоитъ опредѣленіе степени подготовленности ученика; на третьемъ — контроль надъ работою преподавателя и, наконецъ, на четвертомъ — устраненіе всего соблазнительнаго и вреднаго, что представляютъ для учениковъ экзаменаціонныя степени.

Въ интересахъ учебной администраціи, приводятся слѣдующіе доводы за и противъ экзаменовъ: говорятъ, что экзамены являются лучшимъ средствомъ контроля учебной работы учителей, ясно обнаруживающимъ результаты этой работы. Но контроль надъ работою учителя долженъ производиться въ теченіе года, и если на экзаменѣ администрація заведенія яснѣе увидитъ ошибки и сдѣлаетъ соотвѣтствующія указанія, то этими указаніями можетъ воспользоваться только составъ учениковъ слѣ-

дующаго года: для экзаменующихся они будутъ несвоевременны. Защитники экзаменовъ указываютъ, что сведеніе результатовъ испытанія также, какъ и замѣчанія ассистентовъ, очень полезны для учителей; но, по мнѣнію противниковъ, если экзаменъ является повѣркою суммы результатовъ, то преподаватель будетъ заботиться о результатахъ матеріальныхъ и отодвигать на второй планъ формальную цѣль обученія. По вопросу объ оцѣнкѣ познаній баллами говорятъ, что коллективная экзаменная коммиссія не можетъ рѣшать вопроса о годовыхъ занятіяхъ учениковъ; но и къ годовымъ балламъ преподавателя нельзя имѣть полнаго довѣрія, потому что, за недостаткомъ времени для основательнаго переспроса учениковъ, эти баллы часто представляютъ выводъ изъ случайныхъ отвѣтовъ. У разныхъ преподавателей существуетъ и разная оцѣнка баллами; коммиссія можетъ уравновѣсить эти различныя оцѣнки; но такое уровновѣшиваніе важно только на окончательныхъ, а не на переводныхъ испытаніяхъ. Преподавателю вполнѣ извѣстно, кто изъ учениковъ въ состояніи слѣдовать за курсомъ и кому изъ нихъ нужны особыя занятія для того, чтобы они могли догнать товарищей.

Въ интересахъ учениковъ, защитники экзаменовъ говорятъ, что приготовленіе къ нимъ приноситъ ученикамъ большую пользу, пріучая ихъ не разбрасываться въ работѣ, пріучая работать самостоятельно, систематически, заставляя связывать отрывочныя свѣдѣнія въ одно цѣлое. Возражаютъ на это, что ученики въ такомъ смыслѣ не повторяютъ курса, а просто заучиваютъ его къ экзамену по билетамъ, въ разбивку, торопливо читаютъ курсъ и часто готовятъ только начала билета; они не приводятъ въ связь своихъ свѣдѣній, потому что такая работа непосильна для нихъ. Повтореніе всего курса по отдѣламъ можетъ быть достигнуто и въ теченіе года. Говорятъ, что экзамены служатъ стимуломъ для занятій; но, возражаютъ на это, экзамены-то и создали типъ лѣнивыхъ, но способныхъ учениковъ, которые наскоро нахватываютъ матеріалъ и бойко отвѣчаютъ на экзаменѣ, между тѣмъ какъ трудолюбивые, но менѣе надѣленные способностями ученики теряютъ въ мнѣніи присутствующихъ, которые не могутъ принимать во вниманіе ихъ годовыхъ занятій. Къ экзаменамъ готовятся въ зависимости отъ вкусовъ проподавателя; пускаются въ ходъ различные обманы и уловки; ученики доходятъ до высшей степени нервнаго возбужденія; приходится откладывать экзамены по болѣзни, являющейся результатомъ безсонныхъ ночей. Чувства угнетенія и страха, вызываемыя экзаменами, не могутъ воспитать хорошихъ гражданъ. Лучше усилить работу въ году, но лѣтомъ предоставить полный отдыхъ; лучше уменьшить объемъ курса, чтобы облегчить его усвоеніе. Защитники экзаменовъ говорятъ, что утомленіе происходитъ отъ однообразія школьной жизни, въ особенности въ интернатахъ, и что экзамены дѣйствуютъ ободряющимъ образомъ, внося оживленіе и разнообразіе въ эту жизнь: слѣдуетъ только правильно распредѣлить экзаменаціонное время, и этимъ устанится утомленіе. Экзамены — такая привычная форма испытаній, отъ которой трудно отказаться, и надо очень осторожно приступать къ вопросу объ ихъ отмѣнѣ, убѣдясь, что тогда будутъ лучше работать въ теченіе года.

При всемъ различіи взглядовъ на способъ производства экзаменовъ, предложенія по этому вопросу можно подвести подъ слѣдующія катего-

ріи: 1) экзамены во всѣхъ классахъ и по всѣмъ предметамъ; 2) экзамены въ выпускномъ классѣ или для полученія правъ; 3) экзамены во всѣхъ классахъ, но только изъ тѣхъ предметовъ, курсъ которыхъ заканчивается въ данномъ классѣ; 4) экзамены для однихъ неуспѣвающихъ; 5) экзамены, въ случаѣ необходимости назначаемые начальникомъ заведенія среди учебнаго года; 6) производство экзаменовъ въ четыре періода въ теченіе года, при чемъ четвертый періодъ долженъ быть продолжительнѣе другихъ, такъ-какъ въ теченіе его производится испытаніе изъ всего курса; при такомъ условіи—переводъ по годовымъ балламъ.

По окончаніи доклада г. предсѣдатель предложилъ присутствующимъ сначала установить взглядъ на значеніе экзаменовъ, и затѣмъ уже идти дальше въ разсмотрѣніи вопроса.

И. С. Ремезовъ предложилъ расчленить предложенное на обсужденіе на два вопроса: а) о существѣ экзаменовъ и б) о формахъ ихъ производства, съ указаніемъ на недостатки той или другой формы. Въ экзаменѣ слѣдуетъ различать двѣ стороны: контрольную и педагогическую. Въ качествѣ контроля, экзаменъ необходимъ; съ педагогической стороны онъ полезенъ, потому что во время года вниманіе ученика сосредоточивается на частностяхъ курса, а къ экзамену дѣлается обзоръ всего предмета, общій отпечатокъ котораго остается въ душѣ ученика только при помощи экзамена. Если обратиться къ школьнымъ воспоминаніямъ, то нельзя не признать, что экзаменное время было самымъ лучшимъ временемъ жизни, память о которомъ жива у всѣхъ и до сихъ поръ. Возражающіе противъ экзаменовъ касаются не существа ихъ, а недостатковъ ихъ формы. Слѣдовало-бы уничтожить экзамены тамъ, гдѣ они излишни, какъ, напр., при переходѣ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, слѣдуетъ уничтожить экзамены по тѣмъ предметамъ, курсъ которыхъ одинаковъ въ обоихъ этихъ заведеніяхъ, ибо тутъ экзаменъ можетъ быть объясненъ только взаимнымъ недовѣріемъ различныхъ вѣдомствъ. Случайность экзаменовъ—ихъ главное больное мѣсто: знаніе билета служитъ на нихъ ручательствомъ за знаніе цѣлаго предмета. Если усовершенствовать форму производства экзаменовъ, то нельзя будетъ возражать противъ сущности ихъ.

Г. предсѣдатель замѣтилъ, что онъ не можетъ представить себѣ совершеннаго вида экзаменовъ.

Г. *Ремезовъ* отвѣтилъ, что онъ дѣлаетъ свое предложеніе въ видахъ упрощенія задачи: предполагая хорошее выполненіе экзаменовъ, разсмотрѣть, достигаютъ-ли они педагогической цѣли.

Г. *Путята* сдѣлалъ замѣчаніе, что предполагать идеальную форму экзаменовъ безполезно. Опытъ учебныхъ заведеній показываетъ, что экзаменъ никогда не соотвѣтствовалъ своей цѣли, а всегда приносилъ много зла. Лучше признать фактъ неудовлетворительности существующей системы, подумать о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать, и приняться за построеніе другой системы. На критической точкѣ зрѣнія останавливаться не стоитъ, потому что критика только затянетъ вопросъ, а слѣдуетъ рѣшить, какъ можно достигнуть цѣли контроля, правильнаго перевода и т. д. при минимальномъ примѣненіи экзамена.

Г. *Овсянниковъ* напомнилъ о томъ, что вопросъ объ экзаменахъ ста-

рый. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Н. И. Пироговъ отмѣнилъ было экзамены въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, но попытка его не увѣнчалась успѣхомъ, и они были снова введены. Въ 60—70-хъ годахъ покойный В. Я. Стоюнинъ въ «Вѣстн. Европы» написалъ громовую статью противъ экзаменовъ, но она осталась безъ послѣдствій. Сообщенные въ докладѣ доводы за и противъ экзаменовъ неполны; возраженія противъ нихъ имѣютъ характеръ общихъ мѣстъ: не хватаетъ статистическихъ данныхъ, а безъ нихъ доказательства не могутъ быть убѣдительными. Если уничтожить экзамены, то судьба ученика будетъ всецѣло зависѣть отъ учителя. Надо, чтобы семья довѣряла школѣ, а безъ экзаменовъ какъ-же она будетъ контролировать дурныя отмѣтки учителя? Если учитель, при отсутствіи экзамена, ошибся въ оцѣнкѣ ученика, то такая ошибка дѣлается непоправимою. Экзамены полезны своею контрольною стороною, и предоставлять все дѣло одному человѣку нельзя: кромѣ ошибокъ, со стороны учителя возможно и пристрастіе. Экзамены тѣсно связаны съ вопросомъ о баллахъ: если уничтожить экзамены, то надо уничтожить и отмѣтки. Между тѣмъ, и тѣ и другія служатъ стимулами для занятій учениковъ: одна чистая любовь къ ученію не будетъ побуждать къ занятіямъ; люди по природѣ своей нуждаются во внѣшнихъ побужденіяхъ; ученикамъ нужна острастка въ видѣ экзаменовъ; уничтоженіемъ экзаменовъ понизится уровень познаній учениковъ. Что касается до утомленія учениковъ, то оно происходитъ отъ множества занятій, а не отъ экзаменовъ.

Проф. *фанъ-деръ-Флитъ* высказался противъ примѣненія статистики для доказательства пользы новыхъ явленій въ жизни и педагогикѣ.

Г. *Смирновъ*, въ виду того, что наибольшее разногласіе возбуждается вопросомъ о формѣ экзаменовъ, предложилъ поставить задачу шире и принципіальнѣе: «полезны-ли *испытанія* въ концѣ года изъ пройденнаго годового курса»?

Г. *Острогорскій* заявилъ, что онъ не можетъ представить себѣ идеальнаго экзамена, разсматривая-же существующія его формы, видитъ въ нихъ, какъ онъ уже и заявилъ въ докладѣ, тройную цѣль: пользу для учебной администраціи и учителей, педагогическое ихъ значеніе для учениковъ и возможность опредѣлить права воспитанниковъ на переводъ. Наиболѣе важную сторону экзаменовъ видитъ г. докладчикъ въ доставленіи ученику возможности самостоятельно заняться предметомъ; оцѣнка балловъ имѣетъ второстепенное значеніе, а контроль и руководство учебной администраціи въ сравненіи съ важностью первой цѣли отодвигаются на третій планъ. Поэтому г. Острогорскій предлагаетъ поставить другой вопросъ: «побуждаютъ-ли экзамены къ самостоятельной работѣ, а если нѣтъ, то почему?»

Г. *предсѣдатель* не согласился съ постановкою вопроса, предложенною г. Смирновымъ, такъ какъ въ понятіи *испытаніе* еще не сговорились, и предложилъ сначала разсмотрѣть вопросъ объ извѣстной всѣмъ формѣ, а именно объ *экзаменахъ* со стороны интересовъ ученика.

Проф. *ф. д. Флитъ* признаетъ ненужность экзаменовъ въ нынѣшней ихъ формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость контроля, провѣрки познаній учениковъ.

Г. *предсѣдатель* поставилъ на обсужденіе вопросъ въ такой формѣ:

«необходимы-ли въ концѣ года экзамены, или-же систематическое повтореніе пройденнаго курса?»

Г. *Страннолюбскій* предложилъ прибавить слово «самостоятельное», т.-е. безъ помощи преподавателя. Затѣмъ онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, повторительная система не есть экзаменъ: она входитъ въ обязанности преподавателя и представляетъ собою одинъ изъ фазисовъ обученія. Вопросъ объ экзаменахъ очень важенъ для профессіональной школы, гдѣ съ экзаменами соединяется полученіе тѣхъ или другихъ правъ.

Г. *предсѣдатель* предложилъ при обсужденіи имѣть въ виду только заведенія общеобразовательныя.

Г. *Воронецкій*. Если допустить повтореніе безъ всякаго руководительства со стороны учителя, то дѣло ничуть не выиграетъ: тогда ученики, повторяя. какъ и теперь, приготовляясь къ экзамену, не будутъ дѣлать никакихъ обобщеній. Прежнія репетиціи имѣли цѣлью повтореніе подъ руководствомъ учителя.

Г. *Смирновъ*. Во многихъ случаяхъ и по многимъ предметамъ такая самостоятельная работа невозможна, въ особенности въ младшихъ классахъ, при подготовительномъ характерѣ извѣстныхъ отдѣловъ курса. Въ классахъ постарше самостоятельное повтореніе по учебнику можетъ принести пользу. Оно, собственно, возможно только въ старшихъ классахъ и нужно, когда заканчивается предметъ. Тогда оно должно производиться по особой, раціональной программѣ, въ которую вносится только существенное изъ пройденнаго курса.

Г. *Ковальскій* заявилъ, что и онъ имѣлъ въ виду обобщеніе при помощи преподавателя.

Г. *Овсянниковъ* замѣтилъ, что въ видѣ повторенія можетъ быть задаваема письменная работа на тему, касающуюся существенныхъ сторонъ курса.

По мнѣнію г. *Воронецкаго*, лучше обойтись безъ слова *самостоятельное* и такимъ образомъ расширить и упростить вопросъ: такъ называемое «самостоятельное» повтореніе, въ свою очередь, потребуетъ провѣрки, т.-е. того-же экзамена.

Проф. *ф. д. Флитъ*, возражая г. Смирнову, замѣтилъ, что преподаватель путемъ вопросовъ и программы долженъ руководить повтореніемъ; но такое повтореніе желательно и возможно не только тогда, когда заканчивается весь предметъ, но и тогда, когда пройденъ одинъ изъ отдѣловъ этого предмета, какъ, напр., въ ариѳметикѣ—повтореніе отдѣла о четырехъ дѣйствіяхъ, въ географіи—курсъ четырехъ частей свѣта и т. п. Съ этимъ мнѣніемъ оказался солидарнымъ и г. *Хорзеевъ*.

Г. *предсѣдатель* высказалъ, что онъ не понимаетъ, какая можетъ быть предварительная подготовка со стороны учителя; самостоятельная-же работа ученика по всему курсу невозможна, въ смыслѣ установленія самимъ ученикомъ связи между частями курса, въ смыслѣ приведенія въ систему разрозненныхъ знаній: если учитель и научитъ ученика пользоваться учебникомъ, то по учебнику ученикъ не замѣтитъ системы.

Г. предсѣдатель, въ виду поздняго времени, предложилъ продолжать пренія по поводу доклада г. Острогорскаго въ слѣдующемъ засѣданіи

общепедагогическаго отдѣла, начавъ ихъ съ обсужденія вопроса о томъ: какая форма удовлетворяетъ требованіямъ систематическаго повторенія курса въ концѣ учебнаго года, чтобы такое повтореніе было полезно ученикамъ.

Занятія въ засѣданіи 16-го ноября состояли въ слѣдующемъ:

I. Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II. Г. предсѣдатель сообщилъ о доставленныхъ въ Педагогическій музей резолюціяхъ постоянной коммиссіи по техническому образованію и предложилъ желающимъ изъ г.г. членовъ принять участіе въ разработкѣ поставленныхъ коммиссіею на очередь вопросовъ: а) о желательности періодической провѣрки зрѣнія учащихся; б) о желательности перехода отъ экзаменовъ къ другой формѣ испытаній; в) о необходимости физическаго образованія. Вопросъ о ручномъ трудѣ коммиссія оставила открытымъ до будущаго техническаго съѣзда.

III. За недѣлю до засѣданія 16 ноября, гг. членамъ общепедагогическаго отдѣла были разосланы слѣдующіе тезисы по вопросу объ экзаменахъ:

1) Имѣя въ виду двѣ стороны обученія — формальную и матеріальную — слѣдуетъ признать, что въ среднеучебномъ заведеніи первая сторона обученія имѣетъ преимущественное значеніе предъ второю.

2) Экзамены, вредно вліяя на формальное развитіе учащихся, не имѣютъ значенія и со стороны укрѣпленія въ ученикахъ цѣнныхъ знаній.

3) Экзамены, какъ форма испытанія, пользующаяся большимъ значеніемъ въ глазахъ учащихъ и учащихся, отвлекаютъ вниманіе тѣхъ и другихъ отъ правильной курсовой работы и тѣмъ тормазятъ достиженіе лучшихъ результатовъ обученія.

4) Экзамены оказываютъ вредное вліяніе на нравственное развитіе учащихся.

5) Экзамены, вызывая чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ учащихся, вредно отзываются на ихъ здоровьи.

6) Экзамены имѣютъ мало значенія какъ въ смыслѣ контроля годичныхъ занятій учителя, такъ и со стороны провѣрки знаній учащихся.

7) Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ достиженія успѣха въ обученіи слѣдуетъ признать повтореніе пройденнаго по отдѣламъ.

8) Общее повтореніе пройденнаго въ концѣ учебнаго года должно происходить непремѣнно подъ руководствомъ учителя и по особой сокращенной программѣ, отличной отъ программы преподаванія. Повтореніе это должно имѣть въ виду цѣли дидактическія, а не оцѣнку знаній учениковъ.

Прежде чѣмъ было приступлено къ обсужденію тезисовъ, г. предсѣдатель прочелъ краткую объяснительную записку, послужившую основаніемъ для ихъ постановки.

Изъ двухъ сторонъ обученія, формальной и матеріальной, первая имѣетъ болѣе важное значеніе. Знанія улетучиваются, а развитіе остается: такъ, учителя словесности окончательно забываютъ алгебру, а учителя математики—исторію. Главная задача обученія состоитъ въ развитіи способностей учащихся; матеріальная сторона важна только тѣми навы-

ками, которые даются ученикамъ, какъ, напр., умѣнье правильно писать, умѣнье дѣлать математическія выкладки и т. д. Формальное развитіе зависитъ отъ способа работы съ учениками въ теченіе года, при спокойномъ состояніи ихъ духа. *Годовыя* занятія въ особенности важны, а экзамены только вредятъ физическому и умственному развитію учащихся: возбужденное состояніе, напряженная работа въ теченіе шести недѣль, раннее вставанье, недостатокъ сна, путаница понятій, главнымъ источникомъ которой является случайный порядокъ экзаменовъ,—все это громко говоритъ противъ нихъ. Сторонники экзаменовъ говорятъ, что они укрѣпляютъ знанія; но и въ этомъ отношеніи ихъ польза ничтожна: есть предметы, какъ, напр., иностранные языки, по которымъ никто не требуетъ экзамена, такъ какъ всѣ признаютъ его ненужность въ смыслѣ укрѣпленія знаній по этимъ предметамъ. Говорятъ, что экзамены заставляютъ повторить цѣлый отдѣлъ, пропущенный ученикомъ, напр., по болѣзни; но въ такомъ случаѣ вина лежитъ на преподавателѣ: какъ-же онъ не замѣтилъ такого крупнаго пропуска и не принялъ своевременно мѣръ для пополненія такого пробѣла? Говорятъ, что, по отмѣнѣ экзаменовъ, ученики старшихъ классовъ будутъ плохо знать пройденное въ низшихъ классахъ; но плохое знаніе пройденнаго встрѣчается и теперь, при существованіи экзаменовъ: временно закрѣпленное экзаменомъ исчезаетъ очень быстро. Въ настоящее время семибалльный ученикъ, получившій на экзаменѣ восемь или девять балловъ, удостоивается похвалъ со стороны начальства; многіе придаютъ экзаменной отмѣткѣ бо̀льшее значеніе, чѣмъ годовой; обстановка экзамена отличается торжественностью—все это имѣетъ большое вліяніе на учащихся, и они придаютъ экзаменамъ очень высокую цѣну. Экзамены успокаиваютъ преподавателей и начальство по отношенію къ промахамъ, сдѣланнымъ въ теченіе года; хотя эти промахи и сознаются, но они заглаживаются въ глазахъ присутствующихъ тѣмъ, что въ общемъ выводѣ экзаменъ прошелъ удовлетворительно. Отмѣною экзаменовъ мы подымемъ значеніе годичныхъ занятій въ глазахъ учениковъ. Контроль надъ занятіями долженъ быть въ теченіе всего учебнаго года, и начальство въ году должно принимать надлежащія мѣры для предупрежденія или поправки промаховъ со стороны учащихъ и учащихся.

Затѣмъ г. предсѣдатель предложилъ обсудить первые шесть тезисовъ и рѣшить вопросъ о желательности или нежелательности экзаменовъ, а затѣмъ уже перейти къ обсужденію вопроса о томъ, чѣмъ могутъ быть замѣнены экзамены.

Проф. *Быстровъ* указалъ на особо важное значеніе пятаго тезиса. Много и давно говорятъ и пишутъ о вредѣ переутомленія дѣтей школьными занятіями. Фактъ такого вреда вполнѣ установленъ людьми компетентными и безпристрастными. Знакомство съ дѣтскимъ организмомъ указываетъ на то, что въ школу отдаются здоровыя дѣти, а возвращаются изъ нея хилыя и болѣзненныя. Школьныя занятія требуютъ затраты силъ со стороны ребенка; но нужно, чтобы внѣ этой затраты оставался извѣстный плюсъ этихъ силъ, необходимый для дальнѣйшаго физическаго развитія дѣтскихъ организмовъ. Въ этомъ отношеніи экзамены имѣютъ вредное вліяніе: вслѣдствіе усиленнаго напряженія силъ въ теченіе шести недѣль, когда все въ природѣ живетъ и разцвѣтаетъ,

у дѣтей является ускоренное дыханіе, неправильное пищевареніе, крайняя раздражительность, бредъ при недостаткѣ сна и т. д. Профессоръ указалъ на два случая изъ своей практики: вполнѣ здоровый мальчикъ 12 лѣтъ получилъ единицу на экзаменѣ, и это такъ на него подѣйствовало, что пришлось обратиться за медицинскою помощью. Профессоръ засталъ его съ температурою 40^0, повторяющимъ въ бреду: «какъ онъ несправедливъ! какъ онъ несправедливъ!» Пятнадцатилѣтняя барышня цвѣтущаго здоровья, прекрасно занимавшаяся въ теченіе года, во время экзаменовъ худѣла, блѣднѣла и, наконецъ, съ нею сдѣлались жесточайшіе истерическіе припадки, такъ что спасти ее можно было только окончательнымъ устраненіемъ отъ экзамена. Даже и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ экзаменуются молодые люди 23—25 лѣтъ, съ установившимися натурами, подвергающіеся экзамену блѣднѣютъ, у нихъ холодѣютъ руки, даже хорошо знающіе путаются въ отвѣтахъ, что совершенно понятно въ виду безсонныхъ ночей, обыкновенно предшествующихъ экзамену.

Г. *Каптеревъ* привелъ историческую справку относительно экзаменовъ. Указаніе на нихъ встрѣчается еще у Страбона, въ первой четверти девятаго вѣка. Въ средніе вѣка экзамены пріобрѣли весьма важное значеніе, и понятно почему: при отсутствіи книгопечатанія и при дороговизнѣ рукописей словесныя испытанія, упражненія въ діалектикѣ были естественнымъ явленіемъ; руководство образованіемъ было въ рукахъ духовенства, которое и придало ему, такъ сказать, боевой характеръ: оно служило средствомъ для борьбы съ еретиками, для защиты православія. Парадная сторона пріобрѣла очень видное мѣсто въ защитѣ диссертацій, въ процессіяхъ, въ дѣйствіяхъ... Но съ теченіемъ времени образованіе принимаетъ болѣе простой, не боевой характеръ, и парадная сторона мало-по-малу становится излишнею. Существованіе экзаменовъ въ настоящее время объясняется искусственностью нашего образованія; когда исчезнетъ эта искусственность, исчезнутъ и экзамены. У насъ, напримѣръ, существуетъ публичная защита диссертацій, какъ условіе, будто-бы необходимое для полученія ученой степени; на самомъ-же дѣлѣ степень дается за ученый трудъ, и если трудъ хорошъ, то и неумѣлая защита его на публичномъ диспутѣ не можетъ служить основаніемъ для лишенія автора ученой степени.

Докторъ *Дегтяревъ*. Съ усиленіемъ умственной работы усиливается и приливъ крови къ мозгу, что несомнѣнно вредно дѣйствуетъ на неукрѣпленный мозгъ дѣтей. Учащіеся въ школѣ могутъ быть подраздѣлены на три категоріи: одни изъ нихъ уже нервными поступаютъ въ школу, другіе дѣлаются нервными подъ вліяніемъ невыгодныхъ условій городской и школьной жизни, третьи справляются съ этими условіями. Здоровье учащихся первыхъ двухъ категорій несомнѣнно расшатывается экзаменами, часть которыхъ, и притомъ самыхъ трудныхъ, совпадаетъ съ періодомъ половаго развитія. Безъ экзаменовъ, сѣмена нервности, принесенныя изъ дому или зароненныя школою, не развились-бы окончательно: вѣдь и зародыши чахотки переживаются при благопріятныхъ условіяхъ. Поэтому нельзя напирать на тѣ организмы, у которыхъ есть шансы на спасеніе.

Докторъ *Виреніусъ* замѣтилъ, что основы экзаменовъ слѣдуетъ искать въ Пруссіи. Въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія тогдашній министръ Велькеръ установилъ examen rigorosum, цѣлью котораго было, такъ

сказать, «очищеніе» контингента желающихъ поступить въ университетъ. Несмотря на то, что деканы университетовъ не сочувствовали Велькеру и задерживали примѣненіе его требованій, несмотря на протесты писателей, доказывавшихъ вредное вліяніе школъ на здоровье учащихся, экзамены все-таки продолжались. Каково-же ихъ вліяніе? Учащіеся во время экзамена находятся въ тоскливомъ настроеніи, въ страхѣ; въ школѣ устанавливается тяжелая экзаменаціонная атмосфера, охватывающая не только учениковъ, но и родителей, и преподавателей. У учащихся замѣчается сокращеніе сосудовъ, ослабленіе мышцъ; понижается жизнедѣятельность организма—и въ это-то именно время въ учениковъ вливается наибольшее количество учебнаго матеріала: при такихъ условіяхъ работаетъ только память, а рефлексія молчитъ. Замѣчено, что ученики ежегодно, начиная съ января мѣсяца, слабѣютъ, и ослабленіе это увеличивается ко времени экзаменовъ. Большинство оканчивающихъ курсъ страдаетъ нервными болѣзнями. Всѣми этими данными устанавливается тотъ фактъ, что экзамены вредно отзываются на здоровьѣ учениковъ не только въ школѣ, но и въ жизни.

Докторъ *Энько* замѣтилъ что въ идеальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, экзамены излишни; но что при настоящихъ условіяхъ они нужны, какъ средство провѣрки, отдѣленія больныхъ, переутомляющихся, какъ просѣиваніе въ видахъ опредѣленія тѣхъ, кто достаточно силенъ для дальнѣйшаго курса и для жизненной дѣятельности.

Въ отвѣтъ на это, г. *Страннолюбскій* выразилъ желаніе, чтобы такое просѣиваніе происходило не въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а г. *предсѣдатель* замѣтилъ, что для выдѣленія слабыхъ существуютъ и другія мѣры.

Г. *Хорзеевъ* высказалъ, что сохраненіе или отмѣна экзаменовъ не имѣетъ существеннаго значенія при настоящей постановкѣ дѣла въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, что и безъ экзаменовъ нынѣшній учебный курсъ слишкомъ утомителенъ для учениковъ, что слѣдовало-бы измѣнить не одну систему экзаменовъ, а весь строй школьной жизни.

По мнѣнію г. *Страннолюбскаго*, для такой постановки вопроса слѣдовало-бы доказать, что экзаменъ необходимо вытекаетъ изъ существующаго строя учебныхъ заведеній, а такъ какъ этого доказать нельзя, то отмѣна экзамена не повлечетъ за собою тяжкихъ послѣдствій. Экзамены успокаиваютъ начальство и учителей; безъ нихъ будутъ серьезнѣе относиться къ обученію въ году. Переводы изъ класса въ классъ могутъ производиться совѣтомъ, состоящимъ изъ инспектора, учителей и воспитателей, и при такой системѣ можно лучше оцѣнить ученика. Потому-то экзамены можно уничтожить и не измѣняя строя учебныхъ заведеній.

Г. *Дегтяревъ* замѣтилъ, что даже усиленный, но ровный и спокойный умственный трудъ далеко не такъ вреденъ, какъ измѣненіе эмоцій во время экзамена, какъ переходъ отъ надежды къ страху, отъ радости къ горю, и обратно. Если отмѣна экзамена и не дастъ преподавателямъ возможности справляться съ слишкомъ обширнымъ курсомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Хорзеевъ, то она во всякомъ случаѣ принесетъ пользу здоровью учениковъ и будетъ имѣть важное значеніе въ смыслѣ перваго шага на пути улучшенія курса.

Г. *предсѣдатель*, признавая, что преніями вполнѣ подтвердился тезисъ

о вредномъ вліяніи экзаменовъ на физическое развитіе учащихся, прибавилъ, что на вредное ихъ вліяніе съ нравственной стороны уже было указано въ докладѣ г. Острогорскаго.

Г. *Страннолюбскій* прибавилъ, что на техническомъ съѣздѣ поднимался этотъ вопросъ, и всѣ согласились въ зловредности экзаменовъ въ нравственномъ отношеніи: они идутъ въ разрѣзъ съ воспитательными цѣлями.

Г. *Карцевъ,* оговорившись, что онъ не принадлежитъ къ числу защитниковъ экзамена, попросилъ позволенія внести поправку во второй и шестой тезисы, замѣнивъ въ нихъ отрицаніе *не* словомъ *мало.* Въ опроверженіе формулировки второго тезиса г. Карцевъ сослался на фактъ, замѣченный нѣсколькими преподавателями въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи: когда лучшихъ учеиицъ начали переводить безъ экзамена, то въ слѣдующіе годы было замѣчено, что познанія ихъ стали слабѣе.

Въ отвѣтъ на это г. *предсѣдатель* замѣтилъ, что фактъ ослабленія знаній еще нельзя относить къ одной причинѣ, и именно къ уничтоженію экзаменовъ: по нѣкоторымъ предметамъ въ женскихъ гимназіяхъ экзаменовъ не полагается, но нельзя сказать, что по этимъ предметамъ знанія учеиицъ сравнительно слабѣе. Существуютъ и факты прямо противоположные: ученикъ переходитъ изъ IV въ V классъ съ 10-ю баллами, въ пятомъ классѣ попадаетъ въ число неудовлетворительныхъ и остается на второй годъ въ томъ-же классѣ; но развѣ изъ этого можно сдѣлать какой-нибудь выводъ? Г. предсѣдатель сослался на примѣръ изъ своей практики, въ качествѣ директора: когда были отмѣнены экзамены для всѣхъ, имѣвшихъ 8 балловъ въ среднемъ выводѣ, а такихъ приходилось человѣкъ 10—12 на классъ, состоявшій изъ 28-ми человѣкъ, то у неподвергавшихся экзамену пониженія уровня знаній не было замѣчено. По отношенію къ шестому тезису г. предсѣдатель замѣтилъ, что серьезный контроль за работой преподавателя во время экзаменовъ невозможенъ, такъ какъ по экзамену нельзя составить правильнаго понятія о самомъ курсѣ. Директоръ можетъ ежедневно контролировать учителя. Неужели-же вмѣсто такого контроля достаточно двухчасоваго присутствія его на экзаменѣ? Надо принимать во вниманіе и множество случайностей, представляемыхъ экзаменами, и то «навастриваніе» къ экзаменамъ, которое отнюдь нежелательно.

Г. *Хорзеевъ* замѣтилъ, что экзамены не укрѣпляютъ знаній уже потому только, что ученикъ обыкновенно не успѣваетъ даже и прочесть всего, что требуется на экзаменѣ; а г. *Дегтяревъ* прибавилъ, что укрѣпляются знанія постепеннымъ трудомъ, бѣглое-же чтеніе, вызываемое необходимостью экзаменаціонной подготовки, только расшатываетъ пріобрѣтенныя свѣдѣнія.

Въ виду всего сказаннаго, отрицаніе *не* было замѣнено словомъ *мало* только въ шестомъ тезисѣ. За позднимъ временемъ, чтеніе второй части объяснительной записки, по вопросу о замѣнѣ экзаменовъ другими формами испытанія, а также и обсужденіе седьмаго и восьмаго тезисовъ отложено до слѣдующаго засѣданія. В. Г.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на ежедневную газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1892 годъ.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ, постоянно пополняясь различными отдѣлами, согласно своей обширной программы.

Главное вниманіе редакціи обращено на возможно широкое развитіе областнаго отдѣла, сельско-хозяйственнаго и торгово-промышленнаго.

Въ газетѣ постоянно печатаются **обстоятельныя торговыя свѣдѣнія и цѣны орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.** На вѣрность торговыхъ сообщеній обращается особое вниманіе.

Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Орловской и смежныхъ губерній редакція имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города на годъ **7** рублей

11 м. 6 р. 50 к.	7 м. 4 р. 50 к.	3 м. 2 р. 40 к.
10 » 6 » — »	6 » 4 » — »	2 » 1 » 70 »
9 » 5 » 50 »	5 » 3 » 50 »	1 » — » 90 »
8 » 5 » — »	4 » 3 » — »	1/2 » — » 50 »

Подписка принимается **и съ разсрочкой**

на слѣдующихъ условіяхъ: по полугодіямъ—**въ январѣ и іюнѣ** по 3 р. 50 к., по третямъ года—**въ январѣ, апрѣлѣ** и **іюлѣ** по 2 р. 35 к., **помѣсячно**—по 1 р. и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторы, условіяхъ.

Для ознакомленія газета высылается безплатно.

Подписка также принимается на всѣ сроки и **съ каждаго числа текущаго мѣсяца**, но тогда къ подписной цѣнѣ срока приплачивается, только иногородными, за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, при книжн. магазинѣ и публичной библіотекѣ «Орлов. Вѣстн.», Болховская, д. 17. Въ книжн. маг. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зиновьевской, д. 2, близъ корпуса. *Въ Ельцѣ:* въ конторѣ компаніи «Надежда» у г. Рощупкина и въ книжной лавкѣ Давыдова, на Торговой улицѣ. *Въ Москвѣ и Петербургѣ* во всѣхъ конторахъ объявленій. *Въ Курскѣ:* книжные магазины Кашкина и Переплетенко. *Въ Варшавѣ:* въ агентствѣ объявленій Райхмана. *Въ Парижѣ:* въ агентствѣ объявленій и телеграммъ Гаваса и К°, Place de la Bourse, 8.

3—2

Открыта подписка на 1892 годъ

на старѣйшій русскій еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

(XXIV годъ изданія—въ годъ свыше 1.000 рисунковъ и 3.000 столбцевъ текста)

съ приложеніемъ 12-ти книжекъ литературно-научнаго журнала

ТРУДЪ.

Въ годъ около 3.000 страницъ большаго формата и убористой печати.

Роскошное изданіе журнала **«Всемірная Иллюстрація»** печатается на веленевой бумагѣ и разсылается по почтѣ безъ сгибанія.

Кромѣ 12 книжекъ **«Труда»** (удвоеннаго объема), всѣ годовые подписчики **«Всемірной Иллюстраціи»** получатъ еще особое литературно-художественное приложеніе —

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ А. В. КОЛЬЦОВА,

изящно изданное, украшенное портретомъ автора и рисунками и виньетками нашихъ талантливыхъ иллюстраторовъ.

Въ это изданіе стихотвореній даровитѣйшаго самороднаго русскаго поэта войдутъ какъ всѣ прежде напечатанныя, такъ и **новыя, неизданныя сочиненія.** Редакцію этого изданія принялъ на себя извѣстный нашъ библіографъ **П. В. Быковъ.**

ПОДПИСЧИКИ НА РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛУЧАТЪ:

Кромѣ собранія стихотвореній А. В. Кольцова **въ изящномъ переплетѣ** еще:

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ СКУЛЬПТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ,

наиболѣе извѣстныхъ, переданныхъ въ образцовыхъ гравюрахъ.

На журналъ «ТРУДЪ» принимается также отдѣльная подписка.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

„ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ" съ 12 книжками „ТРУДА" на 1892 годъ:

Въ С.-Петербургѣ, при подпискѣ въ главной конторѣ, Садовая, № 22, **безъ доставки.**	**12 р.**	**Въ С.Петербургѣ съ доставкою**	**14 р.**
Въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжн. маг. А. Ланга, на Кузнецк. Мост., 2) въ конт. Н. Н. Печковской, Петровск. л., **безъ доставки**	**14 р.**	**Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи.** За границу . 18 р.	**15 р.**

Цѣна роскошному изданію безъ дост. 20 руб., съ дост. и перес. 25 руб.; въ Москвѣ безъ дост. 22 руб., за границу 30 руб.

«Трудъ» отдѣльно: во всей Россіи съ дост. и пересылк. 6 руб., за границу 9 руб.

Для гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается подписка **съ разсрочкою (непосредственно въ редакціи).** съ ручательствомъ гг. казначеевъ.

Подробное объявленіе высылается по первому требованію **безплатно.**

Редакція и главная контора журналовъ «Всемірная Иллюстрація» и «Трудъ»:
С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„РУССКАГО ПАЛОМНИКА"

о подпискѣ на 1892-й годъ.

Открывая съ 19-го октября подписку на «Русскій Паломникъ» 1892 года, мы не будемъ распространяться о его задачахъ и цѣляхъ: въ теченіи семилѣтняго существованія «Русскаго Паломника», онѣ достаточно выяснились для нашихъ читателей. Ограничимся напоминаніемъ, что, представляя собой первый опытъ изданія въ Россіи иллюстрированнаго журнала религіозно-нравственнаго содержанія, «Русскій Паломникъ» имѣлъ въ виду дать православному русскому обществу и народу, православной русской семьѣ и школѣ, назидательное и вмѣстѣ интересное чтеніе въ формѣ сколько общедоступной, столько же и вполнѣ литературной. Многочисленные рисунки въ текстѣ служатъ какъ для поясненія текста, такъ и для возбужденія въ читателяхъ большаго интереса къ тому роду литературныхъ произведеній, которыя составляютъ содержаніе «Русскаго Паломника».

Насколько предположенная задача выполнена редакціею, пусть судятъ читатели. Но въ виду того, что «Русскій Паломникъ» удостоился одобренія всѣхъ вѣдомствъ и что подписка на него ежегодно возвышается, чѣмъ мы пріобрѣли возможность увеличить съ начала текущаго 1891 года и количество выпускаемыхъ листовъ въ журналѣ и книжкахъ, и количество рисунковъ,—мы позволяемъ себѣ думать, что задача нашего изданія выполнялась нами болѣе или менѣе удовлетворительно. По крайней мѣрѣ, мы старались этого достигнуть, насколько хватало нашихъ силъ и средствъ.

Обѣщая съ прежнимъ усердіемъ трудиться и въ наступающемъ 1892 году, мы, конечно, не преминемъ сдѣлать въ журналѣ всякія улучшенія и усовершенствованія, какія потребуются.

Между прочимъ, въ журналѣ будутъ продолжаться:

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ,

съ подлиннымъ текстомъ Священнаго Писанія, и начатый въ нынѣшнемъ году

ДНЕВНИКЪ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Въ прилагаемыхъ къ журналу отдѣльныхъ книжкахъ будутъ помѣщены:

ВѢКЪ АПОСТОЛЬСКІЙ,

исторія христіанской церкви первыхъ вѣковъ, которая можетъ служить продолженіемъ знаменитаго произведенія Дидона, печатающагося въ «Русскомъ Паломникѣ» въ нынѣшнемъ году.

БИБЛЕЙСКІЕ МУЖИ,

отдѣльныя жизнеописанія изъ того собранія, къ которому принадлежатъ помѣщенныя въ предыдущихъ годахъ жизнеописанія Праотца Авраама и Боговидца Моисея.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ.

Въ видѣ **безплатной премiи** будетъ дана отпечатанная красками картина класснаго художника 1-й степени С. Я. Лучшева:

ЧУДО МИЛОСТИ БОЖІЕЙ 17-го ОКТЯБРЯ 1889 ГОДА,

высоко художественное произведеніе даровитаго художника, писанное на конкурсъ и изображающее тезоименитыхъ Августѣйшему Семейству святыхъ и Господа Саваоѳа, посылающаго съ небесъ Ангела для охраны Царя, Царицы и дѣтей Ихъ.

Кромѣ того, редакція предоставляетъ новымъ подписчикамъ на «Русскій Паломникъ», не получавшимъ нашъ журналъ въ настоящемъ году, право получить

ПОРТРЕТЪ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО,

за 60 коп., съ упаковкою и пересылкою.

Подписная цѣна «Русскаго Паломника» на годъ **6** рублей.

Адресъ редакціи «Русскаго Паломника»: С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, 13.

3—2 Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ, СПЕЦІАЛЬНЫЙ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“.

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г. ежемѣсячно (каждое 15-е число) книжками in-8°, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печатныхъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА состоитъ изъ слѣдующихъ 5-ти отдѣловъ:

1) Библіографія, ея исторія и обозрѣніе книгохранилищъ. 2) Критика. 3) Книжное и типографское дѣло прежде и теперь. 4) Извѣстія и замѣтки изъ книжнаго и ученаго міра. 5) Вопросы и отвѣты по библіографіи. Смѣсь. — **Приложенія:** 1) Капитальныя изслѣдованія по библіографіи. 2) Лѣтопись русскаго книгопечатанія. 3) Книжныя новости антикварнаго магазина Шибанова и другихъ книгопродавцевъ.

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.

Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересылкою . . .	6 р.	— к.
За границу	7 »	— »
На другіе сроки подписка не принимается.		
Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ . . .	— »	75 »
Съ доставкою и пересылкою	1 »	— »
Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ доставкою и пересылкою	15 »	— »

Плата за объявленія:

Полная страница	20 р.
Половина страницы, или одинъ полный столбецъ .	12 »
Четверть страницы, или половина одного столбца.	7 »
1/8 страницы или 1/4 столбца	4 »

Редакторъ **А. Н. Соловьевъ.**
Издатель **П. П. Шибановъ.**

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровскія линіи, антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву, въ главную контору редакціи.

Открыта подписка на 1892 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.		По полугодіямъ.				По четвертямъ года.						
			Январь.		Іюль.		Январь.		Апрѣль.		Іюль.		Окт.
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.
Безъ доставки въ конторѣ журнала............	12	—	6	—	6	—	3	—	3	—	3	—	3
Съ доставк. въ Спб.....	12	50	6	50	6	—	3	50	3	—	3	—	3
Съ пересылкой въ предѣлахъ имперіи........	13	50	7	—	6	50	3	50	3	50	3	50	3
За границей............	15	—	8	—	7	—	4	—	4	—	4	—	3

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ подписка по полугодіямъ и по четверт. года принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: *Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9,* и въ отдѣленіяхъ Конторы—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга, бывш. Мелье, Невскій пр., 20, и въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46; Москва — Моховая, д. Кохъ, Варшава—Новый свѣтъ, д. 67, а также въ книжн. магаз. И. А. Розова въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостиный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Въ теченіи 1891 года въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

«Въ отъѣздъ», пов. П. Боборыкина; «Деревенская идиллія», пов. К. Баранцевича; «Передъ потухшимъ камелькомъ», разск. П. Засодимскаго; «Крылатое слово», очеркъ, «Не герой», романъ И. Потапенко; «Вѣчная загадка», С. Терпигорева; «Police verso», А. Луговою; «Въ тихихъ водахъ», М. Альбова; «Вѣрный рабъ», пов., и «Платина», очеркъ Д. Мамина-Сибиряка; «Бѣдный Іорикъ», пов. В. Михѣева; «Переписка и замѣтки», Ѳ. М. Достоевскаго; «Хуторки», поэма Я. Полонскаго; «Новыя вѣянія», ром. Бьернстьерна Бьернсона, перев. съ норвежск. М. Лучицкой; «Гедда Габлеръ», драма Ибсена, перев. съ датскаго П. Ганзена. СТАТЬИ: «Въ трущобахъ Англіи», проф. И. Янжула; «Земледѣліе и физіологія растеній», проф. К. Тимирязева; «Что могутъ сдѣлать въ пользу сельскаго хозяйства наши ежемѣсячные журналы», «Нуждается-ли русская женщина въ спеціальн. сельско-хозяйст. образованіи», проф. И. Стебута; «Техника переписей населенія», проф Ю. Янсона; «Рембрандтъ, какъ воспитатель», «Москва и ея двѣ выставки» и др. В. Стасова; «Царство двухъ монаховъ», истор. очерки А. Михайлова (Шеллера); «Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи», проф. И. Лучицкаго; «Школы грамотности и вольные учителя», А. Пругавина; «Пушкинъ въ польской новѣйшей литературной критикѣ», В. Спасовича; «Нравственная философія гр. Льва Толстого», А. Волынскаго; статьи проф. Иванюкова, проф. Скворцова, проф. Холодковскаго, проф. Анучина, Владиміра Соловьева, ежемѣсячныя «Литературныя замѣтки», А. Волынскаго, и «Письма изъ Америки» Макъ-Гаханъ.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. Редакторъ М. Н. Альбовъ.

XXVIII ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ГОДЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

въ 1892 году.

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Программа «Литературныхъ Семейныхъ Вечеровъ»:

1) Стихотворенія, романы, повѣсти, разсказы лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. 2) Очерки народныхъ обычаевъ, преданій разныхъ странъ. Картины частной жизни разныхъ эпохъ. 3) Жизнеописанія святыхъ подвижниковъ, біографіи свѣтилъ науки, знаменитыхъ путешественниковъ, общественныхъ, литературныхъ, государственныхъ дѣятелей, художниковъ, музыкантовъ и т. д. 4) Путешествія. 5) Популярныя статьи по богословію, исторіи, живописи, литературѣ, архитектурѣ, скульптурѣ и всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Приложеніе наукъ къ практической жизни и промышленности. 6) Разборы выдающихся сочиненій. 7) Новѣйшія путешествія, миссіонерская дѣятельность, изобрѣтенія и открытія, усовершенствованія, событія политической жизни. 8) Гигіена, домашняя медицина, сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство, огородничество и садоводство. 9) Научная хроника и Смѣсь. Совѣты и рецепты, игры, развлеченія, занятія, шарады, ребусы, задачи и т. п. Въ настоящее время въ портфели редакціи «Литер. Сем. Вечер.» собрано много новостей оригинальной русской литературы и редакція надѣется занять литературные вкусы публики какъ разнообразіемъ матеріала, такъ и по качествамъ его.

Журналъ, держась прежняго **православно-нравственнаго** направленія, какъ и въ прошедшіе годы, будетъ выходить въ двухъ отдѣлахъ: 1) **Для семейнаго чтенія** и 2) **Отдѣлъ для дѣтей** (два возраста). Каждый отдѣлъ будетъ состоять изъ 12 книжекъ. Кромѣ того, редакція, не стѣсняясь громадными затратами, сочла возможнымъ, кромѣ обычныхъ прибавленій (разныхъ чертежей, образцовъ токарныхъ и выпиловочныхъ издѣлій, дѣтскихъ рукодѣлій, хромолитографированныхъ картинъ къ баснямъ Крылова и т. п.) дать безплатно въ видѣ **ПРЕМІИ** всѣмъ годовымъ подписчикамъ обоихъ отдѣловъ **Сочиненіе С. Т. Аксакова:**

„Дѣтскіе годы Багрова внука“,

съ гравированнымъ портретомъ автора. Книга эта состоитъ изъ 21 печатнаго листа, переплетена въ художественно исполненный переплетъ. Эта премія, какъ по своему литературному значенію. такъ и по внѣшней отдѣлкѣ можетъ служить украшеніемъ любой библіотеки.

Не смотря на громадныя затраты, вызванныя этой преміей, цѣна журнала въ текущемъ году остается та-же:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.
Полный журналъ (24 книжки)	**10 р.**	**11 р. — к.**
Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ)	**5 »**	**5 » 50 »**
» » » семейнаго чтенія и юношества (12 книгъ)	**5 »**	**5 » 50 »**

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 р. **Для земскихъ школъ**, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ— за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подписчиковъ — по соглашенію съ редакціей. Разсрочка по третямъ допускается не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Журналъ въ текущемъ году будетъ находиться подъ редакціей **А. Германъ**, при непосредственномъ участіи въ дѣлахъ редакціи **А. Б. Гремина.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала «Литературные Семейные Вечера». С.-Петербургъ, въ типо-литографіи Э. Е. Аргнольда, Литейный, 59.

Издатель **Э. Е. Аргнольдъ.** Редакторъ **А. Германъ.**

3—2

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ: Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика, т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера; кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой. При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.